

ЭДИТА

ВЫПУСК 39

ЭДИТА

№39

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают

*Графика обложки — нейросеть **robotext.io***

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-911546-08-9

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Дмитрий Игнатов

Воронеж

8К, ИЛИ КАМЕРНЫЙ КЛУБ
КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

У вас есть девушка? Как бы вы ни ответили на этот вопрос, это не важно для моей истории, потому что она не о девушке, а о хобби. Кстати, у вас есть хобби? Если нет, то непременно заведите себе хобби. Поверьте, зачастую это важнее, чем завести кота. И даже важнее, чем завести девушку.

А знаете ли вы, что в отличие от котов, которым всё равно, девушки по отношению к хобби делятся на два типа. Первым интересно, чем занимаетесь вы. Они с интересом суют свой любопытный нос, заглядывая вам через плечо, задают вопросы. Иногда восхищаются, но часто оказываются совершенно разочарованы, на какую ерунду вы тратите своё время, и в лучшем случае молчат. Вторых больше волнуют свои занятия, и они будут посвящать им часы, дни, месяцы, а то и годы. Они будут или без умолку рассказывать вам о них, а могут молчать так, словно это нечто сокровенное, не предназначенное для постороннего глаза.

Катя относится к обоим типам. И это подчёркивает относительность и ущербность любых подобных классификаций. Впрочем, сама она так не думает. И если спросить её сейчас, какая она, то скорее всего она выдаст чёткий набор, по её мнению, строгих определений: высокая, стройная, умная, блондинка. И это будет правдой.

— Умная блондинка — это оксюморон,— выдаю я банальнейшую шутку, на которую она уже не обижается, но над которой я сам по-прежнему смеюсь.

— Ты сам смеёшься над своими шутками,— спокойно замечает Катя очевидный факт, вновь опуская глаза к своему монитору.

— Да,— соглашаюсь я лишь для того чтобы продолжить спор,— но только потому, что они смешные.

— Нет,— отвечает Катя, хватая наживку,— Только потому что они твои. Над моими смешными шутками ты не смеёшься.

— Хочешь сказать, что у тебя бывают смешные шутки?

— Сейчас ты скажешь, что "мои смешные шутки" — это тоже оксюморон. Может, это потому что ты наконец выучил слово "оксюморон"?

— Ой, не смей меня!

— Вот видишь, значит, у меня бывают смешные шутки.

Ощущая свою быструю победу в этой лёгкой словесной пикировке, Катя слегка улыбается и продолжает работать.

Мы сидим напротив друг друга, хотя фактически занимаемся совершенно разной работой, но формально относимся к одному отделу. Интересно, какому умнику пришла в голову идея, что всех работающих исключительно на компьютере специалистов необходимо отнести в "IT". Архитекторы тоже много работают на компьютере, и тоже "рисуют картинки", но почему-то их не смешивают с дизайнерами. Зато программисты пишущие свой код и аудирующие чужой сливаются в едином цифровом экстазе. Блеск и нищета классификации. Впрочем, я рад, что год назад Катю посадили в мой кабинет. Здесь всегда тихо и спокойно. И из живых существ постоянно бывают лишь трое: я, Катя и разросшийся кактус, которому нравится тут меньше всех остальных, ведь он уже больше года никак не желает цвести.

Мы работаем вместе уже год, и почти 11 месяцев из этого года встречаемся, но тем не менее продолжаем жить отдельно. Она много говорит о себе, но, кажется, я всё равно почти не знаю. Начнём с того, что за всё время я ни разу не был у неё дома.

Я прохожу в комнату. Первое, что бросается в глаза, это большой стеллаж с книгами, занимающий всю стену, что само по себе странно для середины XXI века. И небольшое количество всех прочих предметов. Эта аскетичность свойственна характеру Кати. Но я не ожидал, что это так явно будет выражаться в интерьере.

— Почему ты решила пригласить меня к себе домой?— спрашиваю я, разглядывая книги, пока она достаёт включает на кухне чайник,— Это какой-то новый этап отношений?

— Считай, что так,— отвечает она как-то легко и почти небрежно.

— А у тебя много книг,— неловко перевожу я тему разговора.

— Я в курсе.

— Но я не замечал, чтобы ты много читала.

— А я их и не читаю. Просто собираю по цвету корешков,— отвечает Катя, зайдя в комнату, и ставит на журнальный столик кружку с чаем и тарелку с магазинным пирогом.

— Хватит меня разыгрывать. Я же вижу, что они разного цвета.

— М-м-м, ну, это ты заметил,— улыбается Катя.

— Окей! Но с книгой я тебя всё равно ни разу тебя не видел, потому что на работе и в транспорте ты не читаешь.

— Элементарно, Ватсон. Потому что я не из тех, кто читает на работе и в транспорте. Считаю, что этот процесс слишком интимный.

— Интимнее, чем секс?— улыбаюсь я, устраиваясь на небольшом диванчике и отпивая чай.

— Уверена, что да,— серьёзно отвечает она,— Ведь только книга может трахнуть тебя до самой глубины души.

— И что это за книга... для тебя?

Я думаю, что этот вопрос заставит Катю задуматься, но она отвечает почти сразу:

— "1984".

— Оу... Я тоже любил в детстве читать Бредберри.

— Это не он написал,— в голосе Кати чувствуется глубокое разочарование и это меня забавляет,— Бредберри — это "451 градус по Фаренгейту".

— Какой позор... Меня сбили цифры в названии. Вторая попытка? Саймак?

— Нет.

— Фейхтвангер.

— Почему он? Совсем нет.

— Чёрт!— я расстраиваюсь почти взаправду. — Голсуорси?

— Ты прикалываешься?!

— Да.

— Я так и подумала,— Катя устало отводит глаза.— Но разнообразие имён выдаёт в тебе...

— Книголюба?

— Любителя кроссвордов,— резко отвечает она.

— Это было больно. Теперь ты во мне разочарована?

— Немного.

— Не дашь мне?..— я намеренно делаю длинную паузу.

— Ну, почему же?— удивляется Катя.

— ... почитать что-нибудь?

— Такому мерзкому типу я просто не смогу отказать. Только не потеряй и не заляпай ничем, потому что эти книги — часть ценной коллекции.

Я протягиваю руку и достаю потрепанную замусоленную книжку.

— Чейз в мягких корках? Часть ценной коллекции?— искренне удивляюсь я.

— Ценной для меня,— серьёзно отвечает Катя,— Эти книжки я собирала несколько лет.

— Я, конечно, могу что-то напутать...— задумчиво отламываю я чайной ложкой кусочек торта и отправляю в рот.

— Как и с Бредберри?

— Да, как с Бредберри. Но разве коллекция не отличается от простой свалки барахла тем, что предметы объединяет что-то общее?

— Всё так,— отвечает девушка, хитро глядя на меня.

— И что же объединяет твою коллекцию?— я оглядываю полки, продолжая размышлять вслух,— Тут и классика, и детективы, и фантастика, и история, и даже справочники...

— Не угадаешь?

— Хочешь поиграть?

— Да,— она улыбается, испытывая меня.

— Не уверен, что любитель кроссвордов справится...— я поднимаюсь с дивана, беру с полки первую попавшуюся книжку и начинаю листать её в поисках зацепки. Я небрежно пролистываю все страницы, ни о чём не думая, а потом возвращаюсь к форзацу. Многие коллекционеры надписывают свои книги или даже проставляют экслибрис, которые часто говорят не только о владельце. Но ничего подобного я не нахожу. ISBN, издательство, тираж, год... Я улыбаюсь забавному совпадению, но потом вдруг решаю проверить свою шуточную гипотезу. Я беру с разных полок ещё пару книжки и вдруг начинаю смеяться в голос.

— Что?— не понимая как реагировать, спрашивает Катя.

— 1984. И это твоя "коллекция"? Серьёзно? Ты собираешь книги по году издания?

— Да... А что такого?— она немного обиженно смотрит на меня, как на человека, который только что усомнился в чём-то для неё жизненно важном.

— Но ведь...— я пытаюсь говорить серьёзно,— Какой в этом смысл?

— Он есть.

— И какой же он?

— Он специфический... Ты не поймёшь.

— Просвети меня.

Катя делает паузу, смотря на меня с неким недоверием, словно прикидывая мысленно, вызовут ли её дальнейшие объяснения мои насмешки.

— Не думаю, что тебе будет интересно. Ты же не коллекционер.

Говорят, что общее дело сближает людей. Психологи иногда рекомендуют парам найти такое занятие, которое увлекало бы их обоих. И речь, конечно же, не про секс. Но в тот момент я совершенно не планировал слишком уж глубоко погружаться в экстравагантное собирательство Кати. Просто когда наступает очередной выходной и мы вдвоём гуляем по городу, она не может отказать себе в удовольствии зайти в книжный магазин.

Правильнее назвать его "букинистический", ведь продаются в нём исключительно старые книги. Уже лет 15 я не видел, чтобы хоть что-то печаталось на бумаге, разве что только рекламные брошюры и глянце-вые журналы — по сути всё та же реклама. Книги окончательно ушли в "цифру", а вместе с этим, вероятно, и пропало слово "букинистический", остался только "книжный". Но и в книжном магазине многое пропало. Например, продавец.

Катя ходит вдоль стеллажей, где аккуратными рядами расставлены рассортированные и проклеенные электронными чипами книжки. Вот она тянется за одной ей ведомым томиком, достаёт с полки, привычным движением раскрывает обложку и, разочарованно покачав головой, ставит на место. Не тот год издания. Так повторяется несколько раз.

Очевидно, вся трудность поиска очередной книжки для Катиной коллекции заключается в самом принципе, по которому эта коллекция собирается. Согласитесь, где бы вы ни находились, в библиотеке или книжном магазине, книги там расставлены совсем по иным законам. Они могут быть рассортированы по жанрам, по тематике, по названию в алфавитном порядке, в конце концов, по имени автора, но вряд ли кто расставляет книги по году издания.

— Как ты решаешь, что смотреть?— не выдерживаю и спрашиваю я.

— По списку.

— По каком списку?

— По списку в моей голове,— отвечает Катя, рассматривая очередную книжку,— Я вытащила список фильтрованный по году из каталога интернет-магазина, вычеркнула то, что у меня уже есть, а остальные ищу по названиям.

— Но это же не всегда работает,— пожимаю я плечами,— Ведь часто там указан год первого издания, а не конкретно того, что есть в продаже. Есть книги, которые издавались в 1984-м, но впервые были изда-

ны раньше, и тогда ты их пропустишь. А есть такие, которые были действительно впервые изданы в 1984-м, но потом переиздавались. И тогда ты, вероятнее всего встретишь, как раз более позднее издание.

— Спасибо, умник!— Катя немного раздражённо сверкает на меня глазами.

— Просто, обычно такие ошибки никого не волнуют. Читателям не так важен год издания... как тебе,— я договариваю фразу и, видя как лицо моей девушки постепенно краснеет от негодования, непроизвольно начинаю улыбаться.

— Ну и?

— М?

— Ну и что?

— Что "ну и что"?

— Я же знаю, что ты хотел сказать.

— Ничего,— я почти смеюсь.

— Ну, конечно!

— Нет, правда, ничего я не хотел сказать.

— Говори уже...

— Да мне нечего сказать.

— Да говори, ну!

— Ладно...— я решаю, что уже довольно помучил её паузой,— Ты занимаешься какой-то фигнёй.

— Это твоё мнение,— Катя отворачивается, снова погрузившись в поиски.

— Ты даже не можешь объяснить в чём смысл.

— Могу,— Катя тоже выдерживает паузу,— Но не хочу. Ты всё равно не поймёшь.

— Ну, конечно!— я громко смеюсь в тишине пустого магазина.

— Конечно, не поймёшь,— чуть язвительно, но довольно улыбается Катя всё-таки найдя подходящую книжку,— Потому что ты не коллекционер.

Мы проходим через безлюдную шеренгу автоматических касс. Сканер на рамке считывает ID с чипа на книжке и выставляет счёт. Катя подносит мобильный к терминалу. После подтверждения перед нами раскрывается турникет, выпускающий нас из магазина.

Всё утро Катя работает молча. Очевидно, она всё ещё обижается на мою недавнюю выходку, хотя на выходных и не подавала виду. Я

бросаю короткий взгляд на приунывший на окне кактус, прикидывая как лучше начать разговор.

— Знаешь, что я тут подумал на счёт твоего хобби?

— Знаю. Что это "фигня какая-то".

— Ну... Да. Но я сейчас не про это. Я тоже решил заняться коллекционированием.

— С чего вдруг?— презрительно хмыкает Катя.

— Просто надоело, что ты тыкаешь, что я "не коллекционер" и всё такое. Подумал, что возможно, и правда стоит попробовать. Вдруг это меня увлечёт?

— Ну-ну...

Не думаю, что я хоть сколько-нибудь серьёзно подхожу к вопросу. Наверное, любое коллекционирование, если как следует разобраться, довольно глупое и не серьёзное занятие. В конечном итоге, коллекционер не создаёт никаких вещей, кроме набора из вещей, созданных не им. И коллекционером может стать любой. Для этого не требуется особого ума или способностей. Так какого же чёрта, наглая девчонка смеет говорить мне, что я, дескать, не могу чего-то понять?

— Зря иронизируешь,— говорю я Кате, пока она сидит за столом напротив и разбирается в своих кодах,— Буду собирать свою книжную коллекцию.

— Неужели?

— Представь себе,— улыбаюсь я, словно не замечаю скепсиса в её голосе.

— И что же это? Фантастика?

— Нет, почему же...

— Ну, ты же любишь фантастику,— заметила Катя,— Вот и подумала, что ты, возможно, решил собрать книжек любимой тематики.

— Я почти всё, что хотел прочитать, уже прочитал в электронном виде,— отвечаю я, делая вид, что тоже работаю.

— Так и какие же книги ты собираешь?

— Ну...— я загадочно замолкаю и делаю паузу,— Пока еще рано об этом говорить. Я только начал. Но я непременно покажу тебе, когда книжек в коллекции наберётся побольше.

— Снова разводишь меня?— хмурится Катя, но, кажется о чём-то задумывается.

— Вовсе нет.

Я чувствую, что моя провокация удалась. Кате определённо понравилось бы, начини я и вправду разделять с ней её сумасшествие. Что ж, тем забавнее будет разоблачение.

Как мне представляется, для начинающего коллекционера самое важное — ответить на вопрос, что и по какому принципу он будет собирать. Катя по одной ей ведомой причине собирает книги издания 1984 г.. Возможно, ей просто так нравится роман Оруэлла, что сами эти цифры уже вызывают в её тельце некое подобие ментального оргазма? Я не имею понятия. Но к созданию своей коллекции я решаю подойти с полнейшей рассудительностью и прагматизмом, ведь основной её задачей будет хорошенько потроллить мою не в меру заносчивую подругу.

И вот я уже один стою всё в том же безлюдном книжном магазине, где нет ни продавца ни покупателей, в почти безлюдном мире, где среднестатистический человек чаще смотрит в экран своего мобильного электронного девайса, чем в окно. И уж, конечно, намного реже он смотрит на страницы бумажной книги. И в этот момент я делаю свой единственно правильный выбор. Я совершенно точно представляю, какой будет моя коллекция. И в ней совершенно точно будет смысл. Очевидный, видимый глазами, но при этом скрытый от них.

Я смеюсь в тишине и беру с полки подходящую книгу. Делаю несколько шагов вдоль стеллажей и беру ещё одну. Снова и снова, пока стопка в моих руках не становится слишком большой.

— Для начала хватит, — говорю я сам себе, ощущая удовольствие, которое, вероятно, испытывают и коллекционеры, обретшие, наконец, своё "богатство".

Дома я освобождаю полку на стене. Цифровые диски с программами и фильмами, какие-то оставленные впопыхах мелочи, никому ненужные сувениры — всё отправляется в картонную коробку и ссылается в дальний угол шкафа с пожизненным приговором "когда-нибудь разберу". Всё. Теперь здесь будет находиться моя коллекция, — подвожу я итог своей "уборке" и расставляю купленные книжки.

Я некоторое время смотрю на ряд корешков. Словно художник делаю пару шагов назад, прищуриваясь и присматриваюсь. Меняю пару книг местами, чтобы соблюсти "порядок".

— Да! Теперь идеально! — вслух произношу я и улыбаюсь.

Кажется, дверь на пути коллекционного психоза уже открылась, и делая шаг внутрь, я не замечаю этого.

Люблю Катину лицо. Особенно в те быстротечные моменты, когда оно находится в состоянии перехода от одной эмоции к другой. В последнее время уже никого не удивишь эмоциональными андроидами и

тем более смоделированными 3D-актёрами, которые профессионально кривляются в кино вместо своих давно постаревших или умерших прототипов. Но этот момент преображения на живом лице живого человека бесценен, ведь за ним стоит трансформация внутренних состояний.

И сейчас, когда Катя смотрит на мою коллекцию, я смотрю на её лицо. И этот момент стоит денег, потраченных на два десятка книжек.

— И это твоя коллекция?— наконец выдавливает из себя Катя.

— Да!— с горделивым удовольствием в голосе отвечаю я.

— И эти книги?..

— Зелёные. Они все зелёные. Смотри, как они классно вписались в интерьер.

— Мда...— задумчиво протягивает Катя, очевидно, не зная, как реагировать дальше.

— Обрати внимание,— продолжаю я, чтобы усилить эффект,— Я расставил их по оттенкам: от более светлого к тёмному. Получился такой плавный переход...

— Ты правда считаешь, что это можно назвать коллекцией?— она наконец-то произносит тот вопрос, ради которого всё затевалось.

— Конечно.

— Нет, это просто книжки с одинаковым цветом корешков.

— Да,— соглашаюсь я,— Но это ничем не хуже, чем книжки с одинаковым годом издания.

В этот момент Катя ещё раз меняется в лице: его выражение становится каким-то хмуро-раздражённым.

— Ах, ты... Так ты просто решил поиздеваться надо мной.

— Ну что ты...,— мой внутренний троллящий доминант ликует,— В моей коллекции есть и другие более скрытые смыслы.

— Ах и другие значит?!— Катя чуть надувает губки.

— Можешь не верить, но непременно продолжу её собирать.

— Можешь не утруждаться. Ты уже достаточно постебался! Смешнее уже вряд ли получится.

Она злится, словно я совершил некий акт осквернения. Позволил себе насмешку над её ценностями. В каком-то смысле даже обесценил их. Возможно и так. Но я плохо знаю Катю, если она не попробует отплатить мне за это в своём собственном стиле и по своим правилам.

Я сижу на открытой веранде летнего кафе, куда часть сотрудников нашей небольшой фирмы регулярно ходят на обед. Сейчас это называется "релакс-брейк", лет 15 назад называлось "бизнес-ланчем", а преж-

де — "перерывом на обед". Меняет ли это суть, если я все всё так же едят дешёвую по своей себестоимости еду, которая вкусна за счёт соусов и добавок, поэтому к 14 часам дня это кажется логичным и выгодным вложением средств?

Я поливаю пряную горчицу на сосиску с остатком макарон и неторопливо доедаю обед. За мой столик из дешёвого лёгкого пластика кто-то присаживается прямо напротив. Не поднимая взгляда от тарелки, я уже знаю, что это Катя. Она улыбается, сжимая в руке небольшую пластиковую коробочку — сложенную доску дорожных шахмат на магнитах.

— Сыграем?

Я молча отодвигаю тарелку с остатками еды, понимая, что возражения вряд ли будут приняты.

— Напомни мне,— я отпиваю сок из высокого стакана и смотрю на Катю,— зачем мы до сих играем в шахматы?

— В смысле?— она устраивается поудобнее и начинает расставлять фигуры.

— Сейчас у каждого в смартфоне есть шахматный симулятор, играющий на уровне крепкого гроссмейстера. И если игра так уж нравится, можно подобрать для себя подходящий уровень и играть в любом месте и в любое время.

— В этом я как раз не вижу смысла. Ведь очевидно, что компьютер рассчитывает варианты ходов быстрее человека.

— Вот именно.

— Но игра между живыми людьми это совсем другое дело. Это противостояние двух живых интеллектов...

— Да, точно-точно! Противостояние интеллектов... — перебиваю я,— Так, а мы-то с тобой зачем играем?

— Ну, конечно... Я и забыла, что интеллектом ты считаешь исключительно себя,— прищурилась Катя,— Забыть не могу твою физиономию, когда я впервые тебя обыграла.

— Это была случайность.

— Да, да... И во второй раз... И в третий...

— Статистически я выигрываю на порядок чаще,— замечаю я холодно, стараясь не реагировать на её подначки.

— Это не значит, что так будет всегда. Я расту над собой, а ты используешь против меня набор своих наигранных приёмов.

— Они же каждый раз с тобой прекрасно работают,— усмехаюсь я.

— Так, я не поняла, ты хочешь со мной играть или нет?— хмурится Катя.

— Хочу, хочу,— соглашаюсь я.

— Вот, и это ответ на твой вопрос, почему люди играют. Они просто хотят,— Катя разворачивает доску и двигает пешку,— Сегодня я буду белыми. Так. Ходи.

— Но я не хочу играть просто так,— решаю я воспользоваться ситуацией.

— Мммм, хочешь сыграть на интерес? Какое-нибудь твоё извращённое желание?

— Почти,— не убирая с лица ухмылки, отвечаю я,— Признаешь, что моя коллекция ничуть не хуже твоей.

— Ну уж нет...

— Боишься, что проиграешь? В очередной раз.

— Вовсе нет. Я согласна на твоё глупое условие. Играем?

— Да,— я делаю ответный ход.

Катя играет в шахматы неплохо, но очень нестабильно. Она может хорошо планировать свои атаки, или вдумчиво блокировать мои. Но часто в её сознании начинает преобладать нечто женское: она слишком эмоционально реагирует на досадные оплошности, вроде случайно допущенного зевка, и после этого играет слишком импульсивно. Первая ошибка влечёт за собой вторую, третью, пока дело, наконец, не доходит до мата. Но сейчас она не ошибается. По всей видимости, Катя не желает проигрывать и, как говорилось раньше, "закусила удила".

— А знаешь, в чём живые шахматисты пока ещё сильнее компьютерных?— вдруг спрашивает она.

— М?

— В способности придумывать новые правила и варианты игры.

— Имеешь в виду шахматы Фишера или какую-нибудь древнюю Махараджу?— решаю я блеснуть своей осведомлённостью

— Ну, к примеру.

— Не думаю, что это серьёзное преимущество. В конечном итоге, все эти игры всего лишь вариации классических шахмат, не вносящие в игру ничего принципиально нового. При желании, компьютер легко можно обучить каждому из них.

— Но вопрос же в возможности человека к творчеству. Только человек может задавать новые правила.

— Только не говори, что кроме странных коллекций книг, ты ещё и придумываешь странные шахматные игры.

— Только одну с единственным дополнительным правилом. Точнее с дополнительным разрешением.

— Это интересно. И что же это?— я бегло осматриваю ситуацию на доске, складывающуюся для меня более чем благоприятно, и делаю очередной ход,— Шах.

Катя спокойно отодвигает своего короля в угол, предопределяя ему мат в два хода.

— При необходимости можно есть свои собственные фигуры. Жертвовать ими ради победы.

— Хм...— я задумываюсь,— Жертвенные шахматы. Это звучит интересно, но не очень нелогично. Вряд ли найдётся ситуация, в которой такие суицидальные ходы выгодны.

— Привести пример?— Катя ехидно улыбается, снимая с доски своего коня, и выводя вперёд ладью,— Тебе мат.

— Эй... Как?— меня выбивает это из колеи, я пытаюсь что-то возражать, но Катя уже поднимается со своего места,— Мы же не договаривались заранее, что играем в твои шахматы...

— А мы и про обычные шахматы не договаривались,— смеётся она,— Всё, я победила. Теперь пора бежать, а то очень много работы. Встретимся в офисе.

— Это не в зачёт! Натуральное мошенничество!

— Да, да!— на бегу бросает Катя,— И твоя коллекция по-прежнему фигна полная.

Я молча смотрю на позицию, оставшуюся на доске. И начинаю собирать фигуры в коробку. Перерыв действительно подошёл к концу и впереди ещё 3 часа работы, которой никогда не бывает слишком мало. И это тоже человеческие правила игры, которые одни люди придумывают для других.

На столе начинает вибрировать Катин смартфон. Она смотрит на экран, а потом переводит на меня вопросительный взгляд. Я слегка улыбаюсь и молчу. Сейчас она не понимает, почему сообщение от меня пришло ей в зашифрованном приватном чате, но всё становится ясно, когда Катя открывает его. Через цепочку прокси луковая ссылка приводит её на веб-интерфейс с доступом, которого никогда не должно было быть. Личный кабинет читателя центральной городской библиотеки, но с полным административным доступом. И с набором книг 1984-го года издания из более чем 100 наименований, которые остаётся только забрать, предъявив роботу на выдаче номер бронирования.

— И что ты предлагаешь? — спрашивает Катя в чате.

— Предлагаю сделать заказ, а потом съездить на машине и забрать его.

— Серьёзно?

— Да. Только лучше ночью, чтобы не вызывать вопросы у других посетителей.

— А камеры?

— А-то как же? "Большой брат" следит за тобой =)) Но мы сможем их отключить. Я проверил.

— Но это же жёстко противозаконно.

— Я думал, ты любишь нарушать правила,— молча бросаю я взгляд на Катю и добавляю,— Но как хочешь.

Я встаю с места и подхожу к шкафу, где на полке у нас хранится чай, кофе и пожизненный запас различных печенек.

— Кстати, хотел рассказать о своей коллекции. В ней появилась одна книжка,— уже вслух говорю я, как ни в чём не бывало переводя тему, и наливаю чай, выдерживая паузу,— 1984-го года издания.

— Неужели? — поднимает на меня глаза Катя и в её интонации чувствуется плохо скрываемая заинтересованность вперемешку с лёгким раздражением.

— Угу,— отхлёбываю я из кружки подчёркнуто громко,— Но я не отдам её тебе... Ведь она божественно приятного зелёного цвета.

— Козёл,— она отворачивается от меня к монитору.

— Великолепный оттенок. Мне не хватало его, — продолжаю я,— Знаешь, она прекрасно будет смотреться где-то ближе к концу первой полки. Что-то вроде трёх четвертей.

— Молчи.

— Видишь, как всё интересно получается. Благодаря тебе я увлёкся коллекционированием и, казалось бы это должно увеличить взаимопонимание, как-то сблизить нас. Но всегда возникает конфликт интересов. Конкуренция.

— Ты заткнёшься сегодня?— Катя встаёт с места и раздражённо выходит из кабинета.

— Когда остынешь, возвращайся пить чай,— говорю я ей вслед и слышу звук хлопающей двери.

Я закидываю в рот миниатюрную подушечку рассыпчатого миндального печенья. Сладкое и изысканное. Похоже на вкус лёгкой победы.

Я просыпаюсь поздно. Сегодня выходной и мне не нужно на работу. Первое, что я делаю — беру в руки смартфон. Наверное так же, как и миллионы других современных людей. Но меня интересуют не обновления в соцсетях, не новости и не погода. Катя обычно всегда просыпается раньше меня и независимо от своего настроения, самочувствия, состояния атмосферы и солнечной активности, отправляет мне сообщение с текстом "Доброе утро!". Обычно я отвечаю на него с опозданием в час или два. Но сегодня никаких сообщений от Кати нет. Я отправляю ей: "Доброе утро! Спишь, засоня?" и, не расставаясь с телефоном, иду делать себе кофе.

Я завтракаю, одеваюсь, бросаю короткий взгляд на ряд зелёных книжек. Интересно. Они у меня уже довольно долго, а я ни разу не нашёл времени, чтобы открыть хотя бы одну. Откровенно говоря, у меня даже не было мысли сделать это. Да я даже не знаю, что там за книги.

Забавно, у каждого из нас в кармане уже находится по высокопроизводительному компьютеру с огромной памятью, способной уместить все книги мира, с экраном разрешением 8К, на котором уже невозможно невооружённым глазом разглядеть ни единого отдельного пикселя. Но тем не менее мы не находим времени, чтобы прочитать хотя бы одну книгу. Я не особо верю в сильный искусственный интеллект, в компьютер, способный к осознанию самого себя, но я воочию вижу слабый естественный интеллект, людей, которые не осознают себя вовсе. Не удивлюсь, если когда-нибудь они совершенно разучатся принимать решения, и тогда компьютеры начнут решать всё. Без какой-либо войны, без какого-то там "восстания машин".

Я протягиваю руку и достаю с полки книгу в тёмно-зелёном переплёте. Фолкнер "Сойди, Моисей". Что-то историческое, про рабство негров в Америке. Никогда особенно не интересовался этой темой, поэтому и так мало об этом знаю. Я сажусь в кресло, открываю книгу и прочитываю буквально пару страниц, так как не могу избавиться от надоедливой мысли. Некой логической западни. Рабы освободились от рабовладельцев, потому что были угнетаемы и протестовали. Но, кто может освободить человечество от рабства, если оно добровольно?

От мыслей и чтения меня отвлекает телефон. Пожалуй, это основная задача этого девайса. С ней он справляется лучше всего.

— Доброе утро!— пишет Катя.— Я не сплю.

— А что делаешь?

— Проснулась рано, не спалось. Я занималась уборкой.

— Понятно. Встретимся?

— А знаешь...— она специально устраивает интригу, и я чувствую, что это вовсе не касается наших обычных прогулок в выходной день.

— М?

— Я тоже нашла у себя книгу 1984-го года в зелёной обложке. И я тоже тебе её не отдам!— за сообщением следует дразнящийся языком анимированный стикер.

— Ммм...— многозначительно отвечаю я,— Специально её искала всё утро?

— В смысле?— спрашивает Катя после некоторого раздумья.

— В прямом. Тебя это так сильно зацепило, что ты аж посвятило этому утро выходного дня. Серьёзно?

— И... что?

— Ничего. Молодец, археолог, теперь можешь оставить её себе,— я добавляю смеющийся до слёз смайл, а следом спрашиваю,— Так встретимся сегодня?

Мой вопрос остаётся без ответа. Я улыбаюсь и возвращаюсь глазами к страницам книги. Забавно, ведь все мы можем быть ещё и рабами своих собственных увлечений, рабами своих одержимостей, убеждённостей, заставляющих нас действовать и смотреть на мир особым образом. Но... Что там у негров?

Звонок раздаётся примерно в 2 часа ночи. И, конечно, это Катя. Но это не телефон. Она стоит на пороге в джинсах и темной кожаной куртке с волосами на распущ, слегка растрёпанными, не как обычно.

— Что случилось?

— Ничего,— она отвечает кратко и немного резко и входит.

— Как ты добралась в такое время?

— Взяла кар-шаринг.

— Ах, да. Прости... Но, всё-таки, что случилось? — я всё ещё туго соображаю спросонья.

— Я сделала заказ и хочу забрать его.

— Заказ?— я вспоминаю наш разговор, после которого прошёл уже не один месяц,— Сегодня? Сейчас?!

— Да,— уверенно отвечает Катя,— Ты сам говорил, что ночью будет сподручнее всего,— она делает паузу,— Или уже не участвуешь?

— Нет, конечно, участвую.

Я быстро одеваюсь. Вдвоём мы на лифте спускаемся в подземный гараж, а уже через 10 минут едем по пустой дороге ночного города. Я изредка поглядываю на Катю, но она молча смотрит в ночную пустоту. Впрочем, её пальцы, еле заметно постукивающие по коленкам, выдают нервность.

— Волнуешься?— нарочно спрашиваю я с непринуждённой интонацией, уже зная, что она не признается.

— Вовсе нет.

Конечно, она волнуется. Она волнуется, когда мы входим светлые ярко освещенные безлюдные залы. Она волнуется, когда мы проходим по коридору в зал автоматической выдачи книг. Она волнуется, когда я ввожу коды и один за другим открываю ящики камер хранения, куда ещё с утра услужливый робот сложил наши книжки. Она волнуется, пока складывает их ровными стопками в объёмный чемодан на колёсиках, а потом бросает осторожный взгляд на камеру наблюдения.

Я не вижу его в тот момент, а замечаю его только через три часа уже у себя дома, когда сажусь за ноутбук и, войдя в систему видеонаблюдения библиотеки, удаляю фрагменты записи.

— Из тебя вышел бы замечательный хакер,— замечает Катя, глядя мне через плечо.

— А из тебя никудышный воришка,— отвечаю я,— Дёргалась. Даже вот уронила пачку книг.

— Ну, извини. Я обворовываю библиотеку не каждый день!

— Не думаю, что это кража... — говорю я, не отвлекаясь от рабочего процесса, — Судя по учёткам, большинство из книг в последний раз брали лет 5 назад. Разве можно украсить то, что и так никому не нужно?

— Возможно... Ты и прав...— Катя располагается прямо на полу рядом в чемоданом и задумчиво разглядывает нашу добычу, вынимая книги по одной и складывая в стопки,— А зачем ты взял эти?

— Что?— я отвлекаюсь от монитора,— А что?

— Но... Это не 1984 год.

— И что? Они зелёные,— я ловлю удивлённый взгляд своей подруги и отвечаю подчёркнуто эмоционально,— Представь себе! Я взял и себе несколько книжек. Да, да! Мир не сошёл на тебе, дорогая моя.

— Нет, нет. Просто...— смущается Катя,— Я думала, ты закончил с коллекционированием.

— Напротив! Даже освободил третью полку,— я поворачиваюсь на стуле, показывая руками,— Вообще, я хочу освободить всё это пространство под новый стеллаж. Будут зелёные книги во всю стену.

Катя смотрит на меня и игриво улыбается. Так она делает только в одном случае — когда спланировала и ожидает, прежде чем сказать мне какую-нибудь гадость. Нет, в двух случаях. Ещё перед тем, как оказаться со мной в одной постели... Нет, всё-таки в одном случае.

Катя лежит со мной на разложенном диване. Её голова опирается на моё плечо, стройная длинная нога заброшена на меня сверху. Может показаться, что она почти спит, но по частоте дыхания я понимаю, что она просто молчит. А когда Катя не говорит, это значит, что она думает. И, когда этот процесс закончится, она непременно поделится результатом.

— Знаешь... А ведь теперь можно сказать, что мы пара,— говорит она.

— В каком смысле? Мы уже год как пара. Разве нет?

— Ну, пара, конечно... Но я не про общение, и не про секс. Появилось нечто ещё...

— Ты про нашу сегодняшнюю авантюру?— улыбаюсь я, нежно поглаживая подругу по волосам.

— В том числе. И вообще, общее хобби...

— Это важно? — то ли спрашиваю, то ли утверждаю я, чувствуя, что медленно засыпаю.

— Для меня да.

— Тогда, может, сделаем наши отношения более... официальными?

— В смысле?— Катя чуть приподнимает голову с моего плеча.

— Ну...— всё так же сонно и подчёркнуто спокойно говорю я, с небольшой ухмылкой поглядывая на неё полузакрытыми глазами,— можем организовать что-то вроде книжного клуба.

— Ну и гад же ты!— она чувствительно ударяет меня кулачком в грудь, но всё равно улыбается.

— Зря ты так несерьёзно относишься, к тому вопросу... Книжный клуб — это отличная идея.

— Не маловато ли нас для книжного клуба?

— Ну пусть... Камерный книжный клуб. Надо же с чего-то начинать. Единомышленники появятся потом.

— Но мы же не книголюбы, а коллекционеры. Надо отразить в названии клуба это.

— Камерный клуб коллекционеров,— исправляю я.

— Камерный клуб крадущих коллекционеров.

— Мы играем в слова на одну букву?

— Да!— Катя смеётся,— Твоя очередь.
— Хорошо. Но чур с перестановками! Камерный клуб коллекционеров крадущих книги.
— Это не по правилам...
— Да ну? Как и брать свои фигуры.
— Ладно...— согласно вздыхает Катя, принимая аргумент,— Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих книги.
— А союзы на другую букву разве по правилам?
— Да. Как и переставлять слова.
— Окей... Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих книги...— я зеваю.
— И?... Сдаёшься?
— Я думаю,— отвечаю я, борясь со сном,— Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих книжные корешки.
— Эй! Ещё и замена слов?
— Ты же в начале заменила "книжный" на "коллекционеров".
— Ну-ну...
— А вообще я просто не такой пафосный и самодовольный... Это ты коллекционируешь книги,— я зеваю ещё глубже, почти проваливаясь в сон,— А я... просто книжные корешки.
— Да, по цвету. Зелёные. Так... Камерный клуб коллекционеров крадущих и классифицирующих красивые книжные корешки. Что скажешь? Твой ход! Слышишь?..
Я уже ничего не отвечаю Кате, потому что крепко сплю.

Я обожаю завтракать вдвоём с Катей. Она ещё заспанная и растрёпанная. Но в этом непринуждённом неряшливом образе меня всегда привлекает что-то. Возможно, это проявление высокой степени доверия, или даже близости, а возможно это и есть тот самый домашний уют, который выражается не столько в окружающих вещах, сколько в людях.

Обмениваясь обрывочными репликами, мы говорим на разные темы, как это и бывает в разговоре обо всём и ни о чём. Но Катя вдруг возвращается к своему коллекционному пунктику.

— А ты всё ещё хочешь узнать, почему именно 1984?

Теперь она решилась, и это важно для неё, поэтому я, конечно же, отвечаю:

— Да. Расскажи.

— Оруэлл писал антиутопию о гипотетическом будущем, вкладывая в неё проблемы, которые уже видел в современном ему настоящем.

— Угу,— кивая я в подтверждение того, что искренне пытаюсь понять.

— Но это будущее давно настало... У нас есть и системы глобального наблюдения, и машины пропаганды, оперирующие общественным мнением, и даже роботы, следящие за твоими действиями в Сети.

— Чуть позже 1984 года,— улыбаюсь я.

— Да. А в моей собраны книги из реального 1984 года. Хорошие и плохие, глубокие и поверхностные, запоминающиеся и проходные. То, что могли прочитать реальные люди, зайдя в книжный магазин в 1984-м. Такой... Типографский отпечаток времени.

— Красиво.

— Ты правда так думаешь?

— Да. Довольно интересная мысль,— я, улыбаясь, смотрю на Катю,— А "1984" издания 1984 года у тебя есть?

— Конечно!— глаза Кати загораются таким свойственным всем коллекционерам маниакальным блеском, она достаёт книгу и показывает мне с нескрываемой гордостью,— С неё всё и началось!

— Жаль,— отвечаю я,— Я теоретически мог бы тебе её подарить, но раз она уже есть, то нет смысла искать.

— Кстати, да... И раньше говорили, что книга — это лучший подарок,— Катя задумчиво смотрит на ряд зелёных корешков, отпивая кофе,— Ну, а что у тебя?

Я выдерживаю паузу, неторопливо доедая остатки завтрака.

— Хочешь знать?

— Да,— кивает она.

— Точно?— усмехаюсь я.

— Да. Только не говори, что это только для того, чтоб постебать мою коллекцию. Я уже не поверю в это.

— Ну... Вообще-то изначально, так оно и было. Смысл был в этом. Но потом появился ещё один. Но, признаюсь, что он родился именно в процессе.

— И какой же он?— я ловлю заинтересованный взгляд Кати,— Почему зелёный цвет?

— Цвет может быть любым. У меня это зелёный, потому что у меня весь интерьер зелёный и зелёные книги отлично в него вписались.

— Так смысла нет?

— Нет, смысл есть. Смысл в том, что смысла нет. Что человечество владеет книгами, но не читает их. Обладает богатством знаний и куль-

туры, но не использует его. Фактически, это уже просто книжные корешки, стоящие на полках. Ну, в таком случае, пусть они хотя бы подходят по цвету.

Катя задумчиво замолкает, глядя на расставленные по цвету корешки. Ровный ряд сплавным градиентом, переходом от тёмного к светлому.

— А знаешь,— наконец говорит она очень серьёзно,— твоя коллекция и правда ничуть не хуже моей.

— Думаешь? Ты сейчас серьёзно?

— Совершенно. И знаешь почему? Потому что это не просто самая настоящая коллекция, это ещё и арт-объект. Ты начал это как глупую шутку надо мной, а на самом деле... Это про всех людей, которые в большинстве своём уже не читают книг.

— Спасибо. Но, думаю, ты меня перехваливаешь— пожимаю я плечами и прямо в чашке кипятком из чайника заливаю себе вторую порцию кофе,— Хотя... Не знаю как людей, а меня моя коллекция точно побудила снова начать читать книги...

— Это очень хорошо,— Катя с довольным видом смотрит на меня немного испытующим взглядом, подпирая подбородок обеими руками,— И как ощущения?

— Это просто замечательно, Кэтти!— смеюсь я в ответ.

Мы вдвоём находимся в моей квартире. Сидим на зелёном диване. В углу, разноцветными огнями сверкает зелёная ёлка. За окном крупными хлопьями падает одноцветный белый снег, словно разорванные в клочки страницы книг, которые так никто и не прочитал. Мы смотрим на полки, заставленные зелёными книгами и разговариваем о чём-то неопределённом.

— А ты тогда и правда не пошутил?— вдруг спрашивает Катя, отпивая горячий какао из своей кружки с нарисованным оленем.

— На счёт чего?— не понимаю я, потеряв нить предшествующего разговора.

— Про книгу из твоей коллекции 1984 года издания.

— Правда. Не пошутил.

— И она сейчас где-то здесь?— Катя задумчиво смотрит на полки.

— Нет,— отвечаю я чуть улыбаясь,— Её сейчас там нет.

— Почему?

— Потому что я решил, что для неё найдётся место получше,— я вынимаю из-за диванной подушки небольшой свёрток в серебристой

бумаге, перевязанный зелёной ленточкой, и отдаю Кате. Она удивлённо смотрит на меня, потом аккуратно и неторопливо разворачивает свёрток и вдруг заливается своим звонким смехом.

— Ты решил подарить её мне?

— Думаю, тебе она важнее. В конце концов это ты собираешь настоящую коллекцию,— отвечаю я, ещё не до конца понимая, в чём дело.

— Это... Очень мило,— Катя нежно целует меня.

— А почему ты тогда смеёшься?

— Потому что ты ещё не видел свой подарок,— она вручает мне небольшую подарочную коробочку. Я открываю её и невольно улыбаюсь. Внутри точно такая же книга в обложке божественно приятного зелёного цвета, изданная в 1984 году.

— Что ж... — я подхожу к полке,— Тогда стоит вернуть её на место. Так градиент станет более плавным.

— А не хочешь для разнообразия прочитать её?

Я кручу книгу в руках перед тем, как поставить на полку.

— О'Генри... У меня никогда не доходили до него руки. Но теперь непременно. Что-то про любовь?

— Классика,— Катя пожимает плечами.— Но не потерявшая актуальность. Очень даже. Поймёшь, если прочтёшь.

"В книгах и пьесах не бывает случайных деталей. Висящее на стене ружьё непременно должно выстрелить" — размышляю я, отвлечшись от работы, поднимаюсь с места и поливаю разросшийся кактус, как делаю это обычно раз в неделю.

Вокруг ничего не изменилось. Небольшой кабинет. И Катя, работающая напротив. Всё как всегда. Но что-то всё-таки произошло. "Так... И почему же не цветёт этот противный кактус? Возможно, это не конец небольшой истории, а начало какой-то другой и большой?" Я снова сажусь за стол. До конца рабочего дня ещё два часа.

Георгий Кулишкин

Харьков

ЦЫПА-ЛЯЛЯ

Светлана Васильевна приближалась к нашему столику походкой, которая возникает у идущих под танцевальную музыку. Она разругалась и так светилась изнутри, словно отведала молодильного яблочка. Они — Женька и Светлана Васильевна — поцеловали воздух около щёк, произнесли дежурное «гули-гули». Затем, когда уселись, Женька сказал несколько слов, и румянец на скулах Светланы Васильевны подёрнуло серым, щёки дрябло повисли, а глаза, за миг до того озорные, игривые, запали вовнутрь, приняв в себя застарелую усталость, страх и отчаяние.

— Женечка, котик, если бы я знала, что это против тебя!

— А не против меня — можно?

— Жень, ты же знаешь, на каком я, с моей работой, ржавом крючке у них сижу...

— На крючке? А ты понимаешь, что своей бумажкой нам вот с ним выписала высшую меру?! В твоём акте ни единого слова правды! Ни единого!

— Ни единого, Жень, ни единого... Они детьми клялись, что это им только замылить глаза прокурорской проверке, что никто ни вникать, ни оспаривать... Но я знала, знала, какой грех беру на душу.

— А вот каяться, Светик, будем в другом месте. От писанины твоей гнусной тебе, голубка, и отречься придётся письменно.

Она безнадежно уронила голову.

— Тебя вынудили? — подбирал он мотивы к её покаянию. — Нет! Тебя ввели в заблуждение!

— Ввели, Женечка, ввели! — с новым выражением на лице, какое бывает у девочек, которых уже простили, но которые ещё сохраняют мину принимающих наказание, она сметливо одобрила найденную им поправку.

— Это не ты, это Верлиока совершил подлог! Он представил экспертизе латунные змейки, якобы изъятые у нас.

— Да, конечно. Он изымает, он же даёт на экспертизу.

— И он поставил тебя в известность, что целый контейнер таких же точно змеек был украден на «Обувном».

— Он. А откуда мне, сам посуди...

— Ну, Верлиока! — изумился беспримерной наглостью Женька. И, злобно радуясь, суля воздаяние, похвалил: — Ну, мудре-е-ец!..

— Ой, не напоминай, прошу! — с омерзением воскликнула Светлана Васильевна. — Ещё и пристал, как банный лист! Представляешь? Нет, я сама всю жизнь кошусь, кого бы затянуть в койку. Но с этой ко-сглазой камбалой...

— Любовь? — словно муху в кулак, с лёту поймал Жека. — Любовь мы ему организуем! Как твоё гнёздышко — ещё за тобой?

Поздним вечером мы были во дворе среди стареньких, в серой латаной штукатурке двухэтажек. Из беседки выгнали стайку малявок, расположились. Светлану Васильевну знобило. Женька обнял её, спросил ещё раз:

— Шторки раздвинула? Чуть-чуть? Игродромчик на виду?

— Не придут, — шепнула она, и услышалось, как ей хочется, чтобы не пришли.

— Верлиока? К Цыпе-Ляле? Проследует, как лунатик!

— Не понимаю! — бросила она брезгливо.

— Согласен. Загадочное обаяние! — со всегдашней готовностью прихвастнуть своими знакомцами воскликнул Женька. — И толстовата, и розовая, как поросё, и ножки от коленок кривули... И шепелявит, как в детском садике, и так всегда канючит, канючит... Я не я, если она не показала ему синячок в завлекательном месте и не спела, что у неё чистые плосынки, свецкие зулнальчики, а к ней пливели целую толпу этих маленьких целовецьков из цилка. И они всю ночь её кусали, кусали!

— Идиотство! — только и вымолвила Светлана Васильевна.

— То-то и оно, что идиотство! — захихикал Женька. — Но действует!..

И шикнул:

— Тихо!

Впереди вперевалочку, утиным шажком, шла небольшая кругленькая Цыпа-Ляля. За нею, угрюмо озираясь и словно на привязи, — Верлиока.

— Мы к подлузке, — журчал без остановок назойливо-детский голосок. — Там у меня эти маленькие целовецьки всё ввелх дном! Ввелх дном!

— Она всем одно и то же грузит? — с отвращением заметила Светлана Васильевна, когда Верлиока скрылся за дверью подъезда.

— Как и все артисты, — скалился Женька.

Светлана Васильевна норовисто высвободилась из-под его руки:

— А мы чего здесь дожидаемся?

— От тебя, Светик, ничего! Ты уже со всем управилась!

— Я не к тому, — изменила она голос. — Просто сидим тут... как...

— А ты расслабься, тебе понравится! — заверил Женька, и в эту минуту под окнами гнёздышка появился некто тощий, серый, смахивающий на тень.

— Ну вот! — оживился Женька. — Не мог же я вам, ребята, предложить абы что! В приличных домах, как вы знаете, место подглядывающего стоит дороже, чем банального участника. А самые дорогие места, — он указал на стол в беседке, верхом на котором мы сидели, — у тех, кто подсматривает за любопытным!

— Кто это? — с ознобом и тревогой прошептала Светлана Васильевна, наблюдая за тенью, которая запрокинулась, чтобы отхлебнуть из «огнетушителя».

— Это? Это Костик, Цыпин благоверный. Ты не бойся, у него справка.

Тень прильнула к просвету меж штор и время от времени запрокидывалась, всё выше задирая бутылку.

— Жень, что ты задумал?

— Светик, все получают удовольствие!

— Господи, — выдохнула она, — когда это кончится!

— Как он бормотуху допьёт — так и кончится. Уже недолго.

— Жень, эта дура, психбольной...

— Цыпа? Цыпа не дура, отнюдь! У неё всё будет разыграно по нотам. Знала бы ты, какого полёта птицы валялись у Цыпы-Ляли в ногах, умоляя принять отступного!

Когда бутылка задержалась на взлёте, отдавая остатки, ночник за окном погас. Сутулая тень переложила «огнетушитель» горлышком в ладонь, двинулась к крыльцу.

Возник в глубине говорок Цыпы-Ляли, усилился, когда открылась дверь. Без умолку лебезя, она вывела Верлиоку под тусклый светильник. Он блаженно скалился и, похоже, ничего не понял, когда толсто-стенная бутылка разбилась о его голову.

— Котя! Котя! — истошно завопила Цыпа-Ляля. — Он заставлял твоего пупсюсика! Он его муцял!!! — и, словно помечая нечистого, в две пятерни деранула когтями Верлиоку по щекам.

Тот басовито, по-кабаны, взвизгнул и с проворством щипача выхватил из кармана книжицу ксивы. Потом, высоко взмахивая ею, с рёвом: «Эмвэдэ-э-э! Эмвэдэ-э-э!» — во всю прыть задал стрекача.

Котя ошарашено вскинул руки и, поняв, что добыча упущена, в огорчении плюнул и отшвырнул в палисадник «розочку», которой так и не довелось погулять у косоногого глаза и постоять приставленной к кадью.

— Безрукое ты отродье! — прокуранным, охрипшим от писка баритоном накинута на него Цыпа-Ляля. — Не мог сразу за шкуру?!

Устало переваливаясь, с грацией медвежонка, поставленного на задние лапы, она направилась к выезду из двора. Котя, подстроившись под её шаг, виновато засеменил следом.

— Задаром подстиралась! Задаром! — болезненным лающим голосом убивалась она.

Котя в робком стремлении утешить тронул её плечо.

— Не хапай! — огрызнулась она. — Того тваря было бы хапать!

Ерофим Сысоев

Шарлахберг, Германия

ПЕРЕХВАТ

Вчера — было уже около десяти, поздно, темно на улице — звонит в дверь Вера Годовикова, соседка. И прямо с порога:

— Всё! — говорит. — Купила на Али-Экспресс перехват. Теперь не будете целую ночь фейерверком своим грохотать, котом мне пугать. Все ракеты ваши буду перехватывать на корню — под носом у вас будут взрываться, не долетая до неба. Ясно?

— Ясно, — отвечаю. — Что ж тут неясного?

— Ну тогда пык, — говорит Годовикова. — Приятного вечера...

— Мык... — отвечаю я. — Взаимно.

Это у нас на лестнице приговорка такая между соседей: если кто-то с кем-то встречается, то один говорит "пык", а другой "мык" — ну чтоб о погоде и о прочем пустом не болтать, не тратить драгоценное время. Давно так повелось, не помню уже кто придумал, но получилось хорошо: и вежливость в подъезде соблюдается, и язык со связками не изнашиваются от лишних слов.

Вера работает в зверином приюте и берет безнадёжных котов к себе, к своим собственным шести котам — чтобы подарить безнадёжным надежду. Раньше мы все над этим посмеивались, поскольку запах от Веры пролезает даже на лестницу, но постепенно все к лишним котам привыкли — тем более что когда безнадёжные у нее всё-таки умирают, рыдает Вера вроде вполне искренне. Ну а что? Конечно, умнее и правильнее печься вот так о конкретных несчастных животных, чем беспокоиться о формально существующих, но таких немислимо удаленных от нас предметах — о Гондурасе, к примеру, или о реках вавилонских, или, наконец, о курсе биткойна — не к ночи будь помянут.

Ночью и утром я про Верин перехват не вспоминал, но в обед выдалась свободная минутка и я порылся на Али, чтобы выяснить что это такое.

Система защиты представляла собой довольно внушительных размеров ящик, из которого торчала дюжина тонких, с палец толщиной, ракеток обычного новогоднего вида — но каждая с интеллигентной, как это говорится, головкой, то есть с особой оптикой и умным чипом внутри для распознавания противника.

Цена внизу стояла такая внушительная, что массовому противнику фейерверков было к ней не подступиться, но для Веры это едва ли препятствие: на одной вечеринке с соседями она как-то обмолвилась, что ее с больными котами донатит в Ютубе сам Киану Ривс, известный поборник животных, так что коты как бизнес-проект, выходит, вовсе не пустой звук, и вот горбом заработанные денежки героя "Матрицы" идут теперь на перехват новогодних ракет, пугающих Вериных котиков, то есть всё со всем связано, как бабочка в Аризоне — чуть она хлопнула там у себя крылышками, как тут у нас рвется в руке цепочка бачка допотопного унитаза, человек от неожиданности падает на пол, ломает себе мизинец, а назавтра на линию выходит не тот трамвай, Аннушка промахивается с маслом, и Берлиоз остается жив — уж к добру или нет, это бог весть...

В ракетах-перехватчиках, кстати, не было, судя по подробному описанию, пестрящему характерными для китайских инструкций ошибками, ничего особо опасного — они просто догоняли чужую ракету, пристраивались ей в хвост наподобие кобелей на собачьих свадьбах, а затем выстреливали в противника струю вязкой тягучей жидкости, от которой чужая ракета принималась вилять и кувыркаться, не достигая цели... ну, или зенита, где ей надлежало взорваться, украсив ночное небо искрящимися сполохами — то есть это не был боеприпас в его

"тесном" смысле, как выражались в позапрошлом веке отдельные продвинутые ученые-западники, применяя кальку-перевод немецкого "eng" — боеприпас, за который можно было бы отправиться сперва в КПЗ, а затем и в СИЗО — нет, перехват представлял собой всего лишь игрушку, не более опасную чем сами новогодние ракеты.

Кстати с собачьими свадьбами... Не все, вероятно, знают, что образ этот скоро отойдет в далекое прошлое: британские ученые сообщают, что изобрели флюиды, которые наводят у лабораторных собачек такой силы беременность, что пенетрация превращается в пустую бессмыслицу — всё как-то получается из собственных хромосом реципиента, то есть сучки, если говорить понятным языком. И если британцы с флюидами доберутся затем и до людей и парламент не воспрепятствует, то будет конечно капец: у нас ведь сегодня, можно сказать, вся система ценностей построена на том только, чтобы покрасоваться перед самочкой, а потом ее, всю совсем сомлевшую, затащить куда-нибудь за занавеску...

Вообще прогресс хорош не во всём — иной раз лучше регресс. Вон хотя бы взять обувь — сколько стало испорченных ног и потливости из-за кроссовок, и кед, и тапочек из синтетики; это просто рассадник анаэробных бацилл, и давно пора с этим что-нибудь сделать, а не ссылаться на фукалки из баллончиков, дескать с ними всё можно преодолеть. Не надо ничего преодолевать! Точнее, не надо выдумывать всякое лишнее, тогда не придется потом сожалеть и лечиться от многих болезней. Ну что, не так?

И кстати о запахах... Когда начинаешь врать женщине, то в общем довольно быстро запутываешься — если, конечно, она не совсем уже дурочка. Это я про мою экс... — бывшую жену, если выражаться точно. Я тогда по случаю закрутил с одной очень хорошей девушкой, и черт меня дернул явиться домой не переодевшись, хотя на работе у меня в шкафу всегда висит костюм на замену и кое-то из спортивного, да и душ у нас там тоже имеется для рабочих, так что всё раскрылось только от лени и легкомыслия... в общем, когда я сильно под вечер явился домой, якобы со срочной работы, супруга сперва как-то вся напряжилась, потом принялась морщить нос, а затем, коварно прижавшись ко мне в прихожей, вдруг прошипела:

— Ты пахнешь Наоми...

— Правда? Это с Восьмого марта. Мы тогда всему женперсоналу дали по флакончику.

— Тебе не стыдно?

— Что мне должно быть стыдно?

— Ты хочешь сказать, что пара флаконов осталась и ты решил побрызгаться сам?

Я сделал недоуменное лицо... где-то отчасти даже с оттенком возмущения.

— Кэмпбелл — наглая самодовольная выскочка, — продолжала на-скакивать моя супруга. — С ней даже, помню, разорвали контракт за хамство с персоналом — не посчитались с неустойкой. К тому же ее карьера — вся в девяностых. Наоми стара как мир, а ты мажешь себя ее водичкой... Уж лучше бы от тебя пахло водкой или огурцами...

Тогда инцидент кончился всего лишь легкой размолвкой, я продолжал негодовать — но, как говорится, не на такую напал: мозг у супруги работал как компьютер, проколы мои множились, а однажды она, выследив нас, тайно явилась на место свиданья — ну, с той хорошей девушкой, — и много чего наснимала про нас из-за кустов на мобилку...

Эти фото потом оказались в суде, и нас быстренько развели, назначив ей алименты от виновной стороны... ну вот поэтому я теперь и один: денег на двоих мне уже не хватает, Вера тоже не богатейка, а все средства от Киану тратит на дело, то есть на котиков... ну и заходит порой, когда ей вдруг делается тоскливо, или болеют коты, или кончилась соль: нашей печальной соседской связи уже не меньше трех лет — или что-то вроде того.

Кстати и тогдашней моей девушке супруга устроила вырванные годы — намутила что-то через знакомых, и ту уволили с работы. А бедная пассия жила на служебной жилплощади... в общем, это как говорят про Ленина: у него брата убили, так он всем отомстил... В нашем случае брата никто не трогал, но неприятности получили все, и я в том числе: девушке пришлось вернуться в совхоз к родителям, а это почти пятьсот верст от нас по пересеченной местности — ехать автобусом целый день, и я с тех пор туда так ни разу и не добрался. Изредка мы шлем друг другу эсмэски — на Новый год и другие праздники: нас обоих тогда зацепило... — и отпускает очень небыстро. Как это в песне поется:

Почему-то так сложилось,
Ничего не получилось, -

И потом еще припев:

Каждый день теперь от скуки
Ты рисуешь эти глюки.

Девочка-кисточка,
Садомазохисточка...¹

Почему она кисточка, я, если честно, вообще не понимаю.

Феоктистыча в близком кругу звали попросту Муди Валин — и ввиду его разительного сходства со знаменитым актером, и отдавая должное особенностям его телосложения, манере поведения, а особенно его супруге Вале — по мужу, понятное дело, Феоктистовой, нимало против прозвища мужа не возражавшей.

Теперь Муди сидел на диване у низкого журнального столика рядом с Юриком Чайхановским, невзрачным программистом откуда-то из оборонки, из мелких, с каким-то не важным допуском, а хозяйка квартиры Анжела помещалась в кресле напротив и смущала гостей вызывающей маечкой, босыми пятками и с голыми ляжками в шортах.

Муди и Юрик умничали перед Анжелой.

— Бритва Оккама! — с важным видом хвастался Феоктистыч.

— Ящик Пандоры! — не сдавался Юрик.

— Нить Ариадны! — тут же находился Феоктистыч. — Ну что, съел? Юрик ненадолго задумался.

— Сиськи... — наконец начал он.

— Что сиськи? — ядовито уточнил Феоктистов.

— Шапка Мономаха! — радостно выкрикнул Чайхановский.

Теперь задумался Феоктистов...

Все трое всего пару часов как познакомились — Зинаида предупредила каждого по отдельности и велела им встретиться у Анжелы. Теперь мужчины вертели головами, как бы черпая эрудицию в окружающем их душном летнем воздухе.

— Меч Экскалибура... — неуверенно проговорил Феоктистов.

— Не "Экскалибура", а просто Экскалибур, — безжалостно поправила Анжела.

— Тогда... тогда — трубка Сталина... — решил идти до конца Муди Валин.

— Это не годится, — уверенно возразил Чайхановский. — Ты еще скажи "сиськи Анжелы"... — И он сделал презрительное лицо.

— И скажу! — тут же надулся Муди. — Сиськи Анжелы...

¹ текст — "Озоновый слой".

— Эх вы, идиоты... — неодобрительно проговорила владелица сисек. — Чмо бескультурное... поверхностное. И говорить надо, кстати, не "сиськи", а "грудка". Это понятно? Или, если в плюрале — то "грудки".

— Понятно, понятно... — загомонили Муди и Юрик, радуясь смене темы.

— Зинаида предупреждала меня, что вы не вполне адекватные, — продолжила она. — Теперь я и сама вижу...

— А нас — про тебя, — хмыкнул Муди и немного смутился.

— Что про меня? — не поняла хозяйка квартиры.

— Ну... что неадекватная... — с улыбкой пояснил Юрик.

Анжела поднялась с кресла, обдернула на вспотевшем теле свою едва достающую до пупа майку с невнятной яркой надписью на ирландском суржики, и направилась в ванную.

— Будут вам сегодня сиськи... — донесся из-за полуприкрытой двери ее голос.

Муди и Юрик многозначительно переглянулись.

— Так что у тебя с Зинаидой? — лениво поинтересовался я. — Давняя конкуренция?

— Кто ни о чем не спрашивает, тому не солгут, — назидательно проговорила Вера. — "Улисса" читал?

Вера иной раз реально умеет поразить собеседника.

— Зачем мне сдался этот нерусский Улисс? — скривился я. — Что мне пользы в семистах страницах рефлексий ирландского еврея? Как он побрился и что покушал в течение дня...

— Твое дело... — фыркнула Вера. — Эта сука топила котят!..

И она отправилась в туалет.

Вера, как она однажды обмолвилась, восходит по какой-то побочной линии к актеру-самородку Годовикову, открытому Мотылём и сыгравшему у него Петруху в "Солнце пустыни"... или даже еще раньше, и не Мотылём: что-то там вышло у Вериной матери с актером на съемках, и получилось Вера, а потом папашу закрыли на воровстве, это уже после первой отсидки... — в общем, тут явная параллель с семьей Киану: отец у него тоже мотал срок, пусть и по другой статье, — и сделался потом геологом, в отличие от Годовикова; так что со спонсорством Ривса — неудивительно, если, конечно, Вера сообразила поделиться с ним своей печальной историей, и даже роднящая их с Верой тяга к живот-

ным приобретает на этом фоне оттенок компенсации — ну, или выглядит одним из возможных объяснений их странной виртуальной связи.

Помолчали. В ванной что-то брякнуло, а затем послышался шум воды.

— Представь... — снова заговорил Феоктистыч, — сегодня реально пощадил Валентину...

— Как это? — лениво поинтересовался Юрий.

— Звонит, представляешь, такая с работы... — неторопливо принялся рассказывать Муди, — с утра вся тревожная... и хорошие двадцать минут грузит меня своими вещими снами.

— Ну и?.. — поддержал разговор Чайхановский.

— Ну и потом спрашивает: а что тебе, мол, снится, любимый?

— А ты?

— Ну я и ответил, злой такой со сна: да полночи, говорю, с девицей одной во сне кувыркался.

— А она?

— Она ничего. Хмыкнула, как кобыла — и трубку бросила...

— А в чем фишка-то? Чем ты ее пощадил?

— Ха... — хмыкнул в свою очередь Муди. — С девицей во сне я и впрямь кувыркался. Только девица эта — Валькина дочь от первого брака...

— Круто... — поразился Чайхановский. — И ты ничего не сказал?

— Реально не слова! — заверил Феоктистов.

В ванной тем временем загудел фен.

— А сколько же ее дочери? — без интереса уточнил Юрий.

— Тринадцать, — пояснил Муди. — Она когда по лестнице вверх впереди поднимается, у меня реально сдувает крышу. Хорошо, что это... ну, ты понимаешь. А то недалеко и до криминала с такой девчонкой. И Валька тоже чувствует. Хотя и молчит пока...

— Да, хорошо... — согласился Чайхановский.

— Набокову вообще памятник надо поставить... ну, что раскрыл эту темку. А то бы и не знали где там и что у нимфеток... В нравственном, я имею в виду, отношении.

— Ну, памятник не памятник... — подхватил Чайхановский, — но улицу так называли в Сорочинске...

— О! — удивился Муди. — Риэлли? Наконец-то! И Гоголь тут сыграл прикольно со своей ярмаркой.

— Да нет, это не гоголевские места, — охотно пояснил Юрик. — Под Оренбургом где-то Сорочинск. Ну и в Подмосковье в новой застройке тоже набоковских улиц уже полно, хули... Культура везде. Вон в Раменках в Трошково вообще типа Литераторские мостки: тут тебе рядом и Пушкина улица, и Пришвина, и Набокова, и Достоевского Фёдор Михалыча. А Набоков его на дух не переносил, Достоевского-то — ну и оно до сих пор аукается: у них драки и мордобой там между соседями каждую пятницу, вплоть до убийства. У нас с работы один там коттедж построил, на Бунина, третий от Набокова ряд...

Чайхановский замолчал. Муди повертелся на своем месте, затем потянулся и похрустел суставами.

— В Трошково от оборонки много участков давали, — раздумчиво продолжил Юрик. — И на Гумилева, и на Цветаевой. А Есенина с Маяковским не любят жители. Улицы по самому периметру, с краю, так там прямо днем лисы по участкам шастают, как дома. А ночью порой и кабан заявится в огород...

— Кабан хорошо... — заметил Муди. — Небось ружья у всех — только пали в него прямо с крыльца. Не то что на охоте... жилетку не надо по кустам трепать.

— Это да, — согласился Чайхановский. — Народ у нас небедный и все конечно с оружием, официально...

Оба помолчали.

— Хорошо наверно с нимфетками... — наконец задумчиво предположил Юрик. — А у меня одни стрелялки — и наяву и во сне... К психологу бы надо. Или лекарства какие... Но это теперь уже лишнее. Теперь есть чем заняться...

— Вот именно, — легко согласился Феоктистов. — И девственниц там тебе будет вдоволь, забыл?

— Аллах акбар, — мрачно проговорил Юрик.

— Акбар, — эхом откликнулся Муди.

— Ну что, как там твой перехват? — спрашиваю я Веру, когда она заходит якобы за солью. На самом деле у нее вечно ноет спина от таскания мешков с кошачьим песком на работе и Вера не против, чтобы я массировал ее чуть ли не ежедневно — но как воспитанный человек стесняется об этом просить и ждет когда я предложу массаж сам.

— А что перехват? — без интереса спрашивает Вера.

— Ну, его наверно надо попробовать... типа до нового года. А то неизвестно, куда на самом деле полетят твои ракеты из ящика. Может,

прямоком к светящимся окнам соседей. Особенно если у тех включена духовка.

— Да, — соглашается Вера. — Пожалуй надо будет попробовать.

— Конечно, — соглашаюсь я. — А то представь: влетает в форточку такое китайское чудо и заливает всё кругом вязкой тягучей жидкостью, как написано в инструкции... С тебя участковый потом с живой не слезет.

— У меня спина... — деловито возражает Вера.

Мы молча поднимаемся из-за стола в кухне и идем курить на балкон.

— А слушай... — вдруг снова говорит она. — Ведь у меня с "Перехвата" еще осталась пара "Лоуджеков", они там без счета валялись в студии. А потом я приемник к ним на Али докупила, сигнал выводит прямоком на мобилку, всё почти что легально. Так что тоже можно попробовать... ну хоть на суке Зинаиде...

Я мигаю глазами.

— Я что, не рассказывала? — удивляется Вера. — В девяносто восьмом я разок съездила угонщиком на шоу Фоменко, не помнишь такое? Там у нас были машины угнанные с маячками, а полицаи нас ловили. Было круто...

— Так что, мы маячок этот прицепим к ракете? Ничего не понимаю...

— Нет-нет! — возражает Вера. — Маячок мы прицепим Зинаиде... я даже знаю как. Давно хочу за ней проследить. Она к нам таскается в приют по выходным — якобы посмотреть на котов, сучка.

Вера не устает поражать меня историями из жизни. Теперь вот еще шоу Фоменко. А однажды она участвовала в протестной акции на взлётке военного аэродрома, и по ним реально стреляли боевыми патронами — сперва поверх голов, а потом были жертвы. Этой истории можно было бы не поверить, но она тогда просочилась в прессу и на фото захвата демонстрантов ясно видна Вера, не перепутаешь. Она тогда отделалась психдиспансером, где стояла на учете по диссоциативному расстройству...

Хехе... так может быть Зинаида оттуда?

— А она не со взлётки? — недолго думая, уточняю я. — Ну, Зинаида?

Вера медленно поворачивает ко мне голову.

— Ну у тебя и дедукция... — уважительно выдавлиывает она из себя.

— Ой, извини, я не слышала... Волосы сушила... Да... Нет, сейчас с парнями поедem тут... Одно дельце... Да какое? Я их впервые вижу... Сегодня... Так получилось... Нет, серьезное такое по жизни дельце... Да, как на права сдавать, точно... Ну... не поминай лихом, подруга... Ничего... Шутка.

— Чего расселись?

Из ванной Анжела появилась полностью готовой к выходу: с уложенными волосами, в черных джинсах и черной рубаше военного образца — с карманами и погончиками где только можно — и в коротких носочках-следках под кроссовки.

— Чего грубишь, хозяйка? — полушутя возмутился Муди.

— Чего... — раздраженно проворчала Анжела. — Полдень... Не заметили? Намаз...

Все трое опустилиcь на ковер на колени, немного пошептали губами в сторону солнца, трижды поклонились до пола.

— Поднимаемcя... — закончила молитву Анжела. — Время...

— Вон она... — прошипела мне Вера на ухо.

Зинаида, крупная голенастая тётка шагах в двадцати впереди нас, незаметно, но в то же время со значением поддеpнула под легким полупрозрачным платьем подсползшее бельё, проглотила слюну, набежавшую при виде лотка от "Starbucks" со свежесожатыми соками, и, толкая перед собой небольшой чемоданчик на колесах, двинулась к платформе номер семнадцать на посадку. Маячок из сумки, болтающийся у нее на плече, рисовал на экране Вериной мобилки жирную зеленую точку.

— Существуют грехи, — возвестила Вера, бодро шагая рядом со мной следом за Зинаидой, — или... назовем их так, как называет их мир... дурные воспоминания, которые человек стремится забыть, запрягать в самые дальние тайники души — однако, скрываясь там, они ожидают своего часа.

— Это что еще опять? — заинтересовался я. — Улисс?

Следом за Зинаидой к платформе двигались еще трое: двое мужчин и женщина, все в черном и одинаково громоздкие, как будто поддевшие под одежду по паре свитеров.

— Он может заставить память о них поблекнуть... — продолжала речитативом Вера, — ...может забросить их, как если бы их не существовало, и почти убедить себя, что их не было вовсе или, по крайней мере, что они были совсем иными. — Она глотнула слюну и продолжила: — Но одно случайное слово внезапно пробудит их, и они явятся перед ним при самых неожиданных обстоятельствах... И это видение не обрушится на него во гневе, не причинит оскорбления, не будет мстить ему, отторгая от живущих. Нет, оно предстанет в одеянии горести, в саване прошлого, безмолвным и отчужденным укором.

— Ты лучшая... — выдавил я из себя. — Может, нам пора съехаться?

Мы шагали уже по платформе, прокладывая себе путь сквозь толпу пассажиров и провожающих и неуклонно нагоняя Зинаиду и троих ее спутников.

— А теперь смотри как оно будет, — тихонько проговорила Вера, кивая на нашу цель впереди у вагона. — Она их посадит, этих троих, а сама как бы замешкается. Сука. Как котят...

— Да кто ты, соседка? — выпучил я глаза. — Ты секретный агент?!

— Не ори... — строго прошипела Вера. — Я пасу ее уже три месяца. Купила в ДаркНете прослушку...

Тем временем на платформе впереди у вагона вдруг что-то неуловимо изменилось. Толпа как бы замерла... затем все головы, как по команде "равняйся!", повернулись в одну сторону... — а еще через мгновение и Зинаида, и ее спутники в черном уже лежали лицом вниз на асфальте, прижимаемые к земле крепкими неприметного вида мужчинами в одинаковых серых костюмах.

— Уходим! — дернула меня за рукав Вера. — Уходим, я тебе говорю...

— Что это было? — почти в голос заорал я, когда мы снова оказались на привокальной площади.

— "Что было, что было..." — передразнила меня Вера. — Силовики оказались быстрее, вот что это было...

— На что ты рассчитывала? — продолжал орать я.

— Ты мой пупсик... — скроила гримасу Вера. — Конечно я рассчитывала на тебя... на что же еще?

Я стоял перед ней и мигал глазами.

— Поедем... — наконец проговорил она. — Мне пора кормить котов. А потом мы с тобой конкретно напьемся... Этот перехват... ну, он нам просто не удался... Попробуем теперь на Новый год. Пык?

Анатолий Сахоненко

Мурманск

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

Утром, в те ранние часы, когда он просыпался первым, он всегда аккуратно, чтобы не спугнуть хрупкий предрассветный сон, наклонялся над её головой и тихонько целовал прямо в макушку. Но, несмотря на всю осторожность, чаще всего не нарушить сон не удавалось. Такая традиция сложилась за долгие годы их совместной жизни и очень ему нравилась, несмотря на возмущённое поскрипывание или ворчание спресонок. По поводу того, что ей ещё рано вставать, или: «Что ты за эгоист такой, не даёшь мне никогда выспаться». Ему же, помимо того, что приятно было вдохнуть аромат любимых пушистых волос, забавна была её реакция на бесцеремонное вторжение в святая святых — в утренний сон. Реакция, колеблющаяся от резко негативной (когда запросто можно услышать про себя такие вещи, которые в себе и не подозреваешь), до относительно спокойной, ограничивающейся тем самым недружелюбным поскрипыванием, на еле уловимом для слуха уровне. Перерывы в этом своеобразном развлечении случались, но нечасто — в те дни, когда они пребывали в ссоре и спали в разных комнатах. Но даже и тогда, при условии, что обида с её стороны не была «смертельной», он старался выполнить свой утренний ритуал. Если же такая ситуация повторялась несколько дней кряду, то иногда он слышал в свой адрес обещание:

— Завтра я специально встану раньше и разбуджу тебя ни свет ни заря — хорошо тебе будет?

Он соглашался, но при этом добавлял:

— Только при условии: разбудить тем же способом, что и я тебя!

Но почему-то этого так ни разу и не дождался...

В то самое утро, когда он впервые почувствовал запах, всё должно было идти как всегда: никаких происшествий, ничего неожиданного, всё такое уютное и милое. По графику у неё стояла вторая смена на работе, поэтому он, проснувшись первым, машинально-привычным движением склонился над её головой. Но что-то странное, необычное отвлекло его внимание, не дав с ходу окунуться губами в пушистое мо-

ре. Замерев на мгновение буквально в сантиметре от подушки, он почувствовал какой-то новый запах от её волос. Запах этот был абсолютно посторонним и примешивался к обычному, даже слегка его перебивая. Он не был резким или неприятным, чуть-чуть горький, да. Но главное, он не был замечен никогда ранее. А сейчас вдруг появился, откуда ни возьмись. Что для его жены, которая пользовалась всегда одними и теми же проверенными средствами, было совсем несвойственно. Она не любила экспериментов, в том числе и в выборе шампуней. Однако времени на размышления, в связи с этим не было, — он быстро, едва прикоснувшись к волосам, «клюнул» её в голову и, не дожидаясь ответной реакции, вышел из спальни.

Немного позже, за чашкой кофе, он вдруг опять, отчётливо, но всего на мгновение почувствовал этот новый запах. Как-то неуловимо тот просочился сквозь кофейную преграду и так же таинственно исчез. Не уверенно, сам себе пожав плечами, словно стремясь стряхнуть это навязчивое, он поспешил выйти из дома, досадуя, что забывает свою голову всякой ерундой. С другой стороны, такой незнакомый запах от такой знакомой жены может ведь значить и что-то более серьёзное, если на секунду дать волю своей фантазии и подозрительности. Но едва он вышел за порог, в парадную, все эти дурные мысли сразу улетучились — обычный ежедневный бег начался. Агнесса, воспитанная и жизнерадостная бульдожка с третьего этажа, всегда выходившая на прогулку в то время, когда он отправлялся на работу, каждый раз норовила познакомиться с ним всё ближе и ближе, — как он ни прижимался к стене, как ни пытался проскочить мимо «козликом», — мокрые следы её восторга неизменно оставались у него на брюках. Или всё-таки дело в её хозяйке по имени Алевтина, симпатичной молодящейся шатенке? Ведь следуя здравому смыслу, собака же не сама выбирает время для прогулки! Никогда не допускавший даже мысли о возможном, а точнее о невозможном адюльтере, он гнал от себя саму тень соблазна — «а что, если вдруг...»

Рывок на остановку за вечно пытающимся сбежать автобусом, а затем очередной сумбурный день, наполненный звонками, разговорами, суетой и житейскими заботами, и вовсе стёрли из памяти утреннее недоразумение.

Каково же было его удивление, когда на следующее утро, проснувшись, он первым делом опять почувствовал тот же самый запах! Жена уже ушла на работу, но запах задержался на её подушке, будоража воображение и подпитывая страшные подозрения. Причём ему показалось, что даже стал более резким, тяжёлым. Твёрдо решив выяснить, в

чём же дело, он отправился в ванную комнату и минут пять, сознавая всю ненормальность ситуации, разглядывал полочку с шампунями и бальзамами для волос, как будто надеясь найти там какой-то ответ, но, конечно, безрезультатно. Шампуни вроде бы были все прежние, но нельзя было поручиться за это на все сто процентов. Подавив невероятным усилием воли желание позвонить жене на работу и устроить допрос по телефону, он взял-таки себя в руки, решив перенести разговор на вечер. «Наверняка ничего серьёзного, сам себя накручиваю. Что за глупости?» — наиболее оптимальная позиция, чтобы не мучиться и не страдать, пока нет существенной причины. То, что у него есть такая черта в характере — из пустяка раздувать глобальную проблему, — он старался не забывать. «Мнительный мазохист», — так изредка он шутил о себе.

Однако день решил всё-таки не заладиться: два неприятных, сложных разговора ждали его сегодня. Точнее, один разговор, на одну тему, но поочерёдно, с двумя старыми приятелями. Разговор этот вертелся вокруг бильярда, точнее вокруг того, что он уже давно перестал приходить на их совместные мини-турниры. Раньше они собирались вчетвером раз в неделю, в общий выходной, и устраивали ночь бильярда — играли пара на пару, вызывали на командный поединок других завсегдатаев бара. Все четверо с детства любили игру на бильярде, одно время в их кружкё даже витала идея поставить у кого-нибудь дома стол и собираться по-домашнему и чаще. А закончилось это тем, что он почти перестал появляться на их мероприятиях, — жена считала, что выходные нужно проводить исключительно в семейном кругу. Днём — поход в большой ТРК, иногда фитнес-центр, а вечером можно устроить просмотр новой мелодрамы с бокалом вина. Ну, или к родителям, на отчёт. Все его старания вырваться из этого начертанного ею круга принимались в штыки. И если поначалу прогулы его были редки, казались больше случайными, чем закономерными, то вот уже как полгода ему удавалось вырываться максимум раз в месяц. Он постоянно придумывал какие-то непреодолимые обстоятельства, форс-мажорные ситуации, но друзья, понятное дело, совсем перестали ему верить. Тем не менее, они, верные их старому союзу, искать ему замену считали неким предательством и намеревались завлечь его обратно. Вот такие разговоры, наполненные упрёками, претензиями, попытками вырвать у него обещание явиться, пришлось ему выдержать в тот день. Как и прежде, ему не оставалось ничего другого, кроме как выдать очередные обязательства своего участия в совместных сборищах. Обязательства — и он

понимал это, — которые вряд ли у него получится выполнить полностью. Ошибся же он только в причинах этого.

Вечером, уже дома, он очень осторожно, стараясь не разжечь пожар своими подозрениями, поинтересовался у жены: меняла ли она шампунь или бальзам для волос в последнее время, или, может, стала пользоваться новой туалетной водой? Получив отрицательный ответ, ему, со своей стороны, тоже пришлось удовлетворить её любопытство о цели расспросов. Торжественно признавшись, что уже некоторое утро чувствует от неё, от её волос новый запах, он внимательно стал следить за реакцией, пытаясь определить для себя, есть ли вообще смысл волноваться по этому поводу. Но прояснить так ничего и не удалось — ещё раз подтвердив, что ничего нового в свой косметический «рацион» не вводила, она поинтересовалась:

— А что, запах неприятный, не нравится тебе?

— Не то чтобы он мне не нравится, просто он совсем незнакомый, не могу его разобрать. Не духи точно, но и не шампунь. Не знаю.

— Ну, тогда и не морочь мне голову, и себе заодно!

Вероятно, этой установкой всё бы и закончилось, наверняка он бы так и поступил, но позже, укладываясь спать, в непосредственной от неё близости он снова почувствовал не признанное ими обоими преступное амбре. И опять, как и в предыдущих случаях, он сопоставил этот запах с ней, определил его принадлежность жене, но повторно начинать разговор не стал. Было понятно, что если он и узнает происхождение таинственного запаха, то точно не от неё. Утром же случилось то, что происходило только во время серьёзных обострений в их отношениях: он, встав первым, не стал её целовать. Но не ссора стала причиной такого невнимания, а то, что пробуждение его наполнено было этим самым, навязчивым уже до возмутительности запахом. Едва открыв глаза, ещё не до конца перейдя ту грань, что отделяет объятия Морфея от реальности, он словно окунулся в него с головой. И сам запах стал гораздо резче, отчётливей, и неумолимостью своей раздражал уже не на шутку. Но вот удивительно: запах, словно поиграв с ним, подразнив, создав переполох в мыслях, как-то быстро улетучился. От него, секунду назад такого неотступного, не осталось ни малейшей тени. Ситуация эта повторялась как по расписанию, два раза в день — утром и вечером, рядом с женой или после встреч с ней его преследовал этот запах, всегда по одной и той же схеме: налетев, как порыв ветра, растревожив обоняние, он точно так же стремительно исчезал. Изредка он посещал его и вне дома, на работе, но в подавляющем большинстве случаев неразрывно был связан с его второй половиной.

Она же, в те моменты, когда он пытался возобновить своё расследование, поначалу удивлялась, так как никакого необычного запаха не чувствовала, а потом и вовсе потеряла интерес к этой теме, видимо, посчитав, что если это такие игры с его стороны, то они непозволительно затянулись. Со временем, коварный запах из нейтрального, доставляющего только лёгкое беспокойство своим неопознанным происхождением, превратился в настоящее мучение для его нервов.

Так пролетело две недели, всё шло в рутинном режиме: утром — на работу; в парадной — Агнесса, норовящая войти к нему в доверие, и её хозяйка, бросающая на него томные взгляды; после работы — в магазин; потом — домой на ужин. Пока не встретил старого знакомого и, вспомнив, что тот где-то когда-то учился по медицинскому направлению, не спросил у него совета насчёт всей этой истории. Каким же было для него потрясением, когда тот, разбавляя своё пояснение мудрёными медицинскими терминами, рассказал ему, что появление каких-то посторонних, неестественных запахов может означать серьёзное заболевание, связанное с гормональными нарушениями! Добавив, по-видимому, для успокоения, что в большинстве случаев в группе риска женщины, приятель посоветовал отправить жену на обследование и написал ему в смс название этой болезни. «Не затягивайте с этим!» — напутствовал он.

В тот день, придя домой в крайне сильном смятении, он сначала включил ноутбук (а обычно он сразу бежал в душ) и набрал название болезни в поисковике. Первая же статья, посвящённая этому заболеванию, подтвердила всю информацию, выданную его товарищем. Да, один из симптомов — непонятные запахи, да, если вовремя не среагировать, болезнь может быть смертельной. Он почувствовал лёгкую панику, стало холодно так, словно его окунули в ледяную прорубь. Даже не дочитав до конца, выхватив для себя только основные моменты, он в полной прострации всё же отправился в душ, стараясь избежать встречи с женой. Испугался, что слёзы, так предательски подступившие к глазам, его выдадут. И что он тогда ей скажет?! Там, включив максимальный напор, сделав погорячее, насколько можно выдержать, он попытался собраться с мыслями.

«Сначала нужно как-то ей объяснить, почему нужно обследование. А с другой стороны, может, лучше сразу ничего про это не говорить, а придумать какой-нибудь “левый” предлог? Вдруг всё обойдётся, и смысл тогда её раньше времени огорчать? Но и время терять нельзя»... Сумбур в голове рос по мере появления разных вариантов для дальнейших действий. Неожиданно в дверь ванной постучали:

— Ты не заснул там? Всё давно остыло!

— Да, выхожу, — появившись на кухне, он старательно прятал глаза, не отводя их от тарелки.

Он совершенно не мог понять, не знал, как начать этот разговор. Вяло поковырявшись в еде, чем немало удивил жену, привыкшую к его аппетиту, он принял единственно верное решение — перенести объяснения на следующий день. «Ещё раз обдумаю, как и что сказать, чтоб мягче и деликатней получилось», — такое решение показалось ему мудрым, правда, на секунду мелькнула мысль, что он смалодушничал, струсил... Но только на секунду. Хотя и на следующий день, и через день он так и не набрался смелости, чтобы приступить к задуманному. Ничего, кроме избитой фразы «нам нужно серьёзно поговорить», в голову не приходило, но слишком часто эта фраза использовалась для обсуждения обыденных вещей. И это его смущало. Он не мог себе представить реакцию жены на такое известие. Что может чувствовать человек, которому сообщают такую новость? Здесь тоже была заминка — он не мог решиться сказать ключевую фразу. Как вообще она должна звучать? «Дорогая, не хотел бы тебя расстраивать, но ты dangerously больна»?

Нет, надо отдать должное: он уже почти начинал разговор, но неизменно осекался, терял мысль и натужно переводил его на совсем отвлечённую тему. Ему хотелось найти какие-то особенные слова — слова, которые бы соответствовали такой ситуации. Но у него не получалось, и в конце концов он нашёл новую отговорку для переноса. «Расскажу всё на выходных! В будни по вечерам все уставшие, времени для серьёзного разговора нет, а там как раз и время будет, и мысли появятся».

Дотянуть же до выходных и не проговориться оказалось сложнее, чем он думал. Каждый раз, обсуждая с женой те или другие домашние дела, он старался не выдать своё настроение, показательно держался «бодрячком», но, видимо, что-то фальшивое сквозило во всём его виде, так что она пару раз даже поинтересовалась, что с ним. А настроение у него было аховое — привычка прогнозировать всё самое плохое рисовала в его воображении ужасные картины.

Врачи ставят неутешительный диагноз. «Вы слишком поздно к нам обратились». И вот он уже сидит в больнице, у постели умирающей жены.

В такие моменты, когда самые худшие предположения овладевали им, он, стараясь не смотреть на жену, чтобы себя не выдать, сбегал в ванную и долго стоял под душем. И там уже давал волю своим эмоци-

ям, вода и слёзы смешивались и утекали, и он выходил, на какое-то время успокоившись.

А в субботу весь его тщательно выстраданный план рухнул, как картонный домик. Замешкавшись с утра, он, выйдя из спальни, обнаружил, что его жена куда-то собралась и стоит в прихожей уже почти одетая. Очень удивившись, что он ничего не знает о её раннем уходе из дома, он получил весьма легкомысленный ответ в свойственном ей стиле:

— А что, я разве тебе не говорила вчера? Нет? Странно... Мы с девчонками в фитнес-центр, на целый день. Но мне кажется, я говорила тебе! Ты пропустил мимо ушей, как обычно!

И быстро упорхнула, давая понять, что никакой спор ей не интересен, тем более в начале выходного, обещающего быть ярким и наполненным всяческими приятными событиями. Так он и остался стоять, тупо уставившись на закрывшуюся за ней дверь, медленно закипая из-за того, что опять всё пошло не так, как он задумал. И впервые у него мелькнуло в голове что-то злое! «Ладно, посмотрим, как ты запоёшь, когда...» Тут же, словно устыдившись, он отогнал эти мысли прочь: «Ну она-то откуда знает, что у меня важный разговор? Я же не предупреждал. Правда, и сама могла сказать, что на фитнес с утра идёт!» Затем он вспомнил, что такие ситуации, когда она куда-то собиралась, с кем-то о чём-то договаривалась, планировала своё время и при этом не ставила его в известность, были неотъемлемой частью их семейной жизни. И если до этого он как-то привык к её пренебрежению и смотрел на это снисходительно, то вот сегодня это уже было чересчур. Опять нечто предательское зашевелилось у него в подсознании, но, не дав этому «нечто» оформиться во что-то связанное, он пресёк бунт: «В конце концов, день только начался — вечером сядем и поговорим. Да и завтра выходной».

Только ни вечером, ни в воскресенье никакого разговора опять не получилось. После фитнеса ему было сказано: «Я так устала, тренер нас так затаскал — еле на ногах стою. Давай потом?» Ну а в воскресенье оказалось, что «мама ждёт нас, у неё важная дата — день, когда познакомились её родители», или что-то в этом роде. Нужно обязательно быть и мило улыбаться, и радоваться всем вместе, и что у них тоже крепкий союз, продемонстрировать. И вот это он ненавидел ещё больше — одно дело, если она забывала его предупредить о своих планах, но совсем переходило все границы, когда в последний момент он узнавал, что сам должен куда-то идти. В начале их совместной жизни

он ещё как-то боролся с такой беспардонностью, но потом плюнул — больше уходило нервов, причём напрасно.

Отбывая же на семейном «торжестве» очередную повинность, он вдруг отчётливо понял, как от всего этого устал. В какой тупик зашли их отношения, если они не могут просто сесть и спокойно обсудить что-то важное, касающееся их обоих. Как его измучила жизнь «галопом», когда не получается найти время и сказать жене, что, возможно, она опасно больна. И вот тут в его голову пришла мысль, от которой он просто оторопел, испугался её преступности и подлости, испугался так, что сразу стал выпихивать её обратно, куда-то, откуда она появилась, лишь бы от неё не осталось и следа. Он на минуточку, буквально на самую малость представил, что остался один, что её больше нет. Представил, как он убит горем, как все его поддерживают и утешают. Все друзья и коллеги подчеркнута внимательны и деликатны. Как он мужественно переносит эту утрату, как ему плохо и тоскливо. Хочется выть от отчаяния! Но он всё выдерживает — время залечивает и такие раны тоже. И вот он уже восстал из пепла, возродился для новой жизни. И для новых отношений!

Когда они вернулись от её родителей, у него уже не было ни сил, ни желания начинать объяснения с женой. Хотелось махнуть на всё рукой — «пусть будет, как будет!» А позже, когда он лёг спать, гаденькие мыслишки опять стали будоражить его воображение, перед глазами почему-то замаячила Агнесса, то есть не она, конечно, а её хозяйка, и она очень откровенно намекала на всяческие радости, связанные с её несомненными достоинствами. Собака вертелась тут же и, прыгая невероятно высоко, своим шершавым, тёплым языком лизала его прямо в нос. Он зачихался, как вдруг в их компании обнаружился один из его друзей и, укоризненно попеняв ему на то, что он опять пропустил игру на бильярде, заговорщицки подмигивая, стал соблазнять его тем, — что «и стол можно было бы к тебе поставить», и «смотри, какая красotka вокруг тебя вьётся», почему-то указывая ему при этом в сторону собаки. Затем, взявшись за руки, причём Агнесса увеличилась до человеческих размеров, они стали водить вокруг него хоровод и петь тоненькими, дурашливыми голосами. После этого началось нагромождение совсем уже каких-то диких, не поддающихся никакому пониманию образов, и он провалился в глубокий сон.

Проснувшись утром с тяжёлой головой, он даже обрадовался, что один в квартире, долго вспоминал свой сон, а вспомнив, пришёл к выводу о разумности некоторых доводов, проявившихся в этом сне. На самом деле, он мог бы зажечь абсолютно другой жизнью — жизнью спо-

койной, уравновешенной, но направленной, при всей своей положительности, на извлечение из неё удовольствий. «И да, — сказал он сам себе, — стол можно будет поставить в комнату!» Но, снова почувствовав укол совести, он отогнал эти фантазии, которые по справедливости, при живой ещё супруге, были, конечно, омерзительно подлыми. И до того ему стало противно и гадко на душе, что он перенёс свой выход из дома на пять минут, перенёс с целью избежать ежедневной встречи в парадной.

Он с ужасом вспомнил, что после разговора с товарищем прошла уже неделя, а с момента, как он впервые почувствовал запах, — целых три. Вспомнил, как долго и, казалось, безнадежно ухаживал за женой, как от радости чуть не «выпрыгнул из штанов», когда она ответила ему взаимностью. Как день, когда она согласилась выйти за него, стал для него самым счастливым днём в его жизни. К нему пришло отчётливое осознание того, что нельзя, даже мысленно, даже если в последнее время отношения пошли наперекосяк, ставить под сомнение супружескую верность и преданность. Что жена, при всех её недостатках, обнаруженных за эти годы, всё же не бильярдный стол, не друзья-товарищи, какими бы распрекрасными они ни были, и даже не Агнес... тьфу, не соседка, бросающая на него откровенные взгляды. Что любимая жена — это надолго, даже, наверно, навсегда.

Спустя десять дней они сидели в медицинском центре, удобно устроившись в креслах приёмного кабинета, ожидая результаты анализов. В тот час — час его внутреннего раскаяния перед самим собой — он позвонил в медицинский центр и договорился о первичном обследовании, заказав сдачу анализов на двоих. Оплатил вперёд, что было не в его правилах — он любил откладывать расчёт до последнего, настраивая себя на то, что время для глупых фантазий и колебаний закончилось и нельзя терять ни минуты. Зная, как его жена не любит обращаться к врачам, он решился на самый весомый и не поддающийся оспариванию аргумент. Сдавать анализы они будут вместе: они уже достаточно долго женаты — годы идут, и пора подумать о ребёнке! А для этого желательно... нет, необходимо пройти хотя бы минимальное обследование! Да и стариков пора уже обрадовать!

Ошарашенная такими доводами жена, немного повозмущавшись из принципа, конечно, согласилась. Сам же он планировал, сдав анализы, в дальнейшем от обследования увильнуть, так как уже выяснится её недуг. По крайней мере, так он себе нарисовал эту картину. Все десять дней он был с ней максимально вежлив и предупредителен, говорил ласковые слова и практически перестал с ней препираться. Ещё недав-

но на споры и выяснение отношений у них уходила куча времени, а сейчас он во всём с ней соглашался. Он, уверив себя в её болезни, был с ней мягок и внимателен к её капризам. Жена, отвыкшая от таких нежностей, даже пошутила однажды:

— Если бы я тебя не знала, то подумала бы, что ты мне изменил! Цветов только не хватает для полноты ощущения!

Он смутился и после работы забежал в цветочный ларёк. Закончилось тогда всё очень хорошо. Уже ночью, обняв её и засыпая, он подумал: «Вот почему, чтобы вернуть прежние отношения, чтобы понять, как тебе дорог человек, нужно обязательно бояться его потерять?»

В кабинете он взял руку жены в свою, понимая что когда она узнает, он должен быть к ней как можно ближе, и поэтому лучше держать её за руку. Она удивлённо приподняла брови, но улыбнулась — к хорошему привыкаешь быстро. Доктор, ещё раз уточнив их фамилию, поблёскивая стёклами очков, перебирал на столе бумажки с анализами, но почему-то никак не мог найти их результаты. Он даже запыхтел от усердия, а потом, вдруг щёлкнув пальцами, полез в отдельный лоток с наклейкой «срочно, важно», видимо, вспомнив что-то. Вот эта надпись «срочно, важно», сделанная к тому же большим шрифтом, сразу сгустила атмосферу в кабинете — возникло напряжение, осязаемое почти физически; всё стало тягучим и неестественным, как в замедленной съёмке. Он почувствовал, что рука его похолодела: то, что он давно уже знал, сейчас должно было приобрести официально подтверждённый статус.

— Ну-с, друзья мои, новости, конечно, не совсем хорошие. Прямо скажем, неприятные новости, — доктор заметно волновался, и волнение его передалось им, накрыв волной липкого, противного беспокойства.

Он ещё крепче сжал её ладонь, давая таким образом понять, что всегда будет рядом, что бы ни случилось, и какой бы ни был диагноз, она может не сомневаться в его поддержке.

— Послушайте, у вас довольно редкое заболевание, связанное с нарушением гормональных функций организма. Мы относим такие заболевания к классу эндокринных. Да... Впрочем, это не настолько важно сейчас. Главное — понять, начался ли опухолевый процесс, и принять срочные меры по его купированию. Для этого понадобится более тщательное обследование. Но хорошо, что мы выявили болезнь на достаточно ранней стадии, чтобы успеть использовать все средства для лечения! — доктор, поборов эмоции, уже вошёл в свою стихию и уверенно оперировал медицинскими терминами.

Они с женой переглянулись, и тут она задала вопрос, показавшийся ему в тот момент очень странным:

— Доктор, так это заболевание, как вы там его называли... оно что, у нас обоих? Разве так бывает?

— Ох, извините, что-то я растерялся немного, не с того начал, — доктор в самом деле выглядел слегка обескураженным. — Нет, конечно. Речь идёт о вашем муже! Но ещё раз хочу повториться: вы не переживайте сильно, ключевое, что болезнь в самом начале развития и, собственно, всё в наших руках! — он старался, чтобы его слова звучали убедительно. — Мы сможем всю ситуацию держать под контролем, я вам сейчас напишу направление на углублённое обследование, а кое-какие препараты для повышения... — тут доктор опять употребил специфический термин, — ...принимать начнём уже сегодня.

Он же сидел ошеломлённый, не воспринимая окружающее, — так, вероятно, чувствует себя человек, к которому подкрались сзади и дали по голове чем-то тяжёлым. Не убили, нет, но внутренне он чувствует себя именно так! Мысли его скакали, как блохи, перепрыгивая с одного направления на другое, лихорадочно пытаясь уцепиться за что-то, что вернуло бы его на твёрдую почву.

«При чём здесь вообще я, это же она заболела... Что он там болтает, понятно же, что анализы перепутаны... и предрасположенность ведь у женщин... что теперь — лучевая терапия, биохимия... нет, этого не может быть, запах же от неё непонятный... а вот, точно, запах!»

Ухватившись за эту спасительную идею, постаравшись придать своему голосу уверенность, он, как ему показалось, хладнокровно обратился к доктору.

— У вас наверняка перепутаны анализы, у меня же никаких симптомов нет! А вот у жены симптомы я уже три недели замечаю, — при этом заявлении он краем глаза заметил её изумлённый взгляд, направленный в его сторону. — Я тебе потом всё объясню! — на секунду обратившись к ней, он вопросительно уставился на доктора.

Тот, ещё раз пробежавшись по своим бумажкам, пожал плечами.

— Да нет. Никакой ошибки, у нас всё строго. К сожалению, у вас обнаружены все признаки этого заболевания. Есть, конечно, небольшой шанс на естественную ремиссию, но обольщаться не стоит — на моей памяти такого не происходило. Крайне призрачный шанс...

— А то, что эта болезнь — женская, ею преимущественно женщины болеют? — он ещё пытался ухватиться за последнюю соломинку, уже совершенно не обращая внимания на удивлённое лицо жены.

— Это не более чем домыслы, не подтверждённые никакими доказательствами. Женщины болеют чаще, это да. Но не в таких пропорциях, чтобы назвать эту болезнь женской. Кстати, вот вы говорили про какие-то симптомы у жены. Если можно, расскажите подробнее об этом. Откуда вы это взяли?

— Ну, я стал чувствовать от неё запах, которого прежде не замечал, непонятно было, откуда он вообще взялся... Потом мне сказали про это заболевание... Я посмотрел в интернете статью, на медицинском сайте. Там было написано, что первый признак — появление странных запахов. Ну, я и подумал... насчёт обследования... — голос его звенел натянутой струной, готовой вот-вот оборваться.

— Я вас понял. Да, есть такое — когда запах неожиданно появляется и так же резко исчезает. А сайт не помните, как называется? — доктор смотрел на него с явно читающейся жалостью — так смотрят на больных, лишившихся последней надежды, но тщетно цепляющихся за какую-нибудь мелочь.

— Да там первый сайт по ссылке, в Яндексe, он на самом верху в поиске!

Доктор, повернувшись к монитору, несколько минут пристально изучал содержимое статьи, потом, покрутив пальцами ручку, стал что-то писать на бумаге. Затем отложил всё это в сторону, долго тёр тыльной стороной ладони подбородок, вздохнул — стало понятно, что он тратит время.

— Ну так что? Что там написано? — её слова прозвучали слишком громко, но тон был спокойным как никогда.

Доктор же, очнувшись, всё своё внимание направил в его сторону, аккуратно подбирая слова, словно боялся обидеть.

— Вы знаете... Вы, наверно, тогда сильно расстроились, растерялись! Переживали за близкого человека... Это и понятно! Торопились, когда читали... Поэтому не обратили внимания на детали: там написано, что признаком заболевания является не запах от человека — от людей вообще разные запахи бывают, — а именно то, что человек, заболевший, сам начинает чувствовать непонятные запахи! Вот у такого человека это и есть начальный симптом заболевания!

В кабинете повисла тишина. Такая тишина бывает, когда присутствующим не хватает смелости что-либо сказать, все опасаются «ляпнуть» что-то глупое, не соответствующее ситуации, и тем самым сделать ещё хуже. Были слышны только тревожно гудящий компьютер и прорывающийся из окна шум города.

Он на ватных ногах встал с кресла и, как-то несуразно съёжившись, не дожидаясь жену, потащился в сторону двери. В голове крутилась только одна мысль: «Где же я нагрешил-то так? Почему это случилось именно со мной?»

Утром, в те ранние часы, когда он просыпался первым, он всегда наклонялся над ещё спящей женой и аккуратно целовал её...

Мира Кузнецова

Балтийск, Калинингр.обл.

МЕМУАРЫ ДУРЫ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ-НЕПОВТОРИМЫЙ

*Утренний кофе. Шторы вразлёт. Пение птиц
оглушающе громко...*

Инстаграм снова нахально выдал обещанье счастья. «В течение часа в вашей жизни случится чудо. Не верите? Пройдите мимо. Хотите счастья — нажмите на сердечко». Я провела пальцем по экрану смартфона, пролистывая страницу, совершенно случайно задела лайк. Значок тут же сменил цвет, прощаясь со мной уже пылающим сердцем. «Что ж, чудо так чудо», — хмыкнула я и сменила страницу. Губы коснулись кофейной пенки, а я мысленно повторила привязавшуюся строчку, не рожденного стихотворения и тут зазвонил телефон.

— Нью? — привычка мурлыкать «да» гаджету выкорчёвывалась мной изо всех сил. «Нью» прижилось. — И? Что молчим?

— Не поняла, что ты там сказала? Нью? Я же не вижу. Конечно, можешь и «нью». Кто тебе запретил — сама хозяйка своему телу.

Я улыбнулась растерянности подруги и сказала.

— Привет. Рада тебе. Что нового? Как у вас?

— У нас все «ок». А у тебя вот. Тебя ищет мужчина.

— Давно и безрезультатно? — хмыкнула в трубку и вдруг захотела курить.

— Не знаю сколько ищет. Но знает тебя давно. Лет сорок.

— Круто! Я-то и то, пожалуй, себя столько не знаю. Всё ещё ищу возможность узнать себя поближе, а ты говоришь, что есть такой... мужчина. Ну, колись, кто такой — хватит держать интригу.

— Аш. Помнишь такого? Сорок лет...

— Помню. Единственный и неповторимый секс в моей жизни.

В телефоне что-то булькнуло. Захотелось протянуть стакан с водой старой подруге и постучать по спинке. В трубке хихикнуло, хмыкнуло, гыкнуло.

— Что так незабываемо хорош?

— Вот это не помню. А вот то, что процесс не повторился ни тогда, никогда свело меня к состоянию «оптиченное мероприятие». Обидно. Я понимаю, что мечты должны сбываться. Его сбылись. Он хотел со мной переспать — переспал.

— И это ты помнишь всю жизнь?

— Он был такой один. — я вдруг рассмеялась легко, выпуская себя шальную, хмельную, чумовую. — Другие боялись разжать руки. Даже те, которые не любили. Особенно те, которые не любили. А он? Знаешь, юная неопытная дева, только вступающая на путь чувственности, даже в том состоянии, в котором оказалась в его объятьях, была настолько ошеломлена, что ей даже «спасибо» не сказали, что просто встала, оделась и вышла со словами «Ну, видимо мне пора».

— А он?

— Он? Он продолжал лежать и улыбаться. Кажется, с закрытыми глазами. Улыбчивый Аш. Так, что он там сказал? — Я сделала глоток почти остывшего кофе и посмотрела в окно, ожидая ответ.

— Знаешь, мы с Наташкой даже расчувствовались. Он написал: «Если она жива, и ты знаешь где она, передай — я все ещё помню её».

Я вдруг зажмурилась, слушая музыку слов и чувств, и поняла, что совершенно счастлива. Кристально. Абсолютно. Чистое счастье без примесей, дарующее гармонию, которой мне давно не хватало.

— Ничего ему обо мне не рассказывай. Пока. Мне нужно подумать. Хотя про «единственный и неповторимый секс» можешь сказать. Ограничившись только этим.

— Ок, дорогая. Созвонимся.

Танюшка отключилась. Я обулась и вышла, мысленно свиснув призрачному Слаю, и хлопнула себя по бедру.

— Идём погуляем, друг.

Память об Аше ухнула камнем, пробивая сорокалетнюю толщу прожитого. Задев другие, казалось давно утонувшие в тине и мхах камни, и устроив камнепад. Замелькали лица друзей-подруг, обрывки разговоров, слов, интонаций, комнат в общежитии, кружась и сливаясь в калейдоскоп до тех пор, пока смеющаяся девчонка не растянула в ру-

ках шаль, улыбаясь парню, нажимающего кнопку фотика. Щелчок. «Фотик». Надо же... фотик. «Смена М», купленная за десятку со стипендии, щелкнула и с еле слышным скрипом, убрала объектив и клацнула лепестками шторки, заставила время остановиться.

— Ты красивая, Маринка.

— Я? — девчонка оглядывается в зеркало.

Еще щелчок.

— Очень.

— Нет, Аш. Красивая у нас Наташка. Я умная. А Таня вышла замуж.

Теперь в «здесь и сейчас» я трясущая книги в поисках моего «тогда», ловлю падающие снимки и с удивлением вглядываюсь в ту девочку. Да, красивая. Очень. Он разглядел и оставил мне память о моей красоте. А он? Я же тоже фотографировала. Есть. Он смотрит в объектив с любовью и восторгом. Он смотрит на меня. Это я держала фотоаппарат... Потом проявляла, печатала, промывала, клеила на окно, глянца.

Ух! Новая волна счастья окатывает меня, как летний ливень. Надо же... бывает. Хочу посмотреть в его глаза сейчас. Вот прямо сейчас. «Одноклассники» мне в помощь... Найду. «Кого?» — смеюсь я. Я не помню его фамилии. Да и знала ли? Он был всегда рядом. Я влюблялась. Я страдала. Меня любили. Бросали. Целовали. Он был рядом. Делаю что-то, курю, разговариваю с кем-нибудь и когда бы я не оглянулась — он смотрит на меня и улыбается. Мне. А мой взгляд скользит дальше, мимо, ища того, кто нужен мне сейчас, как воздух.

Вот же! Я, сегодняшняя, читающая судьбу по глазам, хочу увидеть его глаза. Нарушаю свои правила и регистрируюсь в «одноклассниках» и пишу подруге: «Тань, скинь мне его фото». И иду спать. И так уже пару дней, как в любовной горячке. Смешное, забытое чувство, отрывающее душу от земли и никогда не обещающее полёт в режиме «чудесно», чаще «иду на грозу». Спать. Спать. Спать...

А утром всматриваюсь в лицо и ничего не вижу. Годы, застывшие в маске невозмутимости. Где чувства этого человека? Где свет его глаз? Это просто лицо мужчины, прожившего в этом мире в хорошие и плохие времена. Жаль...

Я снова иду гулять, загребая босыми ступнями то песок, то морскую волну и вспоминаю новый год. 1986. Вспоминаю другого. Серёжка. 31-е декабря. Утром был зачёт, которого не должно было быть и он, этот зачёт, стал тем взмахом крыла бабочки, сдвинувшего песчинку и обрушившую на меня селевой поток, в котором я тону до сих пор. Время от времени. Я сдала зачёт и не поехала домой. А должна была. Уехала бы

и не узнала, что мне изменили. И мир ещё какое-то время оставался бы невредимым. Мир, той маленькой, весёлой девочки, радостно улыбающейся людям и верящей в любовь. И может быть пронесло бы судьбу мимо?

Я сдала зачёт и не поехала домой. Вместо этого — пошла в лес за нашей общагой с подружкой и наломала веток пихты. Хохоча притащила охапку в свою комнату и наделала зимних новогодних букетов. Распоролла любимую модную юбку в клетку и сделала из неё скатерть. Достала два хрустальных бокала для шампанского. *Coupe de champagne*. Настоящие. Правильные. Исключающие взрывы пузырьков в ноздрах. Свечи. Две праздничные тарелки. Две серебряные вилки, два таких же ножа, привезённые из дома для особого ужина. Призрак предложения время от времени бродил по ночным грёзам той девочки, а призраков нужно встречать во всеоружии. Она мечтала выйти замуж за этого мальчика. Потом больше не хотела. Даже спустя двадцать лет, выходя за него и, смеясь в восторге, и пьяная от сбывшейся любви, замуж не хотела, но шла, замыкая круг и ставя точку в той истории.

Юбка была распорота. Стол накрыт. Салаты нарезаны. Шампанское и водка в авоське за окном охлаждались. Душ. Прическа. Тщательный макияж. И сигаретка на дорожку под смешки и побасёнки соседок по секции, под странный застывший взгляд Наташки, суетливость и нервозность Сережкиного друга. И ничего нигде не торкнуло, пока я затушила сигарету и не сказала: «Всё. Пошла. Время сюрпризов началось».

— Подожди. Ты мне нужна. — Наташа кричит мне вслед и уже в моей комнате, закрыв дверь и прижав её спиной говорит. — Не ходи. Он не один. Пригласил одноклассницу. Андрей сказал, что они были вместе. Раньше. До тебя. А сегодня она — вместо тебя. Ты же «уже в поезде и не узнаешь».

— Не узнаю. Ты права. Не пойду.

Наташа ушла. Я закрыла дверь и зажгла свечи...достала авоську и не стала осквернять себя хрусталем и серебром. Пить из горлышка шампанское и заедать его оливье, зачерпывая ложкой, прямо из кастрюли. Не пробовали? Это вкусно. Глоток шампанского. Ложка оливье. И бесконечное белое снежное поле за окном. Где-то вдали лес, в котором росли новогодние ветки пихты, усыпанные снегом, а теперь оттаявшие и всё ещё пахнущие обещанием счастья. Свечи трещали и их свет стал единственным светом в моём мире. Я всё ещё сидела на подоконнике, поджав колени и мысль — прыгнуть и сесть за стол не приходила мне в голову. Это было неправильно. Там должны были си-

деть другие люди. Люди, которые любили друг друга. Те, что не могли разжать руки. Но их нет. Их больше нет.

Шампанское закончилось. И я открыла водку. И ей я оказала честь и принесла рюмку. Потом тарелку с нарезкой, снова уселась на подоконник и выпила. И вдруг вернулись звуки, и я перестала слышать треск свечи. Общага орала. Визжала. Кричала. Ликовала: «С новым годом! С новым счастьем!»

Я опустила ноги и прыгнула с подоконника. И сняла пальто. Рубашку. Сапоги. Джинсы. Надела чулки и туфли. Платье, лежащее на спинке стула, и включила свет. Подошла к зеркалу и удивилась. Оказывается, я не плакала. Макияж в полном порядке. Нужно только улыбнуться. И в дверь застучали. Я открыла и совершенно спокойно спросила Наташу:

— На дискотеку? Идём?

Она кивнула, и мы пошли, не утруждаясь разговорами, храня равновесие гармонией молчания.

Мы вошли в холл и нас тут же подхватили дружеские руки. Нас куда-то потащили. Кто-то бросался обниматься. Кто-то целоваться. Общага ревела «С Новым годом!».

— Куда идём? Мы пришли потанцевать. — Наташка никогда не теряла невозмутимости.

— Сейчас кинем ваше пальто. Накатим по маленькой и всё будет.

Нас подтолкнули к двери, и мы влетели в распахнутую дверь, оставляя позади пальто в руках провожающего.

Мой Серёжка сидел на кровати. Его левая рука обнимала девушку в синем платье, а правая шарилась под лифом, играя с соском. Сорок лет прошло. Таня стала его первой женой. Я — третьей. Она родила ему единственного сына. Я не родила. Когда он молил у меня ребёнка, я уже была стерильна. Но, больше всего в этой ситуации до сих пор меня бесит синее платье, сшитое из ацетатного шёлка шторы и то, как из этого шелка вываливалась её грудь... и банальная пошлость увиденного.

Мне протянули стакан, и я выпила налитое в него. Медленно, глядя уже не моему парню в глаза. Развернулась и вышла, почему-то на цыпочках. Это было важно — уйти тихо, не стуча каблуками. И в какой-то миг услышала музыку, поймала ритм и вошла в танцевальный зал. Где-то в середине зала меня и подхватили мужские руки... Нет. Я не пала. Не упала. Не ринулась вышибать клин клином. Я пила. Коньяк, закусывая мандаринами. Коньяк в последний раз. С парнем моей подруги, Наташкой и ... Ашем? Терзают смутные сомнения. А тогда я пила. Пока

нас обоих не забрал Наташкин ухажёр, сказав напоследок гостеприимному хозяину, не желавшего отпускать меня:

— Не борзей, парень. Если ей надо будет — она придёт сама. Трезвая.

Какое счастье, что я была тогда пьяна в состояние «спагетти аль денте». Стоять не могла. Прилипла к рукам ведущего меня и падала, как только эти руки разжимались.

Улыбаюсь. Тогда мне казалось, что это всё. Предел. Маленькая веселая дурочка, ты даже ещё не подошла к первой ступеньке пирамиды, на вершине которой стоишь сейчас. Ты ту пирамиду только увидела на горизонте. А тогда ты не знала, как дышать. Не знала, что там за дверью. Существует ещё мир или он уже рассыпался пылью и пеплом? Глупая. Мир без любви мёртв? Да нет. Ему просто нет до тебя никакого дела...

Я разворачиваюсь и иду обратно, уже не загребая песок, а просто по колено в воде. Мои джинсы мокры. Мокасины в руках насквозь, но... какая разница? И ещё через пару часов шлю запрос в друзья и «Привет. Спасибо, что помнишь», открываю шкаф и достаю туфли на шпильке. Я их надевала на свадьбу с Серёжкой. Прогуливаюсь по гостиной, и снова мне не хочется, чтобы каблочки отстукивали время. Я снимаю туфли и выношу их на улицу, неся в вытянутой руке. Открываю мусорный бак и разжимаю пальцы. Хватит хранить, разлитую по вещам боль воспоминаний. Пора простить и того мальчика, который не хотел в одиночестве встречать новый год и предавший: и себя, и меня, и того мужчину, который решил исправить всё спустя двадцать лет, забыв, что время нас сделало другими. Его уже нет, а я продолжаю душить себя своим непросщением. Всё! Я поднимаю голову и шепчу в небо над моей головой: «Серёжка! Я тоже виновата. Прости меня. Я любила свою гордость больше, чем тебя. Я тоже тебя предала, не став бороться за нас. Пусть тебе там будет светло и покойно. Время успокоиться и вспоминать о нас с любовью и нежностью. Я тебя простила. Спасибо Ашу.» Иду и уже на пороге дома, останавливаюсь и снова поднимаю глаза к небу и говорю то, что много лет использую только в глобальном смысле. «Я все ещё люблю тебя, Серый».

Надо всё-таки разобраться с «единственным и неповторимым», а то так и комплексы на старости лет легко нажать.

1987 год. Будников женился. За май и три месяца лета я пришла в себя. Ну не в себя, а в состояние «Сдохну, улыбаясь». Женила лучшего

друга. На его свадьбе провела целовальный марафон с юным дарованием. Пацан был на пару лет меня моложе, а я в атласном платье Танюшки с почти голой спиной, на высоченных каблуках. У дарования не было шансов. Во мне уже проснулась стерва и она отчаянно училась жить с высоко поднятой головой, играя улыбками. К сентябрю я была готова не отводить взгляд, не смотреть в пол, бежать по ступенькам институтских лестниц в летящих за мной шлейфом юбках, не бояться случайных прикосновений и смеяться, глядя в лицо. И когда мне предложили встречаться, я конечно, сказала: «Да». Парень был таким милым, что я уже улыбалась ему в ответ совершенно искренне. Я прижималась к его плечу. Он подхватывал меня под локоть и часто оставался ночевать в моей комнате. Он познакомился с моей мамой, и они были очарованы друг другом. Маменька сказала, что от меня она никак не ожидала такого мужчину, а он, что если поговорка «посмотри на мать своей девушки и пойми какая она будет в её возрасте» — правда, то он готов жениться прямо сейчас. Но слово «замуж» меня уже не прельщало. Как-то я уже отхотела. И мы решили подождать до лета и моего выпуска. И тут Будников решил попросить у меня прощения. Публично. Постоянно хватая меня за руки и пытаясь обнять, стоя на пороге моего общежития. Поздним вечером. Нас только ленивый не видел и мой жених, но ему рассказали всё. И на следующий день, когда он не пришел в назначенное им же время, я явилась сама. И получила дубль-2...

Я шла по коридору мужского общежития. Одна. В застёгнутой на все пуговицы рубашке. Привычные три, не застёгнутые, медленно стали в строй под размеренно четкие слова:

— Сегодня ночью я понял, что не готов всю жизнь ждать, что, стоит появиться моему старому другу, и ты тут же перестанешь быть моей.

— Какому другу?

— Будников — мой друг. И одноклассник. Не делай вид, что ты не знаешь?

— Первый раз слышу.

— Это не важно. Ты поняла? На этом всё.

Я кивнула, застегнув последнюю пуговицу, и вышла. И теперь шла, ставя подошву туфлей строго на одну прямую линию, развернув плечи и подняв высоко подбородок. Не глядя под ноги и не видя ничего вокруг. Я несла себя на выход, боясь одного — споткнуться и упасть. А потом я увидела глаза, всегда смотрящие на меня, и зацепилась за них, как за маяк. И меня взяли за руку и случился тот... Единственный и не повторяемый. Потому что, «после того как», я встала, оделась и снова

застегнула все пуговицы на рубашке и ушла со словами «Ну, мне, наверное, пора». А Аш лежал с закрытыми глазами.

Мы созванились. Теперь было можно разговаривать. Смеяться. Его звонок застал меня без макияжа и прически. Я только, что пришла из сада, с расцарапанными в кровь руками. Лохматая, в растянутой майке, и Аш сказал, что я такая же, как раньше. Не такая. Но, смотрящему в глаза видно лучше. И его глаза снова светились радостью. И он рассказывал о себе. О семье. О дочери. Спрашивал обо мне. Я что-то говорила. И тоже смеялась. А потом он прислал мне свою фотографию. Ту, в которую я всматривалась в первый день, и видела то, чего раньше не замечала. И ту, которая была открыта у меня на ноутбуке.

— Помнишь её?

— Конечно. Я на неё прямо сейчас смотрю.

— Твоя сестра тебе сказала, что от этого мужчины нужно рожать сыновей. Ты помнишь, когда ты мне это сказала?

— Нет.

Он умолк и его глаза начали тухнуть. И я всё поняла. Но... самое главное, чему я научилась у жизни — не нужно входить в чужие судьбы, как у чужие избы, отряхивая пыль пройденного тобой пути, на пороге других семей. И нельзя никогда возвращаться в невозможное. Даже в мечтах. Поэтому я не сказала, что все поняла. Я сказала другое. То, что заставит его со мной никогда больше не говорить...

А встречи? График встреч согласован с богом...

ИЛИ?..

Утро субботы не предвещало ровным счетом ничего: ни хорошего, ни плохого. Просто еще один день обыденной жизни, так стремительно убегаящей вспять. Просто ещё один день...

За окном было пасмурно и промозгло, а в постели тепло и уютно. И совершенно не хотелось из неё вылезать. Тишину нарушали лишь изредка проезжающий под окнами автомобиль, надрывный голос соседки этажом ниже — привычный, как ежедневный телесериал, и тревожный крик чаек. Именно чайки напоминали о море, бушующем и бунтующем, бьющемся волнами о берег в нескольких километрах отсюда...

Раздался телефонный звонок. Пришлось нехотя откинуть одеяло и опустить босые ноги на холодный пол.

— Алло? — мой голос обеспокоенно дрогнул. Старый телефон молчал уже довольно давно, а выкинуть за ненадобностью всё не доходили руки. Стоит себе и стоит на полке книжного шкафа, рядом — кресло. В трубке молчали, и я повторил:

— Алло. Вы же зачем-то позвонили, так скажите, что хотели. Или...

— Или...— слова словно лист понесло ветром и снова раздался голос. — Пятьдесят девять девяносто семь четыреста двадцать два. Запиши. Тридцать. Двести тридцать шесть. Девяносто семь. Повторить?

— Да. — Я отставил трубку от уха, и посмотрел на неё в недоумении, ничего не понимая, но ещё раз сказал, беря карандаш. — Да.

Голос вдруг сменился порывом ветра, смешанного с цифрами. Показалось, что сквозь него ещё прорвалось «жду» и вдруг раздались гудки.

— Н-да. Странности в мире принимают всё более причудливые формы.

Я вернул трубку аппарату и оглянулся на окно. Всё та же морось, ветер и летящие одинокие листья, прилипающие на какое-то время к мокрому стеклу. Голос в трубке вдруг показался знакомым. Я посмотрел на цифры, накарябанные на полях журнала, покрутил их и так, и эдак и оставил вместе с журналом там, где и был. Сварил кофе, сделал пару сэндвичей и вернулся в уют постели, киноновинок и медленно текущего утра. Я листал ленту дайджестов, когда лицо девушки, в резиновой шапочке пловчихи и прилипшими песчинками на лице, остановило палец, крутящий скролл. «Девушка и море». Чайки снова тревожно прокричали что-то в непогоде и снова голос в телефонной трубке показался знакомым. И девушка с песком на лице. И взгляд спокойного ожидания. Чего? Я встал и принёс журнал в постель. Рассматривания цифр ничего не дало. Я попробовал прочесть.

— Пять. Девять. Девять, семь... Нет не так. Пятьдесят девять девяносто семь... да что за ерунда? — цифры начинали бесить ощущением, что я к ним имею отношение и телефонный звонок не был ошибкой или глупой шуткой. Я сдался и взял в руки смартфон. Набор цифр, как номер телефона не дал никакого результата, даже с плюсиком перед ними. Я открыл поисковик и переписал цифры туда, ставя точки между связанными голосом. Экран мигнул и показал беседку на Крестовском. Я откинулся на подушки и вздохнул. Крестовский. Лето. Сокурсница, вдруг ставшая любовницей. Хотя какая она любовница? Одна шальная неделя безумного безотказного секса везде, где рождалось желание. У меня или у неё. Вседозволенность желания. Отказ от ограничений... и всё повышающийся градус пренебрежения обществом. По началу меня

это заводило. А потом и она втянулась в игру, полосую мою спину своими ногтями на глазах у купающейся публики и не предполагающей, что это возможно — вот так стоять по пояс в воде финского залива и заниматься любовью у всех на глазах. Это заводило. Её ноги, обнимающие мои бедра. Её тело, выгибающееся в моих руках и держащееся только на ладонях и... Я хмыкнул, вспоминая. И даже сглотнул слюну, как голодный ребенок, рассматривающий витрину кондитерской. Неужели она? Не может быть. Я прикинул в уме сколько прошло? Двадцать два?... три года? Я сел и провёл пятерней по поредевшим за столько времени волосам. Качнул головой, не веря себе и встал. Погода за окном больше не волновала. Я умылся, собрался, запустил посудомойку и робот-пылесос (мало ли, а вдруг беседке мы предпочтём постель?) и вышел.

Я оставил машину у Южного пруда и медленно пошёл в сторону Лебязьего. Воображение пыталось состарить с трудом всплывающее в памяти лицо, и я никак не мог удовлетвориться, меняя и меняя то цвет волос, то форму лица, добавляя ему возраста. То глаза становились вдруг мутнее и блёклей, и я крутил мысленный скролл, будто память — это компьютерная программа. Я останавливался и отматывал назад к моим двадцати, её восемнадцати. И ловил прядь волос, бьющую её по лицу и не дающую добраться до губ, отводил в сторону, и целовал мягкие и чуть солоноватые губы. Подхватывал её подмышки и так и нёс, держа навесу. Видимо вид у меня был странный настолько, что девушка, идущая навстречу, вдруг остановилась и склонив голову к плечу, посмотрела на меня очень внимательно, и даже проводила меня взглядом, когда я проходил мимо. Этот взгляд слегка отрезвил, и я решил, что смысла гадать нет — сейчас дойду и сам всё увижу.

В беседке не было никого. Посмеиваясь над собой, своей наивностью, признавая, что я — стареющий сентиментальный дурак, шагнул под зеленую крышу ротонды, коль уж пришёл. Присел на скамью, глядя на воду Лебязьего пруда. Когда-то ночью мы здесь купались с ней. Раздевая друг друга, так и не разорвав поцелуй, а потом искали одежду, дрожа и хохоча, ползая на четвереньках в лунном свете. И снова занимались любовью. И снова купались, смывая друг с друга налипшие листья и траву. Меня потянуло к воде, и я пошёл, отсчитывая ступени...

Пакет из коричневой крафтовой бумаги был перевязан шпагатом и лежал, чудом не упав в воду. И я сразу понял, что он мой. Поднял и вернулся под крышу. Развернул. Стекло в фоторамке разбилось, и я вытряхнул его осколки в пакет. На фото были мы. Девчонка обнимала

меня со спины. Её руки были сцеплены на моей груди, а лицо выглядело из-за плеча. Она смотрела в объектив фотоаппарата, собираясь его поцеловать. Я вдруг вспомнил мужичка, который гулял по Крестовскому, фотографируя всех за деньги и обещая прислать фото. Значит прислал. Надо же...

Я перевернул карточку. На обратной стороне было написано. «Все говорят, что я просто обязана тебе об этом сказать. Я и говорю. Милый, у тебя родилась дочь — Кресса. Можно я не буду вас знакомить пока?»

— Можно. А когда ты нас познакомишь? — Спросил я на автомате, переворачивая фото. — Дочь. Надо же дочь.

Я встал. Положил фото на тумбу скамьи и вдруг заорал, глядя в смеющиеся глаза девушки:

— Когда ты нас познакомишь? Сколько ещё должно пройти лет, чтобы ты позвонила мне и сказала, что ты готова меня познакомить с моей дочерью? — Я сжал в кулаки, упирающиеся в тумбу ладони, и уже спокойно продолжил, — я, наверное, и до сих пор не выдергивал телефонный шнур из розетки, потому что всё ещё ждал звонка. Я забыл, как ты выглядишь. Я не помнил твой голос. Я перестал ждать от тебя звонка, но оставил телефон включенным. Когда ты познакомишь меня с дочерью?

Я взял фотографию и положил в карман, и развернулся к выходу. Встреченная девчонка стояла между одной из пар колонн и смотрела на меня изучающе.

— Мы можем познакомиться сами. И я расскажу вам, как она жила...

НАШИ СЛЕДЫ ВСЁ ЕЩЁ ГДЕ-ТО ЕСТЬ

1. Значит будет новая сказка

— А вот сейчас будет фокус. — Бармен кивнул в сторону столика, от которого только что вернулась официантка и даже, привлекая её внимание, указал на сидящую у окна пару пальцем. — Смотри внимательно...

— Ну. Смотрю.

Девушка повернула в сторону клиентов голову и тут же сорвалась с места, увидев, как блондинка подтолкнула в её сторону пустой стакан

из-под только что принесённого виски. Девчонка уже протянула руку, чтобы поймать посуду, но стакан остановился ровно на краю стола.

— Повтори. Два по сто, — произнесла клиентка, не поворачивая головы.

Официанта кивнула и устремилась к бару.

— Ты это имел в виду? Фокус в том, чтобы стакан остановился на краю и не упал?

— Не-а. В стакан загляни. — Парень выставил на стойку пару чистых хайболов и уверенным движением разлил напиток.

— На что там смотреть? Пустой стакан. Один лёд на дне.

— Лёд на дне. А я его туда не клал. — Бармен развел руками и покачал головой. — И сейчас не кладу. Со льдом не заказывали...

— Тебе нравится издеваться над бедным мальчиком? — мужчина, сидящий за обсуждаемым столиком, удивленно хмыкнул.

— Нет. Просто не люблю излишне разбавленный виски. А этот, — девушка, не оглядываясь, качнула головой в сторону бармена, — единственный, обративший внимание на такую мелкую деталь, как лёд в стакане... из-под виски.

Она протянула руку и опустила палец в свой напиток, словно чайную ложку, и слегка помешала. Хлопья замерзшей воды, облепили стекло и начали медленно опускаться на дно, собираясь в прозрачные кусочки.

— Ты грустна.

— Кай. Болен. И кажется не выздоровеет.

Она залпом выпила и отвернулась к окну. Её спутник покрутил свой стакан, принялся и подтолкнул к женщине.

— Сделай «со льдом». Он человек. Ты всегда знала, что жизнь человеческая — миг.

Она, не глядя, повторила процедуру, продолжая смотреть сквозь витраж. За уличным столиком сидели двое: парень и девушка. Они ели мороженное. Смеялись. При этом мороженное они воровали друг у друга, всячески отвлекая внимание, а может быть просто, делая вид, что не замечают. Лукавая улыбка блуждала с одного лица на другое, уступая место то нежности взгляда, то прищуру глаз, то соблазну языка, слизывающему десерт с ложки...

— Эй-ей. Сестричка, ты увлеклась. Вода кончилась. Сейчас стекло лопнет.

— Что? Ах, да. Сейчас всё исправлю. — Она погладила стакан и изморозь сменила апрельская капель, собираясь в ручеек и стекая со стола. До пола капли не долетали, испаряясь где-то по пути. — Вот и всё.

— Посмотри на меня. Фрейя, посмотри на меня.

Женщина медленно повернула голову, до последнего не отрывая взгляд от смеющейся пары на улице.

— Что? — Она наклонила голову к плечу, и растянула губы в улыбке. — Что? Всё хорошо.

— Мне не ври. «Кай болен. Кай не выздоровеет». Это ты сказала? Ты? Та, что может исцелить взглядом? Та, что может внушить любовь, сидя к мужчине спиной? Та, что может влюбить зайца в белку и создать новый вид?

Лицо женщины менялось. Неведомая рука художника стирала с него искусственность улыбки, прорисовывая резкими рубленными штрихами другие черты, прекрасные, но лишённые чувств. Даже голос стал звонче и громче.

— Могу. Но не для себя. Больной должен хотеть исцеления. Я должна это чувствовать. А я не чувствую...

Вдруг зазвенела посуда и бармен поймал падающую с верхней полки бутылку.

— Что за...

И мужчина накрыл руку сестры своей.

— Тшш... милая, тшшш. Что сделаешь с мужским идиотизмом? Ревновать к самому себе и наказывать за это любимую женщину... Верх идиотизма. Напомни, где он сейчас?

Фрейя выпрямилась, прикрыла глаза и ни с того ни с сего рассмеялась.

— Не поверишь — бомжует где-то в России. Спит под мостом в каком-то городишке. Забытый бог.

— Ну вот видишь, как у них там говорят: «Награда нашла героя». — Фрейр отсмеялся и задал, наконец, интересующий вопрос. — Ты здесь из-за турнира? Или решила сыграть в другую игру?

— В какую? — уже снова прежним спокойным и безмятежным голосом спросила Фрейя брата. Потом повернула голову, следуя хитрой улыбочке, блуждающей на его лице и его подмигиваниям и кивкам. — А... эти? Красивая пара, но я давно не играю сердцами. Я просто наблюдаю. Эти двое и так любят друг друга, и совершенно без моего вмешательства. Это так необычно... на таком близком расстоянии. Они просто любят, совершенно не замечая, ни меня, ни моего влияния. Бо-

лее того, они отталкивают вмешательство. Моя сила стекает по полусфере, будто они сидят под куполом.

Фрейр откинулся на спинку стула и рассмеялся.

— Так ты просто удивлялась и проверяла связи? А я уже начал беспокоиться, что ты решила ещё раз рискнуть. А ещё... остерегался того, что ты скажешь, что сила стала уходить.

Фрейя закатила глаза и притворно вздохнула:

— Кто бы спрашивал? Ты бы почувствовал первым. Мир бы стал тускнеть и умолкать. Но ты же слышишь всё? И сила при нас. Ты просто давно не пользовался своей. Посмотри по сторонам: бармен и официантка — уже заняты друг другом и до нас им нет никакого дела. Ещё... девушка за столом в уголке. Да, та, что стучит по клавиатуре, не отрывая глаз от монитора.

— С опечатками, — усмехнулся мужчина, чуть сощурив глаза, но не оборачиваясь назад.

— Ну да. Она же не смотрит в клавиатуру, да и её собеседник тоже. Но им не важно. Они неожиданно почувствовали себя в толпе и не могут отдать свои слова случайным людям. Вот просто смотрят в глаза друг друга и пишут. Ошеломлены оба. Еще утром они были просто приятелями, а теперь это навсегда. У них родятся трое детей, а потом внуки и даже до правнуков они доживут, продолжая разговаривать друг с другом, не произнося ни слова вслух. Они скоро научатся этому в совершенстве.

— Ты...

— Не нужно, дорогой. Если бы ты не был столь ленив, то и ты мог бы рассыпать любовь горстями.

В кафе повисла полная тишина. Лишь электронное табло часов издавало странные звуки, подражая механическим часам. Пальцы Фрейра крутили стакан, в котором уже не было виски и только кусочки льда, то начинающие таять, то снова собирающиеся в кубики с ровными гранями. Он не выдержал зачарованного чужой любовью молчания и вздохнул:

— Если бы я мог снять проклятие Одина и одарить тебя любовью.

— Если бы... Если бы проклятие было в этом. Это слишком просто для мужчины, оскорбленного ревностью к самому себе и ослеплённого любовью к женщине. — Фрейя вздохнула, замерев взглядом на паре за окном. Втянула воздух ноздрями и продолжила. — Я могу любить. Более того, я люблю...

— Кая...

Женщина щелкнула пальцами, привлекая внимание бармена и провела тыльной стороной ладони по лицу, стирая усталость и обреченность. Молодежь. Возвращая себе наивность и простоту. Закончила и улыбнулась брату.

— Я пойду. Прогуляюсь. Прости, с собой не зову.

На стол легла купюра. Брат укоризненно покачал головой, но Фрейя уже шла к выходу.

— Эйя, ты что решила? Турнир или...

— Я не решила.

— Так может быть тогда турнир, если ты не уверена?

Она остановилась и повернула голову в сторону брата, но взгляд снова зацепил пару на улице и остановился. Двое увлеченно целовались, на этот раз прикрыв себя от взглядов прохожих раскрытым зонтом и совершенно не беря в расчет посетителей кафе. Парень держал лицо девушки в своих ладонях и: то осыпал её губы легкими, невесомыми касаниями, то прикивал к ним, как к источнику, измученный жаждой путник. Фрейя сбросила оцепенение. Отвернулась и зашагала к выходу, уже в дверях бросив через плечо.

— Я не решила.

Брат кивнул в ответ и проинспектировал выставленные бутылки позади бармена, совершенно не обращающего на посетителей внимания. Удовлетворенно кивнул, выбрал одну и стукнул пальцем по столешнице. И стакан наполнился виски. Мужчина поднял его и посмотрел на просвет.

— Да, милая. Я не могу тебя одарить тем, что составляет твою суть. Ты права.

Он выпил всё одним глотком. Добавил к купюре Фрейи сверху от себя «на свадьбу» и вышел из заведения, так и не замеченный смеющейся у барной стойки парой.

Уже отойдя от кафе с десятков метров мужчина резко развернулся и зашагал обратно, к целующимся под зонтом. Вежливо покашлял, а потом постучал по нему, как по двери:

— Простите ребята, как вас зовут?

— А вам зачем? — насторожился парень.

— Жена только что родила. Мальчик и девочка. Сказала, чтобы я на улице спросил имена у первых встречных.

Лицо Фрейра расплылось в растерянной улыбке неожиданной радости, и парень с девушкой одновременно сказали:

— Кай.

— Герда.

— Ух, ты! Значит будет новая сказка... Спасибо.

2. Одиночество — привилегия богинь

Снежно-белый Cadillac Eldorado шестьдесят второй серии приближался с неспешно-молниеносной грацией к главному входу сияющего отеля.

— Ой-йё-оо, — восторженно простонал мальчишка-парковщик, и швейцар тут же повернул голову, удивленный возгласом и подтвердил восторг уже своим.

— Не может быть... Леди в белом. Давно не была. Лет пятьдесят. Решила поговорить с судьбой.

Машина остановилась, и парень сделал шаг к двери, но рука в белой перчатке легла ему на плечо и прозвучал тихий уверенный голос:

— Я сам. Особая гостя.

Мужчина вышел вперед и, согнув левую руку в локте, завёл её за спину, склонился в полупоклоне и открыл водительскую дверь. Белый шёлк юбки взметнулся крылом, и такая же белая туфля коснулась ковра. Ладонь оперлась на протянутую руку и из машины вышла девушка.

— Рада видеть тебя, Ивер. Игра началась?

— Как можно, Фрейя? Ждут. Все. До последнего.

— Ай, какая я не хорошая. Заставила себя ждать, — рассмеялась Фрейя, качая головой, и вошла в холл.

Её руку тут же подхватил брат и уложил на сгиб своей. Наклонился к уху и, почти касаясь губами, шепнул:

— Я.. испугался, что ты решила всё же сыграть в сказку.

— Что-то ты излишне пуглив последнее время. А сказки... одной хватило. Неужели Кай и Герда? — Фрейр молча кивнул, а Фрейя прищурилась, словно обдумывая что-то и качнула головой. — Нет. И ты сам видел — они любят друг друга. У меня нет ни одного шанса. И я не посмею уничтожить любовь, чтобы взрастить иллюзию.

— Даже для того, чтобы снять с себя проклятие? — раздалось насмешливое из-за спины.

Брат с сестрой остановились и, не разжимая рук, синхронно развернулись на голос.

— Прекрасно выглядишь, дорогая. — Один стоял, широко расставив ноги и сложив руки на груди.

Весь в черном он слегка раскачивался с пятки на носок: то приближаясь к Фрейе, то удаляясь от неё. Его облик менялся в такт покачиванию, проявляя поочередно: то образ одноглазого старика в запылен-

ном плаще с рассыпанными по плечам, давно нечёсанными седыми прядями, опирающегося на сучковатую, потемневшую за столетия клюку и с вороном, сидящем на плече и насмешливо глядящим в лица близнецов; то — ощупывающего взглядом лицо женщины, зрелого мужчину, облаченного в дорогой костюм.

Фрейя невозмутимо наблюдала метаморфозы, не выражая никаких эмоций. Её ладонь всё также расслаблено лежала на локте брата, да и сам Фрейр безучастно взирал на аса.

— Ты разлюбила меня, — чуть удивленно поставил диагноз Один.

— Какого из тебя? Ода? Одина? Всеотца? Человека? Забытого бога? Кого, из тебя, я разлюбила?

Один отмахнулся от вопросов, возвращаясь к началу.

— Ты не ответила. Ты не станешь заканчивать сказку, даже если это — единственный способ снять моё проклятие?

Женщина широко улыбнулась и совершенно спокойно, проговорила каждую букву, делая паузы между словами, давая осознать их значение:

— Не стану. Я видела их. Они любят друг друга. И их любовь не дешевле моей. — Фрейя потерлась плечом о плечо брата и сказала. — Пойдём, выиграем мне ещё лет пятьдесят невмешательства в жизни смертных, — она улыбнулась и повернулась к вечному мужу спиной.

Темный изумруд сукна внушал спокойствие. Скользя кончиками пальцев по краю стола, женщина обошла его вокруг. Остановилась, выбрав место. И брат тут же отодвинул кресло. Она села и Фрейр встал за её спиной. Изящные пальцы сжали мел и вписали ставку напротив «Nord — Freyja» — «право невмешательства в жизнь смертных — 50 лет». Улыбнулась, идущей к столу миниатюрной красавице. И та заняла кресло по левую руку. Белая львица легла у её ног, а за спинкой кресла, повторяя движение Фрейра, встал Уту. Мужчины качнули в поклоне головами, а женщины обменялись взглядами, приветствуя друг друга. Фрейя протянула женщине мел, и та вписала под вспыхнувшим именем «East — in-na-an-na» свою ставку. И тут же откинулась на изголовье кресла, кутаясь в меха и бледнея, словно это, последнее действие, отняло у неё остаток сил. Брат положил ей на плечо свою ладонь.

Все игроки были за столом. Инанна вздохнула, и первая карта упала на сукно. И прозвучало первое дабл, чье-то сплит... Фрейя молчала, глядя в лицо крупье. А Один приподнял правую бровь и бесстрастно спросил: «Еще?», дождался лёгкого кивка и сдал карту ей.

Игроки сменяли друг друга: кто-то выигрывал, кто-то проигрывал, только Фрейя продолжала сидеть за столом. Пуш. Сдача за сдачей.

Пуш. Пуш. Пуш... Боги: забытые, стёртые из памяти новых поколений, уставшие от своих обязанностей или от собственного бессмертия, наслаждающиеся своим могуществом и нежелающие с ним расставаться, жаждущие простых радостей или вседозволенности — все, собравшиеся на турнир, столпились, окружив игровой стол. Фрейя невозмутимо сидела, наблюдая за падающими на стол картами и слушая голос Одина: «Еще? Себе. Пуш». Хрустнула разрываемая тишью новой колоды. «Время вышло», — улыбнулась мысленно богиня и подняла глаза на мужа. Он смешивал карты последней колоды для последней сдачи. Закончил.

Забытый бог, отставил руку с лежащей на ладони колодой в сторону. Иннана сдвинула колоду, завершая перемешивание «случайной рукой» и Один сдал себе две карты. Перевернул одну, открывая её достоинство. Вторая осталась лежать рубашкой вверх. Десятка. И тут же метнул две карты Фрейе. Две семёрки.

— Сплит?

— Нет.

— Еще?

— Да.

Карта взлетела вверх, провожаемая десятками глаз, открываясь пристальным взглядам. Возгласы удивления, вздохи облегчения, чей-то зубовный скрежет... Карта легла ровно на своё место и Фрейя медленно опустила свой взгляд на неё. Семёрка. Рука брата легла на её плечо, а Один перевернул свою карту. Туз.

— Блэкджек.

И наступила тишина.

— Ну, что ж. Пора сменить обстановку и вернуться домой. Полвека в тишине подальше от мира смертных — так мило. Одиночество — привилегия богинь.

Фрейя встала, опёрлась на руку брата и не оглядываясь, не спешно покинула зал.

Один не стал утруждать себя пешей прогулкой и просто переместился к выходу, кивнул Иверу и тот щелкнул пальцами, привлекая внимание мальчишки-парковщика. Забытый бог хорошо знал свою жену — она не сбежит, прячась от поражения. Суэта — не её стиль. Фрейя будет улыбаться, перемигиваться с братом, остановится поболтать с Иннаной и лишь потом выйдет на свежий воздух, задаст пару вопросов Иверу, потреплет по макушке пацанёнка, сядет в машину и пока на неё будет обращен хоть один взгляд будет дрейфовать на парковке, по-

крыв её тончайшей коркой льда. Но стоит моргнуть последнему зрителю и от неё не останется даже воспоминания.

Брат с сестрой появились через пару минут. Машина уже стояла у входа. Ивер ждал, любуясь явлением богини, радуясь её приходу и зная, что всех встречных она сейчас одаривает счастьем взаимной любви. Она остановилась, словно услышав его мысли и перезвон её смеха умолк, и она протянула руку для пожатия.

— До встречи, Ивер. Без меня не начинайте.

— Как можно, госпожа. Я буду ждать вас всегда. — В почтении склоняя голову.

Тут же Один сделал шаг вперед, оттесняя и Ивера, и Фрейра.

— Провожу. — Взгляд Фрейи упёрся ему в переносицу, и он даже ощутил давление в этой точке, мысленно аплодируя. Хмыкнул и повторил. — Провожу.

— Ты в своём праве. — Женщина улыбнулась и шагнула к машине, покачав рукой над головой, прощаясь с братом, и продолжая рассыпать улыбки.

Один придержал дверь кадиллака пока Фрейя усаживалась в автомобиль и занял водительское место. Повернул голову и покачал головой.

— Что? — Фрейя подняла брови и невинно улыбнулась.

— Что? — Один рассмеялся. — У тебя привычка сводить меня с ума. Меня. Со всеми остальными мужчинами ты до таких пируэтов не опускаешься.

— Да? А они у меня есть? Кто-нибудь меня любил кроме тебя? Кто-нибудь дошёл до... того, что позволил себе ты?

— Ты — моя вечная победа и поражение.

Вальяжная расслабленность полулежащей в автомобильном кресле красивой женщины, уверенной в своей красоте, знающей, что красота — оружие и умеющей этим оружием убивать, слетела в миг. Женщина села и обернулась, глядя в упор на мужа, презрительно кривя губы.

— И что же было победой? То, что у тебя получилось сыграть со мной в любовь дважды? Или то, что ты заставил меня ненавидеть себя за желание любить двоих одновременно? За то, что я сходила с ума, делая выбор? Что было победой? Ты вообще понимаешь, что должна чувствовать женщина любящая и изменяющая одновременно двоим? Ты можешь представить, какую цену я заплатила за сказанное Оду «да»? А потом... потом ты начал ревновать меня к себе, потому что я — жена Ода, перестала быть любовницей Одина. Я, хранящая вечность мужу. Тебе. Молчишь? Это лучшее, что ты можешь сделать. Как можно

ревновать к самому себе? Как можно разбить сердце любимой, сказав, что ты — всё: муж, любовник, а еще наставник, приемный родитель, друг, учитель... Всё и все, кого она когда-нибудь любила.

— Как можно ревновать к самому себе... Бесконечно. Мучительно. Страшно. Вдруг понять, что ты никогда не отдавалась мне, не принимала меня, не растворялась во мне так, с такой безудержной радостью, как Оду. Ты уничтожила меня в тот миг. Ты предпочла человека богу. И не имеет значения, что бог и этот человек едины. Чувство разное.

За окном автомобиля давно уже не было казино, парковки, авто-страды. Кадиллак нёсся, сквозь метель, но ни один из пассажиров не обращал на это внимания. Тягостное молчание повисло в салоне. Фрейя отвернулась к окну, а Один смотрел в лежащие на коленях ладони, которые он так и не положил на руль.

— Мне понадобились века, чтобы остыть и понять, что я причинил тебе.

— Ты сделал из богини жизни и любви — калеку.

— Да. Теперь понимаю. Но слово бога было сказано. А оно может быть только исполнено. Обратной силы слово бога не имеет. В тот момент, я думал только об одном. Я хотел, чтобы ты никогда не знала уверенности в том, что любима. Как я... в тот момент.

Женщина хмыкнула и снова обернулась лицом к мужу.

— Даже цари земные понимают, что они хозяева своему слову. «Моё слово царское. Хочу дам, хочу назад возьму». Только ты, Один, сказал, как отрезал.

Фрейя открыла дверь, несущейся в вечности машины и вышла.

3. Я сделаю тебя счастливым, чего бы это мне ни стоило

Форточка в спальне Кая была слегка приоткрыта. Эйя стояла снаружи, прислонившись спиной к стене, и слушала его прерывистое дыхание. Он спал. Захотелось, как прежде поправить сползшее одеяло, присесть рядом в кресло и пустить в его сны сказку. Но время сказок прошло и хлопок двери это подтвердил.

— Дорогой, просыпайся. Время завтрака...

Герда не изменилась. «Я сделаю тебя счастливым, чего бы мне это ни стоило!». И ведь делает. Не спрашивая его о том, хочет он быть счастливым сию минуту или нет. И она вдруг почувствовала, как растёт в ней раздражение. Что за дурацкая манера! Ведь спит же. Спит её любимый человек, а она? Разбудить, чтобы накормить! А если он уснул за полчаса до этого? А если бы он сейчас был в чужой сказке? Но, нет...

счастье любой ценой. Её счастье. Она его так представляет. Надоела! И еще сильнее прижавшись к стене, Фрейя щелкнула пальцами и на кухне Герды со стены упала медная сковорода. С грохотом. Задев стопку, выдраенных до блеска мисок. Одна из них покатилась по стерильной столешнице и... Фрейя сделала еще движение пальцами, словно отпуская щелбан ребру тарелки, и та врезалась в витрину с гердиным фарфором. Упс... и нет фарфора. А теперь женщина повернулась к стене лицом и посмотрела сквозь неё. Ну, никак нельзя пропускать такое действо: Герда, в своём накрахмаленном белоснежном чепце, в застёгнутом на все пуговицы платье, застыла с недонесенной до рта Кая ложкой, по-птичьи повернула голову, прислушиваясь, вернула ложку с тарелку и поджала губы.

— Дорогой, я сейчас вернусь. Пойду посмотрю, что там случилось.

И встала, оправив юбки, а потом вышла, держа голову, как шляпку гвоздя, готового стоять намертво.

Кай повернул голову в сторону стены и посмотрел прямо мне в глаза.

— Фрейя, это же ты? Войди, — он улыбнулся и шумно втянул ноздрями воздух, дышая, — пожалуйста.

Она прошла внутрь и сделала то, что хотела: подвинула кресло к его изголовью и села. Поправила ему сползшее одеяло и потянулась к подушке.

Кай, вытянул руку, останавливая, и сделал попытку сесть. Его лоб покрыла испарина, нос заострился от усилий, пальцы впились в край кровати, но она не стала оскорблять его своей помощью. Фрейя просто сидела и смотрела сквозь его постаревшее лицо в него самого.

— И как я тебе? — хмыкнул он, справившись, наконец, со своим уставшим телом.

— Всё такой же...

— Ты пришла за частью себя?

Она вскинула голову, ловя его взгляд, нахмурилась и кивнула.

— Как ты догадался?

— Годы, милая, годы. Десятки лет вдали от тебя. Было время подумать. Почему ты не сказала, что это не осколки зеркала? Зачем скрывать от очередного Кая, что он из осколков твоего сердца складывает слово «вечность»? Каждый Кай полюбил тебя, как я?

— А ты полюбил? — вздрогнула она, спрашивая.

Смешок облегчения вдруг качнул высохшую фигуру старика. Он вскинул руку, опираясь лбом в ладонь, а потом взлохматил редкие седые пряди.

— Как я не понял? Я так долго тянул с этим дурацким словом. Дурак. Я же думал, что я закончу и всё закончится. Я стану тебе просто не нужен. И каждый раз, когда ты мчалась за очередным кусочком мозаики, перекладывал льдинки, не давая им срастись, оставляя крохотные зазоры! Я же видел, что ты меня любишь так же, как и я, и не мог понять в чем смысл игры. А ты просто — не можешь поверить? Ты! Не можешь поверить в то, что тебя могут любить? Ты — не видишь любви к себе. Тебе нужно твоё раскатанное в зеркальную поверхность ледяное сердце, чтобы увидеть того, кто тебя любит. Бедная моя. Бедная моя, девочка. Ты поэтому меня ей, — он кивнул на распахнутую дверь, в которую вышла Герда, — отдала? Ты, любящая меня, отдала меня другой, думая, что делаешь мне благо, сжимая в ладони последний осколок? Не отдав его мне?

Фрейя вздохнула, откидывая голову назад. Найдя опору затылком, сжала и разжала пальцы в кулак и обратно. Медленно провела взглядом по комнате: стенам, потолку, рабочему столу и всё-таки ответила:

— Я так надеялась, что твоя Герда не дойдёт. Что где-нибудь она чем-нибудь соблазнится. Домиком, утопающем в цветущих розах. Принцем на белом коне. Шальными приключениями, греющими кровь и не дающими заскучать... но она шла и шла. Я тогда думала, что она так упорна потому, что вы связаны любовью. Что она идет за тобой. Но нет. Не за тобой. Эта шла с другой целью. Отобрать тебя у меня и вернуть на место. В её идеальный счастливый мир, где давно приготовлено место для «осчастливленного Кая».

— Для осчастливленного. — Он снова рассмеялся, хмыкая, качая головой. — Ты, как всегда, точна в формулировках. Именно осчастливленного, а не счастливого... Так что там новый «кай»? Сколько их было... после меня?

Фрейя вздохнула и всё же упрямо посмотрела ему в глаза.

— Никого. Но неделю назад я проиграла очередные «полвека вмешательства в жизни смертных». Я выбрала «полвека одиночества» и вернулась к себе в Фолькванг, но вмешался Один, и к моему приходу, на его пороге уже топтался вечный муж с мальчиком Каем. И этот Кай очень стремительно собирает «вечность». Новое поколение другого мира. У них это называется — собирать пазлы.

— И его ты не любишь... — рассмеялся Кай. — И он не любит тебя. И ты очень хорошо это понимаешь, да?

— Ирония судьбы. Я видела его любовь к новой Герде до своего проигрыша. Я просто знаю, что он любит не меня.

— Возьми меня с собой. К себе. В этой мелочи ты же мне отказать не сможешь? Умереть рядом с тобой. — Кай выпрямился и на его лице заострились скулы, как всегда бывало в его юности в момент негнбавемого упрямства. Фрейя снова увидела того заносчивого мальчишку, который смеялся ей, тысячелетней богине в лицо, расшвыривая ногами почти собранные в слово осколки, заставляя себя чувствовать юной. — Не хочу здесь. Тут и умирать придется строго по часам. Думаю, что Герда уже всё размерила и сочла. А я хочу без расписания. Хочу, чтобы сердце билось от счастья, а не вяло колыхалось в семейном счастье, как в бульоне. Пусть не долго будет биться, но от любви.

Она откинулась на спинку кресла, поглаживая ладонями подлокотники, отполированные временем и руками любимого мужчины, точно зная, что жене здесь не было места. Никогда. Точная копия её кресла...

— Что ж, почему бы и нет, — она махнула ребром ладони, смахивая не существующую пыль с подлокотника, и на кухне снова что-то упало. Фрейя потерла пальцем никогда не существовавшее пятно и заодно стёрла память у Герды и встала.

— Возьмем с собой? Мне кажется, ты к нему привык. — Похлопала ресницами, ощущая себя пятнадцатилетней, и протянула руку Каю. — Пойдём?

— Я сам.

— Хорошо. Присаживайся.

Кай откинул в сторону одеяло и заставил свое тело сесть, спустил ноги, одну за другой и держась за изголовье кровати встал. Тонкая белая линия очертила его губы, но Фрейя не бросилась ловить его локоть. Её Кай не простит ей оскорбления жалостью. Он слишком горд для этого. Она просто ждала, глядя, как босые ступни дрожат в усилии движения вперед. Кай дошёл. Сел и сдержал выдох облегчения. Фрейя присела на подлокотник и сказала:

— Домой.

4. Эту «вечность» я собираю сам

Сессрумнир встретил холодной искрящейся стерильностью. Посреди зала сидел парень. Юный Кай был так сосредоточен, задумчив и обеспокоен, что даже не обратил внимание на материализовавшееся рядом кресло и сидящих в нём.

Он встал и пошёл по кругу, обходя полированное стекло зеркала и бормоча под нос:

— Герда сойдёт с ума от беспокойства. Она уже, наверняка, подняла по тревоге все полиции мира. А если разлюбит меня? Пока я здесь играю в игры. В глупые детские игры в сказку. Может я не прав? Может быть и не нужен здесь этот осколок? Хотя, нет. Осколки срастаются, когда находят своё место. Нужен. Нужен. Где эта бестолковая богинька? Шляется где-то. А меня Герда ждёт. Ждёт же? Или уже подняла в воздух все BBC мира и ищет меня? Она может. — Парень усмехнулся и двинулся дальше, выискивая несросшиеся кусочки. — А этот хорош. «Ребята, вы так любите друг друга. Заработайте на своей любви. Постройте крепкий фундамент своему счастью...» Нет. Все на месте. Где эта богиня с последним осколком разбитого сердца?

Кай вздрогнул, когда чья-то рука коснулась его плеча. И тут же раздался голос:

— Кххе. Кхее. Молодой человек, спасибо большое, но эту «вечность» я соберу сам. А вас действительно ждёт любимая. Фрейя, его Герда, ждёт его?

— Да. И не только она. Юного Кая ждёт и она, и, пока ещё не рожденный сын. Спустя пару лет у них родится дочь. Да, Кай, вам пора. Вас действительно ждут. Один обязательно исполнит своё обещание. Он всегда держит слово. От себя обещаю, что и ваша с Гердой любовь и любовь всех ваших потомков будет с первого взгляда и до последнего вздоха. Спасибо за всё.

А парень во все глаза смотрел на дряхлого и совершенно седого мужчину, с рассыпанными по плечам прядями. В такой же старой, как и он, клетчатой фланелевой пижаме. Босого. С худыми обтянутыми почти прозрачной кожей руками и ногами, но с совершенно счастливым лицом. За его спиной, на подлокотнике, невесть откуда взявшегося кресла, сидела сияющая таким же счастьем, еще утренняя Снежная Королева — ледяная богиня Фрейя. А эта женщина излучала столько тепла и света, что ледяные чертоги словно затаились в предчувствии капли. «Скоро весна», — невпопад подумалось парню, и он вдруг вспомнил слова Одина: «Сказка должна завершится при тебе».

— Можно я досмотрю сказку? — неожиданно сказал он.

— Мы не знаем, каким будет конец, — пожал плечами старик.

— А разве бывает конец у любви?

Старик засмеялся. Звонко. Громко. Счастливо.

— Хотелось бы думать, что — нет. Но жизнь конечна. Не теряй времени. — Он оглянулся на смотрящую на него с нежностью Фрейю и решительно кивнул. — Не будем затягивать финал.

Старик положил свою руку на сердце и позвал последний осколок разбитого сердца любимой:

— Сердце моё, иди на свет. Пора...

5. Сходим проверим?

— Знаешь, о чем я думал эти годы? Остались ли наши следы на крыше Фолькванга...

— Фолькванг растаял. Но наши следы всё ещё где-то есть. И, — Фрейр сморщила нос и прошептала, — на крыше Асгарда точно есть. Сходим, проверим?

Эпилог

— Ну, за любовь! — Один поднял свой стакан с водкой и отсалютовал.

— Совсем тебя, Всеотец, жизнь под мостом очеловечила, пить нужно так — улыбнулся Фрейр и намеренно театральным жестом опустил палец в стакан с напитком. Кристаллизирующаяся вода стремительно опала снежинками и закружилась в вихре, повинаясь движению пальца.

— Значит буря в стакане выглядит так? Красиво. — Один слегка выпятил нижнюю губу и хмыкнул. — Всегда думал, что буря в стакане — это семейный скандал. А ты — художник. Твоя инсталляция гораздо живописней.

— Всё в этом мире должно быть прекрасно. Даже повышение спиртозности. — Фрейр вынул палец и снежный вихрь опал. На дне стакана лежала пара прозрачных кусочков льда. — За любовь!

Мужчины выпили. Неспешно закусили строганиной, и Фрейр резко поднял голову, прислушиваясь к звуку шагов, коротких перебежек, смешков и невнятных разговоров на крыше.

— Не ревнуешь? — поинтересовался он у Одина.

— Нет. Уже — нет. Всё прошло в один прекрасный момент, пока смотрел, как смешная девочка Агата лечила своей любовью пророка. И за одно — мир от коллапса.

Фрейр удивленно вскинул брови, а забытый бог отмахнулся, как об безделицы и продолжил:

— Стражи расслабились. Пророков такой мощи мир не видел уже веками, и они слегка окошателись, если можно так сказать. Расслабились и пропустили момент произнесения Слова. А ты знаешь, что быва-

ет, если пророков не отвлечь. Вот Сириус девочку и нашёл. Смешная такая, восторженная, пухленькая. Щечки, румянец. Ямочки. Веснушки и глаза, полные доброты. Сказочница. Писала сказки на продажу, тем и жила. А сказочки все сбывались. Люди встречались. Влюблялись. А вот мир становился чуть-чуть лучше. Так просто, проходя. И это с её-то крошечным даром. А Фрейя? Богиня любви, не способная видеть любовь к себе, из-за того, что один старый идиот сделал её несчастной. Калеккой. Она мне так и сказала: «Ты сделал меня калеккой».

— Поэтому ты и явился в казино и встал на место крупье?

— Я ей должен. — Один пожал плечами. — Я ей должен века, полные любви. А Кай? Пусть побудет счастливым и залечит её раны. Мир станет только лучше. И... Кай, его век не вечен. А наш с ней — да. Она любит меня. Я знаю это. А настоящую любовь время не лечит. Оно тут бессильно. И теперь, когда моё проклятие снято, она увидит и мою любовь к себе. И поймёт, что себя я проклял вместе с ней. Мне же тогда хотелось, чтобы осталась только моя любовь. Но Слово было сказано. «Пока человек не соберёт твоё разбитое сердце из осколков, и ты не увидишь в нём отражение любящего — ты не узнаешь кем любима». Погорячился, да... Бывает.

На крыше взвизгнули, оскальзываясь, а на лице Одина расцвела мальчишеская улыбка. Он вдруг подмигнул другу:

— А не устроить ли нам катание с горки? Веселящимся. — Уточнил Один. Наверху снова взвизгнули и стремительно заскользили вниз под взрывы хохота. — Не волнуйся. «Соломки» я им подстелил. Повторим? Мне тоже «Бурю в стакане».

Артем Кастр

С.-Петербург

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

Если бы я знал, к каким последствиям приведут мои шутки над Алексом. Я бы всячески воздержался от смеха над ним, но теперь, когда мое преступление совершено, а наказание за него настигло меня в самый неожиданный момент, я могу подробно расписать все, что случилось со мной и предупредить тех, кому нравится смеяться над другими, почему не стоит этого делать.

Никто не верил, что Алекс действительно тот, за кого себя выдает. Этот парень крупного телосложения и весьма неприятный на внешность утверждал, что в свое время постиг законы потустороннего мира и смог выйти на тропу духов, благодаря которой он может общаться с ними, а также получать от них различного рода информацию. В нашей компании, которая собралась на работе в строительном магазине, подобное еще никто ни разу не слышал, а потому мы восприняли слова Алекса как легкую шутку для поддержания настроения, ведь работа в строительном не такая приятная и легкая, как это может показаться на первый взгляд.

Но Алекс не отступал от своих слов. И с каждым днем мы убеждались его вере в них. Мне было горестно смотреть за тем, как он придумывал и рассказывал нам свои бредни. Никто из нас не верил ему, но мы подыгрывали его речам. Дабы и дальше в открытую смеяться над ним. Естественно, ни у кого из нас не было злых помыслов. Мы не видели в Алексе сумасшедшего, и считали, что он всего лишь помешан на своих сказках, которые рассказывает всем подряд для привлечения внимания. Внимание. Именно этого ему не хватало, и, естественно, ему не хватало женского внимания. Никто из нас не знал о его личной жизни, да она нас и не касалась. Помнится мне, Алекс как-то сказал, что у него была возлюбленная. Но перед тем, как сделать ей предложение, он узнал, что дева эта хочет расстаться с ним. И больше мой бедный товарищ не заводил отношений с противоположным полом. Впрочем, если он рассказывал своей второй половинке все то, что рассказывал нам, лично я не удивлен тому, что они расстались. Мне казалось, что Алекс своими мистическими бреднями пытается придать себе вид, поднять себя в наших глазах, и это очень злило меня, ведь я придерживаюсь того, что человек должен показать себя поступками, а не словами. Если убрать этукую таинственность в общении с паранормальным, то Алекс предстанет перед любым человеком крайне неповоротливым и слегка закомплексованным человеком, защитная реакция которого не позволит ему нагрубить. Даже, когда его будут всячески обижать, он будет благодарить покупателя или собеседника за то, что тот потратил на него время. Как бы мы ни советовали ему стать морально сильнее, он нас не слушал, а потому в скором времени мы сами начали смеяться не только над его паранормальными бреднями, но и над ним самим. Вначале он не обращал на нас внимания. Похоже, он считал, что так мы выказываем ему желание подружиться, но потом он понял, что мы веселимся за его счет, и уже тогда, во всяком случае, я так думаю, он

начал планировать свою месть нам. И лишь чудом вышло так, что мне он предопределил не самый страшный исход.

Случилось так, что в один из дней мы как всегда решили подшутить над Алексом, и, похоже, перегнули палку, потому что столь разъяренным я его еще ни разу не видел. Именно в этот момент я понял, что мы перешли все границы дозволенного. Но почему-то, глядя на него, как на обиженного котенка, мне не хотелось останавливаться. В тот день я вылил на него изрядную порцию шуток, и хоть мои коллеги посмеялись, Алексу было не смешно, и он смотрел на меня так, словно я враг всего человечества. От его взгляда мне стало не по себе, но если учесть, что среди коллег была девушка, которая мне нравилась, я решил идти до конца, надеясь, что она обратит на меня внимание. Вот только в своем стремлении я переусердствовал, и в итоге в конце моей юмористической программы эта самая девушка, которая еще пару минут назад смеялась вместе со мной над укладом жизни Алекса, сейчас была на его стороне и буравила меня взглядом так, что мне стало не по себе.

Честно признаюсь, я пытался извиниться перед Алексом, и, быть может, если бы я проявил больше такта, он бы простил меня. Но мы оба знали, что мои извинения не были искренними. Я просто не хотел, чтобы любимая сердцу дама ненавидела меня. Я пытался извиниться и перед ней за мое крайне бестактное поведение, но она и слушать меня не стала, а позже я узнал, что она собрала подписи с моих коллег, чтобы меня уволили. К счастью, я был хорошим работником, и начальство не хотело меня отпускать, а вот ее мне пришлось отпустить. С тех пор в моем сердце никому нет места. Меня перевели в другой отдел, чтобы я никак не мог пересекаться со своими уже бывшими коллегами. И хоть меня перевели, я все равно выполнял свою прошлую работу. Вроде бы на этом можно бы и закончить повествование, но боюсь только здесь оно и начинается, а все, что я успел написать выше, является так называемой прелюдией к началу моих кошмаров.

Я и забыл об Алексе и своих бывших коллегах, как вдруг кто-то сообщил мне, что они пытаются вернуть меня в отдел, мол, они посоветовались и решили простить меня и начать все с чистого листа. Более того, я слышал, что бывшая хозяйка моего сердца считает себя виноватой передо мной и всячески хочет загладить свою вину. Ну разве это не чудесно, особенно если учесть, что я ни минуты о ней не забывал. Как бы я не кичился, что с амурными делами в моей жизни покончено, я все равно лелеял надежду быть с той самой девушкой. И вот мне представился шанс. Естественно, я согласился вернуться в свой быв-

ший отдел, и начальство одобрило это. Теперь уж я точно не подведу ее и мои чувства ожили к девушке с самой что ни на есть новой силой. Мне хотелось сделать каждый ее день идеальным, но, к сожалению, этому не суждено было сбыться. Не прошло и месяца с тех пор, как я вернулся, как Алекс начал вести себя еще странней, чем раньше. Теперь на складе, где у нас лежит товар, и по которому ходим только мы, он расставил различного рода иконки, нарисованные большим человеком с извращенной фантазией, который перерисовал знакомые образы, изменив их головы и лица. Так вместо одного святого красовалась страшная голова, у которой вместо глаз были зияющие черные дыры, а из в раскрытом рту виднелись острые клыки, вот только закрывали они не горло, а словно бы космический пейзаж, который ка-будто существо поглотило перед тем, как открыть рот. Мне стало не по себе от таких икон, ведь я хоть и не был религиозным человеком, был человеком набожным и всячески верил в проявление божественного вмешательства в свою жизнь. Как-то я решил убрать эту икону, но мои коллеги не дали мне этого сделать, они посмотрели на меня так, словно я все время был волком в овечьей шкуре и только сейчас они вывели меня на чистую воду. Я не понимал, в чем смысл этих икон, не понимал, зачем они вообще расставлены по складу. Какое-то время я пребывал в неведении до тех пор, пока не обнаружил наспех сооруженный алтарь с большой иконой на нем, на которой была изображена укутанная в белое женщина, лица которой не было видно, но моим коллегам это и не нужно было. Они так смотрели на икону, что мне казалось, что они и так знают, какое лицо у изображенной на иконе женщины. Подсознательно я чувствовал, что эти иконы развращают и отвергают образы святых и самого всевышнего, с которым я часто общаюсь в своих мыслях. Первые двадцать лет своей жизни я был атеистом, но потом случилось несчастье, которое изменило мою жизненную позицию, и теперь с богом мне проще идти по пути, чем идти без него. Несмотря на то, что я уговаривал и просил убрать и алтарь и иконы, мои коллеги ничего такого не сделали. Они вообще смотрели на меня безжизненными глазами, из которых выкачали всю жизнь и оставили лишь физические оболочки. Несмотря на все мои просьбы они отсылали меня к Алексу, говоря о том, что это ему принадлежат идеи с иконами и алтарем, а они лишь поддерживали его. Я пытался достучаться и до Алекса, что богохульство у нас не приветствуется, но он ни в какую не слышал меня, и в итоге в один из дней я не выдержал и сложил эти иконы в одну кучу и сжег их. Я наблюдал за тем, как страшные образы горят в огне и мне становилось легче на сердце, но почему-то и Алекс и мои

коллеги вели себя так, будто я их поджег, а не иконы. Они странно раскачивались из стороны в сторону, глаза их были закрыты, и при этом они синхронно проговаривали одну и ту же молитву.

— О, великий Арашуа, прими нас к себе и не дай нам войти в искушение, уподобляясь всем невежам, что окружают нас.

Еще ни разу я не слышал столь странное имя. Они обращались к некому Арашуа, как будто он был их версией бога, к которому я ежедневно молился и рассказывал о своих печалях. Я не мог понять, как так вышло, что мои коллеги вдруг ни с того ни с сего стали поддерживать религиозные исповедования Алекса, и кто такой этот Арашуа, которому они молились? Я пытался узнать ответы на эти вопросы, но никто не захотел мне открыться. Похоже, я у них в черном списке. И все же мне повезло — в один из дней когда они восстановили алтарь и Алекс принес новые иконы с теми же страшными головами один из сектантов, а иначе их называть я уже не могу, спросил о женщине в белом, что должна прийти к нему. Почему-то он боялся прихода странной женщины, и сильно нервничал, но Алекс положил руку на его плечо и успокоил его.

— Когда она придет, ты получишь блаженный покой и сможешь перейти на другую сторону астрала и обрести место рядом с Арашуа.

Я так и не понял, что значили слова Алекса, но через пару дней этот мужчина был найден мертвым в собственной спальне, он умер от сердечной недостаточности. Врачи не нашли в его смерти ничего странного, а вот я после этого не мог чувствовать себя в безопасности. Я слышал его разговор с Алексом, и от этого мне было не по себе, но я не мог открыто обвинить Алекса в совершении преступления. В итоге я начал следить за ним. Пока что следил на работе, потому что все-таки в моей голове еще оставалась толика здравого смысла, и я понимал, что возможно, я обвиняю невиновного. Но с каждым днем во мне усиливались подозрения, что Алекс далеко не безобиден, как он пытается это показать. Следующие пару недель не происходило ничего такого, что могло бы вызвать у меня подозрения, но в один серый день, когда дождь лил как из ведра, Алекс начал испытывать страшные боли в голове, и как бы мы не пытались ему помочь, боли не уходили. Он пытался отлежаться дома, но всякий раз возвращался на работу, словно мы тут без него бы не справились. В один из дней я пришел на работу и увидел, что мои коллеги окружили Алекса в круг и положили руки ему на затылок. На моих глазах ему становилось лучше, а вот моим коллегам чуть хуже. Тогда я подумал, что они забрали у него боль и разделили ее между собой. Впрочем, может, так оно и было. Я уже и не

знал, что мне делать. Похоже, оставалось только смириться с тем, что происходит, но что-то внутри меня не собиралось мириться. Я всячески пытался отгородить любовь сердца от Алекса, но она тянулась к нему, как тянутся мотыльки на столь предательски смертоносный луч света. Наконец-таки до меня дошло, что Алекс, возможно, приворожил моих коллег, но для чего он это сделал? Какой ему толк от того, что они у него на подхвате. И тогда я смог связать все воедино. Алекс поклонялся некому божеству по имени Арашуа, и, возможно, этому божеству нужно было больше последователей. Если Алекс не смог завлечь моих коллег и девушку моего сердца добровольно в лапы Арашауа, он заманил их в коварные сети посредством своего колдовства, о котором он так часто говорил и в которое я уже начинаю понемногу верить.

С каждым днем работы в измененном Алексом коллективе моим глазам представало все больше связанных с ним изменений, что мне уже захотелось написать заявление на увольнение и оставить их всех в его руках. Может быть, это будет его победа, зато я не примкну к этому отряду зомби, что так ревностно выполняет любые его указания. Я уже написал заявление и положил его на стол директора, но Алекс уговорил его не увольнять меня. Точнее как уговорил, я бы сказал, внушил в голову бедного человека, что я очень ценный работник и меня нужно держать до последнего. После того скандала, что я устроил в офисе, я был уверен — меня уволят. Но вместо этого мне повысили оклад, и, возвращаясь на рабочее место, я увидел искру победы в глазах Алекса. Он не собирался меня отпускать. Он хотел, чтобы я видел, как он подчиняет себе весь персонал не только нашего магазина. Но и сети в целом. Какую дань он собрал для своего божества?

К счастью, на какое-то время я смог позабыть об Алексе. Дело в том, что он взял отпуск и уехал из города. Я искренне надеялся, что уехал он навсегда. Но, к несчастью, Алекс вернулся через две недели, и из отпуска он привез книги и старые артефакты, которые положил к подножию алтаря. Привезенную книгу он открыл на странице с ужасающими воображение рисунками всяческих монстрах, и каждое утро перед открытием магазина все, кроме меня читали молитвы этим существам, но, естественно, в большей мере эти молитвы направлялись таинственному Арашуа, что по словам Алекса спит беспробудным словом на дне океана. Сначала Алекс не пытался привести меня в свою веру, и вскоре я перестал обращать внимания на то, что у новичка появились фанаты, которые идут за ним, как за путеводной звездой, но в один день он решился-таки взяться за меня.

— Тебе стоит послушать мои рассказы про Арашуа, — обратился он ко мне, когда я вышел покурить в курилку на улице.

— Мне неинтересны твои фантастически рассказы, — ответил я, докуривая сигарету.

Раньше я не курил и не пил, но за последнее время пристрастился и к первому и ко второму.

— Ты боишься открыть сердце тому, кто действительно услышит тебя.

— Меня слышит Господь, и каждый день я молюсь ему. Чтобы он отгородил меня от твоих чар.

Алекс рассмеялся таким смехом, что мне показалось, будто смеется не он, а кто-то стоявший за его спиной. В его смехе слышался бас с хриплым отзвуком, словно невероятное существо, которому природой дан самый пугающий тембр голоса, решило заявить о себе.

— Твой Господь не слышит тебя, иначе я бы не стоял рядом с тобой. — придвинулся ко мне чуть ли не вплотную Алекс и улыбнулся самой что ни на есть пугающей улыбкой.

Я хотел ему ответить, но ужаснулся, увидев. Что глаза его заволокло черною слезью, которая стекала по щекам словно слеза.

— Совсем скоро ты попадешь под влияние Арашуа, и тогда мы все вместе объединимся в астрале для того, чтобы придать энергии на пробуждение нашему божеству! — разразился громом голос Алекса, и мне стало еще страшней, чем раньше было.

Он почувствовал слабость внутри меня и решил воспользоваться моментом. Алекс попытался схватить меня за горло, но только у него ничего не вышло. Каким-то образом я смог вывернуться из его хватки и увидел, что рука Алекса преобразилась. Она приобрела цвет сгнившего дерева и пальцы заострились, напоминая наконечники копья. Теперь передо мной предстал некий демон, который все это время скрывался под личиной человека. Так я думал. Но все было куда проще. Алекс не был проявлением зла в нашем мире, нет. Он был существом, родившимся в другом измерении, что неподвластно человеческому глазу, ибо представители этого измерения в основном живут бок о бок с человеком. И если мы не можем ни увидеть этих существ за гранью нашего измерения, ни почувствовать их, то они могут и чувствовать и видеть нас, а еще они могут или вселяться в человека, подчиняя его разум себе. Или создавать материальный образ человека, дабы в последствии управлять безвольными людьми, что могут попасться на любые уговоры. Обо всем этом я узнал куда позже, но в тот момент мысленно я читал последнюю молитву. Намереваясь через минуту другую встретить-

ся с создателем и узнать у него, как он допустил вторжение демонов в наш мир. Только вот прошла минута другая, а я все еще был жив. Или сам Алекс, или засевший в нем монстр тщательно изучал меня, на лице его была видна устрашающая улыбка. словно его веселила эта ситуация.

— С тобой придется потрудиться, но, к счастью, не мне этим заниматься, а моей госпоже.

— Госпоже? — вырвалось у меня от страха.

Алекс вернул свой обычный вид и я отчасти успокоился и смог взять себя в руки. Я решил разговорить его, дабы выведать у него все. Что получится узнать.

— К тебе придет госпожа в белом. Вот она с тобой повеселится, а мне останется довольствоваться тем стадом, что собралось у моих ног.

Меня возмутило, что моих коллег он считает стадом. Я так и сказал ему об этом. Но он всего лишь рассмеялся. Он вообще всегда улыбался, словно все кругом радовало его или просто вселяло улыбку.

— Скоро этот мир будет принадлежать Арашуа, и я искренне надеюсь, что ты сможешь увидеть это, — сказал он и ушел в магазин.

Я так и остался стоять с недокуренной сигаретой. Пытаясь понять значение слов ушедшего собеседника.

Каждый вечер после работы я заходил в разные библиотеки, пытаюсь в книгах по мистицизму и оккультизму найти хоть одно упоминание об Арашуа. И каждый вечер меня ждала неудача. Ни в одной книге нет и слова о нем, но при этом внутри его секты про Арашуа написано немало книг, а значит, чтобы узнать о враге Господа нашего, мне нужно пробраться в стан врага и выкрасть один экземпляр посвященной лжебожеству литературы.

В один из вечеров я решил воплотить задуманное. Прежде всего я целый день ходил на работе вокруг алтаря, на котором лежал раскрытый экземпляр нужной мне книги. Но рядом с этим экземпляром всегда был кто-то из новых последователей Арашуа, что мне и глазом одним не удалось заглянуть на страницы нужного мне издания. За моими попытками достучаться до истины следил Алекс. В тот же вечер он взял книгу с алтаря и протянул ее мне.

— Ты же хочешь узнать про Арашуа? Держи. Это издание поможет тебе.

— Почему ты мне отдаешь эту книгу? — почувствовал я подвох в его словах.

— К тебе скоро придут. Я думаю, могут прийти сегодня, и будет лучше, если ты поймешь, каким существам переступаешь дорогу.

Я неохотно взял у него книгу. Внутри меня засели его слова о том, что ко мне должны прийти, и до самого дома я не мог отделаться от них.

Оказавшись в своей квартире, я закрыл входную дверь и полностью занавесил окна. Положив книга на стол, я включил лампа и направил свет от нее на книгу. Свет в квартире я решил не включать. Уж и не помню сколько я ходил кругами, думая, что мне делать с этой книгой. Мне очень хотелось просмотреть ее содержимое, но я боялся, что оно затянет меня в свои сети, и я стану таким же, как мои коллеги. Я не собирался прощаться с даром свободно мыслить, но все же интерес ко всему, что происходило у меня под носом, взял вверх и я раскрыл книгу и начал читать. В основном эта книга была посвящена Арашуа, и из нее я узнал многое об этом божестве. Но помимо него в книге упоминались и другие существа, которые гуляют по нашему измерению. Меня удивил тот факт, что в книге преподносилось несколько описаний Арашуа, словно ее автор не может быть до конца уверен, как выглядит это божество, которое скрывает в себе океан. Но зато автор книги полностью описал таинственную женщину в белом, в честь которой был установлен алтарь у нас в магазине. Более того, из этого описания я узнал, что женщина в белом посланница воли Арашуа, которая приходит к тем, кто до последнего отпирается от учения спавшего божества. Она всегда приходит ночью и всяческими способами доводит несчастного, к которому ее привела судьба до сумасшествия, что тот вскоре становится преданным последователем Арашуа. В большинстве своем женщина в белом представляется автором неким призраком, что воздействует на мозг и психику человека. Теперь я хотя бы понимаю, чего мне от нее ждать. С этими мыслями я закрыл книгу и уселся на диване. Эта женщина еще не пришла, а мой разум уже ушел в свободное плавание, анализируя слова Алекса и те строки, что я прочитал буквально пару минут назад. Почему-то мне казалось, что уже этой ночью я повстречаюсь с таинственной незнакомкой в белом. И мои предположения сбылись.

Глубокой ночью меня разбудил странный крик, которой раздался буквально рядом со мной. Я подскочил словно ужаленный, но никого вокруг не увидел. Я все также был один в своей спальне, но откуда тогда тут раздался этот крик? Мне стало не по себе. Потому что я понимал, к чему это может меня привести. Гостья, о которой говорил мне днем Алекс, пришла за мной. Я не видел ее и больше не слышал, но был уверен, что крик это ее рук дело. Я попытался еще раз уснуть. И мне это удалось. Но стоило мне уйти в фазу глубокого сна, как вдруг

мой мозг выдал самый что ни на есть страшный образ женщины в белом развевающемся платье, голова которой была накрыта фатой. Вначале я стоял поодаль от этой женщины, но уже в следующее мгновение я стоял перед ней, разглядывая ее. Впрочем, ничего кроме облаченной в белое платье фигуры, лицо которой закрыто фатой, я не увидел. И только я решил протянуть к ней руку, как вдруг она неестественно выгнулась и, издав странный звонок-хрипящий крик, сбросила с себя фату и повернулась ко мной. Я опешил от страха, упал на ровном месте, смотря в глаза утопленнице, с серой кожи которой стекали капли черной слизи, а ее глаза цвета прогнившего бамбука смотрели на меня так, что я закричал. И тут же я проснулся в своей кровати. В который раз я огляделся по сторонам и в который раз никого не увидел в спальне. И вот я успокоился, решив. Что Морфей играет со мной самым извращенным способом, как вдруг увидел, что рядом со мной кто-то лежит, укутавшись испачканным одеялом. Мне стало не по себе, руки задрожали, в горле пересохло, а в голову отдавала боль. Я отчетливо помню, как засыпал в одиночестве, а потому никого, кроме меня в кровати быть не должно было. С большим усилием я поборол страх и отдернул одеяло в сторону и тут же ужаснулся. На кровати рядом со мной лежала та девушка. Которая когда-то при устройстве на работу забрала мое сердце, и которой я так и не успел признаться в любви. Она лежала с застывшим выражением ужаса на лице и была одета в белое платье. Мне было тяжело смотреть на нее, но я должен был во всем разобраться. Она умерла сравнительно недавно. Тело еще не успело окоченеть, но маленькие трупные пятна уже виднелись.

Я не мог кричать, не мог издать ни звука. Я отказывался верить в увиденное мною. Мне казалось, что это видение, что ниспослала мне женщина в белом. Но нет, рядом со мной лежала мертвая дева, и я не могу сказать, как она попала в мою кровать. Меня чуть не стошнило, но я сдержался. Я не могу позволить оскорбить мертвое тело. Нужно было вызвать скорую, позвонить в полицию, но я не мог подняться. Я не знаю, что сказать на вопросы. Которые мне несомненно зададут, а потому задумался над тем, как бы избавиться от трупа, не привлекая к себе внимания. А Впрочем, если это посланный мне образ, зачем мне нужно его прятать. Поняв, что я расстроил планы женщины в белом. Которая планировала этим образом ввести меня в панику и страх, я рассмеялся так, как не смеялся никогда. Ну как они могли подумать, что столь дешевым трюком они смогут перетянуть меня в свою команду? Мне настолько было весело и спокойно на душе, что я решил позвонить Алексу и высказать ему все, что думаю о его методах. Меня со-

всем не смутил тот факт, что на улице стояла глубокая ночь. Как ни странно, Алекс взял трубку буквально после первого гудка.

— Ну что, можешь праздновать мою победу, вам не удалось меня ни испугать, ни свести с ума. Я смог разгадать вашу задумку, ты чем-то одурманил меня и сейчас я вижу мертвое тело в кровати, но я знаю, что твои чары скоро рассеются и этот образ исчезнет, а я и дальше смогу радоваться своей победе над тобой! — прокричал я ему в трубку.

— О, так ты видишь рядом с собой мертвое тело? — только и спросил он.

— Ну да, но этот образ скоро исчезнет. Как только пройдет действие твоего яда, я попрощаюсь с этим образом раз и навсегда.

— А ты уверен, что это был мой так называемый яд? — невозмутимо спрашивал меня Алекс, и его интонация заронила во мне сомнения. Впрочем, возможно, он пустил в ход свою последнюю карту.

— Ну конечно! — ответил я.

— К тебе пришла женщина в белом. Если ты внимательно прочитал книгу. Что я тебе дал, то ты узнал, что женщина в белом не создает образы, она забирает души тех, кто погиб от руки ее клиентов.

— О чем ты говоришь?

— Ты просыпался от странных криков сегодня?

Он задал вопрос, который ввел меня в тупик. Я действительно недавно просыпался от звучного крика, но мне казалось, что крик этот был мне наваян.

— Я так понимаю, ты приходил в себя после убийства бедняжки, что пришла к тебе по моей просьбе буквально перед тем. Как тобой завладела женщина в белом.

— Но ты же сказал, женщина в белом забирает души тех, кто погиб от руки ее клиентов. Но я никого не убивал.

— Ты, может быть, и нет, но она твоими руками убила бедняжку, в которую ты был влюблен, и забрала ее душу с собой.

И тут до меня дошло, что когда я видел утопленницу во сне, я потянулся к ней руками, намереваясь задушить ее. И я задушил ее. Вот только вместо женщины в белом я задушил мою возлюбленную.

— Первый крик, что ты услышал, принадлежал женщине в белом. А второй крик принадлежал убитой тобой девушке. Ты думал, что сможешь обхитрить меня, думал, что сможешь выстоять под натиском того, что твой скудный мозг не может понять, но ты проиграл, и с этого момента тебе придется жить с этим.

Я не слушал его, но он все говорил и говорил, и в итоге я различал только злорадный смех Алекса, празднующего свою победу надо мной.

Я не мог поверить, что совершил преступление, я должен был удостовериться в этом. Я еще раз бросил взгляд на мертвое тело моей возлюбленной и ужаснулся от того, что все оно буквально за пару минут покрылось трупными пятнами, а губы ее извивались в самой страшной улыбке, что я когда либо видел на этом свет. И тут на всю спальню раздался зловещий смех вперемешку с плачем. То смеялась женщина в белом и плакала отобранная ею моими руками душа...

Александр Филичкин

Самара

БРЕВНО

Затяжная весна благополучно закончилась. В июне в Поволжье пришло благодатное лето. Температура днём поднималась до тридцати, а по ночам, опускалась не ниже двадцати с чем-то градусов. Вода в реках прекрасно прогрелась. В ней можно было, купаться минут десять к ряду и притом не замёрзнуть до посинения кожи.

В эти чудесные дни на даче вдруг оказалась много людей. Кроме Ивана и его жены Катерины, приехали мама и папа мужчины — Татьяна Семёновна и Пётр Алексеевич. Следом за ними прикатили взрослые дети хозяев: сын, которого звали Володя с супругой и две дочери, Ольга и Анюта с мужьями.

Они привезли своих малых отпрысков. Так на скромном земельном участке внезапно собралась вся их семья, состоящая из четырёх поколений. От прабабушки и прадедушки до шестерых шустрых внуков.

Солнце приближалось к зениту и все принялись хлопотать на обширной веранде. Они доставали из сумок привезённые яства и раскладывали их по тарелкам и блюдам. Наконец, вся еда разместилась на широкой столешнице. Народ быстро расставил табуретки и стулья, и удобно устроился вокруг большого стола.

Как всегда, обстановка во время обеда, была очень свободной и удивительно тёплой. Люди непринуждённо общались друг с другом, и разговор очень часто перепрыгивал с темы на тему.

Татьяна Семёновна внезапно спросила: — А слушаются ли мои покойные внуки своих любимых родителей?

— Да! — хором ответили мальчишки с девочками.

— Нет! — вразной бросили мамы и папы.

— А вы их наказываете? — обратился Иван к своему взрослому сыну и двум дочерям.

— Да! — значительно громче крикнула вся малышня.

— Нет! — с большим сожалением вздохнули родители.

— По современной методике воспитания детей, этого делать нельзя. Мы стараемся им объяснить, где они поступили неправильно. — добавила Ольга. Все остальные грустно кивнули. Мол, куда нам деваться? Против науки уже не попрёшь.

— А вот меня, очень строго наказывали. — печально вспомнил Иван. Он на секунду задумался и очень серьёзно продолжил: — Мне тогда было, лет пять или шесть. Я любил мастерить всё своими руками и из тонких дощечек соорудил себе самолётик.

Потом, я немного подумал и взял крышку из полиэтилена, которыми закрываются стеклянные банки. С помощью ножниц, я вырезал из неё прекрасный пропеллер и прибил тонким гвоздиком к острому носу самодельной игрушки. Обрезки прозрачного пластика я бросил на стол и стрелою умчался во двор.

Когда я бежал, то пропеллер быстро крутился и громко трещал. От этого, мне становилось удивительно весело. Мне представлялось, что я бесстрашный пилот и сижу в аэроплане, который летит в облаках.

Нужно сказать, что полвека назад данные крышки достаточно редко появлялись в продаже, и в нашей деревне их оказалось, очень трудно купить. У нас в доме их было, всего несколько штук. И все они, постоянно находились при деле.

Через какое-то время, мама вернулась с работы и с огорчением увидела, что я натворил. Она схватила небольшое бревно, что находилось поблизости, и очень больно врезала мне по спине.

Татьяна Семёновна уже много раз, слышала эту историю от своего любимого сына. Иван часто рассказывал её друзьям и знакомым, но старая женщина воспринимала её совершенно спокойно.

В этот раз она не сдержалась и с интересом спросила: — И какого размера было бревно?

Сначала, Иван сдвинул ладони со слегка согнутыми пальцами и показал толщину внушительной жерди, которой он в детстве получил по спине. Потом, как бывалый рыбак развёл руки в стороны и обозначил

величину незабвенной лесины. По всему выходило, что обхват у «бревна» был чуть побольше, чем у запястья мужчины, а длина оказалась не менее метра.

Татьяна Семёновна с усмешкой взглянула на сына и заявила: — У тебя здесь на даче, много обрезков старых деревьев, которые ты сохраняешь для жарки мяса в мангале. Найди мне полено такого размера, которое ты всем показал, и дай его своей жене Катерине. Посмотрим, сможет она им размахнуться и точно попасть по стволу какого-то дерева.

Мама Ивана чуть помолчала и строго сказала: — Да если бы я и смогла поднять такой дрын и ударить ребёнка, то он бы бедняга, сразу скончался на месте.

— Но я же помню, каких размеров было бревно. — возмущённо ответил Иван.

— Во-первых, я стегнула тебя длинной веткой, толщиной в указательный палец, которым мы загоняли гусей ночью в сарай. Она стояла возле крыльца и, тогда сгоряча, подвернулась мне под руку. Во-вторых, ты был ещё совсем маленьким по сравнению с той хворостинкой.

В-третьих, до этого случая я тебя сроду не била, ни рукой, ни чем-то ещё. Вот тебе и представилось нечто ужасное. Ну а с годами в твоём восприятии эта тонкая палочка уже превратилась в бревно.

ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ

Так уж случилось, что тётя Аглая слегла, а смотреть за ней было некому. Все родственники жили от неё далеко, а те, кто находились поблизости, сами сильно болели.

Вот так и вышло, что молодой человек взял отгулы на службе и поехал к старушке на несколько дней. Потом, его собиралась сменить любимая мама. В таком поручении парень не видел ничего необычного и не ждал никаких неприятностей. Однако, он сильно ошибся.

В девять часов, Роман Комаров добрался до большого села и нашёл скромный дом, где проживала заболевшая тётя. Пятистенок стоял недалеко от околицы и поиск не занял долгого времени. Парень бросил машину у низких ворот, открыл калитку и попал в сильно запущённый двор.

С тех давних пор, как он здесь бывал, прошло много лет. Всё вокруг обветшало и слегка покосилось. Всюду росло много травы, кото-

рую необходимо скосить. Иначе все сорняки вымахают в рост человека. По всему было видно, здесь обитала слабая одинокая женщина.

Доски крыльца слегка прогибались под ногами рослого парня. Дверь оказалась незапертой и открылась с пронзительным скрипом. Внутри коротких сеней было темно. Пришлось достать телефон из кармана ветровки и включить светодиодный фонарь.

Молодой человек прошёл в тесную кухню и повертел головой в разные стороны. Вечерние сумерки уже начались. Свет едва пробивался сквозь узкие окна. Пол был покрыт разводами пыли, на котором виднелись дорожки следов. Похоже, что в всех помещениях не убирались очень давно.

Не разуваясь, парень, как был лёгких кроссовках, так и направился дальше, в гостиную. Шагнув за порог, он громко крикнул: — Тётя Аглая, вы дома? Это Роман, сын вашей племянницы Хорват Елены Владимировны, которая теперь Комарова.

Впереди находились две узкие дощатые двери, ведущие в отдельные комнаты. Из той, что размещалась по левую руку, послышался надтреснутый голос: — Проходите сюда.

Не желая пугать пожилую хозяйку, Роман спрятал в карман свой смартфон, устремился на звук и, по ходу движения, продолжал говорить: — Я прибыл сюда из Москвы и буду здесь несколько дней. Пока, кто-нибудь к вам не придет.

Роман нашёл выключатель, висевший на стенке у двери, и щёлкнул небольшим рычажком. Под потолком ярко вспыхнула стоваттная лампочка. В комнате стало светло. Старушка и сыщик смогли, наконец-то, увидеть друг друга.

За прошедшие годы, тётя Аглая очень состарилась. Волосы у неё поседели, а лицо покрывала сетка глубоких морщин. Она лежала на широкой кровати и напряжённо смотрела на незваного гостя. Роман тоже весьма изменился. Он стал вдвое больше и сильно раздался в плечах.

Хозяйка взглядела в высокого парня. С огромным трудом, она разглядела черты мальчугана, что приезжал к ней лет десять назад: — И правда, Роман, а я ждала твою маму. — облёгчённо вдохнула она.

— Разве она, вам не звонила?

— Телефон у меня разрядился, а дойти до розетки, я не смогла. Тяжело стало мне подниматься с постели.

Достав свой смартфон, парень набрал номер мамы и сообщил ей о том, что успешно добрался до тёти Аглаи. После чего, он передал ап-

парат лежавшей старушке. Она с большою опаской взяла непривычный предмет и начала говорить с Еленой Владимировной.

Парень огляделся вокруг, и благоразумно решил, что наведение порядка он отложит на завтра. Сегодня были дела поважней. Первым же делом, Роман подключил к подзарядке телефон беспомощной женщины.

Потом, двинулся в кухню и занялся, приготовлением еды для себя и старушки. Хорошо, что по дороге в село он закупил полную сумку продуктов, а в доме имелась плита, что работала на сжиженном газе. Не пришлось долго возиться с дровами.

Родственники быстро поужинали гречневой кашей с тушёной и отправились на боковую. Роман лёг в той же маленькой комнате, где он ночевал вместе с мамой, лет десять назад. Она находилась за тоненькой стенкой от спальни хозяйки.

Весь новый день, Роман занимался рутинной домашней уборкой. Он вытер пыль, вымыл полы и посуду, которая долгое время копилась на кухне. Заодно, протопил старую баню, что одиноко стояла в конце огорода.

Никуда не спеша, молодой человек отвёл туда тётю Аглаю. К счастью, с раздеванием, помывкой и одеванием в чистые вещи, она сама справилась без чьей либо помощи.

Видимо ей стало значительно легче уже от того, что за ней кто-то ухаживает. Парню осталось лишь отвести её в комнату и положить на кровать, где он заменил всё бельё.

Справившись со множеством дел, Роман услышал, как тётя Аглая сказала: — Милок, сходи на другой край деревни и скажи Анатолию, что завтра ему не нужно меня навещать. Зачем инвалиду тащиться сюда с костылём.

— Хорошо. — кивнул парень. Он вспомнил о том, что сейчас пойдёт к инвалиду, у которого проблемы с ногами. Значит, старику очень трудно посещать магазин, а потом, тащить все покупки домой.

— «Нужно ему кое-что отнести». — решил молодой человек и собрал небольшую посылку. Он сунул в пакет буханку вчерашнего хлеба, коробки растворимого сахара и чая в пакетиках, пачку гречки, пачку лапши, пару жестянок тушёнки и столько же банок рыбных консервов. В хозяйстве пожилого мужчины всё пригодиться.

Роман вышел из дома и бодрым шагом направился в дальний конец длинной улицы. По пути он смотрел на дома, что стояли вокруг. Все они мало чем отличались от жилища тёти Аглаи.

Походило на то, что все эти строения потихоньку приходили в негодность. То ли, молодёжь вся разъехалась, а хозяева уже постарели и не могли следить за порядком? То ли, была другая причина? Пока непонятная сыщику.

В центре села высилась двухэтажная школа, сложенная из силикатного камня лет сорок назад. Рядом с ней, находился железный контейнер, переделанный в небольшой магазин.

В нём торговали продуктами, дешёвым вином, водкой и пивом разного вида. Ассортимент было видно сквозь квадратные окна. В центре имелся неширокий проём с маленьким тамбуром.

Благодаря летней погоде, все двери оказались распахнуты настежь. Идя мимо торговой «палатки», Роман бросил внутрь заинтересованный взгляд. Ведь скоро ему придётся, туда заходить за едой для себя и старушки.

За прилавком виднелся тридцатилетний узбек, или другой азиат, весьма добродушного вида. Его большое лицо напоминало тарелку коричневатого цвета. Несмотря на жару, на нём болтался лёгкий пиджак из тонкой, светло-серой материи. Слева подмышкой мужчины, что-то сильно топорщилось.

— «Ну и деревня, как на Диком Западе прошлого века Америки. У торговца пистолет в такой кобуре, какую нам выдают в комитете. Правда, большей частью, она вместе с оружием, находится в сейфе. Её надеваем только тогда, когда в ходе расследования, можем столкнуться с матёрым преступником». — удивился Роман.

Парень немного подумал и, намного спокойней, добавил: — «Впрочем, какое мне дело? Сейчас я в отгулах по уходу за больною старушкой. Пусть местные власти с ним разбираются. Есть ли у него разрешение на такую игрушку?»

Пройдя полкилометра, парень увидел тот дом, где жил Анатолий. В этот момент, шестидесятилетний мужчина шёл по двору и тяжело опирался на деревянный костыль. Как помнил Роман, он был лет на восемь моложе сестры, но показался удивительно старым. По внешнему виду, ему перевалило за семьдесят. Вот что значит, не сидеть за столом в светлом офисе, а всю жизнь проработать в селе, и в холод, и в зной.

Сыщик постучался в калитку. Хозяин увидел его и спросил: — Вам кого молодой человек?

Гость сообщил, кто он, откуда и насколько прибыл сюда. Затем, передал просьбу тёти Аглаи и с улыбкой добавил, что все эти дни, брату

не нужно ходить к заболевшей сестре. Ну, а там, кто-то приедет и сменил Романа.

Лишь после этого, Анатолий узнал, кто же стоит перед ним и воскликнул: — Ты младший сын моей племянницы Лены, который был здесь, лет десять назад! Что же ты раньше мне не сказал? Проходи ко мне в горницу, там обо всём потолкуем!

Мужчина с трудом повернулся на месте и тяжёло захромал к старому дому. Видимо, повреждённые в аварии ноги, сильно болели. Парень, молчком, двинулся следом.

Деревянный дом Анатолия во всём походил на небольшое жильё тёти Аглаи. Те же размеры, та же планировка и обстановка, тот же запущенный вид, как снаружи, так и внутри.

Хозяин привёл гостя в тесную кухню и хлопотал по хозяйству. Он зажёл газовую плиту, поставил чайник на слабый голубоватый огонь и принёс пару толстых фаянсовых кружек советских времён.

Не оставаясь в долгу, Роман открыл свой пакет и выложил на маленький стол всё его содержимое. Увидев продукты, Анатолий весьма оживился и вернулся к древнему шкафу, что расположился в углу помещения. Мужчина извлёк из него поллитровку с завинчивающейся металлической крышкой. Судя по этикетке, это было вино, но жидкость в сосуде, оказалась прозрачной, словно вода.

Перехватив взгляд Романа, полный сомненья, мужчина с усмешкой сказал: — Не бойсь, сам его гнал и пробу снимал в прошлом году. До того, как меня покалечило. Только ты осторожней. Это первач, он очень крепкий, градусов семьдесят пять, если не больше. Точно сказать не могу, спиртометра у меня, к сожалению нет.

Старик дал Роману внушительный нож с, наполовину стёршимся лезвием и придвинул к нему банку рыбных консервов и хлеб. Сам он вернулся к буфету и снова открыл узкую дверцу.

Парень нарезал на ломтики четверть буханки и ловким, быстрым движеньем, вскрыл жестянку с едой. Этому хитрому фокусу он научился, когда целых два года служил в десантной дивизии, расквартированной в Таджикистане.

Его отделение очень часто ловило душманов, переходящих границу республики. Бойцы по несколько дней бродили по диким горам и питались одними консервами. Поневоле освоюшь такую науку.

Хозяин поставил на стол две гранёные стопки, прибавил к ним две неглубоких тарелки и вилки и тяжело опустился на табурет, стоявший поблизости. Роман сел напротив.

Анатолий плеснул в небольшие стаканчики где-то на четверть, и дополнил водой до половины объёма. Потом посмотрел на Романа и печально сказал: — Мне больше нельзя, а тебе, может быть, ещё долить самогона?

— Да нет, всё нормально. Если спирта не хватит, то сивушное масло крепость добавит. — усмехнулся Роман.

— Обижаешь, я его обработал содой, марганцовкой и щелочью. Он теперь чист, как слеза. — немного обидевшись, сказал Анатолий. Он взял свой стопарик и с улыбкой добавил: — Ладно, забудем. Давай лучше, выпьем за встречу.

Роман чокнулся с пожилым человеком и с большою опаской сделал первый глоток. Народный напиток был не слабее, чем водка. Да и запах у него оказался не таким уж и сильным. Иногда, и городская «злойдейка с наклейкой» воняет намного сильнее. Это, как повезёт в магазине.

Парень проглотил свою порцию, поставил посуду на место, и последовал примеру хозяина. Он взял ломтик хлеба и, подцепив скромный кусочек рыбных консервов, закусил послевкусие, что стояло во рту.

Анатолию ударило в голову после первой же рюмки, и он грустно сказал: — Ты себе наливай, если хочешь, а я, пить больше, не буду. Не то, упаду с костылей и сломаю себе, что-нибудь.

Роман тоже не стал продолжать. Он закрутил колпачок на бутылке и услышал, как на плите закипел старый металлический чайник. Парень поднялся с «венского стула» и выключил газ.

В маленькой кухне стало удивительно жарко и гость, с позволения хозяина открыл небольшое окно, что выходило на сельскую улицу. До забора от дома было два метра, которые занимал небольшой палисадник. Разноцветные мальвы стояли удивительно плотно и поднимались почти в рост человека. От высоких растений сразу повеяло свежестью.

Роман заполнил тяжёлые кружки крутым кипятком и бросил в них по пакетик с коротенькой ниточкой, украшенной сомнительным лейблом. В них, как говорили когда-то, была коричневатая пыль индийских дорог. Так, короткая пьянка перешла в чаепитие с сахаром.

Отвечая на вопросы хозяина, молодой человек рассказал о своей маме с отцом, а затем, очень коротко сообщил о себе. Парень ограни-

чился тем, что он работает следователем и занимается ловлей преступников.

— Раз ты Роман служишь во внутренних органах, то должен прекратить безобразие, которое творится в селе. — неожиданно громко крикнул мужчина. Придя в возбуждение, он стукнул кулаком по столу.

Роман был коренным москвичом. Он с детства впитал в себя спокойный стиль поведения, свойственный северной местности. Столица России это не Средняя Азия и не Ближний Восток, где все разговаривают удивительно громко, а то и кричат на все голоса, как стая возбуждённых гусей.

Услышав восклицание хозяина, он захотел повертеть головой и понять, как окружающие реагируют на его собеседника? Не смотрят ли люди с большим осуждением, и не собирался ли кто-то вызвать полицию? Тогда придётся говорить с доброхотом и убеждать его в том, что всё в полном порядке.

В данный момент, молодой человек находился в маленькой кухне, и он непроизвольно глянул в окно. За стеблями высоких растений мелькнул какой-то мужчина. Судя по скромной одежде, это был местный житель старшего возраста. Он шёл вдоль забора и направлялся к центру села.

Благодаря сильной врождённой эмпатии, сыщик почувствовал, что ощущает прохожий? Человек чётко слышал слова Анатолия и теперь размышлял, кому бы о них рассказать?

Деревня не город, в ней достаточно скучно, и всякие новости расходятся удивительно быстро. Тем более, в настоящее время, когда у всех есть мобильники. Думать об этом Роману совсем не хотелось. Не сегодня, так завтра, все селяне вокруг, уже будут знать, что он приехал к тёте Аглае.

Чтобы поддержать разговор с Анатолием, парень спросил: — И что же творится в вашем селе?

— Ты видел небольшой магазин, что стоит возле школы? — задал хозяин встречный вопрос.

Роман, молча, кивнул и мужчина продолжил: — Там заправляет Ахмет. Он торгует продуктами, вином, пивом и водкой.

— И что здесь такого? Сейчас это в порядке вещей. Повсюду стоят такие ларьки.

— Да он просто спаивает всех мужиков.

— Раньше здесь было сельпо, сейчас этим делом занимаются частники. Насколько я знаю, ассортимент у них почти одинаковый. — равнодушно сказал молодой человек.

— Дело всё в том, что Ахмет добавляет в дешёвое пойло какую-то дурь. Человек к ней привыкает и ему хочется снова, выпить этой отравы. За несколько месяцев, мужики превращаются в настоящих торчков.

— Раньше, все пахали в колхозе и были обычными пьяницами, что бухали в выходные и праздники. Теперь же работы нет никакой. Вот они от безделья, и превратились уже в алкоголиков. — пожал плечами Роман.

Он доподлинно знал, как можно что-то добавить в напиток, который ты купил в магазине. Нужно его просто вскрыть, срезать обычным ножом защитное колечко из жести и бросить в бутылку всё, что захочешь.

Потом, надеть на голое горлышко новую крышку с винтом и закатать её специальной машинкой. Это дело займёт всего лишь минуту. Крышки можно купит на заводе, где их производят в огромном количестве.

Правда, Роман совсем не хотел об этом рассказывать пожилому мужчине. Зачем его будоражить, сейчас он и так сильно взвинчен.

— А я говорю, что дело в наркотиках. Я сам пробовал эту водяру и отчётливо понял, с ней, что-то не так. Уж она необычно шибает в мозги, не то что «казёнка» или наш самогон. Ну, а потом, сильно тянет, её снова купить и повторить все ощущения.

Большая часть мужиков всё уже пропили, а теперь продают паи той земли, что нам досталось при разрушении колхоза. Скоро Ахмет станет хозяином всей нашей округи. — возмущённо говорил Анатолий.

— Вы сообщали об этом в полицию? — заинтересовался Роман.

— Я говорил участковому, а тот мне ответил, что было указание сверху — Ахмета не трогать. На том всё дело и кончилось.

— Дня через два, я пойду в магазин и куплю там продукты для себя и для вас. Заодно, прихвачу там бутылку самой дешёвой горилки, а вернувшись в Москву, передам её нашим экспертам. Если в ней, что-то найдут, то, очень возможно, начнётся расследование.

— Если Ахмет, увидит незнакомого парня, то вручит тебе обычное пойло, и ты ничего в нём не найдёшь. Лучше, я попрошу человека, который живёт через двор от меня. Как мне говорили соседки, он регулярно пьёт эту отраву, и уже почти деградировал. Уж такому клиенту

ларёчник продаст именно то, что ему очень нужно. Мужик принесёт мне пузырь, а ты заберёшь его, перед отъездом домой.

— Договорились. — согласился Роман и глянул на древние ходики, что висели на кухонной стенке.

Время уже приближалось к восьми. Пора было, кормить тётю Аглаю, и самому очень хотелось что-нибудь съесть.

В этот момент, раздался мелодичный сигнал. Романа посмотрел на смартфон и увидел, что звонит его подопечная. В «трубке» послышался взволнованный голос старушки: — Ты куда подевался? — спросила она.

— Сiju у вашего брата, сейчас двину назад. — ответил Роман.

Хозяин понял, что гостю пора уходить. Анатолий встал с табуретки, нашёл у плиты маленький узкий пакет, в которых в аптеках отпускают лекарства, и вернулся к столу.

Он сунул бутылку в мешочек из пластика и со вздохом сказал: — Пить мне больше нельзя. Так что, ты заberi самогон с глаз долой. Или сам примешь с устатку, или Аглае отдашь для компрессов на ноги. Они у неё, сильно ноют к дождю.

Дальние родственники обменялись номерами мобильных и пожали руки друг другу. Роман вышел из дома, проскочил сквозь калитку и оказался на вечереющей улице. К удивлению парня она оказалась совершенно пустой.

Не было там, ни ребят, что гоняли футбол и катались на великах, ни древних старушек, что сидели на лавочках, вкопанных в землю возле ворот. Видимо, все дружно пилились в экран телевизора или смартфона.

Роман повернул в левую сторону и пошёл в другой край села. Пакет, где лежала бутылка, был очень маленьким и держать за короткие ручки, оказалось весьма неудобно.

Того и гляди они оторвутся, и стеклянная тара упадёт на дорогу. Ещё чего, доброго, разобьётся о какой-нибудь камень. Пришлось взять поллитровку за горлышко, и нести её в правой руке, как гранату, готовую к бою.

Размышляя о том, какую отраву Ахмет даёт местным жителям, парень добрался до магазина. Из настежь открытых дверей вышел дородный хозяин торговой «палатки».

Он широко улыбнулся и сказал с сильным азиатским акцентом: — Здравствуй Роман, зайди на минутку. — его пухлые руки сделали приглашающий жест и указали на гостеприимно распахнутый вход.

Судя по этим словам, человек, что проходил мимо окна Анатолия, здесь уже побывал. Скорее всего, он что-то купил, а заодно, выложил всё, что случайно услышал из кухни селянина.

«Вот ведь как повезло, здесь даже мужчины заядлые сплетники», — невольно подумал Роман. Он посмотрел на добродушного с виду мужчину, и его хорошая память вернулась на три года назад. В то время, когда парень служил в десантной дивизии, расквартированной в горной республике. Он вспомнил слова офицера, который учил новобранцев рукопашному бою:

— Для исламских религиозных фанатиков великая доблесть — обмануть, отравить, или, что лучше всего, зарезать неверного. Моджахед тебе улыбается и во всём угождает, но стоит от него отвернуться, как он вонзит в твою спину кинжал. Да ещё провернет его в ране, чтобы ты побольше помучился.

Среди местных жителей много обычных людей, только пойди, разбери, кто из них, кто? Так что, лучше всего, не доверять никому, держать ухо востро и быть готовым к нападению противника. Здесь это может случиться в любую секунду.

Роман улыбнулся в ответ, но остался на месте и левой рукой повторил жест продавца. Мол, лишь после вас. Правой ладонью он крепче сжал горлышко полулитровой бутылки.

Ахмет понял его и, без всякой опаски прошёл вглубь магазина. Он был очень уверен в собственных силах и в своём положении в этом селе. Ещё бы, благодетель всех выпивох и местных старух. Захочет, даст им продукты и водку взаймы, а если не будет у него настроения, то грубо откажет и тем и другим. Этакий бай всей ближайшей округи.

Магазинчик весьма походил на сельпо советских времён. Внутри он делился на две половины, между ними размещался прилавок. В одной части стояли клиенты, в другой, находился хозяин и все продукты с напитками, которыми он торговал.

Длинная стойка на метр не доходила до левой стены. Ахмет прошёл сквозь эту щель и занял своё рабочее место. Так он себя ощущал намного уверенней. Теперь от пришедшего парня, его отделяла преграда высотой до пояса.

— «Наверняка, у него под столешницей лежит дробовик». — невольно подумал Роман, но никакого волнения не отразилось у него на

лице. Сыщик, совершенно покойно, как простой покупатель, встал перед мужчиной. Он хорошо понимал, ему придётся сюда, приходиться за едой и совсем не хотел ни с кем воевать. Парень решил, просто узнать, что же скажет сейчас азиат?

— Я слышал ты полицейский и явился сюда для того, чтобы расследовать жалобы местных старух. Мол, я спаиваю их мужиков. Так вот, слушай сюда. Садись в свою дешёвую «тачку» и мотай из села. Иначе, тебе будет плохо. Встанешь у меня на дороге, я тебя пристрелю и скажу, что ты пытался, ограбить мой магазин.

Ахмет чуть наклонился и потянулся к тому, что лежало у него под прилавком. Роман опёрся левой рукой на столешницу и, без всяких усилий, перемахнул небольшую преграду. В мгновение ока, он оказался рядом с мужчиной и оттолкнул от обреза, который тот собирался схватить.

Азиат отлетел на пару шагов и врезался в узкий стеллаж, на котором стояли напитки. Поллитровки сорокоградусной водки не удержались на полках и дружно посыпались на пол. Часть из них тут же разбилась. Их содержимое оказалось снаружи. Воздух наполнился запахом спирта и чего-то ещё не очень понятного.

Ошеломлённый отпором, торгош устоял на ногах, но и не думал сдаваться. Он схватил пистолет, который лежал в кобуре, висевшей подмышкой, и попытался направить «макаров» на парня.

Роман рванул вперёд.левой ладонью он удержал правую руку противника и не дал ей, разогнуться в локте. Парень вскинул бутылку, которую вручил Анатолий, и врезал сосудом по кисти мужчины, сжимавшей оружие.

Хозяин ларька жутко крикнул от боли и нажал на крючок спускового устройства. Грянул оглушительный выстрел. Пуля свистнула мимо уха Романа. Раскалённые газы покинули коротенький ствол.

Стеклянная тара рассыпалась мелкими брызгами. Самогон выплеснулся на азиата, и загорелся от маленькой искры, что осталась от пороха. Ярко-синие капли упали на пол. Разлитая водка немедленно вспыхнула и превратила Ахмета в пылающий факел.

Роман перепрыгнул узкий прилавок и бросился к распахнутой двери. Сзади донёсся рёв человека, которого жарили заживо. Ужасающий вопль прерывал звон бутылок, немедленно лопнувших от страшного жара. Спирт, брызнувший в разные стороны, только усиливал возникший пожар.

Отбежав от места трагедии, Роман глянул назад. Парень заметил, что крыша контейнера уже провалилась, и магазин превратился в ог-

ненный смерч. Внутри большого костра очень громко вопил азиат. Парень не стал наблюдать, чем всё это закончится. Он повернулся и спокойным, размеренным шагом направился к дому тёти Аглаи.

Вокруг бушевавшего пламени, слышались крики весьма возбуждённых людей. Это прибежали селяне, которые жили поблизости. Они суетились вокруг и пытались тушить небольшую постройку. Все их усилия оказались напрасны.

Парень вошёл в спальню своей подопечной и с удивлением увидел, что она говорит по мобильнику.

Старушка отключилась от связи и сказала Роману: — Мне позвонила подруга и сообщила о том, что сгорел магазин, который стоял возле школы. Причём вместе с Ахметом.

Наконец, Бог наказал азиата за ту наркоту, которой он постоянно травил весь народ. А ты, случайно не видел, как это случилось? — с большим любопытством, спросила она у племянника.

Роман ощутил, тётя знает о том, что он был в «палатке» ещё до того, как вспыхнул огонь. Наверное, кто-нибудь видел, как он заходил, или мчался назад. Теперь, интересная новость уже разнеслась по селу.

Молодой человек не стал сознаваться в драке с Ахметом. Не стоило, тогда азиату угрожать незнакомцу убийством и, тем более, совать ему в нос пистолет. Парень оборонялся, и совесть его совершенно не мучила.

Поэтому, он спокойно ответил двоюродной родственнице: — Нет, когда я двигался мимо ларька, у прилавка стоял высокий мужчина и говорил с продавцом. Потом, далеко позади, появилось какое-то зарево, но я не стал возвращаться и выяснять, что же это такое? Решил, нужно сначала, тебя покормить.

Сыщик отправился в кухню и занялся приготовлением еды. В комнате вновь позвучал мелодичный сигнал. Тётя Аглая ответила, но говорила она удивительно тихо. Скорее всего, убеждала подругу, что к началу пожара, Роман уже долго вертелся на кухне. После чего, она стала звонить другим абонентам. Все беседы, как прежде, велись почти шепотом.

Накормив тётю Аглаю, Роман поужинал сам, вымыл посуду и отправился спать. День выдался весьма утомительным, и ему очень хотелось хорошо отдохнуть. Ведь завтра приедет бригада из следственного комитета района и начнёт здесь работать.

В наружную дверь постучали в девять утра. Роман мыл посуду после позднего завтрака и громко крикнул: — Входите, открыто.

В сенях простучали шаги башмаков. В кухню вошли два немолодых человека, которые тут же представились. Один из них был участковым в поношенной форме полиции. Второй мужчина, в штатском костюме, оказался тем следователем, что вёл уголовное дело о гибели продавца магазина.

В ответ, Роман протянул им своё удостоверение следственного комитета столицы. Документ в красной обложке с пышным гербом сразу смягчил выражение лиц у неожиданных гостей.

Получив «ксиву» назад, он усадил их за маленький стол, налил по чашке крепкого чая и предложил масло, печенье и сахар. После того, как служивые люди слегка подкрепились, он стал отвечать на вопросы. Как и думал Роман, их интересовали те же самые вещи, которые волновали его на работе в Москве.

Молодой человек вёл себя совершенно спокойно и отвечал без утайки: когда он приехал, зачем, где находился вчера после восьми? Роман лишь забыл сообщить о скоротечной стычке с Ахметом.

Вместо этой детали, он рассказал о незнакомом мужчине, который говорил с продавцом. Мол, высокого роста, средней комплекции, одежда и волосы тёмные. Лица, к сожаленью не видел, тот стоял к двери спиной. Особых примет, не заметил. Торопился домой.

Участковый и следователь переглянулись, встали из-за стола и двинулись дальше. Миновав небольшую гостиную, они вошли в спальню хозяйки, извинились за беспокойство и задали ей пару вопросов.

Тётя Аглая сообщила мужчинам:

— Ближе к восьми я набрала номер Романа. Он находился у моего младшего брата, которого зовут Анатолием, и уже собирался домой. Минут двадцать девятого, он вернулся сюда и сказал, что случайно увидел какого-то в человека ларьке. Ахмет о чём-то болтал с покупателем.

После чего, племянник помчался на кухню и начал готовить мне ужин. Потом, стали звонить все подруги и рассказывать мне про пожар в магазине. Кое-кого я вызывала сама.

На этом разговор и закончился. Полицейские быстро простились с лежачей больной, кивнули Роману и, молча, вышли из дома. Ему оставалось лишь ждать, к какому же выводу придут дознаватели?

Глядишь, приедет машина с вооружённым нарядом, наденут на руки «браслеты» и отправят в тюрьму за убийство Ахмета. Ведь этот торгош имел больших покровителей среди районных властей.

Часа через три телефон опять зазвонил. Тётя Аглая тут же ответила на входящий сигнал. Какое-то время, она внимательно слушала то, что сообщала подруга. Потом облегчённо воскликнула:

— Ну, а я тебе что говорила? Следователи не дураки, они сразу во всём разобрались.

В этот момент, запиликал смартфон. К удивлению Романа на экране светились совсем незнакомые цифры. Подавив тяжкий вздох, парень нажал на небольшую иконку, поднёс аппарат к правому уху, и сказал очень спокойным уверенным тоном: — Алло.

— Это говорит участковый. — раздался голос пожилого мужчины, с которым Роман беседовал утром. Он тут же ответил: — Слушаю вас.

Полицейский не стал тянуть долгую паузу и быстро продолжил: — Звоню вам, как коллега, коллеге. Надеюсь, весь разговор останется лишь между нами.

— Конечно. Даю вам честное слово.

— Так вот, эксперты нашли в магазине незарегистрированный боевой пистолет марки «макаров», обрез от двустволки и кучу гильз от патронов. Кроме того, они обнаружили следы сгоревших наркотиков.

По всему получается, что на Ахмета напал неизвестный преступник. Скорее всего, это был рэкети́р, а может быть, киллер той банды, что промышляет всяческой дурью. Торгаш отказался платить за перспективное место, и его порешили на месте.

После чего, убийца сбежал. Его видели многие, но, к сожалению, никто не сумел хорошенько запомнить. Все врут, как свидетели и дают описания очень разных людей. То высокий, то низкий, то худой, то широкий, ну и так далее по полной программе.

Да и со временем у всех неувязки. Впрочем, что можно взять с сельских жителей? Здесь такого ещё никогда не случалось. Следователь связался с Москвой, и ваше начальство дало вам прекрасную характеристику. Одним словом, с вас уже сняты все подозрения. Продолжайте ухаживать за тётей Аглаей. Всего вам хорошего.

В ту же секунду, в динамике застучали гудки.

Роман облегчённо вздохнул и услышал пронзительный крик подопечной. Парень отключил свой смартфон и вошёл в комнату тёти. Она подозвала племянника ближе к себе и прошептала на ухо всё то, что узнала от любимой подруги.

Это были почти те же слова, что он только что слышал от участкового. Сельское сарафанное радио сработало невероятно спешно.

Закончив рассказ, тётя Аглая подмигнула с заговорщицким видом. Мол, не волнуйся, всё в полном порядке. Я тебе помогла, как сумела. Убедила десяток свидетелей, что в момент убийства Ахмета ты был уже дома, на кухне.

Сергей Калабухин

Коломна

О КОШКАХ И СОБАКАХ

I. Начало, 60-е годы XX века

В детстве я ненавидел кошек. И не только я. Все ребята нашего двора были единодушны в этом вопросе. Мы любили собак. Держать их в квартире в то время никому в голову не приходило: мы жили в коммуналках и о том, что где-то кто-то живет в отдельной, без соседей, квартире, даже не слышали. Собак мы держали во дворе, в узкой зелёной зоне палисадника вдоль дома, ограждённой низким, по колено, штакетником. Кормили сообща (кто чего упрёт со стола), сообща играли с ними. И в то же время у каждой псины был свой вполне конкретный владелец!

А кошки жили в квартирах со своими хозяевами. Старыми (на наш детский взгляд) крикливыми бабами, постоянно гонявшими нас из-под окон: мешаем, дескать, им своим криком и собачьим лаем спать — это среди белого-то дня! (О том, что эти женщины и их мужья работают в три смены на заводе, мы не задумывались).

Хозяйки кошек сражались с нами ежедневно и неутомимо, отвоёвывая дворовое пространство для своих пушистых любимцев. Они скандалили с нашими родителями. Уводили собак в другие районы Коломны и бросали там, в надежде никогда их больше не увидеть. Отдавали владельцам частных домов для охраны садов от наших же набегов. Ломали конуры.

Мы соответственно реагировали на агрессию: натравливали своих зубастых вечно голодных друзей на этих наглых сытых кошек, загоняя тех на деревья, где несчастные просиживали часами, пока голосащие хозяйки не бросались им на выручку. В конце концов владелицы кошек и котов стали выгуливать их, как сейчас хозяева выгуливают породи-

стых собак: без поводка и намордника, конечно, но не спуская с них глаз.

Тогда мы выработали «партизанский» метод борьбы с нашими обидчиками врагами. Нужно было, проходя мимо бдящих в оба глаза хозяек, незаметно вынуть рогатку и вклепить пушистому врагу заряд так, чтобы его хозяйка не поняла, почему это её любимица взвыла не своим голосом.

Так и продолжалась эта война. Хозяек кошек раздражали наши шумные игры под окнами, лай собак на прохожих (особенно по ночам) и необходимость лично выгуливать своих любимцев. Нас — привилегированное положение кошек: почему им можно, а собакам нельзя жить по-людски? Их наглый высокомерный вид. Неожиданное перебегание дороги: сидит себе кошка на обочине и вдруг, ни с того, ни с сего, перебежит тебе дорогу и опять сидит уже на другой обочине! А главное — нам не нравились постоянные скандалы хозяек кошек, их попытки любыми путями избавиться от наших собак.

И вдруг всё закончилось. Вернее — начался ужас, закончившийся всеобщей пустотой и ненавистью.

Однажды, возвратившись из школы, мы не нашли своих любимцев в палисаднике под окнами дома. Сначала мы решили, что наши враги применили старый приём: увели собак в другие районы города и там бросили. Мы хихикали, предвкушая вопли кошачьих хозяек, когда наших любимцев вернут. Ведь у ребят других районов Коломны были те же проблемы, что и у нас. Пройти по чужой улице было чревато тяжкими телесными повреждениями. Но «собачья конвенция» была составлена и утверждена бандами всех районов нашего небольшого городка. И мы спокойно сидели в палисаднике, хихикая и смоя подобранные по дороге из школы «бычки». Ждали возвращения своих зубастых любимцев. Как вдруг в окно над нами высунулась утыканная бигудями голова и злорадно возвестила, что всех этих блохастых, гавкающих и повсюду гадящих бродячих тварей свели на мясокомбинат, где их переработают на мыло! И что во дворе, наконец, будет покой и порядок.

Мы не поверили. Просто не могли себе представить подобной жестокости у кого-нибудь, кроме фашистов из концлагерей, и бросились на поиски. Наплевав на осторожность и благоразумие, мы по одиночке (для быстроты и широты охвата) ринулись прочёсывать чужие районы и в конце концов, давась смрадом из труб, собрались у стен мясокомбината. Внутри нас, конечно, не пустили, но факт доставки на комбинат партии бродячих собак подтвердили.

Говорят, детская жестокость не знает границ. Может, оно и так. Вспоминая себя тогдашнего, я не могу поверить, что всё дальнейшее было, и я принимал в нём активное участие. Мы озверели от горя и поклялись отомстить. Через неделю в нашем дворе не было ни одной кошки. Мы их убивали всеми доступными способами. Причём, старались сделать это как можно мучительнее. Вешали напротив окон хозяек, обливали бензином и поджигали (живых!). Бросали в заполненный мутной водой котлован строящегося рядом магазина и закидывали комьями земли и камнями, пока оглушённые и обессиленные животные не тонули. Я боюсь вспоминать, что мы делали ещё. Ни родители, ни милиция не смогли нас остановить.

Наш двор вымер. Ни собак, ни кошек. Рыдания хозяек не принесли нам облегчения. Наших слёз никто не видал...

II. 20 лет спустя

В детстве я ненавидел кошек. Я любил собак. И так продолжалось ещё двадцать лет, до середины восьмидесятых. После памятной «ночи длинных ножей», длившейся неделю, когда в отместку за убийство наших собак мы с ребятами извели всех дворовых кошек, у меня больше не было четвероногого друга. Я окончил школу, потом институт, несколько раз менял адрес, женился, получил, наконец, отдельную квартиру. И тут жена и дети завели разговоры, что неплохо бы заиметь собаку. Но страшные воспоминания, которые я, казалось, похоронил в самых дальних уголках памяти, неожиданно проявились и не давали мне ответить согласием. Я сам не понимал, почему так упорно возражаю — ведь завести домашнюю собаку было голубой мечтой моего детства. Я боролся с собой и с семьёй, и чем дольше длилась эта борьба, тем для меня становилось яснее, что никогда не смогу согласиться. Я говорил, что нас и так четверо в двухкомнатной квартире. К тому же, кого именно заводить? Я люблю маленьких пушистых («цирковых» — как мы называли их в детстве) собак, а жене нравятся большие колли и голые складчатые шарпеи.

Зато детям было всё равно, как Малышу из сказки о Карлсоне, живущем на крыше: абы какая, лишь бы собака. До сих пор у нас пожили морская свинка, хомячки, цыплята (съедены упомянутой свинкой, пока мы были на работе), подобранный на улице голубь (загадил всю лоджию, пока заживало повреждённое крыло), аквариумные рыбки (живут до сих пор). Почему бы ни добавить к этому списку и собаку?

Эта непрерывная «собачья атака» привела вдруг к тому, что я просто невзлюбил собак всех пород! Мечта детства стала чуть не ежедневно отравлять мне жизнь. Мало того, на улице на меня вдруг стали кидаться эти «друзья человека», причём как домашние, так и бродячие (с роду ни на кого даже не твякающие — кто иначе их будет кормить?). Что делать? Тросточек сейчас никто не носит, а с палкой по городу ходить... Пришлось найти чудом сохранившийся с «хиппового студенчества» солдатский ремень с позеленевшей пряжкой, утыканный почти полностью металлическими заклёпками. Ну, надо же что-то иметь под рукой, чтобы в случае чего отбиться от нападения! Жестоко, конечно, но ведь это не я на них бросаюсь ни с того, ни с сего! Кому охота ходить делать уколы от бешенства после собачьего укуса? Короче, эта последняя «соломинка» (нападения собак) окончательно перевесила чашу, и я категорически заявил жене и детям, что больше не желаю слышать о собаках никогда! И если кто-нибудь принесёт щенка в дом, уйду я.

Месяц прошёл более-менее спокойно. Окрестные собаки перестали обращать на меня внимание. И вдруг однажды вечером жена, вернувшись с работы, сразу закрылась с детьми в детской комнате. Там послышалась какая-то подозрительная возня, потом жена с дочкой забежали мимо меня, привычно лежащего на диване перед телевизором. Из дальнего угла шкафа на свет появились старые пелёнки, зажурчала вода в ванне. Причём и жена, и дочь, проходя мимо, старались на меня не глядеть, а на их лицах застыло одинаковое выражение упрямства и ужаса одновременно.

Сердце у меня упало. Звук телевизора как-то заглох и удалился, зато всё, что происходило за пределами моей комнаты, неожиданно приблизилось. Сын в детской врубил погромче своего любимого Элвиса, и я оглох. То есть перестал слышать, что там происходит втайне от меня, за пределами моего дивана.

Неужели свершилось? Они всё же сделали это? Наперекор мне! Как же жить дальше? И вот, когда от ужаса приближающейся встречи с... чем? Болью детства? Предметом ненависти настоящего? И того и другого сразу? Короче, когда неожиданно разбухшее сердце комком подступило к горлу, и шум крови в ушах заглушил голос Пресли, жена с дочкой вошли с виноватыми лицами в комнату и выпустили из пелёнки на палас передо мной мокрого взъерошенного... котёнка!

Глядя на это тощее, жалобно пищущее существо, трясущее мокрыми после ванны задними лапками, я испытал сложное чувство. Огромное облегчение (что это — не щенок!), привычное неприятие кошек,

обиду на жену, растерянность (не выбрасывать же теперь малыша на улицу!) и много иных чувств, которые вообще затрудняюсь определить.

Дочка со слезами на глазах сразу кинулась в атаку: она сама будет ухаживать, кормить, убирать и гулять. Жена упирала на то, что против кошек я с роду не возражал (а чего возражать, если о них речи никогда не было?). Видимо, их общий напор, а также наступившая реакция после жуткого напряжения последних минут, сделали своё дело. И я махнул рукой, что, мол, хватит давить. Я подчиняюсь обстоятельствам, сдаюсь и т.д. и т.п.

Так в нашей жизни появилась Ася. Имя предложил я, и так как жена с детьми сами не могли выбрать устраивающий всех вариант (а, может, чтобы задобрить меня, угрюмо слушавшего их спор), оно было опробовано на вкус, примерено и одобрено.

Первую неделю я боролся с котёнком, как мог. Почему-то Ася упорно старалась устроиться рядом со мной, а ещё лучше — на мне. Может, потому, что в отличии от постоянно перемещающихся по квартире домашних, я большую часть времени проводил лёжа на диване с книжкой или смотря телевизор. Я отпихивал её, орал дочке, чтобы забрала своё животное — оно, дескать, мешает мне отдыхать после трудового дня. Та, конечно, сразу прибегала, забирала котёнка в детскую, но через несколько минут всё возвращалось на круги своя. Жене на кухне не до котёнка, детям нужно делать уроки, один я вроде как не при деле!

В конце концов, я сдался, и Ася прочно обосновалась рядом со мной, а в дальнейшем буквально села (легла) мне на шею. Уже через месяц я часами просиживал неподвижно, стараясь не тревожить живой воротничок, тихо сопящий мне в ухо. Боль от остеохондроза шейного позвонка, часто не дававшая мне покоя, куда-то исчезала, смытая теплом кошачьего тела. Ночью Ася спала на моей подушке, нос в нос.

Жена с дочкой начали проявлять признаки ревности. Мало того, постепенно кормление Аси и уборка за ней как-то плавно перешли в мои руки. А уж за верёвочку с привязанным фантиком началась ежедневная борьба. Книги и телевизор отошли на второй план. Наблюдать за Асиными играми с фантиком, шариком, пёрышком, собственным хвостом или с воображаемым противником (когда выгнув спину она боком на кого-то, видимого только ей, нападала или, наоборот, отступала) было гораздо интереснее.

И вот настал день, когда мы вынесли её во двор. Смотреть без улыбки, как это трясущееся существо робко обнюхивает каждую травинку и спасается на руках дочки от неожиданно прыгнувшего рядом кузнечика, было невозможно.

Следующим летом Ася стала признанной королевой двора. Среди рыжих, чёрных, серых, пушистых и гладкошерстных, она практически не имела конкурентов. Беспородная, пушистая (видимо, потомок сибирской), трёхцветная с золотым пятном на лбу и абсолютно бесстрашная. Собак она принципиально не замечала. Хозяйки других кошек оборутся, зазывая их домой. Ася бегала за нами по двору, как собачка. Её так и прозвали — «киска-собачка». Завидя кого-нибудь из нас, идущих с работы или магазина, Ася бежала, мяуча, навстречу, тёрлась о ноги, и не взять её на руки было невозможно. «Поцеловавшись», она гордо оглядывала двор, но у подъезда вырывалась на землю и, задрав распушившийся хвост, шествовала в дворовый скверик. Больших собак она просто била, если те попадались ей на пути, а маленьких не замечала.

Однажды бочку с молоком, которую привозили по утрам к нашему дому, почему-то стали возить в соседний двор. И жене утром пришлось с бидончиком идти туда. Ася, как обычно, сопровождала её в этом походе. Вдруг на нашу кошку из очереди с громким лаем бросилась какая-то незнакомая болонка. И тут жена впервые увидела, почему нашу маленькую (по кошачьим меркам) ласковую киску обходят стороной дворовые собаки. «Страшнее кошки зверя нет». Болонка спаслась только на руках хозяйки, а рычащую распушившуюся Асю жене пришлось чуть не со всей силы прижимать к груди, чтоб удержать от драки с небольшой собачонкой.

Уступала Ася только одному существу: чёрной соседской кошке Мусе. Видимо, Ася признавала лестничную площадку законной территории Мусы, и та гоняла её на этой площадке при любой возможности. Но во дворе всё менялось. Когда Муся умерла при неудачных родах, Ася стала безраздельной хозяйкой везде, в том числе и в моём сердце.

III. Реквием

Рыжий Кузя с девятого этажа обожал нашу Асю. Он постоянно ждал её на лестничной площадке у нашей двери, провожал на улицу и обратно. Ася благосклонно принимала его любовь, но сама была согласна только на дружбу. Когда в ней просыпался «зов природы», она исчезала на несколько суток. Где и с кем Ася «гуляла», мы не знаем по сей день. Возвращалась она страшно голодная, грязная и вонючая, но довольная и умиротворённая и даже не особо сопротивлялась немедленному купанию, хотя в «обычных условиях» ненавидела данную процедуру. Кузя ей всё прощал. Он был счастлив, что Ася вновь рядом, и он

может по-прежнему встречать её у дверей нашей квартиры по утрам и сопровождать во время прогулок по двору.

Родившихся котят мы раздавали друзьям и знакомым. Среди детей нашего двора на Асиных котят даже существовала очередь! Многим хотелось иметь такую же красивую и умную кошку. Так у нас появилась Симона. Она была очень похожа на маму, когда родилась. Но чуть подросла, и мы увидели, что котёнок-то растёт гладкошёрстный, а «заказчик» хотел пушистого! Симона осталась у нас, и мы никогда об этом не пожалели. Она оказалась очень умной и ласковой кошкой. Мурлыкала Симона, в отличие от Аси, почти беззвучно. Она просто вибрировала, как работающий на холостом ходу мотор. И никогда не выпускала когти! Даже ласкаясь и перебирая, как все кошки, лапками от удовольствия. Симона была очень подвижна, лапки у неё были, как живые пружинки. И котят она рожала столь же красивых, как и они с Асей.

Однажды Симона не вернулась домой. Её сбила машина. Так в наших душах появилась первая печальная зарубка.

Чтобы хоть немного пригасить горе, мы оставили себе очередную Асину дочку, такую же пушистую и трёхцветную, как мама. Так появилась у нас Соня. Она родилась сразу после Старого Нового Года, в час ночи 15 января 1991 года. Соня полностью оправдала своё имя. Она оказалась малоподвижной и флегматичной. Очень долго не вставала на ножки, а когда начала ползать, задние лапки не помогали ей в этом, а тянулись сзади, как хвост. Только через несколько дней ползанья таким манером Сонечка смогла твёрдо встать на все четыре лапы и начала ходить. Она много спала и почти не подавала голоса. Единственное, что могло её расшевелить, это игра с верёвочкой. К концу верёвочки даже не обязательно было привязывать «мышку». Соня очень любила, когда с ней играли в эту игру. Она, конечно, не приносила нам, как это делают собаки, свою любимую игрушку в зубах. Соня просто садилась перед кем-нибудь из нас и смотрела таким выразительным взглядом, что понять её желание было не трудно. Если мы были заняты или делали вид, что не замечаем её, она чуть слышно жалобно мяукала и трогала нас лапкой, слегка выпуская когти. Затем её мяв становился чуть громче, а когти выпускались чуть больше. В конце концов, мы сдавались и брали в руки верёвочку.

Помня участь Симоны, мы не стали приучать Сонечку к улице. Она выросла исключительно домашней кошкой. Сама Соня никогда не рвалась за порог. Но стоило ей подрасти, как природа стала требовать своё. В эти периоды нежный голосок Сони превращался в столь отвратительный и громкий мяв, что мы не выдержали и стали выпускать её

по ночам на лестничную клетку, где почему-то именно в эти периоды появлялись целые стаи окрестных котов.

И тут уже Кузя решительно отмёл всех конкурентов. Асину дочь он полюбил с не меньшей силой и немедленно взял под свою опеку. Надо сказать, что в данном случае любовь была взаимной. У Сонечки рождались в основном рыжие котята. Одного из них мы назвали в честь его папы Кузей, и люди, взявшие котёнка, не стали менять ему имя. А мы с тех пор могли любому желающему показать Кузькину мать!

Когда Сонечка родила в последний раз, у нашего подъезда появилась старая белая кошка. Она была явно домашняя, плохо видела, глухая на одно ухо и слабо слышала другим. Видимо, хозяева выгнали её из дома или бросили при переезде на другую квартиру. А, может, умерла какая-нибудь одинокая старушка, и кошка оказалась никому не нужна. Было лето, и несчастное животное не погибло сразу. Мы стали подкармливать её, а когда начались дожди, положили в подъезде у нашей двери для неё старый мешок из-под картошки. Вскоре мы заметили, что Белочка беременна и однажды пригласили её к нам. Бедняжка стояла в дверях и никак не могла поверить, что мы действительно предлагаем ей войти в нашу квартиру. Пришлось перенести Белку через порог на руках. Она робко начала обследовать свой новый дом, и тут на неё неожиданно набросилась всегда тихая и флегматичная Соня! Наша тихоня громко шипела и била прищелицу лапой. До самых Белочкиных родов нам пришлось защищать бедняжку от нападений неузнаваемой Сони.

Когда Белка родила, отношения между недругами тут же изменились. Котята стали общими, и мы часто наблюдали, как Белочка тащит в своё «гнездо» огромного, по сравнению с её собственными, Сониного котёнка, или как Соня переносит в своё Белкин выводок. В конце концов, оба «гнезда» слились в одно общее лежбище подружившихся матерей, не разбирающих, где чей ребёнок. Белочка вошла в нашу семью и в дальнейшем стала нянькой и кормилицей и Асиных котят.

К сожалению, вскоре на наших душах появилась ещё одна скорбная зарубка. Пьяные хозяева Кузи-старшего выбросили бедное животное из окна девятого этажа. Ася лишилась верного друга, а Соня — любящего и любимого «мужа». Мы пытались свести Соню с другими котами, но безуспешно. Она отвергала всех. Пришлось отнести её к ветеринару. Операцию Соня перенесла тяжело. Она сильно похудела, и у неё вылезла почти вся шерсть. Когда мы везли Соню снимать швы, трамвайные попутчики не верили в её «сибирские» гены. Она выглядела как

гладкошёрстная. Прошло время, раны затянулись, и Сонечка вновь стала напоминать пушистый шарик с беличьим хвостом.

Целый год мы прожили в окружении трёх кошек и их котят. Что удивительно — с приходом Белочки резко изменился характер Аси в период её беременности. Обычно Ася вполне спокойно относилась к присутствию в квартире Сони, Белки и их котят, благо те никогда не подвергали сомнению её главенство во всём. Но стоило Асе забеременеть, как она практически переселялась независимо от погоды до самых родов на улицу. Ася приходила домой только чтобы поесть. Она не выносила вида «посторонних» кошек в нашей квартире, рычала и шипела на них и, утолив голод, немедленно просилась за порог. Рожать Ася приходила домой. Перед самыми родами её враждебность исчезала, а уже через неделю после родов, сбавив котят заботливой Белочке, Ася спокойно уходила гулять во дворе.

Но вот год прошёл, вновь наступило лето, и в наш город приехал цирк зверей. Белочка была вновь беременна и дохаживала последние дни. Но родить она не успела. Однажды днём её и Асю, спокойно сидевших у нашего подъезда, неожиданно схватили проходившие мимо алкаши и убежали. Оказалось, что в приехавшем цирке хищных зверей дешевле кормить купленными у алкашей «бродячими» кошками и собаками, чем магазинным мясом. Дворы города стали пустеть. Вскоре цирк уехал, а на наших сердцах появились ещё две скорбные зарубки.

Неожиданно оставшись одна, Сонечка не могла найти себе места. И тут нам подбросили двухмесячного котёнка. Трёхцветная гладкошёрстная кошечка была очень похожа на нашу Симону, и мы решили дать ей это имя в память о прежней любимице. Хочется верить, что она является потомком одной из наших кошек: Аси, Сони или первой Симоны. Новая Симона вполне оправдала наши надежды и данное ей имя. Она оказалась очень умной, ласковой и столь же подвижной, как её предшественница. Сонечка сразу и безоговорочно приняла её. Решив оставить подкинутого котёнка у себя, мы боялись, что придётся выдержать борьбу с привыкшей к свободе и улице кошечкой. Но Симона никогда не делала никаких попыток выйти за порог. Видимо, нескольких дней, проведённых на улице, ей вполне хватило для выработки собственного мнения на сей счёт. Мы радовались, что ни её, ни Соню не может постигнуть злая участь Аси и Белочки.

Наступило очередное лето, потом осень, и нам подкинули ещё одного котёнка: полу пушистую трёхцветную кошечку, очень похожую на Асю. Так мы её и называли. Соня с Симоной немедленно взяли над ней шефство. Симона практически отдала новой Асе всю свою нерастра-

ценную материнскую любовь. Несмотря на то, что еды у наших кошек всегда было «от пуза», Симона продолжала оставаться тощей. Просто скелет, обтянутый тонкой шкуркой, весом около двух килограммов. Поэтому Ася вскоре стала переходить спать от худосочной мамы-Симоны под пушистый и тёплый бочок мамы-Сони. Так мы и зажили: Симона играла с Асей в прятки-догонялки, учила её жизни и воспитывала, а Соня спала с новой дочкой в обнимку.

Уличной свободы Асе, как и Симоне, видимо, хватило вполне, и она ни за что не соглашается покидать квартиру. Открытая дверь вгоняет её в панику, а гости заставляют прятаться в укромных и недоступных местах. Поэтому, когда она подросла и стала превосходить Симону по весу и объёму, нам пришлось вынести её из «крепости», чтобы сделать операцию. Соня и Симона ухаживали за дочкой как могли. Симона не подходит к еде, пока Ася не наестся и не отойдёт от кормушки.

Прошло ещё несколько лет, счастливых для наших пушистых членов семьи. Мы в очередной раз готовились к празднованию Нового Года и последующей за ним двенадцатой годовщины Сонечки. Заранее была закуплена порция её любимой красной рыбы. И вдруг за неделю до Нового Года мы заметили, что именинница очень тяжело дышит через приоткрытый рот. Вызвали на дом ветеринара.

— У вашей кошки асцит. Будете лечить? — спросила врач, доставая шприц, и по её тону мы поняли, что для неё этот вопрос риторический.

— Будем, — твёрдо ответили мы.

Врач удивилась и заменила шприц.

На уколах, таблетках и диете Сонечка дожила до 22 января. Её двенадцатый день рождения прошёл безрадостно. Любимую красную рыбу она, конечно, даже не увидела. В своё последнее утро, около шести часов, Сонечка проснулась и успела пройти около двух метров, когда смерть сразила её. Она даже не успела закрыть свои прекрасные жёлто-зелёные глаза. Ася и Симона ищут и зовут её днём и ночью. Через одну-две недели они успокоятся. Так уж устроила кошек природа. Зарубка на наших, человеческих сердцах будет кровоточить ещё долго...

Сергей Бычков

Ванкувер, Канада

ПОДРУГИ

Я расскажу вам одну историю с одним условием: никому ни слова. Я обещала Ленке молчать, даже если меня будут пытаться на дыбе.

Ленка — моя школьная подруга и, сколько я себя помню, столько помню и её. Первый класс... десятый... институт. Причём дружили искренне и никогда не соперничали ни в чём. Да и какая она могла быть мне соперница? Я натуральная, высокая и стройная блондинка. Ни лицом, ни фигурой бог не обидел. А она? Ничего особенного. Так себе: ни кожи, ни рожи, как говорится. Мне, если честно, очень жалко её было: подруга всё же. К примеру, на школьных вечерах я была нарасхват, все мальчишки мечтали потанцевать со мной хотя бы один танец! А Ленка стояла весь вечер в сторонке, и никто не приглашал её. Такая вот она неприметная...

Потом мы вместе поступили в институт, она — на химика, а я — на программирование. На третьем курсе мы почти одновременно вышли замуж. Как ни странно, но Ленка сумела приворожить красавца Лёшку с электротехнического, а я, красавица писаная, отхватила ничем вроде бы не приметного Петьку из Лёшкиной группы. Вот тебе и не соперница!..

Но подружить семьями нам так и не пришлось: после окончания института Петру предложили работу с хорошей перспективой, но пришлось ехать в тьму тараканью и нам с Ленкой пришлось расстаться. Как оказалось, почти на целых двадцать лет! И сейчас (и сказать-то страшно) нам уже по 45 лет!

И вот после такого длительного отсутствия мы, наконец-то, вернулись в родные пенаты. Первым делом после приезда я позвонила Ленке. Нет, не подумайте, что я ей раньше не звонила за эти 20 лет. Звонила. Правда с годами всё реже и реже. Спросишь главное: как работа, как муж, как дочка Танюшка растёт, а с возрастом добавилось: как здоровье?

— Нинка, привет! — обрадовалась Ленка.

— Ленка, у меня для тебя сногшибательный сюрприз! Мы вернулись! Я звоню тебе от мамы! — ошарашила я её.

— Да ты что? Ты не шутишь? Это так невероятно и так здорово, что просто не верится!.. Неужели я могу тебя увидеть?.. Так... я сейчас же прибегу... жди.

— Нет, Ленок, не получится: ты на часы посмотри. Уже полночь. Мои спать ложатся, нас же тут две семьи, да и Петька выпил изрядно. Лучше я сама к тебе с утра прилечу.

— С утра мне на работу надо,— ответила Ленка.

— Ну, после работы. Я если к тебе в шесть заявлюсь, нормально будет?

— Нормально. А ты с Петром придёшь?

— Нет. Ну, его. Начнут с твоим Лёшкой водку лакать и весь праздник души испортят.

...Около шести я стояла перед Ленкиной дверью, трепеща от нетерпения. Какой она стала? Расстались в молодости, с тех пор видели друг друга только на фотографиях, да и тех что-то последние лет пять подруга перестала присылать. Наверное, постарела сильно.

Открыла её дочь Танька. У-у-х, ты! Как она выросла-то. Она же точная копия ленки времён нашей молодости!

— Таня?! Да ты просто невеста!! Или уже замужем?

— Нинусь, — вдруг заявляет эта молодая особа, — ты что, меня совсем не узнаёшь?

Я прямо обалдела. Во-первых, Нинусей меня называла только Ленка, а во-вторых, какая наглая фамильярность!

— Мама уже дома? — кое-как оправилась я от такого панибратства.

На лице молодой нахалки появилась улыбка, а в глазах засветился огонь, какой всегда появлялся в глазах Ленки в момент радости. Ну, точная копия матери!

— Нинусь, так это я, — отвечает Таня.

— Ты, ты! — начала я сердиться,— мама уже дома или ещё нет? Что-то она не торопится меня встретить!

— К твоему сведению, — уже без улыбки отвечает эта чертовка, — Таня давно вышла замуж и живёт в Москве. Звонить чаще надо!

— Вот какая наглючая! — возмущенно подумала я. — Что я, совсем с ума спятила и не могу отличить сорокапятилетнюю женщину от двадцатилетней? Пока я соображала, как мне осадить эту гусыню, она опять заулыбалась и вдруг стала расстёгивать облегающие её джинсы.

— Не веришь, Нинусь? — стаскивая джинсы и как-то виновато улыбаясь, бормотала она, — так смотри. Хорошо помнишь мою татуировку?

В последнем классе мы с Ленкой сделали себе тату. Модно было. Не получив разрешения от родителей и во избежание выяснения с ними отношений и педагогических лекций, мы сделали наколки в потайном месте. Ленка выколола себе стрекозу, а я — красивейшую бабочку на правой ягодице. Ну, полные дуры! Всё равно же никто не видит! Пока я всё это вспоминала, Таня стянула джинсы и повернулась ко мне правым боком. Я потеряла дар речи. На белой, словно мрамор, коже синела Ленкина стрекоза!

— Давай хоть обнимемся, подруга! Столько лет не виделись! — застёгивая джинсы, проговорила Ленка.

Ленка?.. Таня?..

Без сомнения, это была Ленкина стрекоза, но как это возможно, чтобы это была Ленка? Посмотрите на меня. Я хоть и не выгляжу ещё развалиной и мужчины до сих пор вслед поворачивают шеи, но никто, даже мой подхалим Петька, не скажет, что мне двадцать лет.

Ленка (?) обняла меня и проговорила:

— Я торт купила. Слоеный, между прочим, твой любимый.

Мы прошли на кухню, Ленка (?) стала хлопотать вокруг стола, а я присела на краешек табуретки.

"Неужели это Ленка? — проносилось у меня в голове. — Как? Или она пластическую операцию сделала? Конечно! Сейчас косметические клиники на каждом углу. А может, это Танька, пока нет матери, решила меня разыграть?"

— Как семья? — между тем весело щебетала Ленка. — Как сын, как муж?

Эврика! Я придумала, как её проверить!

— Слышь, подруга, — мой язык не повернулся назвать её Ленкой, — пару лет назад я случайно встретила Гришку Наумова. Надеюсь, помнишь одноклассника? Поверишь — с трудом узнала. Так вот, оказывается его сосед по парте погиб. Ты знала об этом?

Я специально не назвала имя Вовки Рогачевского, погибшего, как сообщил Гришка, в автомобильной катастрофе. Если это действительно Ленка, она обязательно знает, кто был соседом Гришки по парте. И имя его она забыть не могла потому, что он — её первая любовь. И об этом, кроме неё и меня ни одна живая душа не знает. Вот теперь и посмотрим, что она скажет.

— Да, конечно, я слышала об этом, — опустив руки, проговорила она. — Жалко Вовку. Хороший был парень.

— Да, да, жалко, — подтвердила я, — поражённая её ответом. — Господи! Это действительно Ленка! Это она!

— Жалко, — машинально повторила я опять, а сама подумала, — нет, это не пластическая операция: попка-то отливала такой упругостью, какая бывает только у девчонок, это какая-то заграничная диета. Или гербалайф. Точно, гербалайф.

Осенённая и успокоенная такой простой разгадкой, я, наконец-то, поверила, что это моя Ленка, расслабилась и мы защебетали, как в прежние времена.

— А где же твой Лёшка? — спохватилась я. — Он давно уже дома должен быть. Или он у тебя по ночам работает?

Ленка сморщилась.

— Мы развелись два года назад.

— Он что, больной? — Ляпнула я. — Как можно уйти от такой красоты? Или это у тебя роман на стороне и ты его отшила?

— Да нет, — опять сморщила лицо Ленка, — никакой новой любви. Это он позарился на молодуху.

— Вот идиот! — Не выдержала я. — Это ты-то старуха?

— Не так всё просто, Нинусь, — печально ответила Ленка. — Давай, я тебе фотографии покажу, а потом и поговорим.

Как молоденькая козочка Ленка скакнула из кухни в зал и притащила альбом. Подсев ко мне, она открыла первую страницу.

— Это мы с Лёшкой в Югославии три года назад, — стала объяснять она. — Вот мы купаемся, вот мы возле нашего отеля, вот я звоню Тане...

Со всех фоток на меня смотрела сорокалетняя Ленка.

— Китайская диета, — подумала я, — просто чудеса, — а сама, чтобы скрыть своё изумление сказала, — Лёшка-то постарел, что и не узнать.

— Время неумолимо, — подытожила Ленка и, как мне показалось, посочувствовала моим морщинам и моему виду.

— Женьшень? — Сгорая от нетерпения, напрямую спросила я.

— Нет, Нинусь, — улыбнулась Ленка, сразу догадавшись, что я имею в виду.

— Тибетская медицина? — не отставала я.

— Лёшка, паразит, — сказала Ленка.

— Паразит, да ещё какой, — не поняв её, подтвердила я.

— Знаешь, Нинусь, я сразу заметила, что у него другая, — стала рассказывать Ленка, — бриться два раза в день начал.

— Бриться?

— Да. Утром, как обычно и вечером, когда якобы к друзьям уходил. Никогда до этого раньше два раза в день не брился! Раньше, если

я ему рубашку не поглажу, так и не глаженную оденет, а тут сам гладить вдруг стал. Представляешь?

— Да... уж, — неопределённо ответила я. — Дальше — то что?

— А ничего. Однажды утром я не выдержала и спросила:

— У тебя кто-то есть?

— Ха! Так он тебе и признался!

— Представь себе, признался. Надо отдать ему должное, не стал крутить хвостом, а вечером собрал шмотки и ушёл.

— Прости, — сказал он перед уходом, — ты старая стала и не вдохновляешь меня больше.

— Гад! — Вставила я.

— Может быть и гад, — отхлёбывая чай, ответила Ленка, — только в чём-то он прав. Понимаешь, Нинусь, мужчины — они другие, они любят глазами. Ты на фотки глянь, разве можно любить такую старуху?

— Ты, что? Ты спятила, Лен? Ты же женщина и прекрасно знаешь, что любовь не зависит от возраста и внешности, — возмутилась я.

— Вот именно, женщина, — вздохнула Ленка, — а мужчины другие, им вдохновение подавай.

— Не хочешь ли ты сказать, что мой Петька меня тоже больше не любит? — Зашипела я. — Да я ему голову оторву, я ему таких рогов наставляю, что он в двери не пролезет!

— Любит, любит, — рассмеялась Ленка, — успокойся, Нинусь. Только вот могу с тобой, на что угодно поспорить, что он глазками на молоденьких женщин стреляет.

— Стреляет, — хмуро согласилась я, — заметила. Только, как говорится: пусть аппетит нагуливает, ужинать — то всё равно дома придёт-ся.

Ленка звонко рассмеялась, а, посмеявшись, закончила:

— А вот мой бывший захотел завтракать, обедать и ужинать с другой.

Она встала, взяла с подоконника пепельницу и поставила на стол.

— Закурим?

— Ты что, куришь? — удивилась я.

— Балуюсь. Как ушёл Лёшка, так и начала. Мне сказали, что нервы успокаивает. Врут, собаки.

Ленка вернулась на своё место и закурила.

— Год прошёл, как во сне. Таня замуж вышла, уехала к мужу в Москву, а я впала в депрессию. И вот однажды попалась мне в руки книжка. Фантастика. В ней один учёный выделил гормон зимней спячки.

Медведи зимой спят. Вот он и начал искать этот гормон и в итоге нашёл.

— Зачем? — удивилась я.

— Как зачем, Нинусь? — удивилась моему непониманию Ленка, — возьми космос. Перелёты от звезды к звезде займут столько времени, что состаришься и умрёшь десять раз, пока летаешь. А с гормоном сна никаких проблем: кольнули тебе дозу, и спи хоть сотню лет. Как уснул двадцатилетним, так и проснулся через сто лет почти таким же молодым.

— Бред какой-то, — не выдержала я. — Ты ещё вспомни про клопов, которые могут лежать в засушенном виде 300 лет, а когда почувствуют запах крови, то быстренько приходят в себя.

— Вот-вот, — подтвердила Ленка, — и я об этом. Понимаешь, Нинусь, уж если природа изобрела такие штучки, то, поверь мне, они существуют. Эти гормоны надо просто найти!

— Что же их до сих пор никто не нашёл? — не удержалась я.

— Не искали, Нинусь. Да и нелегко это. На дворе двадцать первый век, а только вчера открыли вирус, вызывающий язву желудка.

Ленка помолчала, а потом произнесла:

— Змея.

— Кто, Лёшка?

— Да нет. Змеи могут сбрасывать старую кожу. Без этого им не выжить. Кожа стареет и теряет эластичность. Змеи и ползут медленнее и слышно их издалека. Не сменяют кожу — они покойники.

— Туда им и дорога, — согласилась я.

— Вот и я подумала, — продолжила Ленка, — если можно выделить гормон зимней спячки, то почему нельзя выделить гормон смены кожи? Я же химик, Нин, и к тому же работаю всю свою жизнь со змеиным ядом для наших аптек.

— Ты что, — с ужасом догадалась я, — нашла этот гормон?

— Нашла, Нинусь, — довольно рассмеялась Ленка, — результат, как видишь, на лице.

— Да ты просто гений! — обрадовалась я. — Тебе точно Нобелевскую премию дадут! Моя лучшая подруга — лауреат нобелевской премии. Да все мои знакомые от зависти передохнут!

Радость потихоньку схлынула, и мне стало обидно. Это что же получается? Ленка и молодость получила и Нобелевка у неё в кармане. А я с голым... носом останусь? Я же её лучшая подруга.

— А у тебя случайно не осталось этого... — начала я разведку.

Ленка была не дура и сразу догадалась, о чём я спрашиваю.

— Хоть пруд пруди, — ответила она и как-то хитро на меня взглянула.

— Кольни, Лен, а?

— Прямо сейчас?

— А что зря время терять?.. Вот Петька удивится, когда я домой в новой шкуре прибегу. Пусть теперь только глянет на другую — сразу в отставку!

— Не всё так быстро, оказалось, — усмехнулась Ленка, — дело было перед Новым Годом, и я решила побаловать себя к праздничку. Сделала укол и ждала, как дура, каждый дня. Прошёл Новый Год, 8 марта, а я как была старой клячей, так ей и оставалась.

— Не та доза? — догадалась я.

— Нет, я просто не учла один момент, — ответила Ленка и спросила: — Когда змеи кожу сбрасывают?

— Не знаю, я тебе не змеелов, — удивилась я.

— Обычно весной, — пояснила Ленка, — хотя иногда змея может сменить две-три шкуры за год, всё зависит от питания. Поэтому гормон и не действовал. А я чего только не передумала. И вдруг весной, в апреле, когда всякая надежда была потеряна, процесс пошёл! Хотя, вначале мне показалось, что я подхватила чесотку. Весь день чесалась, как прокаженная. А потом, через день, все мои морщины вместе с кожей полезли с меня огромными лоскутами. Неделю на работу не ходила, страшно смотреть в зеркало было. Облезла от макушки до пяток. В магазин пошла — все от меня как от прокаженной шарахались.

— Мама ты моя родная! — воскликнула я, представив не облезшую Ленку, а себя. — Спаси и помилуй! Только всё равно я не отказываюсь, — тут же заверила я Ленку, — коли. А Лёшка твой полный идиот, коль от тебя и таких деньжищ отказался.

— Ты о каких это деньгах? — не поняла будущая лауреатка.

— Ты что не понимаешь, что избрела? — затараторила я. — Теперь всем гербалайфам, пластическим операциям, китайско-тибетской медицине, курсам оздоровления каюк пришёл, а также всем чумакам и кашпировским. Миллиарды у твоих ног! Бери меня в помощницы, и мы такую фирму откроем, что Рокфеллер нищим по сравнению с нами будет... С тобой, — тут же поправилась я. Море денег, а дел — совсем ничего. Коли женщин и сдирай с них шкуру в прямом и переносном смысле. Да, женщины ради этого на всё пойдут, в чём мать родила, останутся, но прибегут к нам. Возьми меня в компанию, а Лен? Я всё готова отдать ради этого, даже любимую норковую шубу.

Тут я вспомнила свою норку и быстро нашла ей альтернативу: — Петькин Ролекс пойдёт? Не барин, без часов обойдётся. А, Лен, как тебе моя идея? Организуем фирму? А мужикам — никакого гормона! Пусть старыми обезьянами живут. Не заслужили. Может, Петьке моему дадим, он мужик — ничего, а Лен? Только давай сначала меня кольнём.

— Не всё так просто, Нинусь, как ты думаешь, — вздохнула Ленка и как-то странно улыбнулась. — Загляни-ка мне в рот.

Она придвинулась ко мне и приоткрыла рот.

Кровь застыла в моих жилах: прямо посередине нёба сверкали два острых и тонких зуба. Полюбовавшись на мою реакцию, Ленка вдруг широко открыла рот. Зубья хищно выпрямились, и мне показалось, что они вот-вот вопьются в моё лицо. Я с визгом отскочила, а Ленка печально произнесла:

— Вот видишь, Нинусь! Так ты и теперь уверена, что хочешь сменить кожу и получить в придачу довесок из ядовитых зубов?

Я ошарашено молчала, а Ленка добавила:

— Давай, Нин, я лучше тебе гормон хамелеона дам, всеми цветами радуги засверкаешь. Хочешь?

— Шутишь? — выдавила я из себя.

Ленка усмехнулась, и вдруг её лицо приняло цвет васильковой занавески, висящей на её кухонном окне, а спустя пару секунд слилось с медью, стоявшего на холодильнике самовара.

Тут у меня всё поплыло перед глазами вместе с её лицом, меняющим цвет, словно в калейдоскопе. Вот оно стало фиолетовым, синим, зеленым, огоньковым...

.....

— Что-то ты последнее время подолгу сидишь у зеркала, — заметил как-то Пётр, — морщины подсчитываешь, что ли? Не обращай на них внимания, дорогая, я тебя и с морщинами люблю, и в любом возрасте любить буду.

— Милый мой! Подожди, скоро апрель. Что ты тогда скажешь?

П.С. Американское правительство выделило грант на поиски "Гормона зимней спячки". Может рассказ Лены услышали?

СТИХИ

Иван Нечипорук

Горловка, Донбасс

*Нас убьют за то,
Что мы гуляли
по трамвайным рельсам.
Я. Дягилева*

Читать стихи у памятника Пушкину —
Сродни прогулкам по трамвайным рельсам.
И в городе, где русский мир придушенный,
Попробуй только, вздумай, вознамерься.

Идея нации с замашками обвальщика,
Всегда витает где-то очень рядом.
И своры криворотых лютых мальчиков
Уже пасутся, в нас стреляя взглядом.

Но по бульвару, по-сентябрьски тусклому,
Идём открыто, гнёт отбросив тяжкий,
Мы бьёмся с ветром силой слова русского,
Пока не встретятся нам чёрные фуражки.

Вся жизнь, как один лейтмотив —
Сражение, брань со страстями.
Но, мир для себя упростив,
Мы ляжку боренья не тянем.
Творцами себя окрестив,
Окольными бродим путями
Во власти пустых перспектив.
Нам шепчет порой суета:
«Во власти прекрасного слога

Душа безупречно чиста».
Но так ли беспечна дорога,
Когда она мимо Христа?
Вся жизнь — это поиски Бога,
А всё остальное — тщета.

ЖИВЁТ МЕЧТА

Назло тяжёлым болевым векам
Живёт мечта! Сквозь дым и облака
Идёт сквозь гул разрывов канонады
К звезде полей, что нынче далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать шум осок,
И вздрагивать при каждом крике выплыв...
Но время горькое опять клюёт в висок,
И чашу скорби всё же нужно выпить.

ПУЛЯ

*Пуля им отлитая просвищет
Над седой вспененной Двиной.
Н. Гумилёв*

Застыла боль бетонной сваей.
Пришла беда, когда не ждут.
Посеяв свет — я пожинаю
Твою безумную вражду.

Не понимая, как всё плохо,
Я был в сомнениях не смел.
И как, скажи, мариенгофа
В тебе совсем не разглядел?

А дружба, как макулатура
В утиль за грош сдана тобой...
Лети сквозь тьму, как пуля-дура
Над вспененной седой Двиной.

ЧЕЛОВЕК ВТОРОГО СОРТА

Стою во власти языков огня,
Сомнений пляшет чёрная когорта.
Как будто перерезана аорта,
И жизнь потоком хлещет из меня...

Теперь я — человек второго сорта,
И эту боль я вынужден принять.

Навеки на челе моём клеймо,
И с этим мне придётся примириться.
Передо мной мелькают чьи-то лица,
Сливаясь с подступившей к сердцу тьмой.

Не оправдаться мне и не отмыться,
Быть вечно то соринкой, то бельмом.

ПУСТЬ

Пусть река искрится
 Просинью весны...
Пусть тебе приснится,
 Будто нет войны.

Рыжею куницей
 Промелькнёт рассвет...
Пусть тебе приснится,
 Будто смерти нет.

Пусть звенит синица
 Над сосной седой...
Пусть тебе приснится,
 Будто я живой.

Вновь тени войны колобродят
По комьям разбитой земли.
И к слову о падшести родин
Ужасные вести приходят
Под гул канонады вдали.

В крови утопают посёлки,
И пульс превращается в дрожь.
Тут рвутся сквозь время осколки,
И множит facebook кривотолки.
И ранит циничная ложь...

Елене Н.

За невзрачным окном растекается осень,
Небо плачет навзрыд и стучится в стекло.
Мы опять не у дел, мы у неба не просим
Ничего, наше время тоски истекло.

И мы выйдем во двор, не смотря на погоду,
По кленовому насту пройдем сквозь туман,
Там, где сквер холодами тревоги обглодан,
Там, где тонут во мгле перевозданной дома.

Этот смутный октябрь пожалел позолоты,
И зелёной почти опадает листва...
Только нам всё равно, позабыв про заботы,
Мы сквозь дымку бредём, собирая слова.

Донбасские дороги и просторы,
А в небе то ли ветер, то ли плач.
Мелькают терриконовые горы,
И кланяются до земли опоры
На линиях электропередач.

Изрытый мир, бетонные палаты,
И мытари на перекрёстках трасс.
И убегают вдаль копры и хаты,
Рыдает дождь в предчувствии расплаты,
И тает за окном родной Донбасс.

ПРЕДДЕКАБРЬСКОЕ

А за кордоном — снежная страна,
Реалии ноябрьских откровений.
Мой путь через посты и сумрак бранный,
Где страх, как набежавшая волна
На грани у растерзанной вселенной.

Где всё спокойным кажется на вид,
Но дребезжит рассудок чайным блюдцем.
Снежинки в окна призрачные бьются,
Там ёлка прошлогодняя стоит
Всё ждёт, когда хозяева вернутся.

АПРЕЛЬСКОЕ ПЕРЕДЕЛКИНО

Я нахожу себя в строке,
Шагая тропкой одинокой,
Где небо смотрит синеоко,
Как Сетунь тоненьким потоком
Несёт тоску к Москва-реке.

Вдали бьют Морзе поезда,
Блуждает эхо между сосен,
Сквозь ветви льётся в душу просинь,
И вот уже к мечтам уносит
Трель одержимого дрозда.

И пусть весна ещё тиха
И неуверенна, попробуй,
Вдохни озон чистой пробы,

Где нарастаящим сугробам
Назло, во всю, цветёт ольха.

Я вдыхаю эту осень,
Это пряное амбре —
Запах тополей и сосен
В задымлённом октябре.

В небе кое-где зарницы
И разрывов дальних гул.
Ветер под ноги ложится
Подвывая на бегу.

А пути мои не гладки,
Звёзды канули во мрак,
И шагаю по брусчатке
Под истошный лай собак.

Хмурый небосвод нелётный
Накрывает город тьмой.
И под грохот миномётный
Я в ночи спешу домой.

Город индевелый затуманен,
Мир застыл, споткнувшись на бегу...
Белизна зовёт к себе и манит,
Тают очертанья белых зданий,
И грачи купаются в снегу.

Я дышу на лёгкий колкий иней,
И смотрю, как голубей орда
Облепила сеть электролиний,
Как ветла над остановкой стынет,
И троллейбуса искрятся провода.

Мира Кузнецова

Балтийск, Калинингр.обл.

Иду

По канату иду... Завяжите мне руки,
чтоб они не хватались за то, чего нет.
Я иду по судьбе, от разрухи к разрухе —
и дойду, если только не выключат свет.
... Если только в ушах будет бой барабанов
и повеет с галёрки утихшей грозой,
я сумею пройти, в межвременье не канув
и скользну по щеке твоей поздней слезой.

Ну, а если нога не отыщет опоры?
Если бездна настойчиво вниз позовёт?
То ладони — как крылья мне, в самую пору,
я на них улечу в свой последний полёт...

Мнящиеся сны

Паутиной не сказанных слов,
чудным образом сбывшихся сказок,
закрываюсь от мнящихся снов
одеялом, пошитым из масок.
В этих снах перемешаны явь
пополам с ощущением счастья,
до которого мне, разве — вплавь,
не дождавшись святого причастья...
Ну и что? В снах моих так легко.
Для судьбы я уже — не должника.
Может в веке ином на ушко
ты прошепчешь: "И мне это снится..."
Ну, а, может быть, это грешно —
загораться так радостью встречи...
Жаль, что мне просыпаться дано
не от рук, что ложатся на плечи...

Любовь на бис

А ты знаешь, как тянется день без тебя?
Время кровью стекает по капле в ладони...
А как нежность мешается с холодом дня,
мысли путая в редкие тихие вздохи?
Знаешь, домом моим завладевшая ночь,
выпив черный коктейль из тоски и сомнений,
тянет душу мою — хоть куда, лишь бы прочь —
и уходит в отрыв в веренице видений...
И мне видится то, что уже не вернуть:
Рождество, перезвон и гаданье на святки,
нам под сани скатёркой лежащий путь,
поцелуй и... далекое эхо колядки.

Морок шелков

Мне трудно просыпаться, снам не веря,
рукой скользя по мороку шелков,
утробным стоном раненного зверя
седой рассвет зовя под вой волков...
Не веря снам, где, разметава багрянец
на белоснежном шелке простыней,
вливалась в дикий фееричный танец
и уплывала в музыку теней...

Пристань забытой мечты

Поговори со мной.
О том, что шепчут волны,
у пристани, вечернею порой...
О брызгах волн у одного из многих,
вдвоем с тобой не пройденных мостов,
о супе... книгах... и о том, что в моде...
О том, как ветер треплет купола зонтов...
И лишь смолчи, что о моем уходе,

тебе уже сказал один из стольких,
так никогда мной ненаписанных, стихов...

Балаганчик

Вот и все! Так бесславно закончилась сказка.
Нет ни слов, ни желания что-то сказать.
Снята с принца вчерашнего глупая маска,
и отыграна пьеса от "Аз" и до "Ять".

И карета с гербами — простой балаганчик,
запряженный не цугом. Всего лишь ослом.
А на козлах трясясь, дремлет шут-барабанщик,
С обезличенным нынче без грима лицом...

Под копыта устало ложится дорога.
Скрип колес — заунывная песня пути.
В дне сегодняшнем вновь проступает тревога,
от которой уже не уйти...

Мой милый, менестрель

Мой милый менестрель,
Вы о любви поёте и сладких слов капель
в прекраснейшем сонете...
И вот дрожит струна, и замолкают звуки...
Похоже, я больна —
так громки сердца стуки!

Мой милый менестрель,
Вы о войне поёте и битвы карусель
сметает все на свете...
И вот дрожит струна, и замолкают звуки...
Всё это для меня?
Ах, стремена и луки!

Мой милый менестрель,
Вы спойте о разлуке. Пусть льется горький эль,
сжимают кубок руки...
И пусть дрожит струна, и замолкают звуки...
Блестит в глазах слеза
от этой сладкой муки...

Мой милый менестрель,
Уйдете на рассвете. Но спойте боль мою
Еще в одном куплете...

Андрей Линник

Харьков, Украина

Придёт весна, я так её люблю!
Нет, нет! Не март, с распутицей и грязью,
Явившийся на смену февралю
Со слякотным своим однообразием.

Я жду апрель. Подснежниковый цвет
В проснувшихся лесах и перелесках.
Я жду апрель. Ни льда, ни снега нет —
Им, вместе с грустью зимней, здесь не место.

Я жду апрель. Чирикание пичуг
С такою чистой радостью порхает.
Я жду апрель. Не сразу и не вдруг
Проложит путь он царственному маю.

На исходе мая

Сонет

Я опьянён цветением акаций,
Но близится к концу душистый месяц май.
И лето красное поёт: «Меня встречай!
Пришла пора для смены декораций».

Пух тополей кружится в белом танце.
Синички тинькают: «Весну не забывай!»
Чирикание весёлых воробьиных стай...
У темы этой много вариаций.

Я встречу лето, как встречают зрелость,
В заботах и трудах не покладая рук.
Как маем надышаться мне хотелось!

Но жизнь летит стрелой, год совершает круг.
Всему есть свой черёд, своя граница.
Лишь молодость, как май, не возвратится.

Трамвай Гумилёва

(К своему 50-летию)

Жизни бешеный поток,
Я за ним не поспеваю.
Я бы, видимо, не смог
В гумилёвском мчать трамвае.

Время и пространство там,
И эпохи — всё сместилось.
Прогреми по трём мостам,
Нёсся он что было силы.

И ворвался в Харьков он.
Только где ж за ним угнаться!
Может, это просто сон
Или ряд галлюцинаций?

Может, это лишь мираж,
Бред уставшего рассудка?
Над струёй Зеркальной* — утро,
И Госпром** — конечно — наш.

Сад Шевченко и вокзал —
Это Харьков, нет сомнений!

А трамвай уходит в небо...
Вот он точкой малой стал.

Вот исчез. А я стою.
Видно, рано мне умчаться.
Нужно **здесь** ещё остаться:
Не допел я песнь свою.

** Сквер Зеркальной струи — небольшой живописный сквер с необычным фонтаном, одна из главных достопримечательностей Харькова.*

*** Госпром — Дом государственной промышленности, одно из самых крупных и величественных зданий Харькова, был построен в 1925 — 1928 годах на площади Дзержинского (ныне Свободы). Также является одной из главных достопримечательностей города.*

Провинциал в мегаполисе

Сонет

Я в мегаполисе блуждаю наугад
Средь небоскрёбов и огней рекламы.
Я как ребёнок, потерявший маму
И сквозь рыдание бубнящий невпопад.

Стремился я сюда. Когда ж попал — не рад.
Привык лугов я видеть панорамы,
Лесов сосновых стрельчатые храмы,
А здесь — мелькающий автомобильный ад.

Степной провинциал и друг полей и рощ,
Приехал я сюда из любопытства.
Но вскоре ощутил здесь дьявольскую мощь.

И поскорей хотел бы возвратиться
К своим возлюбленным и солнечным лугам,
Которых никому теперь я не отдам.

О прекрасной форме

Сонет

О волшебство четырнадцати строк!

Василий Воргуль

Сонета форма очень хороша
И лаконична, а не угловата.
Живёт в сонете автора душа —
Грустна порой, но не витиевата.

Чиста любовь Петрарки и свежа,
И горестна возлюбленной утрата.
Лаура для поэта — госпожа,
Мадонна — та, которой имя свято.

«Божественной комедии» творец
К сонету тоже обращался часто.
Века идут и годы лихо мчатся,

Но их сонетов светел образец.
Кристалльна мысль в изящно-юной форме,
И не страшны им грубой жизни штормы.

Всё меньше зелёного цвета,
Всё больше багрянца и злата.
Ушло огнеокое лето.
Кусты и деревья одеты
В лоскутные блики заката.

Пурпурное солнце садится
За тёмной полоскою поля...
А может быть, это лишь снится?
Меж явью и сном где граница?
Она — лёгкий абрис, не боле...

И вновь унылая пора

Сонет

Унылая пора! Очей очарованье!

Александр Пушкин

Явилась вновь унылая пора,
Дожди и хмарь своё свершают дело.
Трубят в полях холодные ветра,
А солнце из-за туч глядит несмело.

Октябрь-волшебник в золото убрал
Лесов громады, коим нет предела,
Хоть лето было кажется вчера
И уходить нисколько не хотело.

Очарованье — только ли очей?
В лесах царит грибной тончайший запах.
Но время выюжных близится ночей,

Они приходят, как всегда, внезапно.
Ну а пока журчит лесной ручей,
Наивно веря: всё вернётся завтра.

Тёмный ливень и солнечный луч

Сонет

Суровый дождь хлестал в моё окно,
Текли дождейки горькими слезами.
И горизонт, казалось, в страхе замер:
От вспышек молний было несмешно.

Такого ливня не было давно!
И вот своими вижу я глазами,
Как он сдаёт дождливый свой экзамен,
И многое ему разрешено.

Раскаты грома, словно канонада.
А хочется победного парада,
Когда выходит солнце из-за туч.

Пусть высший балл получит тёмный ливень.
Но лишь со светом можно стать счастливей —
Об этом скажет первый солнца луч.

Дождь идёт. А много ли нам надо?
Крыша есть у нас над головой.
Можем, свой нарушив распорядок,
Выйти побродить по мостовой.

Побродить под майским щедрым ливнем,
Босиком по лужам — красота!
Город нам казаться будет дивным,
Словно сшедшим только что с холста.

Ливень шалый обновил все краски —
Всё блестит, сияет чистотой.
Этот день — он светлой станет сказкой,
Той, что дождь поведал нам с тобой.

Воображаемая встреча с поэтом Александром Кушнером

Александр свет Семёнович Кушнер —
Петербуржец до мозга костей.
Стал к стихам его равнодушен
Я недавно. Ах, если б гостей
Мог поэт знаменитый дожждаться!
Ну хотя бы всего одного.
Догадались, наверное, братцы?
Ну конечно — меня самого.
И в блистательном Санкт-Петербурге
Наша встреча прошла б невзначай.

Может, в летнем кафе. Я бы бургер
Заказал, тульский пряник и чай.
Не себе одному. Ну конечно,
Нам двоим (коль не против поэт).
И за чашечкой чая, неспешно,
Мы бы темы нашли для бесед.
А потом бы пошли прогуляться
Мы с поэтом в Таврический сад.
Там большие деревья толпятся,
Те, что помнят и блоковский взгляд,
И чеканный ахматовский профиль.
А которые древние, те
Помнят Пушкина, был он не против,
Дань отдав городской суете,
Заглянуть в этот сад ненароком,
Хоть любил больше он Летний сад.
И парили звенящие строки,
Два столетия то было назад.
И в саду этом дивном и чудном
Мы читали б друг другу стихи,
Нам ведь с Кушнером это нетрудно,
Покорители мы с ним стихий
Поэтических. Он — петербуржец,
Ну а я — харьковчанин, и мы,
Двое русских поэтов, мы будем
Не бессмыслицу людям, а мысль
Философски глубокую в каждой
Нашей строчке стараться нести.
Встреча с Кушнером будет однажды!..
Фантазёр я, о Боже, прости!

Свинец небес осенних. Торжество
Ветров холодных, мчащихся куда-то.
О летний зной, забыл я образ твой
И, кажется, что нет к тебе возврата.

Желтеют листья, мокнут и дрожат,
И падают, забыв своё величье.
И я бреду по ним сквозь листопад.
В лесу теперь не слышно трелей птичьих.

И побродив в лесу, скорей домой
Я возвращаюсь, чтобы отогреться.
На кухню — к самовару! Он, родной,
Хоть ненадолго, но утешит сердце.

Мой «Осенний марафон»

Сонет

Вся жизнь моя — «Осенний марафон»
(Советский фильм припомните, ребята).
Всегда спешу, всю жизнь бегу куда-то,
Ну а вокруг — эпохи серый фон.

И не стереть — столь крепко въелся он.
Но к прошлому не может быть возврата,
Я в спешке забываю лица, даты.
А может, это всё лишь мрачный сон?

Но это — явь! Мир диких скоростей.
Я вынужден всегда за чем-то гнаться,
Спешить помочь, чего-то добиваться.

А я устал от грустных новостей.
Хотел бы ото всех уединиться.
Но Блок писал: «Покой нам только снится».

Как всё начиналось

...Ещё вспоминаю те первые, робкие строки
Наивных стихов, что пытался писать лет в шестнадцать,
Вернувшись из школы домой, а порой на уроке,
Под партией их пряча, учитель не мог чтоб придаться.

О да, я тогда с романтизмом впервые столкнулся.
Отрывок баллады «Светлана» был в школьной программе,
Его прочитал я — от хлынувших чувств содрогнулся.
О, это был шок! Это было подобно цунами.

Достал я Жуковского томик тогда и запоем
Баллады читал — этот мир был таким непривычным.
А вскоре из этого мира явление второе
Меня посетило и было совсем необычным.

Название было его символизм. Мережковский,
Певучий Бальмонт, Сологуб и пленительный Белый.
Их яркое творчество было живым, а не косным.
И я, очарованный, двинулся в путь, хоть несмело,

Но с радостным чувством незнакомой раньше свободы.
О век Золотой, век Серебряный — сколько в вас страсти!
И вот я иду по пути уже многие годы.
И это моё неказистое, горькое счастье.

Атланты Поэзии

В твореньях царственных вершили
Свои высокие труды —
Великий Гёте, мудрый Шиллер —
Не создавали ерунды.

А в Англии Шекспир и Байрон
Творили тоже на века.
В кисель слащавых песен, баек
Не превращалась их строка.

В Италии великий Данте
В терцинах свой чеканил слог.
Они — Поэзии атланты —
Небесный держат потолок!

**Слово похвальное
Василию Кирилловичу Тредиаковскому,
видному российскому стихотворцу
и создателю Силлабо-тонической системы
сложения стихов русских**

Василий Кириллович Тредиаковский —
Поэт петербургский он или московский?
Хотя по рождению он астраханец,
Пускавшийся в тёмный витийствия танец.

Два года побыл он студентом Сорбонны,
Вернулся в Россию, творить вдохновлённый.
Пытался придворную строить карьеру,
Да, жаль, забывал Православную веру.

Василий Кириллович Тредиаковский —
Латыни знаток, хоть был сыном поповским.
Французским он тоже владел в совершенстве,
А Муза шептала: «К Парнасу восшествуй».

Писал поначалу громоздкие оды
И лепту свою привносил в переводы.
Но создал основу хореов и ямбов
(О, если б не он, не пришли они к нам бы!).

Василий Кириллович Тредиаковский
Поэт петербургский он или московский —
Что проку мне в том? Он — создатель системы,
Пускай архаист, начинали так все мы.

Гекзаметр он ввёл, чтобы «Телемахиду»
Свою написать, что внушительна с виду.
К Парнасу был путь его трудным и узким,
Но честно служил он Словесности русской.

Цветенье новогоднее каштана

Цветёт каштан, весь в ёлках новогодних
Заснеженных, с вкраплениями цветными —
То красными, а если приглядеться,
То жёлтые вкрапления будут тоже
Видны. Шаров и ёлочных игрушек
Они собою блеск напоминают.
Цветенье новогоднее каштана,
Ответьте честно, это ли не чудо?
Как будто бы средь майского цветенья
Пришёл опять к нам новогодний праздник,
И радости конца уже не будет.

Радость творчества

Сонет

Как радостно, когда найдёшь строку —
Ту самую, которой не хватало, —
Последнюю! ...Добрался до финала.
Второй терцет... Но мысли прочь текут!

Литературоведы нам не лгут,
Что нужно мастерства иметь немало,
Терпения с избытком чтоб хватало,
Писать сонет — весьма нелёгкий труд.

А мыслям растекаться бы по древу,
А не искать к сонетному распеvu
Прекрасные и мудрые слова.

Забыв на время беды на планете,
Я радость жизни обрету в сонете.
Великолепна форма и жива!

АФОРИЗМЫ

Бауржан Тойшибеков

Алматы

Чтобы навести в этом мире порядок, людям вовсе необязательно переворачивать его с ног на голову — для этого им вполне достаточно перевернуть с головы на ноги самих себя.

Делать то, что ты должен, — это значит делать то, что хотел бы делать Господь Бог, будь Он на твоём месте.

Не всякий человек может быть солнцем, разгоняющим мрак вокруг себя, но всякий может быть свечой, разгоняющей мрак внутри себя.

Если вера — это человек, то религия — это одежда, которой у него может быть целый гардероб.

Худшим в богатстве является то, что оно слишком часто делает человека живым придатком неживых вещей.

Межнациональный брак — это такой, что если в нём рождаются дети, то это значит, что между собой породнились не только люди, но и нации.

Нищие духом обычно только духом и нищие.

Если деньги и есть чеканенная свобода, то лишь для тех, кто смотрит на них сверху вниз. А для тех, кто смотрит на них снизу вверх, они есть чеканенное рабство.

Понтий Пилат спросил у Иисуса, что есть истина, — это всё равно, как если бы он спросил у Солнца, что есть свет.

Богач боится обеднеть, бедняк боится обнищать, а нищий ничего не боится.

Вера в Бога делает меня единоверцем людей в той же мере, в какой вера в человека делает меня единоверцем Бога

Власть тьмы — это когда тьма власти сосредоточена в одних руках.

Если жизнь стоит того, чтобы её прожить, то смерть стоит того, чтобы её пережить.

Мудрость — это ум, согретый сердцем.

То, что человек бросил свой крест на полдороге, обычно означает не то, что крест оказался слишком тяжел для него, а то, что он оказался слишком слаб для креста.

Бездельник, приходя в гости к занятому человеку, становится убийцей и вором — в том смысле, что убивает своё время и крадёт чужое.

Художник — человек, которому Бог гораздо охотнее помогает как художнику, чем как человеку.

Творить — это значит повторять других по-своему, а себя по-другому.

Если человек чувствует угрызения совести, то это значит, что жив и человек, и его совесть.

Что светлое будущее для низов, то светлое настоящее для верхов.

Любимое занятие бескрылых людей — это подрезать крылья тем, у кого они есть.

Волонтёр — человек, который делает что-то за деньги не в последнюю очередь для того, чтобы иметь возможность делать что-то и не за деньги.

Мир, в котором нет ничего легче, чем стоять на голове, и ничего труднее, чем стоять на ногах, — вот что такое перевёрнутый мир.

Если совершить ошибку — это право человека, то исправить её — это его обязанность.

Голодный съедает бублик вместе с дыркой.

Совершенное учение — это когда тот, кто учит, является олицетворением того, чему он учит.

Нет на свете более горьких и вместе с тем более полезных плодов, чем те, что произрастают на древе самопознания.

Если всадник без головы, то единственное спасение лошади в том, чтобы сбросить его с себя, пока он по своей безголовости не сбросил её вместе с собой в пропасть.

Жизнь есть золотая монета, и главное для того, кто получил её, — это не разменять её на медяки.

Проблема не в том, что дети никак не научатся вести себя по-взрослому, а в том, что взрослые никак не разучатся вести себя по-детски.

Если истинная сила — это всё, кроме насилия, то ложная — это ничего, кроме насилия.

«Спешите делать добро» — это самая банальная на свете истина, но когда мы, следуя ей, спешим делать добро, то она перестаёт быть банальной и становится тем, что она есть, — истиной.

Лишь для живущих на небесах смерть есть то, что она есть на самом деле, то есть, — ничто.

Что при демократии быть в оппозиции, то при тирании быть в тюрьме, в психушке или в могиле.

Если Бог есть, то почему Он ведёт себя так, словно Его нет? А если Его нет, то почему я веду себя так, словно Он есть?

Мгновенье смерти — это то, в чём заключается вся её жизнь.

Там, где люди видят друг в друге друзей или врагов, Бог видит братьев, которые видят друг в друге друзей или врагов.

Если человеку и следует говорить о людях правду, то лишь такую, которую он хотел бы услышать о себе.

Когда у власти безголовые, то иметь на плечах голову — это уже преступление.

Пропаганда при тирании — это ложь, с помощью которой власть обманывает не своих противников, достаточно умных для того, чтобы не поддаваться ей, а своих сторонников, достаточно глупых для того, чтобы поддаваться ей.

Дело не в том, чтобы на свете было как можно больше людей, которые верят в Бога, а в том, чтобы было как можно больше людей, которым верит Бог.

Среди тех вещей, ради которых человек вправе умереть, нет и не может быть ни одной, ради которой он был бы вправе убивать.

Если человеку гораздо труднее изменить мир к лучшему, чем к худшему, то миру гораздо легче изменить человека к худшему, чем к лучшему.

Ложь не может прикрыть свою наготу ничем, кроме той одежды, которую она крадёт у правды.

Истинный мудрец учит, как жить, уже одним тем, что живёт, как учит.

Нет в этом мире заповеди более трудной для исполнения, чем любить своих врагов, как и нет более легкого способа её исполнения, чем не иметь каких бы то ни было врагов.

Если новости при демократии бывают слишком правдивыми, чтобы быть хорошими, то при тирании они бывают слишком хорошими, чтобы быть правдивыми.

Плохо, когда человек верует, ибо не может уразуметь. Но гораздо хуже, когда он верует, даже и не пытаясь уразуметь.

Тот, кто считает себя не лучше любого другого, как минимум не хуже любого другого.

Нет в этом мире человека более благородных кровей, чем донор крови.

Человек есть олицетворение тройной ответственности: во-первых, за себя перед Богом, во-вторых, за себя перед людьми и, в третьих, за людей перед Богом.

Тирания — строй, при котором тех людей, которым удалость промыть мозги, натравливают на тех, кому не удалось их промыть.

Если газеты — это цепные псы демократии, то такие, которых никогда не следует держать на цепи.

Житейский суд — это такой, на котором никто не вправе занимать место в кресле судьи, но всякий обязан занять место на скамье подсудимых.

Человек в своей жизни может упасть один раз, или сто раз или тысячу раз — это не имеет никакого значения до тех пор, пока он всякий раз встаёт.

Да, глас народа — глас Бога, но то, что выдают за глас народа, может оказаться и гласом дьявола.

Демократия — форма правления, которую ничто не может дискредитировать так, как то, что при ней к власти могут приходить такие люди, как Трамп и Орбан.

Любить человечество можно и лёжа на диване, но чтобы любить человека, нужно с дивана встать.

Делать деньги можно только на тех, кто их зарабатывает.

Когда порицаешь ближнего, то смотри, чтобы ты не был похож на того, кто указывает на дыру в заборе соседа сквозь дыру в своём.

Искусство — это когда нарисованная лепёшка может утолить голод, а нарисованная чашка с водой может утолить жажду.

Если привычки — это вторая натура человека, то он должен сделать всё для того, чтобы его хорошие привычки стали его первой натурой, а плохие перестали быть какой бы то ни было натурой.

Да, и Бог, и дьявол в нас самих — надо только научиться видеть Бога скорее в других, чем в себе, а дьявола скорее в себе, чем в других.

То, что человек знает, — это правда, а то, во что он верит, — это либо истина, либо ложь.

Тираны прибегают к силе, которая у них есть, потому что не могут прибегнуть к уму, которого у них нет.

Один заработанный рубль стоит больше, чем десять найденных, сто выигранных и миллион украденных.

По-настоящему своим для человека является лишь то, что он, подобно Бианту, не только носит с собой на земле, но и может унести с собой на небеса.

Самовоспитание — это когда человеку приходится не столько воспитывать себя, сколько перевоспитывать.

Религиозный фанатик — человек, чья вера движет горами и обрушивает их на головы людей.

Иудаизм, христианство и ислам — это, по сути, не разные вероисповедания, а всего лишь разные исповедания одной и той же веры.

Если настоящий мужчина тот, кто всегда способен ударить другого мужчину, то настоящий человек тот, кто никогда не способен ударить другого человека.

Тот, кто хочет изменить сей мир к лучшему хотя бы на йоту, пусть сам станет этой йотой.

Слепая вера — это человек, который считает слепыми всех, кроме себя, и, соответственно, тщится быть для всех поводом к рым.

Жить — это значит нести двойную ответственность: за свои слова и дела перед людьми и за свои мысли и чувства перед Богом.

Если прозреть физически — это значит узреть свет вокруг себя, то прозреть духовно — это значит узреть тьму внутри себя.

Да, власть может быть и от Бога, но её носители, как свидетельствует история, вполне могут быть и от дьявола.

Это не столько дети должны вести себя так, как учат их родители, сколько родители должны вести себя так, как они учат детей.

Когда человек пьёт и курит, то это, с точки зрения его здоровья, всё равно, как если бы он рубил и пилил сук, на котором сидит.

Для того, чтобы погубить целый народ, достаточно лишь одного негодяя — надо только, чтобы он стал его вождём.

Гений: человек, которого люди понимают всегда — если не в качестве современников, так в качестве потомков.

Если вино и напиток богов, то такой, который делает людей не богами, а животными.

Нет у моей жизни другого смысла, кроме как родиться духом прежде, чем я умру плотью.

До тех пор, пока Фемида держит в руке меч, она будет служить олицетворением не наказания, а преступления.

Главное в непротивлении злу насилием — это противление ему всеми доступными средствами, кроме насилия.

Лучше быть сеятелем добра, чем его жнецом, так же, как лучше быть жнецом зла, чем его сеятелем.

Если Бог есть, то, должно быть, у Него имеются достаточно веские основания для того, чтобы вести Себя так, словно Его нет.

Подражание Николаусу Ленау

Кольцо в кольцо — слежу, как дым
Уходит в потолок.
И я когда-то молодым
Перешагнул порог.

Бродя по свету, думал я,
Мне счастье отыскать
Вернее будет. А друзья
Не стали рисковать.

Что ж, в странствиях, храня мечту,
Я, верно, испытал
Болезни, холод, нищету,
А счастья не сыскал.

Меж тем, как водится, друзья
Не спали крепким сном —
У каждого своя семья,
И огород, и дом.

И вот уже почти седым
(Всему, увы, свой срок!)
Кольцо в кольцо — слежу, как дым
Уходит в потолок.

*Стихи, написанные
на больничной койке*

Что же, друг мой, вздумал ты болеть?
Уж в уме ли ты, как прежде, здоровом?
Ты имеешь право умереть,
Но болеть ты не имеешь права!

Словно людям нет других забот,
Как, сойдясь, внимать твоей печали...
Ведь и без тебя своих хлопот
Каждый обирается едва ли!

А умрёшь — так на тебя суда
Не найти... Искать никто не станет!
Только с неба скатится звезда,
Только имя в Лету тихо канет...

Что же, друг мой, вздумал ты болеть?
Уж в уме ли ты, как прежде, здоровом?
Ты имеешь право умереть,
Но болеть ты не имеешь права!

Через овраги, пни,
От диких круч на шаг,
Из мрака на огни
И снова в тот же мрак...
Что ж, мне судьба сама
Идти, как есть, — идти,
Порой сходя с ума,
Но не сходя с пути.

Увы, я сделал всё, что мог,
Насочинив, как вор, украдкой

С полтыщи стихотворных строк
Да мыслей с тонкую тетрадку.
Но пусть добыча и скудна,
Хотел бы я, чтоб уцелела
По чести хоть строка одна...
Ведь как-никак и это дело!

Вечер. В чаще потемневшей,
Где тропа незримо вьётся,
Одиноко и печально
Голос птицы раздаётся.
С ней душа моя согласна.
Лучше петь одной, пусть в горе,
Чем в обычный ясный полдень
Потеряться в шумном хоре.

Поэт к судьбе своей суров.
Но если есть к тому оказия,
Он счастье испытать готов...
Хотя бы для разнообразия!

Святее святого —
Быть глазами слепого,
Ушами глухого и
И устами немного.

ПОВЕСТЬ

Александр Зубенко

Краматорск, Донецкая обл.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ V-го ТИПА

ПО ШКАЛЕ КАРДАШЁВА

(Из цикла: «По эпохам времени»)

Введение

В 1964 году советский астрофизик Николай Кардашев предложил научному миру разработанную им градацию гипотетически существующих цивилизаций, которую впоследствии назовут шкалой Кардашева. В его таблице, которую позже дополняют учёные всевозможных астрономических институтов планеты, он выявил и рассчитал математически три типа различных цивилизаций, способных существовать в нашей обозримой Вселенной.

Об этих различных типах цивилизаций и пойдёт речь в данной книге.

Это не научный трактат, а вольное изложение событий, придуманных автором, и изложенных им в художественной форме жанра научной фантастики.

Итак...

Добро пожаловать в нашу мультивселенную!

Глава 1. Цивилизация I-го типа. Планетарная.

Низший тип цивилизации по шкале Кардашева. Этот конгломерат использует потенциал и энергию только самой планеты, на которой, собственно, и существует. Имеет контроль над всей планетой, управляет погодой, землетрясениями, цунами. Строит планетарную архитектуру в виде гигантских населённых колодцев, парящих в пространстве домов и подводных океанических городов. Энергетический потенциал, используемый этой цивилизацией — 100 % потребления от всеобщих ресурсов планеты. На этом уровне развития существует вероятность самоуничтожения.

Нужно лишь перейти порог.

Ныне существующая цивилизация, иными словами — мы сами — находимся на отметке 0,75 от означаемого I-го типа, и по прогнозам учёных, достигнем отметки «Планетарной» лишь спустя 100 — 150 лет.

Начало XXIII-го столетия по земному календарю.

Роман проснулся от вживлённого в мозг чипа «контроля времени», сладко зевнул, потянулся и мысленно отдал команду включить утреннюю расслабляющую музыку. Спешить ему сегодня было некуда, у него был заслуженный выходной, к тому же предстояла приятная встреча с Кристиной, назначенная лишь на вечер.

Домашний робот-хозяйка уже варил кофе на кухне, а по огромному экрану, во всю стену, передавались голограммой последние известия, произошедшие со вчерашнего дня, когда он покинул свой рабочий пост и отправился домой на отдых. Вакуумный тоннель, соединяющий парящий в пространстве дом с его технической лабораторией, в несколько секунд доставил собственное тело в свою жилую обитель, и Роман буквально свалился без задних ног от усталости, отмахнувшись от навязчивого робота, заботившегося о его самочувствии. Так и проспал всю ночь — первую спокойную за прошедшие несколько недель. Предстоял приезд какой-то инспекционной комиссии, а технологический институт, где он работал лаборантом, как назло не был полностью готов к инспекции. Так бывает всегда, когда тебе на голову ниоткуда вдруг сваливается начальство. Но теперь все тревоги позади, смену он сдал, дальше разберутся и без него. Он будет только мешать, а уж его руководители договорятся с комиссией сами.

Институт занимался различными разработками в области нанотехнологий, а его собственная лаборатория, где он занимал пост старшего лаборанта, вела исследования в генетической области, работая над клетками живого биома планеты. Напарник сменил Романа, и теперь у него появилась, наконец, возможность сделать Кристине предложение, которое оттягивал из-за непомерной загруженности перед приездом инспекции.

Ему было под тридцать, выглядел он солидным молодым человеком, и они с Кристиной уже давно мечтали создать семью, чему способствовало его не такое уж и низкое положение в институте, а с её стороны, приятное его сердцу нетерпение.

— Кофе подан, сэр!

В спальню сквозь картины голограммы вкатился многофункциональный агрегат с множеством щупалец и насадок, способный делать

сразу несколько дел одновременно. Хозяин сам запрограммировал в шутку называть его «сэр», поскольку Роман был из той прослойки молодых людей, кто ещё по-прежнему испытывали тёплую ностальгию по прошлым историческим эпохам в духе английских лордов и пэров.

Подав на передвижном столике завтрак, робот раздвинул жалюзи на окнах, смёл несуществующую пыль, убавил громкость передающего экрана, вытянул одно из щупалец едва ли не на три метра и поправил одеяло. Причём, всё это одновременно. Две насадки с «руками-шлангами» тем временем производили манипуляции с приборами проветривания помещения, поливом цветов, оставленных тут Кристиной уже как хозяйкой, а ещё два щупальца уже подавали домашний халат, тапочки и предметы гигиены для умывания.

Роман зажмурился от хлынувшего в окна солнца, кивнул роботу и улыбнулся. День обещал быть чудесным.

— Я вчера заснул, даже не раздевшись?

— Именно, сэр!

Голос автомата был с приятным тембром, который Роман самолично ввёл в меню, установил степень юмора, уровень среднего интеллекта, а чтобы слишком не умничал и не доставал своим заботливым отношением, поставил кое-какие ограничения, назвав андроида Джеком. Раз тот будет величать его сэр, то отчего не использовать вполне английское имя, дающее право автомату гордиться собой? У других хозяев домашние роботы вообще не имели прозвищ, так что Джеку ещё повезло, что Роман имел удовольствие копаться в архивах прошедших времён. Там он и подобрал ему вполне подходящее имя. Джек, так Джек. Ничем не хуже остальных, канувших в не столь уж далёкое прошлое.

— И ты, наверное, тихо ухмылялся в сторонке?

— Никак нет, сэр! — голос был невозмутимым, однако Роман уловил в интонации нотки какого-то скрытого смеха. — Хотел вас раздеть, но вы отмахнулись и едва добрались до кровати. Она приняла вас в себя, обволокла одеялом, и вы тут же погрузились в сон.

— Да уж... — потянулся Роман за чашкой благоухающего кофе. Вставать ещё не хотелось, однако приходилось думать о предстоящей вечером встрече. — Всю неделю пахал как проклятый, вот и откинулся, считай, без памяти. Чёрт бы побрал эту комиссию! Так и Кристину потерять недалеко.

Автомат сочувственно хмыкнул, продолжая манипулировать сразу восемью насадками.

— Она, кстати, не выходила на связь, пока я спал?

— Никак нет!

Роман чертыхнулся:

— Джек! Я тебе сто раз говорил: не отвечай мне, как в прежние времена солдаты своим офицерам. Слух режет. А у меня ещё голова не прошла.

— Сами запрограммировали! — с достоинством ответил робот, и тут же спохватился, вынимая из потайных тайников своего механического тела нечто похожее на аптечку:

— Голова болит?

— Нет. Уже не болит. Но если будешь и впредь так отвечать — разболится непременно.

Роман поморщился. Он любил по-своему своего робота, частенько разговаривал с ним по душам, причём, на том языке и диалекте, который передался ему от его родителей, а тем от их родителей, и так далее. Однако тот иногда был просто невыносим в плане заботы или нравоучительных наставлений. Очень желал показать себя не просто домашним агрегатом, а настоящим штучным интеллектом, о котором ему часто рассказывал хозяин. В их лабораториях института, мегамозг планетарного интеллекта считался гордостью, а Роман был частью той команды учёных, что сотворили его на благо всего человечества. Таких интеллектуальных узлов по всей планете было, раз-два и обчёлся. Джек, можно сказать, завидовал, но виду не подавал. Зато любил показать степень своего IQ, введённого ему хозяином при любом удобном случае, начиная от соседских роботов во дворе и заканчивая гостями, которые частенько навевались к хозяину. Особенно доставалось Кристине. Как только она переступала порог приземлившегося во двор дома, Джек тотчас мчался к ней с новыми новаторскими идеями: как подстричь газон, куда разместить её ангар для аэромобилей, каким образом обустроить их будущие совместные комнаты при её переезде, и прочее, прочее, прочее.

Вот и сейчас, не успел Роман проснуться, а Джек уже стал развивать давно интересующую его тему, не дававшую ему покоя ни днём, ни ночью, если учесть, что он вообще никогда не спал. Роботам не следует отдыхать. Они к этому не расположены.

Дом уже опустился на газон рядом с такими же жилыми блоками по соседству, утонул в зелени небольшого сада, выставил автоматически на крыше солнечные батареи, самопроизвольно включил климат-контроль, включил поливочные агрегаты и застыл в блокирующих пазах до следующей ночи. Если Роману захочется оставить свой жилой блок внизу на земле, Джек передаст в меню команду, и «умное архитектур-

ное чудо инженерии» останется покоиться в блокирующих пазах, уходящих глубоко в фундамент земли, как и остальные соседские дома. Если же Роману приспичит поднять жилой блок в воздух, то вакуумные накопители поднимут конструкцию с помощью узла гравитации вверх, и весь жилой блок из пяти комнат подобно другим домам зависнет в тридцати метрах над газонами, представляя собой восхитительное зрелище, если бы Роман не был к нему привычен ещё с детства. Летящие и парящие в пространстве дома были давно разработаны архитекторами и инженерами ещё со времён его предков.

Только Роман собрался было проследовать в ванную, как раздался нудный и просящий голос Джека, до этого что-то разглагольствовавший о строении бытия и космической материи:

— Хозяин, вы обещали рассказать мне, чем люди отличаются от нас, интеллектуальных машин, созданных вами же.

Роман мысленно чертыхнулся, послал команду отключить голограмму и мучительно поморщился. Беседа намечалась долгая, и никак не входила в его наметившиеся на вечер планы. Однако отказывать и не выполнить обещание, данное опрометчиво накануне проверки комиссии, означало подорвать свой авторитет в глазах того же андроида, пусть и своего, домашнего.

— Что именно ты хотел узнать? — вздохнул он, скидывая рабочий комбинезон, надевая халат и всовывая ноги в тапки.

— Почему вы, наши хозяева, умнее нас?

Роман уставился на ходячий металлический хлам и оторопело вскинул брови.

— Ну, ты даёшь! Ты бы ещё приказал мне рассказать тебе, отчего мы занимаемся любовью, а вы нет.

— И это тоже, — невозмутимо ответил тот.

Роман застонал.

— Может, вечером?

— Вечером у вас по расписанию встреча с Кристиной. Будете делать ей предложение.

— А ты откуда знаешь, кусок радиодетали?

— Подслушал, — почти хихикнул робот. Смешок получился какой-то неумелый, механический, с привкусом ржавчины.

— Шпионишь, выходит. Смотри, разберу по винтикам или сдам в металлолом.

— Таких не сдают, — парировал робот. — У меня уровень интеллекта выше всех соседских андроидов вместе взятых. Как вы говорите? Любой сосед с руками оторвёт. Верно?

— Вот и пользуешься этим, — повторно вздохнул Роман. — Знаешь ведь, паразит, что я привязан к тебе, как к другу, а сам шпионишь. Какой же ты друг после этого?

Джек тем временем убрал столик, подтолкнул своеобразный кальян, зная, что его хозяин после кофе любит вдохнуть целительный фимиам, а сам демонстративно изобразил на «лице», в кавычках, нечто вроде глубокой заинтересованности. Собственно, если выразиться фигурально, это и не лицо было вовсе. Что-то среднее между рекламной физиономией новейшего пылесоса и экраном, на котором сенсорными линиями угадывались хитрые глаза и расплывшийся в подобострастной улыбке рот. И то и другое, соответственно, было электронным.

— Ладно, — досадливо махнув рукой, сдался Роман. Кальян можно было вдохнуть, не вредя основному времени, а заодно и отвязаться от этого настырного куска металлолома.

— Понимаешь, друг мой, — вдыхая сладкий фимиам, разъяснил Роман. — Многое из того, что мы, как люди, собой представляем, мы наследуем уже в момент рождения, а не приобретаем, подобно вам, в процессе обучения. Иными словами, мы уже рождаемся с основной базой информации в головном мозге. Прежде, чтобы достичь определённого уровня знаний, человеку требовалось первые двадцать лет жизни постоянно учиться, совершенствоваться, приобретать опыт, и только к двадцати годам он становился относительно приспособленным к жизни. Вначале садик, школа, затем более высшие учебные заведения, потом аспирантура и так вплоть до зрелого возраста, всё время, так сказать, по возрастающей параболе. Мои прадеды ещё учились подобным образом, деды уже нет, а родители при рождении имели все навыки, знания и умения, свойственные взрослому человеку. Стоило только развивать их, уметь пользоваться, выуживать из памяти. Пока ясно выражаюсь?

— Так точно, сэр!

Роман подумал, что робот издевается над ним, но решил не заострять внимания. Чем скорее отвяжется, тем лучше. Поэтому он продолжил:

— Мы уже рождаемся с основной базой накопительных данных, и той информацией, что была собрана за столетия до нас. Нам не нужно учиться заново, мы лишь впитываем в себя всё новое, что окружает нас с момента появления на свет. Наука с середины двадцать первого столетия сделала гигантские шаги вперёд, обгоняя себя же в развитии, как в геометрической прогрессии. Мои прадеды ещё строили города на поверхности планеты, затем появилась архитектура подземных колод-

цев-гигантов, тоннелей, шахт, испещряющих внутреннее строение Земли, словно губку. Начали создаваться аэромобили, вакуумные трубы, по которым можно в любой момент попасть в ту или иную запрограммированную точку географических координат. Мои деды принялись строить океанические подводные города, а довершили столь могучий прогресс мои родители. Это они, в числе других, давно уже колонизировали Луну и Марс, а на мою долю в пределах нынешнего человечества выпадает колонизация спутников. К примеру, Европы, Энцелада и Титана. Ты сам знаешь, что на них уже высаживались первые астронавты, прихватив с собой всё оборудование, требующееся для последующих колонистов. Тем самым, мы, как человеческая раса, постепенно, но стремительно развиваемся. В будущих планах у нас — завоевание всей солнечной системы, постройка мегаконструкции сферы Дайсона, которая охватит Солнце по всему его периметру, а ещё в более далёком будущем, планы у человечества гораздо более расширенные. Выйти к центру галактики, например.

Андроид, как показалось Роману, скептически хмыкнул.

— Не веришь?

— Глубокая и неосновательная утопия, — изрёк тот.

— Да? И это говоришь мне ты? Кусок пластика с железом, которого мы создали? Вот и размышляй теперь на досуге, чем люди отличаются от вас, бездушных машин. Тот интеллект, что заложен в вас, создан нами же. Без человечества не существовало бы и вас. Тоже, скажешь, утопия? Тебе суждено будет отправиться на свалку, когда выйдет твой срок эксплуатации. А человечество будет продолжать развиваться, создавая таких как ты уже более усовершенствованными. Не андроиды вскоре станут помощниками человека, а киборги. Полуавтоматы-полумлюди. Вот тебе и ответ на твой вопрос.

Роман поднялся и, взглянув в солнечное окно, сладко потянулся.

— А теперь отстань от меня и дай мне сходить в ванную.

Джек тут же принял плаксивый тон, семена за хозяином, попутно отдавая в меню команды нагреть воду, активировать душ, создать мыльную пену и тому подобные процедуры:

— Сэр, вы обещали ещё рассказать, как вы, люди, размножаетесь...

Роман резко остановился и гневно уставился в нахальную рожу экрана, заменявшего андроиду лицо.

— Может, ты ещё будешь за нами подсматривать, когда сюда переедет Кристина? Предупреждаю: женщины не столь терпимы к таким вещам. Замечу, что шпионишь, как ты это любишь делать, сразу на свалку. Спишу ненужным хламом.

— Таких на свалку... — хотел было ответить хитрый автомат, но Роман уже скрылся за сомкнувшимися за его спиной матовыми створками. Послышался шум воды, фыркание, чихание, и Джек, оставшись один, уныло проследовал на кухню, бормоча себе механическим голосом:

— Ещё посмотрим, шпион я или нет. Не хочешь рассказать ты, спрошу у Кристины. Уж она мне, как женщина, поведает в первую очередь.

И принялся загружать массивный холодильник, который поднялся по его указанию из подземного этажа жилого блока.

Дело в том, что в соседнем доме, у соседских хозяев работал вполне приличный на вид андроид, поразительно похожий на женщину.

...Вот об этом и стоило поразмыслить.

Кристина только что вынырнула из воды внутри собственного батискафа, поднялась на платформу и принялась подзывать резвящихся дельфинов. С недавних пор ей поручили следить за их возрастающим интеллектом и, покинув подводный город, раскинувшийся на глубине трёх километров, она поспешила к своим новоявленным друзьям. Более полусотни дельфинов находились в её подчинении, были давно приручены, и день за днём она проводила с ними занятия, пользуясь разработанной инженерами технологией общения посредством лингвистического синтезатора. Мозговые волны передавали через прибор ту или иную команду, дельфины её принимали, и с явным удовольствием их выполняли, тем самым, продвигаясь вперёд в обоюдном общении. Теперь вставал вопрос о переходе на следующий уровень, более высокий по своей уникальности. Дельфины не только должны были принимать команды через синтезатор, но и сами подавать импульсы волновых модуляций своего мозга. Принимая их через синтезатор, Кристина прекрасно понимала их назначение. Иными словами, они общались уже на чисто интеллектуальном уровне, а там и до телепатии недалеко, как она предполагала.

Девушке было двадцать четыре года, но она обладала уже всеми знаниями доктора наук, поскольку они были заложены в её генетическую память с момента её рождения. Погружаясь на собственном батискафе к подводному городу, который находился под прозрачным куполом и имел население пятнадцать тысяч человек, она не забывала о своих питомцах, дожидавшихся её возвращения в более верхних слоях тёплых вод Индийского океана.

Вот и сегодня, не забывая, что вечером они должны встретиться с Романом, который ей прозрачно намекнул на что-то приятное для неё, Кристина решила поскорее закончить работу, подозвав через синтезатор своего любимца, дельфинёнка Димку. Откуда у неё в памяти всплыло это имя, и отчего она назвала своего питомца именно так, она и сама не знала. Каждый дельфин имел собственное прозвище, зачастую человеческое, поскольку, как считала сама девушка, эти дивные создания ничем не отличались от разумного человека, просто занимали в природе параллельную нишу, которую людям только предстояло понять. Мы ведь не ходим в гости к улиткам, считала она, хотя они по праву имеют тот же статус собственной цивилизации, как, впрочем, и пчёлы и муравьи. Любой класс и вид животного биома на планете, это собственная цивилизация, которую человечество только начинает распознавать с развитием технологий начала XXIII –го столетия. Ещё немного, ещё лет пятнадцать, ещё несколько генетических открытий в виде расшифровки ДНК-кода того или иного вида, и наука стремительно прорвётся вперёд. Мы научимся понимать не только дельфинов или приматов, но и тех же улиток с муравьями.

Этим она, собственно и занималась. Этим и жила. Над этим и работала.

Кроме неё в подводном городе трудились тысячи учёных и сотрудников различных специальностей, начиная от биологов, океанографов, генетиков, и заканчивая простыми глубоководными инженерами, у каждого из которых был собственный двухместный батискаф, похожий на её чудо техники. Каждый глубоководный агрегат имел выдвижные щупальца, мог брать пробы грунта и опускаться до глубины Марианской впадины в бездне Челленджера. Ещё со времён её деда порог погружения на глубину в одиннадцать тысяч метров был перейдён, и погружаться сейчас, скажем, километров на девять — десять было обычным делом и её основной работой.

Город под ней сверкал всеми огнями иллюминации, был защищён энергетическим куполом, черпал энергию от двух гигантских ядерных реакторов, а внутри самого города, кроме технических помещений, ангаров и прочих научных узлов, можно было обнаружить и кафе и залы отдыха и даже местный стадион. Они часто с Романом погружались в подводный город, но это происходило, когда у него выдавался выходной. Таких океанических городов по планете было уже несколько десятков, и находились они на различных глубинах всех географических океанов Земли.

Вот и сегодня, подозвав через лингвистический синтезатор Димку, она стала с ним общаться. Остальные дельфины плавали в просторных вольерах, и было ощущение, когда они, высунув вытянутые носы из воды, словно прислушивались к их беседе.

Димка резвился вокруг Кристины и девушка, шлёпнув любовно его по плавнику, произнесла, смеясь от брызг:

— Прекрати! Мне ещё нужно успеть привести себя в порядок перед вечерней встречей с Ромой. Как думаешь, он сделает мне сегодня предложение? Или снова увильнёт, мотивируя своей занятостью на работе?

Димка послал ультразвуковой импульс на лингвистический синтезатор, и прибор перевёл Кристине радость животного. При этом Димка весло зафыркало, забил хвостом по воде и шутливо обдал девушку брызгами.

Кристина помахала ему рукой и направилась в раздевалку. Пора было выйти на связь с Романом.

Каждому обитателю планеты при рождении в пломбу зуба вживлялся своеобразный чип, способный передавать мысленные сообщения посредством электромагнитных импульсов и, таким образом, житель любого географического региона Земли мог мысленно общаться с кем угодно, пусть тот даже находился под водами океана или на одном из полюсов планеты. Спутниковые телефоны, столь распространённые в XXI веке, давно канули в вечность, и сейчас, стоило только мысленно вызвать абонента, активируя пломбу, как он тотчас выходил на связь. А если отдыхал или был занят, связаться с ним можно было через его собственного андроида, как в случае с Джеком, когда Роман проспал всю ночь, свалившись вечером в постель, даже не раздевшись.

Угроза ядерной войны миновала. Человечество переступило порог самоуничтожения, и сейчас, во времена Кристины, цивилизация переживала свой «золотой век» расцвета.

Мы по-прежнему ещё одни в космосе, размышляла Кристина, переодеваясь, и суша волосы. Парящий над головой телепорт-трансформер выполнял сразу несколько комбинаций, обдувая её причёску благоухающим аэрозолем, снимая купальник и подавая повседневную одежду. При этом на экране одновременно показывалось состояние организма девушки: температура тела, давление, ритм сердцебиения, уровень сахара в крови и прочие медицинские показатели. Голограммы в раздевалке передавали пейзажи природы, и стоило Кристине мысленно сменить картинку, как панорама тут же переносила её в какой-нибудь оазис, или острова заповедных зон планеты.

У нас орбитальные телескопы, продолжала размышлять она, облачаясь в комбинезон и удобные мягкие мокасины. У нас фотонные ракеты, у нас подводные базы и целые жилые комплексы, подземные города-колодцы, помповые тоннели, способные доставить собственное тело куда угодно в считанные минуты. Мы направили экспедицию к бинарной системе двойной звезды Сириус, мы колонизировали Марс и Луну, вот-вот колонизируем спутники Юпитера и Сатурна, но мы по-прежнему одни в космосе.

Кристина вздохнула. Эта тема занимала её не меньше, нежели общение с дельфинами. По совместительству с биологией, она была ещё и астрофизиком, а её далёкие родственные корни происходили от известного в своё время американского астронома Карла Сагана. Сейчас родословную любого обитателя Земли можно было проследить вплоть до времён Средневековья, когда в твоих генах могла оказаться структура ДНК какого-нибудь монарха Европы или королевы Великобритании. У Романа, к примеру, код ДНК шёл от маршала Нея. Сподвижника Наполеона. А Мишель Ней, в свою очередь, носил в себе генетический код от французской линии правителей Валуа. Такая себе смесь генов, как перетасованная колода карт, как однажды заметил персонаж Коровьева в произведении «Мастер и Маргарита» Булгакова. Кристина обожала древние старинные книги, и никакие современные технологии не могли заменить ей шелест страниц и запах давно изданной бумаги. Это было у неё в крови от родителей. Это было от предков. Она хранила дома настоящую подлинную библиотеку, содержащую не менее пяти сотен книг различных времён и изданий. Сейчас любая информация, накопленная веками до её рождения, могла храниться в её базе памяти, заложенная микрочипами в момент появления её на свет. Она уже родилась с памятным блоком о «Мастере и Маргарите». Она уже в пятилетнем возрасте имела информацию едва ли не всех книг, написанных и созданных человечеством за всю историю его существования на планете, начиная от первой Библии Гутенберга и заканчивая последними изданиями современных авторов. Ей нужно было лишь отфильтровать ненужное, просеять сквозь сознание и мысленно выкинуть из головы литературный хлам, не представляющий никакого интереса. Чем, собственно, и занималась она первые годы своего детства. Если обитатель XXI века, скажем, в процессе роста и взросления только и делал, что накапливал всевозможные знания и опыт, то Кристина, Роман и остальные жители Земли XXIII века, наоборот, от них освобождались. Иными словами, как в третьем законе Ньютона: чтобы чего-то достичь, нужно прежде от чего-то избавиться. Связь-телепатия избавила чело-

вечество от спутниковых смартфонов. Голограммы вытеснили телевидение. Фотон пришёл на замену ядерному топливу и ракеты стали более лёгкими и изящными, способными преодолеть границы облака Оорта за несколько суток. Помповые тоннели могли перенести жителя Земли куда угодно, хоть к полюсу Антарктиды за несколько минут, разложив тело на нейтроны, затем «собрав» его заново в телепорте узла перемещения. Исчезли границы между державами, и свободный человек XXIII столетия стал самым настоящим космополитом, имея возможность селиться где угодно, по своему усмотрению.

Земля превратилась в единый конгломерат первой степени цивилизации по шкале Кардашева, как её называли учёные.

Прирост населения прекратился, и Единое правительство континентов контролировало количество рождаемости, не превышая демографию роста. Последующие разработки гигантского адронного коллайдера, усовершенствованного своей уникальностью, позволяли следить за геомагнитными полюсами планеты, а локация перемещений вакуумных тоннелей достигла уже поверхности Луны. К орбитальным станциям с Земли вели высокоскоростные лифты, управляемые техническим персоналом из числа новейших андроидов. Отпала надобность в мостах над реками. Ушли в небытие компьютеры, поскольку вся необходимая информация хранилась в голове с момента появления на свет того или иного обитателя Земли. Активировав любое бинарное полушарие мозга, человек мог выудить из памяти всё, что ему было нужно, а расчетами, проверками, анализами и прочей рутинной работой занимались телепорты-трансформеры, способные производить сразу несколько тысяч операций одновременно. Миновав угрозу ядерной войны и порог самоуничтожения, нынешняя цивилизация стремительно развивалась, обгоняя сама себя семимильными шагами в развитии научных открытий. Это напоминало пресловутый Закон Мерфи: что должно произойти — обязательно произойдёт. Как бутерброд маслом вниз. Как ты его не подбрасывай, он всё равно перевернётся намазкой к полу, поскольку сила тяжести масла влечёт его вниз. Иного варианта не дано. Так же и с цивилизацией. Кристина принадлежала своему времени. Она принадлежала той прослойке молодых людей, кто сегодня, в её время, творил планету, словно мял руками пластилин. Всевозможные институты научных комплексов могли контролировать всеобщий климат Земли. Цивилизация научилась управлять погодой по своему усмотрению. С помощью гигантских накопителей энергии, черпая из недр расплавленную магму и разлагая её на атомы, учёные инженеры могли повышать температуру зимой или понижать палящий зной летом, в зависимости, на

какой широте или долготе это требовалось. Северный и Антарктический полюса давно перестали быть географическими точками самых холодных температур. Там цвели сады и были разбросаны прекрасные чудные города, в которых обитали счастливые современники Кристины. В первом случае города парили над ещё кое-где сохранившимися айс-бергами, во втором — жилые массивы были раскиданы по всему, некогда ледовому континенту. Гренландия и Земля Франца-Иосифа превратились в настоящие райские насаждения, напоминавшие цветущий Эдем. Архипелаг Новая Земля был подвергнут полному заселению всех арктических животных Северного полярного круга, тем самым, присвоив себе статус заповедника планетарного масштаба. Соотечественники и сотрудники Кристины с Романом могли останавливать цунами, контролировать извержения вулканов, умирять ураганы и землетрясения.

Под водой, во впадинах, расщелинах и гигантских разломах тектонических плит, уже второе столетие строились жилые массивы, покрытые энергетическими куполами подобно тому подводному городу, что только что покинула Кристина. Человечество овладело секретом телепортации, могло общаться с животными на равных, понимая их мысли и передавая свои, чем, собственно, и занималась подруга Романа. Он, в свою очередь, помимо генетических прорывов в науке, имел косвенное отношение к подготавливающейся колонизации Титана, Европы и Энцелада. Три космические экспедиции в глобальных масштабах планеты были собраны на Луне, чтобы стартовать оттуда сразу с трёх гигантских космодромов, имея каждая численность от двух до трёх тысяч человек обоего пола. Это были колонисты, которые в ближайшие несколько десятилетий полностью освоят экологические ниши спутников Юпитера и Сатурна. В планах астрофизиков были также намечены Ганимед, Каллисто, Амальтея у Юпитера, и Гиперион, Япет, Феба — у Сатурна.

Некогда международные аэропорты Даллес в Вашингтоне, Монгомери Филд в Сан-Диего, Кай Так в Гонконге, Шипхол в Амстердаме, Гонгар в Тибете, Кансай в Осаке, Пулково в Санкт-Петербурге и другие по всей планете, теперь были соединены в одну планетарную систему обслуживания аэробусов, весьма отдалённо похожих на примитивные самолёты прежних времён. Это были колоссальные аэростаты, доставляющие огромные объёмы грузов по всей планете. Нужда, как таковая, в самолётах отпала сама собой ещё в прошлом веке, после того, как им на смену пришли помповые тоннели, и необходимость перемещаться по воздуху в реактивных лайнерах сошла на нет. Любой пассажир, с багажом или без, мог переместиться в любую точку локации

земного шара за считанные минуты, так что исчезли поезда, машины, автобусы, катера и пассажирские суда. Остались лишь прогулочные яхты, лайнеры, водные площадки, но и они, со временем, претерпели кардинальные изменения.

На орбите, за пределами стратосферы, в вакууме зависали сотни гостиниц, кафе и ресторанов, до которых, при желании, можно было добраться на любом личном аэромобиле, способным выходить из атмосферы и стыковаться в открытом космосе. На каждой жилой орбитальной станции имелись стыковочные блоки с огромными площадками, где могли поместиться десятки и сотни таких аэромобилей, доставляя на орбиту тысячи туристов и отдыхающих со всей Земли.

Что касается подземных городов-колодцев, то это были гигантские по своим размерам архитектурные сооружения, напоминающие пчелиные ульи с тысячами восьмигранных сот, предназначенных для жилья, отдыха и работы. Огромные лифты уносили жителей на глубину десяти километров, почти к первому слою подземной магмы, которую добывали по соседству в колоссальных подземных карьерах. Мощнейшие бурильные агрегаты уникальных конструкций прокладывали тоннели и колодцы, испещрив все литосферные плиты Земли вдоль и поперёк, словно гигантскую пористую губку. Населения таких жилых систем возрастало с каждым днём по принципу домино — в геометрической прогрессии. Поверхность Земли постепенно очищалась от всевозможной архитектуры, оставляя только технические сооружения, ангары, институты, лаборатории, парящие дома, улицы и кварталы. На поверхности остались заповедники, парки, грандиозные массивы насаждений, зоологические зоны и плавающие гигантские платформы со всевозможными базами отдыха. Всё остальное ушло под землю и на дно океанов. В городах-колодцах жили и работали родители Романа, а в подводном жилом комплексе Индийского океана трудились родители Кристины.

Это был «ЗОЛОТОЙ ВЕК» цивилизации! Это была та всепоглощающая ГРАНДИОЗНОСТЬ, до которой дошло человечество начала XXIII века, переступив зыбкий барьер самоуничтожения, о котором так часто писали фантасты прошлых веков. Это был триумф науки, скакнувший гигантским прыжком за пределы Земли.

Так размышляла Кристина, пока не вышла из раздевалки и в числе других сотрудников направилась к вакуумным тоннелям.

Её ждал Роман.

Вакуумный тоннель в считанные мгновения доставил нескольких сотрудников подводной лаборатории на Европейский континент, и уже десять минут спустя Кристина выходила из лифта на парящую в воздухе площадку. Тёплые веяния Индийского океана остались позади, и теперь она окунулась в круговорот повседневной жизни парящего над землёй города. Она уже успела выйти на связь с Романом, активировав модулятор в пломбе зуба, и Роман пообещал встретить её в одном из их любимых кафе, десятками зависавших в воздухе при первых появлениях вечерних сумерек. Воздух был приятным и прохладным. Жара Индийского океана сменилась для Кристины вечерним бризом близкого Балтийского моря, а собственный андроид, сопровождающий её повсюду, уже занимал свободный столик, на котором располагались замысловатые деликатесные блюда. Роман мысленно переслал команду андроиду из числа обслуживающего персонала, чтобы они накрыли столик на двоих, подав к ужину великолепных омаров, мороженое и кофе. Алкогольные напитки ещё имели актуальность в их мире, мире их цивилизации, но они относились, скорее, к чисто формальным проявлениям благодарности, уважения или, как в случае с Романом, предложению руки и сердца. Все крепкие напитки канули давно в вечность, и обитатели нынешней цивилизации сохранили только вкус лёгких ликёров, шампанского и некоторых марочных вин, секреты которых сберегли для таких торжественных случаев. Поэтому, принеся по старинной традиции ведёрко со льдом, андроид-официант вежливо поклонился Кристине, произнеся механическим голосом:

— Шампанское, мадам! Ваш кавалер буде с минуты на минуту. Он просил предупредить, что задержался для приобретения вам подарка.

И удалился, громыхая несмазанными роликами.

Кристина не обиделась. Роман телепатически предупредил её, что заскочит в какую-то антикварную лавку, чудом сохранившуюся внизу на поверхности, затерявшуюся среди бесчисленных блоков, пакгаузов и лабораторий. Она сама как-то намекнула ему однажды, что не прочь была бы видеть у себя на пальце какое-нибудь простенькое колечко, которые ещё были в моде у женщин XXIII-го века, но уже постепенно уходили в небытие. Золото на планете потеряло свою первоначальную ценность с тех пор, как на астероиде Церере были обнаружены колоссальные залежи этого некогда драгоценного металла. Сейчас украшения для женщин изготавливались большей частью из минералов, добытых на Луне и Марсе, вот они-то и имели ценность у привлекательного пола, пользуясь последними веяниями столь зыбкой моды. Однако Кри-

стина, будучи влюблённая во всяческую старину, непременно хотела иметь маленькое колючко именно из этого, уже не модного металла.

Роман как раз подошёл к столику, кивнул андроиду, поцеловал свою подругу и плюхнулся в кресло, тут же принявшее очертания его силуэта.

— Не поверишь, любовь моя! — весело хохотнул он. — Когда ты меня вызвала, я ещё не знал, чем закончился приезд инспекционной комиссии. А сейчас знаю. — Он лукаво улыбнулся, давая Кристине возможность закидать его вопросами, что она, собственно, и сделала:

— Тебе дали отпуск? Тебя повысили? Ты теперь старший научный сотрудник комплекса? Мы отправимся на орбиту или Луну? Не томи, Ромка!

Кавалер галантно развернул салфетку, сосредоточенно взялся за вилку и добросовестно принялся расчленять огромного омара, делая вид, что не расслышал.

— Сейчас напушу на тебя своего робота! — притворилась она в гневе. — Рассказывай, не то отправлюсь назад в вольер к Димке.

Андроид-официант, словно на церемонии в каком-нибудь дворце подкатил к ним столик, на котором едва ли не египетской пирамидой возвышался внушительных размеров торт, весь усыпанный шоколадной стружкой, обрамлённый цветами и экзотическими фруктами. Тут же было подано шампанское, а из угла кафе выступили фигуры самых настоящих музыкантов, держащих в руках скрипки, контрабас и гитару. Полилась старая знакомая песня испанских кабальеро, Роман стремительно откинул вилку, присел на колени и протянул опешившей Кристине очаровательный футляр, раскрыв его и беря её руку в свою. За соседними столиками послышались поздравления и буря аплодисментов, от которых у девушки на глаза выступили слёзы счастья.

— Ты будешь моей женой? — торжественно спросил Роман, совсем как в те времена, когда его деды и прадеды предлагали руку и сердце своим возлюбленным. — Готова ли ты делить со мной радости и горести, идти на край света и... — тут он сконфуженно осёкся, начисто забыв слова церемонии, которые они вместе с Джеком заучивали последние несколько дней. Молодые пары, сидевшие за соседними столиками, принялись его подбадривать, а Кристина, приняв шкатулочку, бросилась к нему на шею, покрывая смущённого кавалера горячими поцелуями.

— Прости, ангел мой, — бормотал он, мысленно чертыхаясь про себя. — Вылетело всё вчистую. От волнения забыл весь текст, который полагается в таких случаях.

— Ничего! — восклицала счастливая девушка. — Наконец-то ты решился, милый! Я так ждала этого дня!

Когда восторги и радость помолвки немного поостыли, Кристина надела на палец колечко, а Роман торжественно заявил, поднимая бокал с шампанским:

— Теперь могу ответить на твои вопросы. Меня повысили, мы едем в отпуск, и ты срочно переезжаешь ко мне. — Он хитро прищурился. — А то Джек не находит себе места. Никак не может разобраться с нашей совместной спальней, куда ставить твой ангар для аэромобилia, и самое главное, хочет разузнать у тебя, как у новой хозяйки, каким образом мы, люди, любим друг друга.

Кристина весело рассмеялась.

— Этот любознательный кусок пластика с металлом, понимаешь ли, — смеялся вместе с ней Роман, — вбил себе в свой радиодетальный мозг, что он является штучным интеллектом, и намерен сделать такое же предложение руки и сердца соседскому андроиду женского пола. Желает выведать у тебя, как мы, иными словами, всё человечество, размножаемся. Ни больше ни меньше, представляешь? Эйнштейн чёртов!

Кристина хохотала, отчего её собственный андроид стал внимательно прислушиваться к разговору, находясь за её спиной.

— Если он будет за нами подглядывать, — вытирая слёзы, едва не всхлипывала Кристина, — то я выставлю его за дверь без всяких прав на дальнейшее существование.

— Я уже предупредил его, — признался Роман. — Сказал, что сдам на металлолом, и глазом не моргну. И знаешь, что он мне ответил своим ржавым голосом? Сказал, что таких как он, на свалку не выбрасывают. Любой сосед оторвёт столь интеллектуального робота, что называется, с руками.

Они ещё долго смеялись, обсуждали планы на будущее, составляли маршрут свадебного путешествия, пока, наконец, не остановились на том, что посетят Луну, присутствуя при отбытии колонизаторов на спутники Юпитера и Сатурна.

Вечер подходил к концу, у Романа намечался отпуск и, закончив ужин, молодая пара, не спеша спустилась на лифте в цветущий парк, где их ждали всевозможные развлечения, аттракционы и прекрасной красоты фонтаны.

Молодая семья XXIII –го века продолжила своё существование на планете Земля, являясь её настоящими полноценными хозяевами.

...Их детям предстоит великое грандиозное будущее.

Глава 2. Цивилизация II-го типа. Звёздная.

Уровень технологического развития, позволяющий создавать гигантские космические мегаструктуры и черпающий ресурсы своей родной звезды, в системе которой существует. Эта цивилизация заселила все ближайшие планеты, может манипулировать астероидами и кометами, корректируя их орбиты. С помощью новейших нанотехнологий способна обратить вспять старение, создавать и печатать новые органы, контролировать и менять любой органический биом той или иной планеты.

Полноценные хозяева Солнечной системы.

Порог переи́дён. Уровень самоуничтожения — низкий.

Начало XXVI-го столетия по земному календарю.

Праправнуки и потомки Романа с Кристиной населяли этот цветущий рай под названием Земля. Технологический прогресс со времён XXIII –го века стремительно вырвался вперёд, оставив позади многие разработки прежних столетий, которые теперь были неактуальны. База данных, хранившаяся в памяти человека уже с момента его рождения, позволяла обитателям этого чудного мира создавать всё новые и новые новаторства в различных сферах науки, инженерии, архитектуры, экономической индустрии и космической программы заселения собственной звёздной системы. Население планеты сократилось до одного миллиарда, того самого миллиарда, которого писатели-фантасты называли «золотым», имея в виду угрозу перенаселения планеты. Остальные одиннадцать миллиардов были рассеяны по всей Солнечной системе, колонизировав все планеты с их собственными спутниками, начиная от Меркурия и заканчивая далёким ледяным Плутоном. И на нём, в общем-то, жили люди, как не парадоксально это считалось с момента его освоения.

Возраст зрелого человека, способного работать и счастливо жить, исчислялся теперь ста пятьюдесятью годами, а неминуемая, но уже побеждаемая старость наступала в возрасте двухсот лет и выше. Здоровье любого обитателя райской Земли считалось его первичным приоритетом. Дожив до трёхсот лет, житель планеты подвергался трансформациям мышечных тканей, органов и полному перевоплощению. Иными словами, он был почти бессмертен. Уникальность методов, разработанных учёными всемирного конгломерата, позволяла менять эпидермис

кожи, внутренних лимф и секретий, обновлять кровь и изменять полностью наружную внешность. В вены стареющего пациента запускались подкожные нанороботы-врачи, разработанные как бактерии, и человек по своему желанию начинал новый цикл своей жизни. Ушли в небытие болезни Паркинсона и Альцгеймера. Медицинская индустрия победила рак, а косметология могла теперь придать внешности любой облик по желанию клиента. Матрица, запускаемая в организм ещё с появления на свет, истребляла всю кишечную палочку. 5-D принтеры синтезировали еду на основе грибных мицелий и океанских водорослей, поэтому необходимость истреблять домашний скот на мясо отпала сама собой.

На Земле теперь не было никаких подземных и подводных городов: их прежнее население переселилось на соседние планеты. Вся поверхность Земли, её моря и океаны, представляли собой сплошные цветущие сады, гигантские клумбы, леса и оазисы эдемского рая. Под толщами океанов раскинулись туристические базы и колоссальные амфитеатры для отдыха. Земля превратилась в самый настоящий курорт, посещаемый колонизаторами во время их отпусков. На планете присутствовали только киборги и персонал обслуживания.

Микробиология была развита настолько, что при каждом рождении на свет производилась вакцинация, вживляя под кожу своеобразные GPS-навигаторы. Чипы, представляющие собой наноматерию, истребили все внутренние и внешние вирусы, предоставив матушке-Земле самой очищаться от ненасытных некогда паразитов. Электропрядение биоволокон способствовало созданию своеобразных «сорочек», в которых человек чувствовал себя более уютно, нежели в прежней одежде, ушедшей в века. Любой обитатель Земли мог менять эту «сорочку» по своему усмотрению, мысленно отдавая команды на трансформацию.

Звери, насекомые и птицы стали постоянными спутниками человека. С помощью телепатии люди научились понимать их язык, ещё с тех времён, когда над этим вопросом работала Кристина. Бионика, как наука, стала настолько обыденным делом, что человечество уже перестало её замечать, с каждым днём и часом открывая что-то новое и грандиозное для себя по своим масштабам. Кривизна пространства позволила цивилизации XXVI-го века стать полноценными хозяевами Солнечной системы, черпая ресурсы и энергию от своей материнской звезды.

Ионно-циклотронные импульсы плазменных ракет способны были доставить тысячи пассажиров одновременно по любому адресу меж-

звёздного пространства, вплоть до ближайших звёздных систем. Расстояния в триста тысяч километров преодолевались за какой-то час, а к облаку Оорта, границе Солнечной системы, можно было долететь за двое суток, при этом нисколько не чувствуя каких-либо неудобств.

Именно такое расстояние отделяло шар Солнца от мегаконструкции, обрамляющей её словно гигантским колоссальным коконом.

Дрейк увидел в небе развернувшееся перед ним грандиозное зрелище, снял гипершлем, телепатически послал Диандре воздушный поцелуй и указал рукой на сферу Дайсона, внутри которой он работал, вернувшись к девушке на кратковременный отдых. Мегаконструкция заполняла едва ли не четверть неба, перекрывая собой земное светило по всему его периметру. Бесчисленные киборги сновали туда и сюда, едва не путаясь под ногами, а один даже чуть впопыхах не налетел на Дрейка, принимаясь извиняться и раскланиваться перед человеком, существом, стоящим выше него по разуму и интеллекту.

Диандра, паря в воздухе с помощью антигравитационного диска, подлетела к Дрейку, и вместе с ним, задрав голову, принялась созерцать ту грандиозную панораму, что предстала перед ними. Сегодня был тот день, когда гигантская мембрана, обволакивающая Землю, приняла прозрачность, и все обитатели планеты, находившиеся в данный момент на её поверхности, могли наблюдать сферу Дайсона, не боясь повредить зрение от слепящих лучей Солнца. Прозрачность мембраны автоматически проявлялась каждые восемь месяцев и, пробыв в таком состоянии ровно неделю, возвращалась в своё первоначальное состояние, когда над всей Землёй раскидывалась геомагнитная гигантская голограмма, иллюстрируя собой любую картину по желанию человека. Каждый желающий мог настроить мысленно ту или иную панораму, появляющуюся на небе по его усмотрению, и менять ей в зависимости от своего настроения. Выбранную по желанию картину купола мог видеть только он, сугубо индивидуально меняя её по своему усмотрению. У одних это были зелёные поля и луга, у других водопады и реки, у третьих острова и пальмы. Каждый видел в небе только то, что посылал импульсом через свой гипершлем. И всё это на протяжении восьми месяцев. Затем наступал недельный перерыв, позволяющий геомагнитной мембране самопроизвольно восстановиться на следующие восемь месяцев, накопив запасы энергии для поддержания защитного экрана планеты. Подобное чудо космической инженерии существовало уже не-

сколько десятилетий, и родители Дрейка с Диандрой как раз были причастны в своё время к её созданию.

— Меня отпустили на неделю, — заявил Дрейк, ласково беря под руку свою возлюбленную.

Диандра, девушка двадцати пяти лет, уже давно находилась рядом с Дрейком, помогая ему в работе и скрашивая вынужденное одиночество, когда он спускался на Землю, покидая сферу Дайсона только по необходимости. Эта глобальная и грандиозная мегаконструкция опоясывала весь колоссальный объём Солнца, и на расстоянии трёхсот тысяч километров от его поверхности имела форму сетчатого пористого шара, способного черпать энергию материнской звезды сразу для всех планет собственной системы, на которых с недавних пор расселилось человечество. На сфере Дайсона жили и работали более двухсот миллионов человек различных областей наук. Там размещались гигантские города и накопители энергии, а Дрейк был одним из тех инженеров-астрофизиков, кто имел к ним доступ в обслуживании. Нынешняя цивилизация подчинила своему разуму и науке все близлежащие звёздные системы, добравшись к области Проксимы Центавра.

Что, собственно, и предсказывал некогда известный в начале ХХI века астроном Мичио Кайку.

— И мы сможем слетать в гости к моим родителям? — спросила Диандра, уже предчувствуя радостное мгновение встречи. Её родители в числе таких же астронавтов находились в системе колец Сатурна, колонизировав все его спутники. На одних жили, на других работали, добывая полезные ископаемые, в которых так нуждалась их цивилизация.

— Сможем, — ласково взглянул на неё Дрейк, поправив гипершлем. — Заодно и моих предков повидаем. Они, как ты знаешь, на Тритоне.

Отец Дрейка был праправнуком одного из детей Романа и Кристины, которые прожили достойную и счастливую жизнь, состарившись вместе. Тогда обитатели Земли умирали в возрасте ста — ста двадцати лет, а уже их потомки доживали до грани в двести — двести пятьдесят лет. Родителям Дрейка и Диандры сейчас было по сто с лишним лет, и они находились в самом расцвете сил.

— Надолго отпустили? — обнимая Дрейка и не отводя взгляд от грандиозной сферы, продолжала спрашивать Диандра. Киборги снова ли туда и сюда, но молодые люди не обращали на них внимания.

— Как раз на эту неделю, пока будет прозрачна мембрана. Инженеры подготовили всё для её, так сказать, подзарядки, — он улыбнулся, — а меня отпустили. Так что, мы с тобой свободны несколько дней.

— И я счастлива! — воскликнула девушка, прижавшись к плечу любимого.

Они уже давно планировали слетать в гости к родителям и посетить вначале кольца Сатурна, а потом Тритон, спутник Нептуна. Назавтра у них была назначена встреча в одном из терминалов лунного космодрома, но Дрейк освободился раньше, встретив Диандру на поверхности Земли. Собственно, это была уже не поверхность. Они сейчас находились на орбитальной платформе, куда их в долю секунды доставил портал телепортации, расположенный, как и миллионы других, в любых уголках планеты, начиная от Северного полюса и заканчивая Антарктидой. Стоило мысленно отдать команду гипершлему, как он тотчас посылал магнитный импульс, и кабина перемещения гиперпространства возникала перед пассажиром ниоткуда, материализовавшись буквально из пустоты. Оставалось только войти в неё, как тут же, спустя секунду, она оказывалась в любой точке назначения, которую мысленно определил для себя пассажир. Телепорты, как их называли обитатели нынешней цивилизации, могли доставлять желающих в любую точку Земли, на орбиту или сферу Дайсона. Далее зона их действия пока не распространялась, но именно над этим вопросом и работали последние годы Диандра с Дрейком. В числе других сотен учёных-инженеров, они разрабатывали новейшие технологии, позволяющие в скором будущем с помощью телепортов вырваться за пределы Солнечной системы. Когда такая цель будет достигнута (а до поставленной задачи оставался лишь шаг), всё человечество сделает гигантский прорыв в космической науке, позволив себе перемещаться даже к центральному ядру галактики — квазару. Этот прорыв был неизбежен.

Они уже собирались в путь, однако их планы нарушили непредвиденные обстоятельства. Маршрут пришлось изменить и, переночевав, Дрейк с Диандрой отправились вначале на спутник Нептуна, а уже оттуда планировали заглянуть в гости к родителям девушки, которые находились сейчас во внутренних кольцах Сатурна.

Спустя несколько часов ионно-циклотронный импульс плазменной ракеты доставил их на место, и молодые люди ступили на спутник Нептуна.

Тритон, как небесное тело, гораздо больше Плутона и по размерам и по массе. Нереида, вторая луна гигантской холодной, но уже обжитой планеты, мерцала где-то вдалеке, в едва достигающем сюда свете крошечной звезды под названием Солнце. Этот некогда ледяной мир, со-

стоящий из замёрзшего метана и азота, теперь был покорён человеком, заселив его сотнями колонистов, которые жили и работали в просторном блоке станций под защитным экраном купола.

Тритон вращается в обратном направлении, и это наводит на мысль, что он не образовался вместе с планетой, а был захвачен её притяжением из пояса Койпера. На расстоянии 354 тысячи километров от собственной планеты, этот огромный шар, превышающий Луну в несколько раз, летел по обратной директрисе, будучи единственным крупным спутником в Солнечной системе с такой необычайной траекторией. Трещины шириной тридцать и длиной в тысячи километров испещряли всю его поверхность, создавая иллюзию «дынной корки», как её позднее окрестят астрономы Земли. Такая особенность рельефа не встречается ни на одном из тел, входящих в систему Солнца. Некогда бывшая температура в минус 235 градусов по Цельсию, теперь не представляла никакой угрозы, поскольку колонизаторы давно уже подчинили себе холодный климат Тритона. Родители Дрейка в числе ещё сотни колонистов разместили в местности «дынной корки» огромные циклопические генераторы, черпающие энергию от сферы Дайсона, тем самым умирив комическую стужу едва ли не до температуры своей собственной Земли в период самых лютых её зим. Иными словами, самая низкая температура сейчас на Тритоне не опускалась до семидесяти градусов, что было вполне приемлемо, если учесть, что под самим энергетическим куполом она достигала двадцати пяти градусов с пометкой «плюс».

Диандра впервые попала на Тритон. Выйдя из телепорта перемещения после прибытия на плазменной ракете, она вцепилась в руку Дрейка, и с восхищением уставилась на колоссальные гейзеры, бившие из глубин поверхности сквозь искусственную тонкую атмосферу прямо в открытый космос. Гигантские тромбы фонтанов из сублимированного углерода, метана и азота вырывались в космическое пространство и, минуя десятикилометровый слой созданной руками человека атмосферы, застывали в вакууме, словно восковые наплывы на сгоревших свечах.

— Потрясающе! — едва вымолвила она, наблюдая столь грандиозную красоту.

Их уже встречали. Неизменные киборги, обходившиеся без кислорода, тут же обступили прибывших, и вся группа туристов из тридцати пассажиров проследовали в терминал местного космодрома.

— Как хорошо, что ты меня взял с собой! — с благодарностью восхищалась девушка, оглядывая суровую панораму спутника. Кругом рас-

полагались станции, ангары, технические блоки и помещения для жилья. Единственная пока улица пролежала под куполом защитного экрана, давая возможность Диандре трепетно разглядеть легендарную базу на Тритоне, о которой ходили настоящие легенды.

Прибывшие пассажиры рассеялись по жилым блокам и техническим помещениям спутниковой базы, а к молодым людям сквозь толпу встречающих протолкнулись родители Дрейка. Пока они с улыбками подходили, Диандра украдкой спросила у Дрейка:

— Сколько они уже на Тритоне?

— Около пяти лет, — ответил он шёпотом. — И это, если учесть, что здесь год равен сорока земным. Итого, выходит, по земным меркам, почти двести лет, — улыбнулся он.

Когда эмоции встречи остались позади, и мама Дрейка взяла Диандру под руку, весело что-то рассказывая, все прибывшие вместе со встречавшими отправились в центральное здание. В нём располагалась столовая, комнаты отдыха, бассейны и даже небольшой спортивный стадион.

— Нас тут несколько сотен семей, — комментировала мама Дрейка, женщина ста двадцати лет, которой можно было дать не больше пятидесяти. Чудо косметологической индустрии XXVI-го века позволяло выглядеть женщине молодой, а постоянные смены кожного покрова не будут старить её ещё несколько десятилетий.

— И дети тут есть? — заинтересованно спросила Диандра, как всякая женщина, прежде всего думающая о потомстве.

— Есть, конечно. Пятьдесят чудных малышей обоего пола, для которых создана своеобразная колония, пока их родители находятся на работе. По вечерам, а вечера у нас слишком длинные и тягучие, — улыбнулась она, — все семьи собираются здесь, в этом комплексе, занимаясь, кто чем. Иные посещают голограммы Земли, купаясь в океанах или загорая на пляжах. Другие, с помощью телепортов отправляются на Нептун, где уже давно раскинута наша цивилизация, и удовольствий с развлечениями там гораздо больше. Ну, ты и сама знаешь, дочка. Уже несколько десятилетий колонизаторы синей планеты, как её у нас называют, создали собственный конгломерат, насчитывающий более миллиона обитателей этого восхитительного мира. Отец Дрейка, — она махнула рукой за спину, где по улице за ними шли мужчины, — только что оттуда. Я сама несколько раз бывала на поверхности, но меня задерживает моя работа, чтобы я там бывала чаще. А Нептун, скажу я тебе, — вновь улыбнулась женщина, — он, несомненно, прекрасен! Не хуже Юпитера, Сатурна или Урана. О Марсе и Венере я умолчу, они

давно стали частью земной цивилизации, а вот из планет гигантов, не считая красавца Сатурна, Нептун по красоте, я полагаю, на втором месте.

— На Сатурне мои родители.

— Я знаю, дочка. Мы с ними поддерживаем связь. Дрейк сказал нам, что вы после нас отправитесь к ним?

— Да. Ему дали недельный отпуск, и мы решили повидать и вас и их.

— Передавайте им привет, они у тебя замечательные люди и учёные высшей классификации! То, что делают они на Сатурне, косвенным образом отражается и у нас на Нептуне. Сколько вы пробудете у нас? Не забывай, что сутки здесь длятся едва ли ни месяц по земному календарю.

— Меня Дрейк уже предупредил, — весело рассмеялась Диандра. — Поэтому мы не будем долго задерживаться. Завтра же (по земным меркам) стартанём на Сатурн. Дрейк прихватил с собой кучу подарков и сувениров с Земли, так что вы останетесь довольны. А я везу подарки своим.

Они провели вечер в обществе колонистов, их детей, купаясь в бассейне и отдыхая от рутинной повседневной работы. Простившись утром (опять же по земным меркам), несколько пассажиров, в том числе и Дрейк с Диандрой, покинули гостеприимный Тритон, направившись на плазменной ракете к кольцевой планете.

Там их уже ждали.

Сатурн встретил их не менее тепло, нежели Нептун. Это был гигант из гигантов, уступающий в размерах только красавцу Юпитеру и, собственно, самому Солнцу.

Примерно сто миллионов лет назад крупный ледяной спутник слишком близко приблизился к этой планете. Мощнейшие приливные силы газового гиганта разломали его на триллионы кусков, и в течение следующих десятков миллионов лет гравитация распылила их вокруг себя, создав, таким образом, новую орбиту мельчайших частиц погибшего спутника. Подчиняясь неумолимым законам физики, эти осколки распределились вокруг планеты, образовав первичное кольцо, которое было примерно в тысячу раз массивнее современных.

Прошли десятки миллионов лет, и часть осколков первого кольца была безжалостно поглощена Сатурном. Другие осколки продолжали

бомбардировать поверхности его многочисленных спутников, либо вообще покинули окрестности газового гиганта.

Такова была наиболее обоснованная гипотеза возникновения первого кольца, над которой работали родители Диандры, в числе других учёных, населявших спутники Сатурна.

Кольца не имеют чёткой границы, и ширина видимой их части составляет порядка двухсот пятидесяти тысяч километров, однако за этими пределами расположены тончайшие слои пыли и разряженного газа. Диаметр этих структур, по данным учёных, достигает шестнадцати миллионов километров и, несмотря на столь внушительные размеры, общая масса колец весьма мала по космическим меркам. Примерно в две тысячи раз меньше массы Луны, эти кольца разделены тонкими щелями, возникшими из-за гравитационного воздействия, как самой планеты, так и её многочисленных спутников. Некоторые из них достигают в ширину нескольких сотен километров. В этих щелях вращается только пыль и газовые образования, не неся в себе никакой опасности для орбитальных станций, расположенных внутри.

На одной из таких станций, находящейся внутри пустого кольца, и работали родители Диандры. Станция имела четыре жилых блока на триста человек обслуживания, а её стыковочные пристройки соседствовали с техническими камерами и помещениями, предназначенными для инженерных работ. Этих станций над планетой были десятки, если не сотни — крупных и меньших по объёму, с численностью сотрудников от двухсот до двух тысяч человек. Самая крупная из них висела над планетой в пустой расщелине внутреннего кольца под латинским наименованием «D». В кольцах «C» и «B» в вакууме вращались гораздо меньшего объёма станции, в систему которых и входили научные сотрудники во главе с родителями Диандры. А уже во внешнем, самом далёком кольце, по орбите вращались станции-роботы, не имеющие внутри никаких обитателей. Иными словами, чем ближе к газовому гиганту, тем больше было людей.

Дрейк с Диандрой попали как раз в кольцо «B».

Встреча с родителями была тёплой и душевной. Диандра привезла с собой кучу сувениров с Земли, а Дрейк захватил несколько образцов новой протоплазмы, разработанной его коллегами в вакуумном пространстве сферы Дайсона. Эти образцы нужны были родителям девушки, чтобы закончить исследования на кольцевой планете и вернуться на Землю.

Когда вечером все прибывшие расположились в каюте отдыха станции, Дрейк поинтересовался:

— Сколько всего колонистов на Сатурне?

— Около пятисот миллионов, — ответил отец Диандры. — И число переселенцев с Земли и других планет продолжает расти с каждым земным годом. Прибавь ещё около ста миллионов на Титане и пятьдесят миллионов на всех остальных спутниках, включая Диону, Энцелад и Гиперион с крошечным Япетом.

— На Юпитере их больше.

— Ну, так и Юпитер крупнее, сам знаешь. На гиганте, насколько мне известно, количество переселенцев и сотрудников достигло миллиарда. Плюс Ио, Европа, Ганимед, Каллисто, Амальтея и другие — ещё двести миллионов, считая поверхности и сотни тысяч станций, таких как наша.

Дрейк знал эту статистику. Население Земли расселилось по всем планетам и спутникам Солнечной системы ещё со времён его прадедов. Самыми заселёнными были Венера и Марс, особенно, разумеется, последний. Он подвергся колонизации ещё со времён его далёких предков, тех самых Романа с Кристиной. Сейчас на Меркурии жили и трудились тридцать миллионов сотрудников, Венера имела население шестисот миллионов человек, Уран полмиллиарда, а Марс был плотно заселён даже больше Земли. Если на материнской планете, колыбели цивилизации, сейчас существовали и работали миллиард человек, то на Марсе их было три миллиарда — почти такое количество, которое населяло Землю в начале XX века. Последним был Плутон, но и там трудились несколько десятков тысяч астронавтов. Марсу угрожало перенаселение, как в случае с Землёй, когда в середине XXI века её обитатели перешагнули порог в девять миллиардов. Поэтому человечество и рассеивалось срочно по всей Солнечной системе, устремив свои взгляды к более дальним горизонтам космоса. Эта протоплазма, что захватил с собой Дрейк, должна была дать новый толчок в освоении новой, ещё неведомой энергии, способной заменить ионно-циклотронные импульсы плазменных ракет, достигая в будущем центра галактики квазара за считанные часы. Этим и занимались на сфере Дайсона. Косвенно к этой космической программе были причастны и родители Диандры, добывая необходимые минералы из спутников Сатурна и его колец.

— Как там на астероидах? — спросила мама Диандру? Знаю, что Дрейк постоянно пропадает в окрестностях сферы, но ты-то летаешь к астероидам?

— Ой, мама! — воскликнула дочь. — Ты не представляешь, какая там восхитительная красота! Даже киборги со своими вживлёнными имплантами восхищаются грандиозной картиной пояса. Это непереда-

ваемо! Я была на Церере, когда там добывали золото, посещала Палладу, Психею, Весту и Сильвию. На всех есть станции и работают люди, но по большей части в основном киборги. На Церере есть даже небольшая гостиница для туристов, поскольку её диаметр достигает почти тысячу километров. Недаром её называют карликовой планетой.

Они ещё долго делились новостями друг с другом. Киборги угостили Диандру с Дрейком великолепным ужином, а мужчины даже успели перед сном сыграть партию в шахматы. Эта чудесная игра не была забыта потомками Романа с Кристиной. Подобно другим старинным играм, новое поколение Солнечной системы воздавало должное прежним традициям.

Переночевав на станции и покинув её утром по земному времени, Диандра с Дрейком направились к Сатурну.

Наноматерия гиперпространства, уникальность которого состояла в том, что можно было в мгновение ока телепортироваться в пределах кольцевого гиганта, тотчас доставила их на поверхность, где в газовых облаках метана парили гигантские платформы со всевозможными постройками и помещениями техобслуживания.

Сатурн, на удивление, встретил их жесточайшей бурей, развернувшейся едва ли не на четверть планеты. Мощнейшие магнитные ураганы, сопровождающиеся сполохами гигантских молний, бушевали в северном полушарии газового гиганта, но это продолжалось недолго. Обитатели планеты давно научились укрощать подобные возмущения природы, применяя колоссальные генераторы энергии, которые наконец гасили вихри магнитных аномалий.

Дрейк наблюдал за утихающими сполохами из громадного здания, расположенного на одной из площадок, которые тысячами парили над поверхностью. Каждая платформа имела статус полноценного города вполне земного типа, с той лишь разницей, что они парили над планетой целыми скоплениями, накрытые прозрачными сферами энергетических куполов. Это был верх инженерного чуда! Подобные платформы находились и на Уране и на Юпитере и на том же Нептуне.

— Быстро они усмирили этот мощнейший ураган! — с восхищением прокомментировала Диандра, прижавшись к плечу Дрейка, наблюдая, как и он за последними сполохами гигантских молний. Огромное окно во всю ширину висящей над поверхностью платформы, давало им возможность созерцать всю ту грандиозность, что разворачивалась под ними по мере приближения к поверхности. Квантовые тоннели, проло-

женные сквозь гигантские газовые облака, позволяли обитателям перемещаться в любую точку географических координат планеты. Любой инженер, учёный или астронавт по своему желанию мог оказаться где угодно, стоило только войти в этот тоннель, отдать мысленную команду на перемещение и занять место в капсуле портала.

— Мы не будем здесь долго задерживаться, — предупредил её Дрейк, увлекая за собой к площадке местного космодрома. — Уже два земных дня потеряли из моего недельного отпуска. Родителей повидали, сувениры привезли, Тритон с Сатурном посмотрели, и ладно. Пора возвращаться на матушку-Землю. Заскочим по пути на Марс, заглянем в пояс астероидов — и домой. Согласна?

— С тобой хоть на край вселенной! — улыбаясь, пошутила девушка.

Над их головами в призрачном метановом небе были видны внутренние ряды циклопических колец, как их называли учёные. И при всём при этом, вдалеке различались сразу несколько ближайших спутников различной величины. Первым, самым близким был Янус, следом в сполохах азота висел Эпиметей, расстояние до которого было всего пятьсот километров от верхних газовых облаков. В правом секторе, из-за первого кольца проглядывались Мимас и красавец Энцелад. Зрелище перед Диандрой было настолько завораживающим, что она невольно выдохнула, запрокинув голову к величественной красоте. Тефия, Диона и Рея были не видны, но и тех лун, висевших сразу скопом в небе, было достаточно, чтобы привести девушку в трепетное восхищение.

На космодроме уже была готова к отлёту плазменная ракета с ионно-циклотронным импульсом, способная доставить пассажиров к Марсу за считанные минуты. Расположившись в удобных креслах капсул перемещения, Дрейк с Диандрой надели гипершлемы и погрузились в расслабляющий транс. Сто с лишним пассажиров, отправляющихся вместе с ними на Марс, проделали подобную процедуру, сразу провалившись в небытие.

Ракета стремительно вошла в точку сингулярности, бликнула в вакууме едва заметной точкой, и исчезла в космическом пространстве. Фотонные ускорители придали ей математический вектор направления, и уже спустя несколько минут, капсулы перемещения оказались в пределах видимости Марса.

Красная планета раскрыла им свои объятия.

Марс был великолепен!

Он давно уже перестал считаться пустынной планетой. В эпоху цивилизации Дрейка и Диандры Марс превратился в настоящий конгломерат обитателей ближайших миров, имея собственную столицу, два обитаемых спутника, и тысячи станций, парящих в верхних слоях искусственной атмосферы. На нём цвели сады, плескались искусственные моря и текли растопленные в снеговых шапках реки. Более сотни городов, в иных из которых обитали по несколько миллионов жителей, раскинулись по всей планете, создав, таким образом, общую сеть, способную существовать независимо от материнской планеты, нашей матушки-Земли. Сфера Дайсона, поставляющая в окрестности Марса колоссальные запасы космической энергии, позволяла красной планете лететь по собственной орбите и нести в себе все признаки могучей цивилизации, покорившей её со времён Романа с Кристиной. Это была уже не планета. Это был огромный технологический узел связи со всеми телами Солнечной системы, испещрённый бесчисленными каналами, глубоководными платформами и подземными комплексами. Словно в пористой губке, под его поверхностью были проложены тоннели и колодцы, позволяющие перемещаться в любую точку планеты. Вакуумные ускорители с порталами перемещений могли доставить обитателей, куда душе угодно: хоть на орбиту, хоть на дно моря, хоть в подземный оазис, которых под поверхностью было не счесть. Четыре основные материальные сущности — пространство, время, материя и энергия — давно перестали быть для человечества тайной. Природа всей Солнечной системы и находящихся в ней космических тел была покорена великим разумом нынешней цивилизации.

Столица Марса представляла собой циклопических размеров гигантский амфитеатр, раскинувшийся у подножия Олимпа, крупнейшей горы Солнечной системы. Под амфитеатром были проложены подземные колодцы городов-сателлитов, а на самой поверхности, вокруг мегаполиса были раскинуты заповедники с удивительным животным биомом, генетически созданным разумом человека. Вместе с выведенными селекцией живыми организмами Марса здесь обитали животные Земли, нисколько не чувствуя какой-либо дискомфорт. Парки и оазисы были заполнены бродящими на лугах антилопами, грызунами, насекомыми и хищниками. Моря кишели разнообразными видами рыб и млекопитающих, занесённых сюда с родной планеты. Это был настоящий рай, не уступающий по красоте земному. В искусственно созданном небе носились стаи птиц, совершенно не подвергаясь уменьшенной гравитации

относительно земного притяжения. Бесчисленное количество гостиниц с комплексами отдыхов позволяло туристам и путешественникам оставаться в них сколько душе угодно, а сотрудники различных отраслей наук могли навещать Марс едва ли не ежедневно.

Оставив Диандру развлекаться в бассейне, Дрейк отлучился на несколько часов в один из научных комплексов, захватив с собой образцы разработанной им протоплазмы, позволяющей сделать настоящий гигантский скачок в области освоения центрального ядра галактики. Сама же девушка, в обществе таких же молодых пассажирок, прибывших на Марс в отпуск, занималась тем, что просто бездельничала. Вездесущие киборги исполняли все их желания, и когда Дрейк по земному вечернему времени вернулся в гостиницу, Диандра ожидала его с великолепно приготовленным ужином.

— Утром двинемся к астероидам, — поставил её в известность Дрейк. — Мне вручили несколько опытных образцов размножения споровых мицелий, так что будем заселять безжизненные камни, начав с простых лишайников, а в будущем уже и деревьями с растениями.

— Я как раз этим и занималась у себя в лаборатории на Земле.

— Знаю, любовь моя. Потому ты и нужна там. Вначале посетим Весту, потом Сильвию, а закончим Церерой. После золотиносных карьеров, изрывших всю карликовую планету вдоль и поперёк, нам потребуется определённое время, чтобы привести её в порядок. Скоро она зацветёт всеми цветами радуги! — улыбнулся он. — Специально выведенные сорта орхидей покроют поверхность Цереры восхитительным ковром, и она станет лакомым кусочком для туристов. Наша задача, доставить туда вакуумные упаковки с семенами растений, а дальше уже дело за микробиологами и ботаниками.

Переночевав, они утром были в поясе астероидов, передав учёным на Церере образцы будущих соцветий.

Эта карликовая планета из пояса астероидов была заселена в первую очередь, ещё со времён детей Романа и Кристины. По одной из гипотез, когда-то, в доисторические времена, миллионы камней и глыб, составляющих астероидный пояс, были полноценной пятой планетой в Солнечной системе, если учесть, что астрономы глубокой древности ещё не имели понятия о Юпитере, Сатурне, Уране и Нептуне. Называлась эта планета Фаэтоном, и была описана в своих романах бесчисленными писателями-фантастами своего времени, первым из которых был, несомненно, Александр Казанцев, автор произведения «Фаэты».

Диандра продолжала традицию своих родителей, хранить старинные книги в собственной домашней библиотеке, и этот советский писатель стоял у неё на полочке, занимая почётное заслуженное место. Но эта гипотеза, со временем оказалась несостоятельной, поскольку суммарная масса всех объектов в поясе астероидов не превышает даже четырёх процентов от массы Луны, не говоря уже о какой-либо планете.

Сейчас, попав на Цереру, которая была немногим больше площади Аргентины, она мысленно возвратилась к страницам книги, невольно сопоставляя свои ощущения с тем, что ей пришлось увидеть. Со времени её последнего посещения Весты, Сильвии и Цереры прошло несколько земных лет, и то, что она сейчас созерцала, привело её в благовеющий трепет.

Церера, открытая астрономами в 1801 году, не казалась уже такой заброшенной, когда её покинули последние изыскатели, испещрив карликовую планету вдоль и поперёк своими золотодобывающими агрегатами, когда повсеместно велись раскопки золотоносной руды. Церера была напичкана этим редкоземельным металлом, что называется, под самую завязку.

Кроме неё, в зодиакальной пыли астероидного пояса в вакуумном пространстве неслись по орбите ещё несколько крупных космических тел, имеющих собственные названия, в отличие от почти миллиона своих небесных братьев. Тем просто были даны числовые нумерации в астрономических каталогах, а вот такие как Аполлон, Адонис, Паллада, Интерамния и Веста с Сильвией имели собственное место в Солнечной системе.

— Как же изменилась Церера со времён моего последнего посещения! — выдохнула Диандра, снимая с головы гипершлем. — Помню, как здесь по пустынной поверхности ветры носили кучи мусора, оставленного прежними артелями старателей. Кругом рвы, котлованы, воронки взрывов, бесчисленные карьеры и всепоглощающая унылость. А теперь... — она в изумлении раскинула руки.

— Подожди! — подзадорил её Дрейк. — Ещё успеешь насладиться красотой этого сказочного чуда, когда здесь зацветут сады прекрасных орхидей. Вся Церера будет покрыта цветущим ковром, который раскинется под защитным куполом оранжерейных теплиц. Ты знала, к примеру, что за всю историю существования Земли как планеты, человечеством было добыто всего сто шестнадцать тысяч тонн золота?

— Так мало?

— Ну-у... — протянул он, — судя по добычам здесь, на Церере, это действительно кажется мизерным количеством. Однако и этот кусочек мира теперь опустошён. Выкачали всё, что можно.

Он увлёл её за собой в подземный бункер, где располагались жилые и научные комплексы для работников этой восхитительной в своём роде карликовой планеты.

— Я уже отдал местным специалистам споры мицелий, так что скоро здесь высадят лишайники, затем грибы, а там уже и до деревьев с цветами недалеко.

— Да, — задумчиво поддержала его Диандра. — Не научились мы ещё ценить природную красоту, пусть даже и космическую. На Палладе добывают алмазы, на Весте иридий и плутон, на Сильвии залежи урана-235... И везде оставляют опустошение, граничащее с неизбежной унылостью. Нашему поколению необходимо пересмотреть все свои приоритеты, и если мы наметили себе завоевать центр галактики с его ядром, то нашим детям и внукам предстоит ещё, ох как потрудиться!

— Ничего, ангел мой! — обнадёжил девушку Дрейк, привлекая к груди. — Наше поколение как раз к этому и стремится. Мы исправляем ошибки своих предков. Неужели, та Земля, что сейчас существует, стала хуже той, что существовала прежде, скажем, в двадцать первом веке? Посуди сама. У нас исчезли заводы, промышленные комбинаты, подземные города, трубы, выбросы в атмосферу. Мы очистили планету, что называется, до нуля, начисто освободив её от негативных последствий прежних цивилизаций. Подобное, любовь моя, произойдёт и с поясом астероидов. Закончатся карьерные разработки на Весте, Палладе, Сильвии, как мы тотчас примемся за их восстановление, превратив эти безжизненные глыбы камней в настоящий цветущий рай. Наши правнуки, отправившись к ядру галактики — квазару, буду пролетать астероидный пояс, минуя оазисы колоссальных древесных насаждений. Вот увидишь, ещё при нашей с тобой молодости, Церера, Веста и Паллада зацветут всеми цветами радуги! Помнишь, как прежняя цивилизация наших дедов и прадедов боролась с осцилляцией?

— А что это такое?

— Колебания земной коры. Наши предки победили землетрясения, извержения вулканов, цунами. Такое произойдёт и здесь. Уже настало время вернуть астероидам их природный облик, облагородив их садами, парками и зелёными насаждениями.

Он обнял девушку и, покинув подземелье, они направились к стартовой платформе, где их ждал плазменный шаттл «Солнечная каравелла» с ионно-циклотронным импульсом. Два десятка пассажиров распо-

ложились уже в капсулах перемещения и, заняв свои места, оба влюблённых погрузились в виртуальную нирвану.

Следующий пункт назначения — родная матушка-Земля.

Их ждал родной дом.

Они возвращались назад, в колыбель своей цивилизации.

...И теперь, на арену бесконечного космического гиперпространства выходит цивилизация следующей степени градации.

Итак...

Встречайте!

Глава 3: Цивилизация III-го типа. Галактическая.

Этот далёкий и незнакомый нам конгломерат может использовать энергию всей галактики Млечный путь, имея возможность перемещать планеты из одной системы в другую, как своеобразные «строительные блоки». Имеет контроль над Великим фильтром, обладает телепортацией в условиях всей галактики, создаёт новые формы жизни в глобальных масштабах. Заимствует энергию взрывов сверхновых, управляет галактическими туманностями и скоплениями звёзд, отдаляя или приближая их друг к другу.

Абсолютные властелины галактики. Форма трансформации тела продолжает быть неизменной. Уровень самоуничтожения практически нулевой.

Начало I-го века по общему галактическому календарю.

Эта цивилизация уже давно не одна во Вселенной. Она покорила все близлежащие звёздные системы и, по существу, добралась до центра галактики, его космического ядра — квазара. По всеобщему галактическому календарю, сменившему прежний планетарный, цивилизация 3-го типа по шкале Кардашева, в I веке своего галактического существования приблизилась к тому сроку, который назначила себе для завоевания всего обозримого вакуумного пространства. Сфера Дайсона, оставшаяся в пределах материнской звезды, за эти несколько веков, минувших после Дрейка с Диандрой, постоянно перестраивалась, реконструировалась и добавлялась новыми мегаконструкциями. Этот колоссальный и гигантский комплекс был теперь испещрён садами, аквапарками и мегаполисами, общее население которых перевалило за четыре миллиарда. Именно такое количество жителей и сотрудников

различных областей наук заселяли сейчас сферу Дайсона, среди которых обитали и потомки Диандры с Дрейком.

По цефеидам устанавливали расстояния до галактик, и уже первые межгалактические экспедиции направлялись к соседним скоплениям звёзд, добравшись даже до весьма отдалённой эллиптической галактики M104 «Сомбреро», расположенной в созвездии Девы. Экзопланеты земного типа, находящиеся в «зоне Златовласки», были давно заселены ещё со времён первой колонизации планет Glise1132 и Glise 1214. Следом колонизации подверглись едва ли не все близлежащие планеты соседних звёздных систем. Правнуки Дрейка с Диандрой могли уже телепортироваться в пределах Млечного Пути, куда душе угодно, а к соседним галактикам летали гипертронные крейсеры, давно покорив скорость света как физическую величину.

Находясь на одном из таких, колоссальных по размерам крейсеров, бортинженер Лестэр, утопая в обтекаемом кресле командного пульта управления, улыбался своей помощнице, сидевшей напротив. Галактический звездолёт направлялся в точку сингулярности туманности Андромеды, и Лестэр, отвечающий за ночную вахту, мило беседовал с Евой. Девушке было под тридцать, а самому Лестэру перевалило за сорок, однако такой возраст для обитателей нынешней цивилизации считался лишь началом молодости, давно перешагнув барьер старения и смерти. Умирали только те, кто сам того желали по каким-либо причинам. Давно канули в Лету болезни, заражения и поварьные эпидемии. Цивилизация 3-го типа, именуемая «галактической», расселилась по всему Млечному Пути, где позволяли условия выживания, подвергнув колонизации более двухсот тысяч планет. На двадцати из них находились виртуальные гиперкладбища, полностью предназначенные для сонма некогда усопших обитателей. На них не жили. На них хоронили. Остальные обитатели галактики могли продлевать себе жизнь по своему усмотрению, полностью подвергая организм своеобразной генетической реконструкции, заменяя и печатая внутренние органы.

— Ты помнишь, сколько было видов животных на Земле во времена наших предков? — спросил Лестэр Еву, которая через соломинку потягивала нектарный напиток из замысловатого сосуда. Она только что приняла вахту, зайдя к своему будущему супругу, с которым у них были сердечные тёплые отношения.

— Когда мои глубокие-глубокие прапрадеды Дрейк с Диандрой населяли Землю, на ней существовало сорок тысяч видов позвоночных, сто тридцать тысяч видов грибов, столько же видов моллюсков, пол-

миллиона видов растений, а насекомых насчитывалось аж до двух миллионов!

— Ты к чему это? — улыбнулась в ответ Ева, зная увлечение Лестэра, любую беседу превращать в научную лекцию. В пульте управления кроме них находились ещё несколько членов экипажа, занятые каждый своим делом. Крейсер нёс в себе двадцать миллионов капсул с замороженными в анабиозе образцами всего животного и растительного биома Земли для расселения на ещё не обжитых планетах Млечного Пути. Кроме экипажа в четыреста человек, на палубах галактического звездолёта располагались обширные каюты учёных, среди которых были генетики, микробиологи, ботаники, анатомы и зоологи. Число пассажиров в этом рейсе перевалило за отметку двух тысяч, поскольку предстоял маршрут сразу на несколько планет, включая все ближайшие звёздные системы, после которых крейсер направится к отдалённым звёздам. Там уже ждали образцы бактерий, клетки живых организмов и семена всевозможных растений, населяющих Землю в момент её расцвета.

— Я к тому, что наша цивилизация сейчас достигла такого технологического уровня, что для животных, генетически выведенных на различных планетах, мы стали неким подобием творцов. Иными словами, богами. Это уже не селекция, скрещивание или выведение новых пород рыбок и домашних собачек. Это создание абсолютно новых форм различного биома, доселе не существовавшего в природе. Уясняешь суть?

Ева снисходительно поморщилась. Беседа обещала быть долгой. Впрочем, она была готова слушать своего возлюбленного хоть часами, поскольку полностью принадлежала ему душой и телом, да и вахта только начиналась, а значит, свободного времени у них будет достаточно.

— Ну и что? — спросила она, давая своему другу возможность показать собственную эрудицию.

— А то, любовь моя, что наши предки даже мечтать не могли, что их дальние потомки смогут заселять планеты новыми организмами. Заметь, не земными животными, которые давно уже расселены по всей солнечной системе, а именно новыми. Созданные искусственно, и выведенные собственным человеческим разумом!

— Ну отчего же? — откликнулась она. — Писатели-фантасты двадцатых веков как раз и предполагали в своих произведениях, что в далёком будущем человечество сможет заселить едва ли не все подходящие планеты в нашем Млечном Пути.

— Заселить! — подчеркнул он. — Фигурально выражаясь, переселить с Земли уже существующие роды, классы и виды. Птиц, рыб, млекопитающих, насекомых. Но, что-то я не встречал ни у одного фантаста, чтобы человечество могло создавать совершенно новые, я повторяюсь — новые! виды животного биома, сообразно тому климатическому состоянию планеты, на которой они вскоре будут расселены. Теперь улавливаешь суть? Мы везём в трюмах нашего крейсера бактерии, клетки и семена культур абсолютно новой формы жизни. Генетики, нанотехнологи и микробиологи нашей Земли последние несколько десятилетий тем и занимались, что выводили новейшую жизненно пригодную породу всевозможных биомов. Одним словом, имей сейчас разум кто-либо из, скажем, новых сороконожек, выведенных нами искусственным путём, они посчитали бы нас богами. Ни больше, ни меньше. Только боги, в человеческом понимании древних верований могли создавать новую жизнь. Недаром их называли ТВОРЦАМИ!

— Тебя послушать, милый, так можно заново удариться в религию, — пошутила она. — Предрассудки старинных верований в некую сущность, именуемую Богом, давно ушли в прошлое. Или ты не того мнения?

— Ну почему же. Всем известно, что слово «Бог», это давно ушедшее от нас абстрактное понятие. Наши далёкие предки ещё верили в эту непонятную и никем не опознанную сущность, но теперь-то мы не одни во Вселенной, и слово «Бог» потеряло свой смысл.

— Да, — задумчиво согласилась Ева, наблюдая за голограммой экрана, передававшей маршрут звездолёта. — Возможно, обладая улитка разумом, она и посчитала бы нас творцами. Но вот в чём вопрос, — подняла она палец. — Мы давно уже общаемся на равных с дельфинами, приматами, собаками и даже, в какой-то степени, муравьями. Они понимают наши команды, внушаемые им телепатически, а мы понимаем их. В моём древе родственных предков жила некая Кристина, по-моему, в двадцать третьем веке по земному календарю, которая уже тогда заложила программу общения с животными. Так вот, — подчеркнула Ева, — никто из этих видов как раз и не считает нас творцами, как ты выразился.

— Это потому, — парировал Лестэр, — что, как ты сама сказала, мы общаемся с ними на равных. Подчеркну — именно на равных. Они уже понимают, по-своему, разумеется, что человек для них друг, собрат, товарищ, приятель, но никак не творец. А вот для сороконожек или нового вида моллюсков, обладай они хоть крупницей разума, мы в их представлении и будем выглядеть богами.

Они ещё долго беседовали на схожие темы, затрагивая различные аспекты своего совместного существования в галактике, пока, наконец, не вошли в точку сингулярности, в мгновение ока ускорились до скорости света и, бликнув в пространстве, испарились в портале телепортации. Кротовая нора моста Эйнштейна-Розена в долю секунды перенесла межзвёздный крейсер в один из разветвлённых рукавов галактики, материализовала у границ шаровидной туманности и оставила на орбите ближайшей звезды.

Восемь планет этой звёздной системы уже ждали образцы их капсул, которые они доставили с собой.

Дальше путь их лежал к центру галактики — квазару.

Минуя по косвенной траектории чёрную дыру, они едва не затронули её границу антиматерии, благополучно вынырнув из гиперпространства возле гигантского шарового облака. Звёздная туманность Конская Голова осталась справа от крейсера, а сам звездолёт вошёл в зону деятельности квазара. Зрелище, представшее перед ними, было настолько грандиозным, что весь экипаж вместе с пассажирами высыпали на внутреннюю палубу корабля, задрав головы к огромному экрану, передававшему телеметрическое изображение центра галактики. Многие из экипажа, в том числе и Лестэр с Евой, уже ни один раз приближались к квазару и видели подобное фешенебельное зрелище, однако и они не переставали каждый раз чувствовать настоящий трепетный восторг от столь могучей колоссальной стихии.

Ядро Млечного Пути сверкало ослепительным огнём всеми цветами радуги, отчего всем зрителям на палубе пришлось надеть специальные линзовые шлемы. Температура за бортом звездолёта превышало несколько сот тысяч градусов, словно он вплотную приблизился к Солнцу, с той лишь разницей, что на поверхности нашей звезды она не превышала и десяти тысяч. Здесь же, в самом центре ядра, при миллионном скоплении всевозможных звёздных систем, не мог существовать ни один из миров, поскольку жизнь, как таковая, здесь была невозможна из-за бешеной радиации, излучаемой квазаром на тысячи парсеков вокруг.

Великий фильтр, как его называли учёные Земли, был в этой области недоступен. Только он, эта колоссальная мегаконструкция по масштабам космоса, мог просеивать сквозь себя мощные потоки излучения, а вспышки сверхновых, проходивших через него, оседали на его энергетических генераторах. Отсюда, из этой грандиозной области кро-

мешного, но восхитительного в своём роде ада, гигантскими звёздными кранами изымались различные планеты, пригодные для жизни, перемещая их в пространстве космоса, как строительные блоки для следующих цивилизаций. Колоссальными по своим масштабам гравитационными сетями, они захватывались притяжением и попадали в зону перемещения, словно косяк рыбы в океанском сейнере. Целые галактические флоты из тысяч и тысяч громадных гравитационных кранов и грузовых барж обеспечения занимались перемещениями, через воронки квантовых тоннелей перебрасывая планеты в зону притяжения новой для них звезды, которые затем заселялись колонистами и теми образцами животного биома, что находились сейчас в капсулах галактического крейсера. Это и была та работа, которой занимались Лестэр с Евой.

— По галактическим меркам, — продолжил свою мысль бортинженер, когда они вернулись в командный пункт, — прилегающая к Солнечной системе область пространства считается малонаселённой и слабонасыщенной, как светилami, так и другими космическими объектами. Тем не менее, в радиусе тридцати тысяч световых лет от Земли уже известны около двухсот тысяч звёздных систем, вокруг которых вращаются планеты подобные нашей. Они имеют собственную, пригодную для жизни атмосферу, либо на них уже побывал человеческий разум, создав новые условия для колонизаций. Многие из них населены примитивными организмами собственных биомов, однако разумными в галактике мы по-прежнему остаёмся одни. Посуди сама, — он воспарил в пространстве и, взяв её за руку, увлёк за собой к гигантской голограмме карты звёздного неба. — Ближайшие к нам звёздные системы Альтаира, Альфы Центавра, Арктура, Фомальгаута, Проциона, Сириуса и звезды Барнарда заселены ещё нашими прадедами, а мы тем временем продолжаем заселять животным биомом уже весьма отдалённые от нас системы. Ещё пару глобальных скачков в космической инженерии, и наша цивилизация сможет вырваться за пределы собственной галактики.

— Я знаю этот бешеный прогресс в астронавтике, — согласилась Ева. — Мой отец как раз работает над новыми идеями, как нам покорить межгалактические пространства, вырвавшись из Млечного Пути навстречу соседним галактикам. Я имею в виду не те экспедиции к системам Сомбреро, Конской Головы или Крабовидной туманности, что несут в себе лишь первичную разведку, а уже полном расселении человечества на уровне нашего кластера Ланиакеи.

— Ты права. Мы уже обнаружили несколько миллионов чёрных дыр в нашей галактике, и если учесть, что их в десятки раз больше, то ги-

потетически мы вышли лишь на малую их часть, а твой отец, насколько мне известно, косвенно занимается и этой проблемой. Верно?

— Да. Он недавно предлагал мне посетить с ним окрестности одной из таких чёрных пустот, но, как ты знаешь, я отказалась, предпочитая находиться с тобой в этой миссии.

Лестэр удовлетворённо кивнул, явно польщённый безграничным доверием Евы. Они как раз миновали ту чёрную дыру, куда приглашал её отец. Оставив позади область антиматерии, крейсер, войдя в режим скорости света, устремился к точке сингулярности, провалился в кротовую нору, и через минуту «вынырнул» вблизи могучего Великого Аттрактора, находящегося далеко за пределами центрального ядра галактики. Это была предельная граница, до которой мог телепортироваться мощный крейсер. Дальше, за её пределами человечество ещё не бывало.

Это была местность, о которой можно было смело сказать: «Самый жуткий объект во Вселенной».

Лестэр как всегда воспользовался случаем, чтобы объяснить своей подруге суть вещей.

— Мы сейчас достигли того порога, за пределы которого наша цивилизация ещё не выходила. Можно сказать, окраина Млечного пути, который, как ты знаешь, имеет условный диаметр в сто тысяч световых лет. Однако Великий Аттрактор расположен на расстоянии в двухстах пятидесяти тысячах световых лет от Земли, и эта гигантская гравитационная аномалия настолько велика, что превышает нашу галактику в несколько тысяч раз, как по объёму, так и по массе. Семьдесят тысяч, если быть точным. При этом на антиматерию приходится восемьдесят восемь процентов всей массы, и наш Млечный путь вместе с ближайшими галактиками мчится к этой огромной аномалии со скоростью шестьсот километров в секунду. И заметь, — поднял он палец, — значительная часть соседних скоплений затягивается в эту жуткую воронку с колоссальной скоростью. Это великий центр притяжения всех окрестностей нашего кластера Ланиакеи. Мы сейчас в области созвездия Многоугольник, каким мы видим его с Земли. В этом созвездии Великий Аттрактор и расположен. Крейсер не будет подлетать слишком близко, поскольку ты сама замечаешь в экран, что кроме пустоты и чёрного зияющего провала здесь ничего нет. Антиматерия не отталкивает света. Она его поглощает, потому и невидима. Чёрная, всепоглощающая пустота. Огромный провал воронки, способный затянуть в своё ненасытное чрево не только звёздные системы, подобные нашему Солнцу, но и сами галактики. Шаровые скопления Волосы Вероники, Туманно-

сти Андромеды и Магелланово облако уже давно затягиваются его колоссальным и жутким гравитационным притяжением. Мы лишь косвенно коснёмся его границ, оставив этот крошечный ад в стороне, направившись к правому рукаву, где нас ожидают с образцами биомы новой выведенной жизни.

Черная пустота за бортом галактического крейсера осталась в стороне, и экипаж приступил к новому витку маршрута, к звёздной системе Бетельгейзе. Этот красный полуправильный, как его окрестили астрономы, сверхгигант кипящей плазмы в созвездии Ориона является одной из самых крупных звёзд в галактике Млечный путь. Он примерно в 500 раз массивнее Солнца, но Бетельгейзе пульсирует, становясь больше или меньше.

— Если бы эта звезда была схожа с гигантским ведром, — пояснил Лестэр, — то в нём смогло бы уместиться около трёхсот миллионов светил, подобных нашему Солнцу. Вот, насколько она огромна! До неё от Земли пятьсот световых лет — ничтожная крупинка для нашего крейсера. И если бы мы стартовали с Земли, скажем, в двадцать первом веке с его примитивными на тот момент ракетами, то нам потребовалось бы не менее восьми с половиной миллионов лет, чтобы добраться сюда.

Ева ахнула от удивления, хотя сама была сведуща в астрономии не хуже своего друга.

— Да-да, — подтвердил Лестэр. Даже со скоростью света мы достигли бы Проксимы Центавра лишь за четыре световых года. Сириуса — за восемь лет.

— Но ведь у нас есть сейчас способы телепортации, способные перенести любое космическое судно на край галактики.

— Именно! — улыбнулся он. — Поэтому мы и здесь. Скоростью света мы пользуемся лишь в пределах каких-нибудь звёздных систем: Арктика, скажем, или того же Сириуса, который, к слову сказать, является двойной звездой. А чтобы достичь края галактики или побывать на таких звёздных гигантах как Бетельгейзе, мы и пользуемся кротовыми норами тоннелей Эйнштейна-Розена. Порталы телепортаций переносят нас в мгновение ока в любой участок Млечного пути. Это и называется могуществом той цивилизации, что покорила межзвёздные пространства внутри собственной галактики. Иными словами, нашей с тобой цивилизации.

Он улыбнулся и, опуская Еву на палубу, отдал команду своим помощникам:

— Приготовиться к высадке на планету. Эта звезда умирает, и уже через несколько десятилетий превратится в сверхновую, взорвавшись при своём коллапсе.

Затем обернулся к Еве, пояснив:

— Мы доставим наши образцы на шестую планету системы, ещё не успевшую поглотиться раздувающимся плазменным шаром. Затем прибудет грузовой флот из нескольких десятков гравитационных кранов и барж, захватит эту планету в свои своеобразные сети, а потом, с помощью гравитационного притяжения, как трал на сейнере, перебросит планету в одну из более жизнеспособных звёздных систем.

— Да, — кивнула Ева. — Отец говорил мне, что наиболее подходящей они выбрали систему Проксимы Центавра. По соседству с уже заселённой нашими колонистами местной планетой.

— И уже, — многозначительно добавил Лестэр, — с нашими образцами животного биома, которые смогут эволюционировать на этой планете, пока она будет адаптироваться в пределах новой для себя материнской звезды. Всё просто, не правда ли?

Оба рассмеялись и покинули командный пульт, сдав смену следующей вахте.

Их ждал отдых, а затем и высадка на саму планету, к которой они прибыли.

Настанет день, когда Лестэр с Евой и вся их цивилизация вырвется за пределы своей родной галактики, отправившись завоёвывать новые скопления, туманности и чёрные дыры, покорив тем самым Великий Атрактор, а позже добравшись и до гипотетического центра — ядру металактики Ланиакея.

И будет эта цивилизация называться *кластерной*.

На этом III типе градации, собственно, и заканчивается пресловутая шкала Кардашева. Дальше только абстрактные представления, позволяющие нам вообразить, какие бы ещё существовали цивилизации, если бы они, скажем, достигли четвёртого, пятого или шестого типа в системной шкале бесконечной Вселенной.

Глава 4: Цивилизация IV-го типа. Кластерная.

Внимание! На арену космоса вступает 4-й уровень градации, не входящий в шкалу Кардашева и дополненный позднее учёными-астро-

номами Земли. Эта гипотетическая цивилизация имеет так же название «метagalактической». Управляет чёрными дырами, может манипулировать антиматерией и существует по неизвестным доселе законам физики. Расположена в одном из рукавов Великого Аттрактора суперкластера Ланиакеи. Форма жизни плазмoидная.

Уровня самоуничтожения нет, поскольку не имеет физической структуры материи. Трансформация тела представителя такой цивилизации только предположительна.

Начало VIII-го века по метagalактическому летоисчислению.

Один из самых отдалённых форпостов последнего рубежа галактики Млечный путь сегодня был пустынен. Огромная масса мегаконструкции, представляющая собой едва ли не целую планету средней величины, вращалась по искусственной орбите вокруг недавно вспыхнувшей сверхновой звезды, которую переместили в этот сектор кластера несколько лет назад. Если считать по некогда земным меркам, то прошло два десятилетия после гравитационного перемещения целой звёздной системы, которую через всё тот же пресловутый тоннель Эйнштейна — Розена перебросили сюда сквозь гиперпространство. Гигантская червоточина из антиматерии посредством всепоглощающего Разума нынешней цивилизации была трансформирована из ядра галактики на её условную границу, переходящую в следующий суперкластер.

Форпост, он же колоссальный комплекс искусственной планеты, обогревался вновь зажжённой звездой, которую из плазмы раскалённых сгустков обитатели кластера Ланиакея собрали, что называется, по частям. Циклопические образования протуберанцев населяли этот сектор метagalактики, и нынешние представители IV — го типа цивилизации могли перемещаться из пространства в пространство, минуя такие же форпосты на всём протяжении границ суперкластера.

Давно канули в века (по земным меркам) межзвёздные крейсеры и прочие средства передвижения в условиях бескрайнего космоса. Ушли в небытие грузовые флоты и соединения гравитационных тралов, перебрасывающих планеты в любую из межзвёздных пустот Млечного пути. Забылись и исчезли прежние технологии громоздких космических сооружений, заполнявших некогда едва ли не все близлежащие секторы галактики рядом с той системой, которую в канувших временах называли Солнечной. Эта система давно превратилась в собственный конгломерат, отдельно стоящий по статусу в Межгалактическом Сообществе

восемьдесят восемь тысяч цивилизаций, населяющих в данный момент этот сектор Ланиакеи.

Земля, планета прародитель всех ныне существующих обитателей метagalактики, по-прежнему вращалась вокруг своей материнской звезды, но теперь она представляла собой, скорее, некий реликтовый музей, давно всеми оставленный и заброшенный. Человечество в количестве ста девяти миллиардов представителей новейшей расы, минув бездну веков и исторических эпох, давно расселилось по всем ближайшим в Ланиакеи галактикам, постоянно создавая и селекционируя всё новые и новые формы биоценозной жизни. Из восьмидесяти восьми тысяч цивилизаций новых типов только одна продолжала нести в себе прежний генетический код ДНК, присвоенный человеку, некогда населявшему Землю. Остальные, отпочковавшиеся от прародительской цивилизации обитатели нынешней Ланиакеи, давно потеряли какую-либо генетическую связь со своими предками, которых сейчас и оставалось-то всего ничего. Собственно, это были уже не люди, в привычном их анатомическом строении организмов. Оставшаяся маленькая горстка настоящих людей (в прежнем их понятии) сейчас находилась на Земле, едва превышая восемь миллионов человек на всю планету. Остальные цивилизации, расселившиеся в галактиках суперкластера Ланеакеи, были, так называемым побочным продуктом селекции, совершенно не имея с человечеством ничего общего, как в генетическом плане, так и в анатомическом. Это были абсолютно иные существа, непохожие друг на друга, имея в своих строениях генетического кода совершенно иные структуры спиралей.

Потомки Лестэра и Евы населяли сейчас материнскую планету, от прежнего вида которой не осталось и следа. Давно ушла в небытие сфера Дайсона, а само Солнце было покорено Межгалактическим Разумом ещё несколько тысячелетий назад по метagalактическому календарю. Теперь оно светило мягким светом, не выдавая в пространство никаких ультрафиолетовых лучей, поскольку давно уже было *искусственным*.

Многие тела некогда прежних представителей человечества перенесли со временем грандиозные метаморфозы, напоминая сейчас некие сгустки мягких тканевых образований, не имея ни скелета, ни мышечных волокон, ни суставных конечностей. С течением времени они трансформировались в совершенно иную форму биологической жизни.

Эти цивилизации была *плазмодными*.

Что касается представителей IV — го конгломерата по шкале Кардашева, оставшихся на матушке-Земле, то они перемещались в пространстве с помощью *волновых* импульсов, совершенно не пользуясь никакими механическими средствами передвижения.

Они *парили* в пространстве.

Просачивались сквозь него.

Растворялись.

Телепортировались.

Не имели возраста.

Были бессмертны.

Расстояния были настоль колоссальными, что не требовалось никаких нейтронных или фотонных ракет, давно канувших в вечность. Собственно, эти обитатели нынешней цивилизации, что находились на Земле, совершенно отдалённо напоминали теперь своих далёких предков — Лестэра и Еву. Они были ещё людьми. По биологическим понятиям принадлежали к последней, давно устаревшей ветви Homo Sapiens, имели ту же структуру ДНК, что и прежнее человечество, однако общего звена эволюции с их некогда родными по биологическому виду предками у них давно не существовало.

Два организма, более похожие на сгусток киселеобразной массы, но имеющих всё ту же форму прямоходящих человеческих существ, находились сейчас на теневой стороне искусственной планеты-форпоста и мысленно, без звуков речи передавали информацию друг другу с помощью давно устаревшей телепатии. Они были единственными из живых существ на весь огромный шар галактического форпоста, если не считать миллионов и миллионов плазменных андроидов, занимающих территориальную нишу данной планеты. Эти устаревшие андроиды, так же не имевшие ни костных конечностей, ни мышечных тканей, снабжали галактический форпост всем необходимым, чтобы «перевалочный пункт» станции мог существовать автономно без каких-либо посторонних вмешательств со стороны обитателей суперкластера.

Форпост Межгалактического Сообщества представлял собой некий «пересадочный модуль» между бросками в гиперпространстве, сквозь которые можно было в мгновение ока переместиться через червоточины времени, скажем, от побочного рукава Великого Аттрактора к центру суперкластера Ланеакеи, или наоборот. Этот форпост служил своеобразной станцией перемещения, выполняя зачастую функции пункта назначения для отдыха.

Сегодня, по метагалактическому календарю, он был пустынен. Последние перемещения к сверхмассивной двойной чёрной дыре NGC 1387 X1 галактики Персей были произведены несколько дней назад, и два существа сейчас просто отдыхали, обмениваясь своими волновыми мыслями. Перемещение целой звёздной системы с её животным и растительным биомом на расстояние двести пятьдесят миллионов световых лет прошло успешно, форпост покинули последние существа, участвовавшие в переброске, и планета-станция, созданная искусственным интеллектом, опустела. Гамма-всплеск излучения вошёл в норму, магнитные и гравитационные поля успокоились, не выказывая более излучаемых возмущений, сверхновая звезда на время уменьшила поток плазменных протуберанцев, и всё стихло.

Два существа (назовём их Крейн и Миранда), совершенно не похожие на прежних людей, но продолжающие нести в себе генетическое строение человеческого ДНК, парили сейчас над поверхностью форпоста, любясь потрясающим закатом искусственного светила, зажжённого их цивилизацией несколько десятилетий назад.

«Ты знаешь, — послал Крейн волновой импульс своей подруге, — что звук чёрной дыры, к которой переместились наши коллеги, на целых пятьдесят семь октав ниже регистра человеческого голоса, если бы мы ещё продолжали слышать ушными раковинами как наши предки».

«Знаю, — внутренне улыбнулась Миранда, обтекая своей волновой конечностью ту часть организма Крейна, что некогда у их предков считалось предплечьем. — Если бы сейчас существовали нотные знаки музыки, то гамма-звук чёрной дыры был бы ниже ноты «до» как раз на те самые пятьдесят семь октав. Не забывай, что моя прародительница ещё слышала музыкальные тембры регистров, обладая внутренним строением человеческого слуха. Мне передались её гены и я, порою, могу слышать удивительные вещи, недоступные нашим с тобой современникам, расселившимся едва ли не по всему рукаву Великого Аттрактора».

Небосвод над форпостом последнего рубежа галактики был пустынен, едва различая в себе несколько отдалённых туманностей, поскольку этот сектор суперкластера имел колоссальные расстояния между галактическими скоплениями различных масштабов. Во Вселенной, как они знали, существуют бесконечные количества шаровых скоплений различных цветовых спектров: от голубых — молодых и недавно (по космическим меркам) сформированных, до красных — удивительно старых и погибающих в своём коллапсе.

«Как пусто и безжизненно... — мысленно протянула Миранда, впитывая своими зрительными органами черноту неба. — Совершенно отличается от нашего звёздного небосвода на Земле. Знала бы, что нам предстоит здесь так скучать, ни за что не согласилась бы остаться. Все коллеги переместились кто куда, некоторые даже за пределы нашего кластера, а нас с тобой оставили нести так называемую вахту, ожидая, когда снова можно будет вернуться на Землю».

«Девяносто шесть процентов всей Вселенной составляет чёрная материя, которую мы уже научились распознавать, — поделился с ней Крейн. — И лишь четыре процента составляют звёзды, галактики, туманности, шаровые скопления, квазары и пульсары. Отсюда и вся эта унылая пустота в безжизненном небе».

Он увлёк женское существо за собой, воспарил над горизонтом, окинул зрительными органами панораму пылающего красным цветом заката и мысленно успокоил:

«Скоро мы покинем это безжизненное место. Нам на смену придут другие стражи форпоста, а мы вернёмся домой. На свою родную планету. На Землю».

...Когда свет искусственной звезды утром осветил горизонт, покрыв своим матовым сиянием всю поверхность форпоста, двух существ, отдалённо похожих на людей, уже не было.

Их ждала матушка-Земля.

Глава 5: Цивилизация V-го типа: Вселенская.

Абстрактная.

Управление суперкластерами и межгалактическими мостами Эйнштейна-Розена. Форма жизни предположительно волновая. Существуют вне пространства и времени.

Боги.

Календарь и время, как физическая величина, отсутствует.

По всему безграничному простору Вселенной, в миллиардах и миллиардах её измерений, вне времени и пространства, внутри пустоты чёрного космоса, носились какие-то призрачные тени, похожие на огромные скопления шаровых субстанций.

Это и были те представители неведомой нам цивилизации, которую мы назовём *Вселенской*.

Автор намеренно оставляет эту главу пустой, без её окончания, чтобы читатель имел возможность собственными предположениями нарисовать в своём внутреннем сознании те видения, которые будут ассоциироваться у него при создании образа цивилизации V-го типа.

Будет ли она волновой или плазмодной?

Будет ли иметь в своей космической структуре такие понятия, как *время, пространство и гравитация*?

Будет ли существовать вне этих физических законов?

...Решать вам.

Эпилог

Есть ещё одна цивилизация. VI-го типа (вне шкалы Кардашева).

Название — ТВОРЦЫ.

Уровень Омега. Мультивселенная.

Дальше только вселенский коллапс, и в геометрической прогрессии возврат к начальной точке сингулярности. Символ бесконечности.

АБСОЛЮТ.

ПОЛЯРНАЯ ВАХТА

(Из цикла «Пропавшие экспедиции»)

Пролог

Где-то на задворках становления Земли как планеты, на границе двух геологических эонов палеозойской эры, в расцвет её существования, в районе нынешнего побережья Северного Ледовитого океана начало происходить что-то неведомое и непонятное, доселе неизвестное нашей планете.

И это станет началом той истории, которая начнёт развиваться в данном повествовании.

Итак...

Глава 1. Котлован раскопок

Граница Восточно-Сибирского и Чукотского моря близ семидесятого градуса Северной широты.

Остров Врангеля.

*Археологические раскопки. Экспедиционная группа Терентьева.
1998-год.
За два дня до событий.*

— Опускай ниже, Коля!

Ковш мощного экскаватора, вгрызаясь в мёрзлую землю, подавал наверх мешанину из тысячелетнего грунта, комья давно перегнившей земли и целые пласты вечной мерзлоты вперемешку со мхом и мёртвым лишайником. Вереница грузовых самосвалов из восьми машин не престанно менялась между собой, ожидая очереди на погрузку. От мёрзший грунт вывозился за пределы карьера, сваливался кузовами в образовавшийся котлован, и самосвалы возвращались за новой партией груза.

Машинист погрузочного крана, бравый и молодой неунывающий сибиряк, пристально наблюдал из кабины за ходом работы, манипулируя рычагами, словно дирижёр симфоническим оркестром. Николай, он же Коля Рыбаков, двадцативосьмилетний рубаха-парень, попал в экспедицию в качестве племянника бригадира, да так и остался на острове Врангеля, совершенно не имея желания возвращаться на Большую землю. Он был холост, одинок, родители погибли при невыясненных обстоятельствах, когда внезапно прорвавшаяся плотина в одном из геологических центров на Байкале затопила все близлежащие домики изыскателей. Давно это было. Ему едва исполнилось тогда восемь лет, и с тех пор он до самого совершеннолетия проживал с сестрой отца, иными словами, с родной тётушкой. Потом был институт геодезии, выходы в различные экспедиции, где он неизменно сопровождал своего дядю, бригадира разведывательных групп геологических изысканий. С Валентином Сергеевичем Терентьевым он и оказался сейчас здесь, на острове Врангеля, в то время как тётушка осталась на Большой земле. Семьи завести не успел, зато там, где-то в Сибири, как он полагал, его дожидалась несравненная красавица, пускай пока и безымянная, но зато верная и добрая в душе.

— Ты там заснул, Коля? — донеслось снизу в кабину погрузочного крана. — Рыбаков! Не отвлекайся. Снова летаешь в облаках?

— Вижу! — отозвался он, направляя стрелу крана строго по центру раскопок.

Шёл двадцатый день пребывания на почти пустынном от людей острове площадью в семь тысяч квадратных километров, куда их группу изыскателей направили из отдела Всемирного Географического Общества (ВГО), предварительно объяснив, что местные обитатели неко-

гда существовавшей полярной метеостанции обнаружили во льдах очередные останки исчезнувших мамонтов. Сюда и была направлена геологическая группа Терентьева, который по совместительству ещё и являлся доктором исторических наук и, в частности антропологом. Если обнаружены останки карликовых шерстистых мамонтов, вымерших десятков тысяч лет назад, то должны были быть следы некогда проживавших здесь охотников.

Сам остров представлял собой заповедник гнездившихся белых гусей, полярных сов, лежбищ моржей и прочего животного биома Чукотского и Берингова морей. Здесь можно было встретить песца, росомуху, горностая, северных одичавших оленей, овцебыка, волков и самое главное — белых медведей. Коля знал из рассказов Терентьева, что данный заповедник является едва ли не самым крупным «родильным домом» для этих величественных хозяев заполярья. Земля острова находилась в ста сорока километрах от материковой части Чукотки, и если полярный день длился несколько месяцев, солнце здесь никогда не садилось за горизонт. Потом наступала долгая зимняя ночь.

Сейчас был именно полярный день, и группа геологов из тридцати человек работали в карьере, отыскивая в вечной мерзлоте природные кладбища реликтовых мамонтов.

Посёлок полярников, насчитывающий сорок человек аэрологов, гидрографов, метеорологов и прочих сотрудников полярной вахты был рад встрече с группой, прибывшей с материка, переправив на остров всю полагающуюся для раскопок технику. Зимой морозы здесь достигали пятидесяти градусов ниже нуля, но сейчас было полярное лето, и температура держалась в пределах десяти со знаком плюс.

— Спускаюсь! — бросил он вниз бригадиру, глуша двигатель.

Колю с водителями грузовиков расселили по вагончикам и баракам, возвышающихся над лишайником на специальных сваях-опорах, чтобы забредавшие сюда нередко медведи не могли дотянуться до входных дверей. Впрочем, как Коля узнал позже, непрошеные гости всё же делали иногда набеги на продукты полярников, отчего приводили в ярость местных лаек.

Таким образом, на двадцатый день полярного лета, группой геологов было доставлено на поверхность более сотни фрагментов различных частей замёрзших тел шерстистых мамонтов, остатки первобытных орудий, гарпунов из слоновой кости, а сами изыскатели уже заканчивали сегодняшнюю смену. Вдалеке маячила самая крупная вершина острова — гора Советская, высотой с километр, куда свозились в котлован все отработанные и просеянные грунты вечной мерзлоты.

— Снова мечтал о своей красавице где-то в Сибири? — хмуро, но с долей шуток поддел начальник своего племянника. — Едва не зацепил стрелой кузов самосвала.

— Я видел, — махнул рукой Коля, отряхивая комбинезон от кусков слипшейся глины, которая лежала повсюду развороченными глыбами карьера. — Не мечтал, а планировал.

Перекидываясь шутками и радуясь закончившемуся рабочему дню, они направились к далёким вагончикам посёлка, попутно увлекая за собой отработавших смену геологов, спешащих поскорее добраться до общей столовой, где их уже поджидал нехитрый ужин.

Уникальный в своём роде заповедник острова Врангеля продолжал жить своей природной жизнью. Где-то резвилась россомаха, шмыгали под ногами испуганные лемминги, взмывали стаи диких гусей, а на самом побережье, среди ещё не растаявших льдин, в бинокль можно было разглядеть мамашу белого медведя со своим выводком из двух забавных медвежат. Всё дышало спокойствием и умиротворённостью, если бы не одно но...

Карьер изыскателей подрагивал зыбким маревом испарений у них за спиной и казался каким-то фантомным миражем в песчаной пустыне. Со стороны архипелага островов Де-Лонга просачивался свежий бриз морских испарений, а далёкие, маячившие на горизонте айсберги дополняли красочный пейзаж арктической природы.

Вот оттуда-то и начало просачиваться что-то опасное, подозрительное и неподвластное человеческому разуму.

Оно пришло незаметно, будто наполнило атмосферу своим непонятным туманом, накрыв дымчатым куполом всю прилегающую территорию подобно смертному савану.

Исходя из этого, следует сделать вполне очевидный вывод.

А именно...

Остров Врангеля стал объектом пристального внимания чьего-то неведомого, непонятного и неизвестного науке РАЗУМА. Того РАЗУМА, который не существовал на планете. Который был несовместим с жизнью полярников, что обитали сейчас на острове и были доставлены группой из далёкого теперь уже материка.

Вот только чей он был, этот РАЗУМ?

Ужиная в общей столовой, где блюда подавали две миловидные женщины, геологи и не подозревали, что начиная с этого момента, их жизнь совершит крутой и стремительный поворот вокруг своей оси, оставив за бортом их прежнее существование.

...А началось это так.

Посёлок из более двадцати вагончиков и утеплённых бараков ещё спал, когда небольшая группа изыскателей во главе с Валентином Сергеевичем отправилась к раскопкам карьера, предварительно захватив с собой всё необходимое снаряжение. Солнце, не садившееся за горизонт уже несколько недель, казалось, провожало их своим тёплым и ласковым взглядом, будто знало такое, что недоступно их человеческому мышлению. Погода стояла чудесной, относительно без ветра и близкого морского бриза. Где-то у берегов скрипели не растаявшие торосы льдин, по которым лениво перекачивались туши величественных моржей. Оглянувшись на посёлок, Коля заметил, что во всех вагончиках спущены шторы, помогающие предохранять сон от воздействия слепящих лучей полярного светила. Терентьев разбудил нужных ему людей ещё спозаранку, предложив желающим прогуляться к тому месту раскопок, где вчера экскаваторным ковшом зацепили целый пласт мерзлоты, открыв вход в природную карстовую пещеру. Вчера разглядывать что-либо внутри времени уже не было, поэтому, договорившись за ужином, они отложили спуск в подземелье до утра. Смена остальных рабочих подтянется позже, а они, вшестером, включая и Колю, намеривались произвести разведку, прежде чем начнутся основные раскопки.

— Что-то не нравится мне это марево, — задумчиво молвил Терентьев, идя впереди всех и всматриваясь в наползший на карьер туман, взявшийся словно ниоткуда.

— Вчера его не было... — озадаченно подтвердил Коля. — Да его *вообще* никогда не было на острове, сколько мы здесь.

— Кого? — спросил один из геологов, бородатый могучий полярник по прозвищу Кряж, настолько он был колоссальным в размерах, словно горный отрог.

— Тумана, — вставил другой полярник, Алексей, сорокалетний сибиряк, не раз посещавший остров. — Зимой однажды видел подобное облако, спустившееся к земле, но оказалось, что это начало снежного бурана. А летом здесь туманов никогда не бывает. Не тот климат.

— Может, это духи мамонтов восстали из земли, которых мы потревожили, — хохотнул Коля, но сам едва не поёжился от собственной шутки. Что-то тут происходило. Что-то странное и удручающее, а вот что именно, Коля ещё не разобрался.

Между тем, Валентин Сергеевич вплотную подошёл к краю насыпи, остановился, и втянул лёгкими воздух, будто к чему-то принохиваясь.

Его обступили, и все вшестером бросили взгляд вниз, где под ногами остался вчера выкопанный фрагмент грунта.

— Нужно было собак прихватить.

То, что они увидели, заставило их замереть на месте. С точки зрения медицины, это можно было назвать типичным случаем... *оцепенения*.

...Огромный, буквально циклопический обвал, произошедший после окончания их вчерашней смены, открыл напоказ всему полярному простору своё внутренне чрево, похожее на гигантскую воронку природного раструба. Конус воронки уходил глубоко в землю, откуда с тихим мерным гулом поднимались на поверхность паровые образования, совершенно не похожие на выброс метана, как это бывает при подобных случаях. Это напоминало, скорее, вялое и неспешащее колебание воздушной массы, словно в растопленной бане. Внутри разлома ворочалось что-то громадное и неуклюжее, похожее на сгусток огромной ваты. Температура вокруг карьера заметно повысилась, и полярникам показалось, что они находятся возле гигантской доменной печи.

— Ничего себе! — ошеломлённо протянул Коля Рыбаков, но на него никто не обратил внимания. Все стояли с разинутыми ртами, уставившись на непонятный феномен. Какой-то страх, и не просто страх, а самый невероятный тотальный ужас сковал их движения, не в силах сделать хоть шаг. Какая-то необъяснимая сила пригвоздила на месте, словно все превратились в застывшие, кем-то обёрнутые коконы. Воздух вокруг представлял собой густой непроходимый кисель, будто они попали в вязкий пудинг, поданный к столу. Это было похоже на незримый барьер, на который они наткнулись, прежде чем перейти его границу.

— Кто-нибудь видел раньше такое? — едва открывая с усилием рот, процедил Кряж, самый стойкий из своих товарищей. Мышцы лица не слушались, а само тело едва могло двигаться в вязкой субстанции. Это был уже не воздух, привычный для людей. Это была смесь сплошного кислорода плюс азота с углекислым газом, с той лишь разницей, что к ней было добавлено что-то *новое*, неизвестное и чуждое земной природе.

— Я не... мо-гу дви-гать-ся... — почти по слогам простонал Коля, пытаясь ухватиться за руку Кряжа.

Шестеро изыскателей начали медленно сползать по откосу вниз, словно их манил к себе некий необъяснимый магнит, похожий на струю всасывающего пылесоса. Преодолевая гигантское притяжение, чья-то неведомая сила перевернула их в воздухе, опрокинула навзничь, про-

тащила по земле и впечатала тела в рыхлую глину с лишайником. Ещё минута, и вся группа оказалась притянутой к раскрывшемуся разлому подземелья, из которого по-прежнему выползали густки тумана. Часы и компасы на руках остановились. Время замерло на миг. Терентьев почувствовал, как проваливается в какую-то жуткую дыру сознания, успев напоследок проорать диким голосом:

— Нас увлекает в провал подземелья! — и с великим трудом вытаскивая из кармана рацию, уже без сил выдал в мембрану трансивера:

— Кто меня слышит? База, ответьте...

Рядом, валявшийся в нелепой позе Алексей тоже пытался вызвать посёлок, распухшими губами крича в микрофон:

— Посёлок! Нас всасывает какая-то необузданная сила. Срочно на помощь... мы в карьере...

И умолк, поглотившись этой неведомой энергией без остатка. Дальше была только пустота и сплошной безмолвный вакуум.

Коля Рыбаков успел напоследок заметить, как остальные корчились в мучительной боли, а у самого едва не взорвался мозг от посетившей его чужеродной среды. Эта гадость заползла в них, обволокла сознание, растворилась в организмах и, спустя несколько секунд, все шестеро представляли собой пустые сосуды, превратившись в коконы.

Всё это произошло на двадцать первый день экспедиции.

...Тем временем посёлок геологов жил своей обычной жизнью.

С утра Катерина и Алиса, две девушки геодезической станции, накрывали в общей столовой завтрак, провожая группу с материка к месту их вчерашних раскопок. В отсутствии Терентьева, старшим в команде считался Виктор Проняев, геолог со стажем, ни один раз выходивший в походы с Валентином Сергеевичем. Оканчивая завтрак в компании водителей грузовиков, он непрестанно теребил рацию, пытаясь выйти на связь с начальником.

— Странно... — тряся прибором, окинул он взглядом товарищей. — С утра пытаюсь связаться с Кряжем, Алексеем и Колей, но даже Терентьев молчит. Как воды в рот набрали, — озадаченно пошутил он. — Вчера за ужином мы условились, что он возьмёт с собой пятерых человек и рано утром перед основными раскопками отправится к той воронке, куда вгрызся ковш экскаватора. Хотел посмотреть, что именно они там разрыли. Может пещера какая-то... или просто обвал ямы. Рации взяли с собой.

— Кряж, Рыбаков, кто меня слышит? Валентин Сергеевич, ответьте... — и прислушался, переключив на приём.

Тишина стояла абсолютной. Ни звука. Даже обычной статики, какая бывает в эфире при отсутствии помех. Только тарахтение посуды за окошком раздачи, да приглушённые фразы водителей, бросаемые за соседним столом. Вся столовая невольно притихла, пытаясь уловить хоть слово в ответ.

— Я начинаю бояться, — подошла Алиса, девушка двадцати пяти лет, считавшаяся невестой Алексея, ушедшего с Терентьевым.

— Их шестеро, чего беспокоиться? К тому же белый медведь редко сюда навевывается в летний сезон. Еды хватает и на побережье.

— Да и не может медведь напасть сразу на целую группу, — поддерживал кто-то из прежних полярников посёлка, завтракающих вместе с водителями. — Медведь — зверь одиночка и один против шестерых не пойдёт.

— А волки?

— Алиса, девочка, — успокоил пожилой метеоролог, давно обитавший на острове, — ты когда-нибудь слышала, чтобы волки *здесь* напали на людей? — сделал он ударение на слове «здесь». — Благо, сейчас полярный день, и даже самая крупная стая не отважится напасть на шестерых здоровых людей, да ещё и в светлое время. Вот если бы сейчас длилась полярная ночь...

Девушка кивнула и, собрав посуду, поспешила в «моечную», к Катерине. Та участливо взглянула на подругу, предложив:

— Отправим группу к раскопкам, управимся быстренько с остальными нашими и, прихватив Сафоновну, уйдем за ними в карьер.

Сафоновной она величала самую старшую на острове женщину, родом из чукотских народностей, почти уже бабку, которой можно было дать лет девяносто, если бы ей не было шестьдесят. Являясь прямым потомком некогда проживавших здесь шаманов, Сафоновна представляла собой настоящий кладёзь мудрости, накопленный десятками прожитых поколений народов Крайнего севера. Иначе чем «чукоткой», её никто не величал. Жила она отдельно в вагончике одна, после того, как несколько лет назад в ледяных торосах айсбергов пропал её муж, великий шаман-нойд из племени поморов некогда существовавшей народности Чукотки. Все любили и уважали её за бескрайнюю мудрость и глубокие познания местного фольклора. Это были три единственные женщины на острове, оставшиеся на новую двухгодичную вахту после того, как сменилась основная партия геологов. Катерина была женой начальника метеостанции Дмитрия Олеговича Семахина, который по

совместительству являлся и начальником всего геологического коллектива посёлка. Он-то сейчас и вошёл в просторный барак общей столовой.

— По-прежнему нет? — спросил он Проняева, кивком указав на рацию.

— Нет. С самого утра вызываю. Возможно, какие-то магнитные возмущения? Покидая вчера карьер после рабочей смены, я оглянулся, и мне показалось какое-то поднимающееся марево. Раскопанный котлован словно подрагивал в зыбкой пелене тумана... что ли.

— Тумана? — поднял брови Семахин.

— И я приметил, — добавил машинист экскаватора. — Подумал, откуда здесь туман, да ещё летом. Побережье не близко, и морские испарения сюда не достигают.

— Мы уже позавтракали и немедленно выдвигаемся к карьеру, — поднялся Проняев. За ним встали остальные, отодвигая пустые миски. Наскоро допив чай, водители направились к выходу.

— Я с вами, — предупредил Проняева Семахин. — Возьмём с собой всё необходимое... — он осёкся, взглянув на Катерину с Алисой, которые жались у кухни. — Не бойтесь, девочки, мы ещё не знаем, что именно там произошло. Я распорядился завести квадроциклы и подготовить вездеход, но думаю, ничего страшного не случилось. Просто радиоволны передатчиков не достигают сюда из-за этого непонятного облака, окутавшего карьер.

Он поцеловал Катерину в лоб и поспешил следом за геологами.

Девушки остались одни.

Таким образом, на двадцать первый день раскопок экспедиции, прибывшей с материка, начали происходить те события, которые в дальнейшем приведут к целой череде непонятных, странных и необъяснимых фактов, о которых до поры до времени не будет знать весь оставшийся снаружи мир.

Поскольку...

Начиная с этого момента, стационарный передатчик связи с материком радиорубки острова Врангель...

Замолчал навсегда.

...Первыми на собак напали лемминги.

Эти кроткие мелкие грызуны, постоянно шныряющие под ногами в лишайнике, каким-то необъяснимым образом объединились в крупные стаи и, словно по чьей-то неведомой команде, целыми полчищами ки-

нулись на лаек. Это произошло в тот момент, когда Катерина с Алисой, проводив последних полярников из столовой, принялись за мытьё посуды, предварительно подготавливая продукты для ужина. Вначале никто из девушек не услышал ничего постороннего. В кухню забежал дежурный поселка, перехватил бутерброд, уцепился в шутку Катерину ниже пояса и умчался в радиорубку, крикнув на ходу:

— Как что-то выяснится, позову!

И, хлопнув дверь, исчез.

Потом уже, много позднее, окажется, что этого парня девушки видели в тот момент... последний раз в жизни.

Вторыми на лаек и прирученных оленей напали более крупные грызуны.

За ними горностаи, песцы, полярные лисицы.

Всё происходило целенаправленно и методично, будто нападавшими руководила какая-то неизвестная сила, забравшаяся внутрь организмов, подчинив их волю и природные рефлексы своему неведомому РАЗУМУ. И если лайки имели возможность защищаться, бегая до этого вольготно по территории поселка, то олени в стойлах сразу были растерзаны до основания. Более сорока прирученных животных, что называется, начисто поглотились бурлящей массой всевозможных грызунов, выкатившейся из редкого пролеска скудных полярных карликовых сосен и берёз. Эта живая масса напоминала снежную лавину с гор, издававшую омерзительные звуки, похожие на утробное гудение топки локомотива. Со скоростью межконтинентального экспресса эта расплывающаяся, стонущая и поглощающая всё на своём пути волна грызунов и мелких хищников, в течение нескольких минут полностью захватила всю техническую территорию поселка, начиная от продуктовых складов, трансформаторных будок, нагнетающих воду водокачек и заканчивая, собственно, самими стойлами оленей. Бедные животные были употреблены в пищу без остатка, через несколько минут явив ошарашенной природе лишь обглоданные скелеты с почти истреблёнными рогами. Растекаясь по посёлку, пролезая под сваи вагончиков и барачков, заполняя своей колыхающейся массой все подвалы и погреба хранилищ, грызуны и мелкие хищники пожирали самих себя без разбора, совершенно не имея представления, чья неведомая сила ими руководит. Лемминги исчезали в пастях горностаев, те пожирались песцами и лисицами, а последние, в свою очередь, тут же разрывались на куски ниоткуда появившимися волками. Росомахи загрызали волков, сами попадавшие под клыки яростных полярных лаек, которых с каждой минутой становилось всё меньше.

Это была самая настоящая бойня в природном её понятии.

Визг, рёв и вой попеременно с алчным рычанием и утробными стонами раздираемой плоти начал достигать ушей Алисы с Катериной, а так же тех обитателей поселка, кто оставался на месте по распоряжению Семахина. Около двадцати человек в изумлении и страхе принялись выходить из вагончиков, покидая рабочие места, чтобы выяснить причину столь ужасающих звуков, прежде ими никогда не слышимых. Некоторые выглядывали из гаражей, другие припадали к окнам внутри, а Катерина с Алисой вышли на высокое, покоящееся на сваях крыльцо столовой, услышав этот невообразимый, страшный и непонятный гул. Когда же они увидели, что творится в прилегающих дворах поселка, обе едва не завизжали от оторопи, подхватывая друг друга и почти теряя сознание. Ревущая масса всевозможной живности прокатывалась мимо них, растекаясь по трём улицам поселения, заползая под сваи, площадки, пороги и пристройки в виде ступенчатых настилов. Ближайшая россомаха, на ходу растерзав юркого горноста, алчными от крови глазами бессмысленно взглянула на девушек, приготовилась прыгнуть, но была атакована сразу тремя волками, тотчас исчезнув в их пастях. Безумный и пустой, но алчущий взгляд, похожий на жаждущих крови вампиров, читался во всех глазах животных, и если бы не краткий миг этого колоссального нашествия, девушки смогли бы заметить в глазах волков... *некое подобие разума.*

Они мыслили.

Эта глобальная атака, предпринятая *сообща* всеми животными острова была...

ПРОДУМАНА.

Ими руководили.

Руководили планомерно и последовательно.

Схватив Алису за ворот комбинезона, Катерина, падая спиной назад, увлекла кричащую от ужаса девушку за собой, ввалившись внутрь барака столовой. Едва успев придавить своим телом дверь, она услышала, как в неё со всего размаха впечаталось чьё-то крупное тело, принявшись рычать и разрывать когтями наружную обшивку утепления. Обе сползли на пол, в смятении и панике уставившись на ходившую ходуном дверь.

Снаружи творилось что-то невообразимое. Казалось, вся природа животного биота заповедного острова встала на дыбы. Лемминги и мелкая живность сотнями развороченных тушек валялась по всему периметру посёлка, песцы и лисицы были растерзаны волками, которые в свою очередь подверглись всеобщей атаке более трёх десятков росо-

мах. И что самое страшное, не имеющее никакой здоровой логики, вся эта пожирающая друг друга масса, никак не могла насытиться. Растерзав очередную жертву и распотрошив её клыками, любая тварь с кровавыми глазами бросалась на следующую жертву, создавая самый настоящий клубок ворочавшейся, стонущей и ревущей плоти.

Такое же природное светопреставление происходило и на побережье. Целые базары диких белых гусей, полярных сов и куропаток были в одно мгновение подвержены какой-то непонятной *воле*, просочившейся внутрь их организмов, словно паразитирующая сущность чего-то неизвестного. Размётывая во все стороны гнёзда с ещё не высиженными яйцами, птицы, взмывая в воздух, целыми стаями накидывались друг на друга, исклёвывая птенцов, пока те не превращались в жалкие трепыхающиеся комки кровавых ошмётков.

Крупные и мелкие лежбища моржей набрасывались друг на друга целыми колониями, давя и подминая под собой беспомощных мамаш с их детёнышами.

Весь заповедник острова Врангеля превратился в самый настоящий полигон смерти, истребляющей друг друга в одно мгновение.

В радиорубке поселения геологов сидели в наушниках радист и дежурный поселка. Были слышны их переговоры с группой геологов, ушедшей вместе с Проняевым и Семахиным на поиски команды Терентьева.

— Подходим к насыпи карьера, — доносился в мембранах голос Проняева. — Этот чёртов туман повсюду! Какие-то непонятные образования, будто пар вырывается из открытой настёж бани. Семахин уже поднимается на первую насыпь. Вижу экскаватор и кран. Самосвалы оставлены, как и положено после вчерашнего дня. Ни Рыбакова, ни Терентьева, ни Кряжа с Алексеем, ни остальных... — голос запнулся. — У нас за спинами остался вездеход. Двигатель не выключаем. Поднимаемся вслед за Семахиным на насыпь.

Краткий миг молчания, затем изумлённый вскрик, отчего динамик тихо завибрировал:

— Господи всемогущий!

Послышались близкие возгласы остальных членов группы.

— Да тут целый обвал! Весь пласт вечной мерзлоты ушёл под землю, образовав гигантскую воронку, словно раструб в подземелье.

— Пещера? — спросил радист, подстраивая шкалу от нарастающих помех. В динамике начало свистеть, хрипеть и гудеть, как при турбу-

лентных потоках взмывающего ввысь вертолѐта. Это был тот самый гул, что слышал Семахин, отправляясь накануне в столовую. Перекрикивая помехи, Проняев едва не заорал:

— Они здесь, пресвятая дева Мария!

— Кто?

— Нашли!

Ещё через секунду:

— Нашли Терентьева, Кряжа, Колю Рыбакова, Алексея и остальных!

Потом оторопь в голосе.

— Но...

— Что? — тоже перекрикивая помехи, кричал радист.

— Они... — помехи мешали что-либо расслышать. Словно бешеные магнитные вихри носились в эфире. — Они... не живые.

— Че-го-о??? — проорал радист, в то время как дежурный вскочил с кресла. — По-вто-ри!

— Нет... погоди, — сквозь помехи были слышны возгласы остальных спасателей. Кто-то кричал, кто-то звал на помощь, а ещё... стоны.

— Их обволокло какими-то коконами, — на этот раз голос Проняева едва не захлёбывался от ужаса, пытаясь скорее передать информацию. — Какая-то вязкая субстанция покрыла их тела, повторяя контуры в нелепых позах. Они... — видимо он подобрался ближе. — Они... дышат. Живые!

И снова послышались стоны, похожие на муки причиняемой боли.

— О, боже! — простонал Проняев. — Нас засасывает внутрь! Внутрь воронки. По-мо-ги-те! — голос стал отдаляться, перейдя в далёкое расплывающееся эхо. — Свя-жи-тесь срочно с материком, — голос помощника Терентьева уже переходил в хрип. — Нас засасывает в воронку раструба... Срочно с... (помехи) материком (помехи). По-ги-ба-ем! На... на ПО-МОЩЬ!!!

И стационарный передатчик умолк.

— Отзовитесь! Слышит кто меня? — в свою очередь заорал радист.

Тишина.

В радиорубке будто вырубил электричество.

Несколько секунд оба сидели, беспомощно уставившись на аппарат связи, затем, спохватившись, кинулись: один налаживать связь, другой к дверям.

В этот момент *это* и произошло.

...Последнее, что успел увидеть радист, прежде чем сам лишился жизни, как на дежурного поселка накинута сразу целая громадная волна грызунов, в мгновение ока, истерзав его тело без остатка. Груда

обглоданных начисто костей ещё продолжала шевелиться в копошащемся и ворочавшемся стонущем клубке, когда несколько песцов и росях без разбора кинулись пожирать и его.

«Как пираньи стаи...»— пронеслось в мозгу. Пронеслось, затихло, провалилось куда-то в черноту.

«Больно-то ка-ак...»

Через несколько секунд и сам радист перестал существовать в этом мире.

...Между тем, где-то в глубине уже пустого унылого и тихого поселка, в одном из жилых бараков, среди бесчисленных шкур, амулетов и прочей атрибутики древних чукотских шаманов, заунывно и прискорбно затянула прощальную песню старая бабка-чукотка Сафоновна. Сидя при зажжённых свечах и раскачиваясь в такт только ей известной мелодии, закатив узкие глаза и впадая в гипнотический транс, старая шаманка в некоем подобии всепоглощающего транса мерно и уныло тянула песнь её предков.

И в песне этой была вся та безысходная неизбежность, что должна была произойти после этого кровавого нашествия.

А потом для девушек из столовой начался самый настоящий кошмар.

Если коротко и ясно, чтобы привести к общему знаменателю:

Заповедный остров Врангеля перестал существовать в природе. В той природе, что одарила его со времён становления материков и континентов.

Это был уже не остров. Неведомая *сущность*, похожая на испарения клубов зыбкого тумана, сгенерировав из провала подземелья, накрыла его целиком, превратив в настоящее *кладбище* людей и животных.

Теперь это был *чужой* мир.

Не ЗЕМНОЙ.

Генетический мутант бактериального заражения начал своё шествие, намериваясь достичь побережья материка.

...И над всем над этим, в лучезарном небе между семидесятой и восьмидесятой параллелью, ласково и тепло по-летнему светило родное полярное солнце.

Глава 2. На материке и острове

Побережье Чукотского моря.

Мыс Шмидта.

Научный комплекс отдела Всемирного Географического Общества (ВГО). 1998-й год.

— Откуда эти чёртовы помехи на мониторах? — раздался выразительный голос, очевидно, привыкший командовать при любых сложных обстоятельствах. — Спутники показывают северное сияние? — удивление в голосе выказывало крайнюю степень озабоченности. — Северное сияние? Свечение атмосферы над островом Врангеля? Летом? В полярный день?

Начальник отдела Географического Общества обвёл сотрудников непонимающим взглядом, надеясь услышать вразумительное разъяснение столь непонятному феномену. Павлу Эрастовичу Силовскому было за пятьдесят, доктор исторических наук, вместе с Терентьевым оканчивали аспирантуру, были приятелями и дружили на материке собственными семьями. Терентьев на острове, он, Силовский — здесь, на материке. Фрагменты вечной мерзлоты позавчера доставили очередным рейсом мощного вертолёта Ми-6. А уже сегодня на фронтальных мониторах огромной панели телеметрические изображения спутников показывали из космоса невероятные магнитные возмущения над территорией острова. По всем логическим и физическим понятиям, над островом Врангеля начало происходить что-то необъяснимое, что-то непонятное ни ему, ни его коллегам.

— Там несколько десятков геологов на полярной вахте, — указал он пальцем на компьютерную разверстку карты, — в том числе две женщины с материка. Плюс, насколько я знаю, старая чукотка пропавшего недавно во льдах местного шамана. Итого сорок человек, да наша группа Терентьева.

— И все молчат, — уточнил кто-то из сотрудников, которых собралось сейчас в кабинете начальника более дюжины. Связь с Землёй Врангеля пропала ещё вчера, перед этим заглушив все приемо-передающие устройства бешеными хаотическими помехами. Сколько радисты не пытались наладить сообщение с островом, ничего не выходило. Эфир словно сошёл с ума, выдавая волнами в пространство настоящую какофонию свиста, гула и какого-то утробного зова, будто возопили все трубы Иерихона.

Изотопные анализы фрагментов мамонтов и останков некогда проживавших там чукотских народностей ещё со времён Гиперборейской

цивилизации давали основание полагать, что где-то в недрах земли, почти у самой её магмы находится колоссальный источник какой-то неведомой материи, доселе неизвестной науке. Эта протоплазма, не имеющая аналогов в *земной* природе, очевидно, в незапамятные времена во время зарождения планеты, каким-то необъяснимым образом была доставлена на поверхность *из космоса*, возможно кометой, а возможно и иным, неизвестным телом. Пролежав миллионы лет в анабиозном состоянии, эта *чужеродная среда*, побеспокоенная вгрызавшимся в мерзлоту ковшом экскаватора, высвободилась из тектонических плит Гиперборейской платформы и, вырвавшись наружу, поглотила остров Врангеля целиком. Теперь путь её лежал к побережью материка.

Таковы были предположения учёных.

— Эта непонятная, назовём её *сущность*, вырвавшаяся из недр тектонической плиты, накрыла собой всю прилегающую территорию Чукотского моря, как нам показывают изображения спутников. Смотрите, — он дал команду оператору развернуть панораму острова. — Море вокруг спокойное, а на побережье Земли Врангеля датчики уже фиксируют небывалый всплеск энергии. Остров буквально вибрирует, как при мощном землетрясении. Однако никаких сейсмических толчков спутниковые приборы не улавливают. Наземные тоже.

Он нахмурился и бросил взгляд на коллег.

— Очевидно, произошёл какой-то выброс энергии, — предположил кто-то в белых халатах.

— Да. Импульс гравитации или что-то в этом роде, — кивнул Силовский. — Вот только, откуда?

Один из сотрудников наклонился ближе к оператору:

— Увеличить можно?

Тот только пожал плечами, указав на мониторы:

— Максимум.

— А посёлок геологов? Саму полярную вахту сможем различить?

— Тоже нет, — ответил за оператора Силовский. — Предварительно мне сообщили, что подземная субстанция, абсолютно отличающаяся от расплавленной тектонической магмы, может быть возрастом от двухсот до пятисот миллионов лет. Они и сейчас корпят над пробами фрагментов вечной мерзлоты, но в самих останках мамонтов, на орудиях быта и обрывках истлевших шкур эти неизвестные органические соединения не обнаружены. Понимаете? Это же настоящая мировая сенсация!

Павел Эрастович принялся мерить шагами кабинет.

— Чужеродная среда из космоса, занесённая на Землю в эпоху палеозойской эры, а возможно и ранее! Лежала, покоилась под землёй в своеобразной спячке, дремала, находилась не активной, пока на поверхности Земли происходили планетарные катастрофы, Великие вымирания, ледниковые периоды, перемещаясь вместе с тектоническими плитами, образуя вначале Пангею, потом разломы, и под конец — отделение острова от материка.

— И всё это задолго до мамонтов?

— Именно! С точки зрения наших микробиологов и генетиков, эта подземная среда какого-то чужеродного Земле газа высвободилась каким-то образом, накрыв своим облаком испарений весь остров. Она пока держится в пределах Земли Врангеля, ни ветры, ни атмосферные движения циклонов ей нипочём, однако, мы не знаем, каким образом ей удаётся висеть именно над островом, не распространяясь пока далее. Ваши предположения, коллеги?

— Никаких знакомых в природе элементов, говорите вы?

— Не я говорю. Наши лаборанты. Я постоянно с ними на телефоне, и последнее что они передали, это полная несовместимость с нашими земными элементами. Вступая в реакцию с кислородом и имея, очевидно, какой-то неизвестный науке катализатор, эти испарения могут мутировать в любом проявлении. Понимаете? В лю-бом! — протянул он. — А это означает, что вместе с этим облаком, накрывшим своеобразной сферой остров, подверглись мутации все его обитатели, начиная от мелких грызунов и заканчивая крупными белыми медведями.

Он сделал паузу.

— В том числе и людьми.

Наступила тишина. Были слышны мерные гудения приборов, несколько операторов, склонившись, колдовали над панелью управления, а в сгустившемся от напряжения воздухе, казалось, разлилось что-то жуткое, непонятное и неподвластное человеческому разуму.

— Мы имеем дело с необычной для нас газовой атакой, — поразмыслив, заметил Силовский. — От этого и будем исходить. Оттого и молчит узел связи, оттого и не выходят на связь люди Терентьева.

— Необходимо послать туда группу химической зачистки, — предложил старший сотрудник отдела. — Причём, немедленно.

— Уже распорядился, — кивнул начальник. — Прежде чем вызвать вас на совещание, я связался с полковником Галаниным, разъяснил свои предположения, обрисовав текущую обстановку. Если до сегодняшнего вечера не поступит никаких сообщений с острова, Галанин вышлет к нам ещё один вертолёт с командой химзачистки. Эти ребята

обучены выявлять степень заражения той или иной местности даже во время боевых действий, устанавливать уровни радиации, анализировать состав атмосферы и прочие показатели. Настоящие профессионалы, не раз бывавшие в горячих точках планеты, меняясь поколениями ещё со времён Семипалатинских испытаний ядерной и водородной бомбы. Они уже в пути.

— Следовательно, нашему экипажу вертолѐта тоже готовиться к операции?

— Так точно. Двое из вас полетят с ними, взяв все необходимые приборы для выявления анализов возможного заражения. Кропоткин и Минаев — лететь вам. Остальные по рабочим местам. Будем следить, выходя на связь ежечасно. Если что-то там всё же произошло... — он сделал паузу, едва не выругавшись сквозь зубы, — полностью полагаемся на ваш опыт и профессионализм спасательной команды. Она же и группа зачистки возможного отравления. С собой взять противогазы, фотоаппараты и прочую амуницию.

— Ружья брать? От белых медведей, — неуверенно спросил кто-то.

— Брать, — ограничился ответом Силовский, при этом нахмурил брови ниже обычного. — Кто знает, что именно у них там произошло.

Таким образом, несколько часов спустя, два военных вертолѐта Ми-6 с группой спасателей и двумя научными сотрудниками Отдела географического общества, покинув побережье мыса Шмидта, направили свой курс на остров Врангеля.

Теперь уже на непонятный остров Врангеля.

ИЗ БОРТЖУРНАЛА ЭКИПАЖА ВЕРТОЛѐТА:

19 июня 1998 года при выполнении внепланового рейса над Чукотским морем к острову Врангеля гидрологами-разведчиками из отдела Северной дислокации были обнаружены неопознанные образования сполохов полярного сияния неизвестной природы. При подлѐте к острову вышла из строя вся приборная панель, уровень магнитных возмущений зашкалил стопроцентную отметку уровня безопасности. Облѐт острова и фотоснимки не показали присутствия ни одного живого организма, в том числе и людей...

На этом автоматическая запись бортжурнала обрывалась.

Под днищем винтокрылых машин прямые лучи арктического солнца устроили фантастически красивый хоровод сверкающих красок. В без-

ветрие, под ударами лучей солнца торосы разбрызгивали вокруг такое многообразие оттенков, что поминутно приходилось прикрывать глаза, давая им отдохнуть. Выше семидесятой параллели разводий почти не было, лишь изредка проползали причудливые чёрные змейки трещин. Залюбовавшись в иллюминатор столь дивной красотой сверкающих льдин, Минаев толкнул в бок Кропоткина, перекрикивая раскатистый рокот вращающихся винтов:

— Подлетаем!

Оба научных сотрудника прильнули к иллюминаторам, пытаясь разглядеть сквозь зыбкое облако тумана очертания острова. Мелкие каменистые, поросшие лишайником пустые скалы были разбросаны вокруг большой земли, хорошо просматриваемые с высоты вертолёт. Сам же остров Врангеля, казалось, потонул в каком-то мареве, похожем на студенистый кисель, сквозь границу которого оба вертолёт сейчас пролетали. Из кабины пилотов послышались изумлённые возгласы:

— Приборы вышли из строя! Навигационный компас не даёт определяющего вектора! Приземляться будем вслепую...

За иллюминаторами клубились рваные куски сплошного тумана, накатываясь друг на друга, словно снежные лавины с гор.

Связавшись с соседней машиной, в которой находилась группа химической зачистки, пилоты узнали, что там происходит то же самое. Стрелки приборов бешено вращались вокруг своей оси, совершенно потеряв работоспособность, словно корпуса вертолётов попали в какую-то гигантскую воронку магнитного смерча. Гравитация вдавила всех участников полёта в кресла, абсолютно лишив их подвижности. Было ощущение, что вертолёты, преодолев какой-то незримый барьер, вошли в зону неизвестной энергии, бьющей над островом мощными импульсами притяжения. Турбулентные потоки, вихрями закручивающихся узлов не разгоняли эту неведомую массу, а, напротив, как бы всасывали её в себя.

— Нас влечёт к земле! — прокричал в мембрану ларингофона первый пилот. Гул стоял невыносимый, машину кидало из стороны в сторону, будто стальная обшивка корпуса вот-вот развалится на части, теряя фрагменты подкрылков, шасси и винтов в образовавшуюся пропасть.

— Как у вас, Вадим? — перекрикивая нарастающий гул и едва удерживая рули, интересовался пилот. — Тоже трясёт? Следуйте за нами по вектору, сейчас вспорем брюхами камни.

Послышался сильный треск, вертолёт подбросило в пространстве, крутануло вокруг своей оси, швырнуло турбулентностью в сторону,

пригвоздило к земле и едва не развалило на части. Удар был такой, что всех пассажиров разметало по салону обеих машин, едва не лишив сознания. Снаружи завывало и гудело, вращения винтов ещё не остановилось, второй вертолёт гулко, будто охнув от боли, громоздко опустился рядом, зацепил винтами край скалы, раздался оглушающий треск, лопасти пропахали землю, машина накренилась на бок, вздрогнула и застыла.

Прошло несколько томительных секунд, в течение которых все понемногу приходили в себя. Кое-где ещё скрипела обшивка, скрежетали под шасси мелкие камни, а вдалеке слышался мерный рокот ленивого прибора, прибивающего к берегу ворочающуюся массу льда с отмёрзшими водорослями.

— Все целы? — послышалось из нутра второго вертолёта. Восемь специалистов зачистки химических заражений выбрались наружу и в клубах тумана пытались разглядеть прилегающую территорию, куда их вертолёты швырнуло мощным всплеском гравитации. Обе машины представляли собой бесполезный развороченный хлам, неспособный к полетам.

Спустя десять минут, проверив снаряжение и оставив пилотов обеих машин устранять неполадки, группа из десяти человек, включая Минаева и Кропоткина, выдвинулась почти на ощупь сквозь пелену тяжёлого тумана, осевшего плотным молочным облаком на эту часть острова. Ни часы, ни компасы, ни прочие приборы и аппаратура вертолётов не работали. В воздухе чувствовался ощутимый запах озона и аммиачных испарений, которые сгустились вокруг команды спасателей. Всё дышало жуткостью, неизвестностью и на редкость крайней степенью опасности. Так бывает, когда отправляешься в *никуда*, совершенно не ведая наперёд, что ждёт тебя по ту сторону тумана.

Оставшиеся пилоты пробовали связаться с ушедшими по трансиверам, однако ни одна рация не отвечала. Старший группы, майор Ремез напрасно пытался в свою очередь вызвать пилотов. Густое и вязкое облако испарений попросту не пропускало никаких радиоволн. Они шли в «молоке», а это значит — ни видимости, ни звуков.

Таким образом, на исходе двадцать вторых суток со времени начала экспедиции, две группы, разделённые между собой плотной стеной неизвестного земной природе тумана, оказались локализованы в двух абсолютно противоположных по своей структуре пространствах.

Остров, казалось, вымер в одночасье, превратившись в сплошную безмолвную пустыню.

Примерно в это же время, в середине раскопанного карьера, у разлома образовавшейся карстовой пещеры, начало происходить нечто жуткое и непонятное.

Огромная циклопическая воронка стремительно пришла в движение, раскручивая гигантские спирали тумана вокруг себя против часовой стрелки. Мощнейшие возмущения нараставшей гравитации принялись втягивать весь животный биом прилегающей к котловану территории. Слабое электрическое свечение клубящихся испарений из недр чёрного зева пещеры переросло в ослепительный свет, поразивший мощной вспышкой весь периметр карьера. Подобно гигантскому всасывающему агрегату, раскрывшийся раструб воронки увлекал в своё чрево мелких грызунов, песцов, волков. Отдалённое зарево не то пожара, не то красных сполохов сияния накрыло воронку, сквозь которую внутрь устремились, рыча и тревожно мыча сразу несколько моржей и белых медведей, бывших неподалёку от эпицентра вращающейся спирали. Было впечатление, что остров, до этого относительно спокойный, вдруг лениво шевельнулся, приподнялся и, будто вздохнув, осел от усталости на прежнее место.

— Смотрите! — внезапно выйдя из клубов молочного тумана, указал кто-то в высоту неба. Восемь спецназовцев и два научных сотрудника, ослеплённые внезапной вспышкой, устремили прищуренные взгляды к облакам, прикрывая глаза руками.

Непомерное по величине солнце, казалось, раздулось в размерах. Время словно остановилось. Вокруг раздувшегося светила возник радужный горизонтальный круг с белой вертикальной полосой, в пересечении которых горели по бокам два ложных солнца меньшей величины.

— Гало... — констатировал Ремез. — Атмосферный феномен. Но в полярный день? Летом?

— Нас засасывает! — рванулся к майору один из его коллег, опрокидывая остальных. Следом, едва не разрывая на части, по земле проволочило ещё одного, за ним следующего, пока очередь не дошла до Кропоткина. Майор Ремез что-то орал, но вакуумная тишина, давящая нестерпимым давлением барабанные перепонки, не позволяла что-либо ощущать. Мимо пронеслась крутящаяся в нелепой позе туша белого медведя, оглашая воронку бешеным рёвом. Цепляясь за лишайник и не находя опоры, десятерых членов команды протащило по земле, и какая-то неведомая сила, подхватив всех вместе, в мгновение ока швырнула в раструб образовавшейся бездны.

— А-аа... — вопил кто-то.

Всё смешалось в одну сплошную грудку бешено вращающегося мяса, шерсти, когтей и панического оскала. Все текущие на север реки вдруг, словно по чьей-то неведомой команде поменяли течение, изменив полярность магнитных полюсов. Способность мыслить и что-либо соображать начисто покинула спасательную группу и, проваливаясь в чрево всасывающей воронки, каждый был уже без сознания. Последнего овцебыка протащило по мху, закинуло в раструб, поглотило без остатка и, словно отрыгнуло в пространство тумана несколькими фрагментами вечной мерзлоты. За ним всосало последних оставшихся леммингов, лепестки спирали лениво свернулись, вращение остановилось и, будто вздохнув от разочарования, воронка осела в землю, провалившись своим чёрным зевом в подземную пустоту.

Всё стихло.

Запоздалый тромб крутящегося смерча промчался напоследок, исчез в чреве разлома, и наступила вакуумная тишина. На всё про всё ушло не более двух минут.

Этого хватило, чтобы весь животный биом прилегающей к карьере местности низвергнулся в пустоту кратера..

...Вместе с остальной органикой исчезла и команда спасателей.

— Что там могло произойти? — вздрагивая от панического ужаса, спрашивала Алиса. Тотальный, всепоглощающий страх перед неизвестностью держал их внутри столовой, не решаясь выглянуть наружу. То, что они пережили несколько минут назад, хватило обоим девушкам до конца своей жизни. Входная дверь перестала ходить ходуном, снаружи всё стихло, промчавшаяся волна лавины истребляющих всё на своём пути животных ушла куда-то вглубь острова, но это не означало, что можно было тотчас распахнуть дверь, подвергая себя смертельной опасности.

— Почему молчит дежурный? Он должен был вызвать нас по рации в радиорубку, узнать, что случилось с Колей, Кряжем, Терентьевым и моим Алексеем. — Алиса заглядывала в мокрые глаза старшей подруги, сама едва не впадая в истерику. Катя плакала, ощущая полную безысходность и бесполезность что-либо предпринять. Она уже сопоставила все факты, увидев настоящий ад, промчавшийся по улицам посёлка. Скорее всего, в живых не осталось никого. Если радист их не вызывает, если почти все двери гаражей, ангаров, складов и прочих технических помещений в это время тёплого лета были раскрыты настежь, давая редким солнечным лучам пробираться внутрь, то дело обстояло хуже

некуда. Это означало, что нахлынувшая лавина, пожирающая всё вокруг себя, расплзлась по посёлку в мгновение ока, просочилась под сваи, в вагончики, гаражи, истребив людей, как тех же оленей и собак.

— Я думаю, — прижала она к себе вздрагивающую Алису, — что мы в посёлке остались... одни.

— Как, одни?

— Мы вовремя успели захлопнуть двери от волков и росомах, которые подверглись какому-то безумию. Ими будто *руководили*.

— Кто?

— Не знаю, девочка моя. Но то, что эта безумная и не имеющая смысла атака была целенаправленной, методично истреблявшая всё и вся, не вызывает теперь сомнений. Посуди сама. Ты когда-нибудь слышала, чтобы звери объединялись в одну громадную, просто колоссальную массу, не имея различия ни в видах, ни в классах? Лемминги и песцы, горностаи и росомах, лисицы и волки, плюс белые медведи. И всё это одной лавиной! Одноразово. Сплошным потоком. На по-сё-лок! На лю-дей!

Последние две фразы она протянула по слогам.

— Вот что... — она оглядела столовую. — Возьмём с собой кухонные ножи, за пояс засунем топорики для рубки оленины, и если звери укатили волной в глубину острова, попытаемся добежать до радиорубки. Согласна?

Алиса испуганно кивнула, ещё не совсем понимая старшую подругу. Та уже прихватила крупные тесаки, и всовывала за пояс топорики. Было тихо. Казалось, и не было снаружи той прокатившейся за несколько минут всепоглощающей катастрофы, превратившейся в самый настоящий ад.

— А что будет, если они действительно погибли?

— Будь к этому готова, девочка моя. Возможно, мы увидим растерзанные и развороченные трупы, много крови... — она подчеркнула, — очень много крови. Ты сама видела, как на твоих глазах даже кроткие лемминги с безумием кидались целыми стаями на волков и росомах. Подобное могло произойти и с нашими товарищами. Если и уцелел кто в закрытом по какой-то причине вагончике, то сейчас, как и мы, не решается выглянуть наружу. А может уже и спешит к нам на помощь.

Алиса всхлипнула. Катерина уже подталкивала ее к двери.

— И если обнаружим трупы, паники быть не должно. Немедленно продвигаемся к барaku Сафоновны. Он стоит отдельно от основной улицы, ты знаешь, и, возможно, не подвергся нападению зверей. Если

Сафоновна жива, это будет нашим спасением. Она разумная старуха, знает повадки всех зверей на острове, сообща что-нибудь придумаем.

Приоткрыв дверь и прислушавшись к безмолвной тишине, обе девушки нерешительно шагнули за порог.

...То, что они увидели, повергло их в самый настоящий шок.

Везде, куда бы они ни бросали испуганные взгляды, царила самая настоящая бойня промчавшейся катастрофы. Разорванные, истерзанные останки всевозможных животных были без разбора перемешаны в огромных кучах развороченного мяса, костей, сухожилий и вывернутых внутренностей, плавающих в огромных лужах крови. Испарения, поднимавшиеся к ласковым лучам солнца, создавали прямо противоположную картину. И что самое загадочное, это множество упавших птиц, утлавших своими тушками почти всю территорию посёлка.

Ножи в руках дрожали. Тишина стояла полной, и это тем более было страшным.

Они преодолели улицу, забитую повальными грудami истерзанных туш тех или иных видов животных, промчались, перепрыгивая через останки обглоданных скелетов, ворвались в раскрытую настежь радиорубку, захлопнули дверь, и только тут перевели дыхание.

Алиса тихо сползла спиной по стене, едва не лишившись сознания.

— Мамочки! — взвизгнула она.

Прямо перед ними, в кресле радиста, в нелепой изувеченной позе находилось то, что осталось от их коллеги. Нынешняя полярная вахта стала для него последней. Не осталось даже одежды. Один сплошной обглоданный скелет. Кровь была повсюду. Катерина подхватила Алису под руки, дала понюхать нашатырного спирта, флакончик которого предусмотрительно захватила с собой из аптечки столовой. У порога в нелепой позе с перемешанными костями скелета валялись вывернутые внутренности их дежурного по посёлку, который, очевидно, так и не успел пробраться к ним в столовую.

Пока они бежали к узлу связи, не было замечено ни одного движения. Ни в небе, ни под ногами. Всё пространство было усеяно трупами животных, однако, чего-либо живого в радиусе километра они не обнаружили. Везде было пусто, и стояла жуткая, пугающая тишина. Бросая взгляды по сторонам, девушки удручающе заметили, что почти все вагончики с жилыми бараками стояли с настежь распахнутыми дверями. Солнце светило тёплым согревающим светом, и от этого полярники от-

крыли утром двери, впуская летнюю кратковременную теплоту в свои жилища.

Там и застала их мгновенно прокатившаяся смерть.

Склады, ангар, технические пристройки были похожи на развалины промчавшегося урагана. Что-то неуловимо изменилось не только в их посёлке, но, казалось, и в самой матушке-природе. Что-то неизбежное, унылое, неподвластное логике и суждению, окутало двух полярниц с головы до ног, словно накрыло каким-то неведомым покрывалом.

Осмотрев аппаратуру и покрутив верньеры настроек, Катерина с горечью выдохнула:

— Здесь нам делать нечего. Как я и предполагала, стационарный передатчик вышел из строя, как и рации у наших ребят. Ты как?

— Нормально, — едва не разрыдалась Алиса, оглядываясь на останки радиста в кресле.

— Пойдём, девочка, — вздохнула Катерина. — Когда всё закончится, похороним их подобающим образом. Нахлынут с материка репортёры и спасательные группы, врачи и геологи, они-то и предадут земле всех наших погибших товарищей. А сейчас нам нужно немедленно добраться до вагончика Сафоновны. Не забыла?

Перешагнув порог и бросив прощальный взгляд на останки дежурного по посёлку, Катерина увлекла Алису за собой.

— И, судя по той пустоте, что мы видели, здесь сейчас нет ни одной живой души. Ни зверей, ни людей. Выходит, что мы теперь одни. Одни на весь посёлок. Может, старая чукотка ещё уцелела.

— А наши ребята, ушедшие к карьере? Их-то не должно было коснуться это непонятное нашествие зверей.

— Тоже верю в это. Но... рации-то молчат. — Она потрясла ресивером, прихваченным с собой. Это была та рация, что оставил им дежурный, обнадежив, что вскоре вернётся.

Где-то с побережья доносились трески дрейфующих вокруг острова льдин, но это были единственные звуки, что они слышали. Никто их не окликнул, никто не бросился на помощь, никто не закричал от радости. Посёлок вымер в одночасье. Желания забегать в бараки и видеть обглоданные трупы у них не возникало. От разлившейся крови и испарений миазмов, постоянно выворачивало наружу, отчего Алиса едва держалась на ногах, только чудом не падая в обморок.

Преодолев последний десяток метров, они приблизились к бараку. Здесь трупов почти не наблюдалось.

— Сафоновна! — впервые за всё время прокричала Катерина.

Дверь тут же, гроыхнув внутренним засовом, открылась. Старая женщина с узкими щёлочками глаз и глубокими морщинами во всё лицо отворила, кинулась к ним, и без всяких разговоров втащила внутрь едва ли не за шкурку. Дверь стремительно захлопнулась. Повеяло какими-то благовониями, запахами иссушенных трав, дымом табака и ещё чем-то, отчего у Алисы закружилась голова. После того смрада испарений разлагавшихся трупов сквозь который они только что пробирались, девушка едва не осела на пол.

Старая чукотка без лишних объяснений сунула каждой гостье по кружке с дымящейся жидкостью и насильно заставила сделать пару глотков. Потом осмотрела их понимающим, добрым взглядом, в котором читалась мудрость сразу нескольких прошедших поколений её предков, усадила на шкуры, подкрутила газовую горелку плиты, поставила чайник, и только тут заговорила. Все эти несколько секунд обе девушки не могли наглядеться на единственного живого человека, которого они увидели за последние несколько часов.

— Живы? Не пострадали? — спросила та густым грудным голосом, шедшим, казалось, откуда-то издалека.

Биотоки сплошного всепоглощающего страха сменились полным ощущением уюта и спокойствия, словно и не было снаружи того жуткого ада, промчавшегося над посёлком в течение нескольких минут. От целебного зелья потянуло в сон. Укрыв девушек двумя тонкими выделанными шкурами, старая чукотка примостилась рядом, набила длинную трубку, пустила дым в потолок и, наблюдая как у девушек слипаются глаза, тихим голосом начала свой рассказ.

— Давно это было. Задолго до моих далёких предков из племени шаманов-нойдов. Тогда Большая земля была покрыта здесь могучей растительностью. Остров ещё не был отделён, и здесь текли полноводные реки, в озёрах плескалась рыба, по лугам и равнинам ходили стада мохнатых мамонтов. Народность, проживающая здесь издревле, охотилась на живность, строили шалаши и жили в пещерах. Земля была плодородной, цвели растения и ягодные кустарники, древние люди коптили мясо, шили шкуры и жили в достатке. Еды хватало всем. Так продолжалось много сотен лет. Люди не знали ни голода, ни лишений. Палили костры, устраивали ритуальные обряды, растили детей. После ледникового периода и смены климатического пояса он постепенно покрылся вечной мерзлотой, и однажды, очень давно, здесь произошла катастрофа. Все племена исчезли в одночасье, словно были сметены с

лица земли огромной метлой. Следом за ними вымерли мамонты, останки которых выкапывали в карьере ваши коллеги. Остров превратился в сплошное кладбище.

Старуха снова набила трубку. Снаружи по-прежнему было тихо. Сквозь жалюзи пробивались тёплые лучи солнца, освещая своими бликами внутреннее убранство вагончика. На плите кипел чайник, в углу из крана переносного умывальника тихо капала вода, запах умиротворения витал среди шкур, висящих на стенах амулетов и прочей атрибутики древних шаманов.

— Почему вас не тронули звери? — сквозь сладостную дрему, едва разжимая непослушные губы, спросила Катерина, не открывая отяжелевшие веки.

— Моя территория вокруг вагончика заговоренная мужем, великим шаманом-нойдом. Звери не смеют проникать сюда. Это для них табу.

— Для зверей? Они что, понимают?

— Понимают, — серьёзно кивнула, пыхнув трубкой, чукотка. — Вы, люди, просто не знаете их природу.

— Мы пойдём с вами к карьеру? — впервые подала голос Алиса. — Там жених мой.

— Знаю. Алексеем зовут.

Бабка протяжно вздохнула.

— Не хочу тебя расстраивать, дочка, но твоего Алексея уже нет *здесь*.

Последнее слово она загадочно произнесла с ударением.

— Как это?

— Он уже не в этом мире. Не в нашем.

— Умер? — всхлипнула Алиса.

— Не умер.

Наставшая пауза заставила девушку открыть полные слёзами глаза.

— Но и не живой, — закончила чукотка. — Он отправился в другой мир. В тот, который для нас, смертных, недоступен. В те прошедшие и канувшие в Лету времена тоже произошло нечто подобное. Ваш Терентьев как-то обмолвился, что груды костей мамонтов напоминают своими кладбищами, как если бы среди них происходила самая настоящая бойня. Останки были перемешаны с большим количеством скелетов саблезубых леопардов, пещерных медведей, шерстистых мастодонтов и другими видами того животного мира. Они просто истребили друг друга, как это произошло сейчас. Истерзали себя и людей, обитавших тогда на острове.

Катерина сквозь дремоту, проваливаясь в тёплое уютное подсознание, тем не менее, не переставала удивляться столь широким и научным познаниям, которым обладала старая шаманка. Тут бы ей мог позавидовать любой аспирант исторических наук, включая и самого Валентина Сергеевича. Знания и манера подачи исторических фактов настолько не вязались с обликом старой шаманки, что впору было удивиться.

— Вы хотите сказать, что все мужчины, ушедшие к карьере, провалились в какое-то... — Катерина запнулась. — В какое-то иное измерение? Вашей народности известно такое понятие?

— Известно мне. Мой муж был учёным человеком. От него передавалось и мне. Да. Я полагаю, что в момент выброса в атмосферу чужой нам материи, всех их поглотило иное пространство.

— Весь остров? — едва не ахнула Алиса, тоже приходящая в себя.

— Нет, девочка, не весь. Только ту часть, может, километров семь-восемь вокруг карьера, куда распространился газ неизвестных испарений. Остальные животные в разных частях острова уцелели, в том числе и на побережье. Медведи, моржи, мускусные быки, олени.

— А эта всепожирающая лавина грызунов и хищников, что промчалась по посёлку?

— Их влекла к себе та неведомая нам сила, что вырвалась наружу. Все они следовали к эпицентру воронки, по пути пожирая друг друга.

— А почему эта сущность, как вы её называете, не коснулась нас? Почему и нас не увлекло к центру пещеры?

Шаманка вздохнула.

— Вот этого-то я как раз не знаю. Как и не знаю того, из-за чего животные вообще истерзали друг друга, нападая даже на наших поселенцев. Этого не знал и мой муж, великий шаман-нойд.

...Спустя какое-то время девушки пришли, наконец, в себя. Старуха накормила их ужином, поскольку незаходящее солнце по-прежнему светило, но настенные часы, на удивление работавшие, показывали вечер. Алиса всё порывалась добраться к столовой, может к ужину вернуться ушедшие к карьере геологи, но бабка-чукотка её удержала.

— Там нет никого, девочка. Мы теперь одни. Одни на всём острове. Вы всё ещё хотите отправиться к карьере раскопок?

Обе энергично закивали, умоляюще всматриваясь в разумные глаза старшей, теперь уже, подруги. У одной там исчез муж, начальник посёлка Дмитрий Олегович Семахин. У другой её жених Алексей. Девушки непременно хотели добраться до раскопанной пещеры, и хотя бы

осмотреть место трагических событий. Что им предстояло делать дальше, никто из них не знал. Не знала и шаманка.

— Хорошо. Благо сейчас полярный день, вы отдохнули, и можно идти в любое время суток. Я доведу вас до карьера. Там определимся на месте, как нам связаться с материком, оповестив всех о нашем незавидном положении. Возьмём с собой ружья на случай встречи с безумными животными или медведями. Впрочем, тех, кто впал в безумие, уже нет в нашем мире. Их всосала в себя воронка. На острове остались только те животные, которые паслись на равнине, обитали у подножия горы или далеко на побережье. Два ружья моего мужа, — подала она со стены Катерине. — А ты, девочка, — подмигнула она Алисе, пытаясь ободрить перед трудным походом, — будешь всё время находиться рядом с нами. Ни на шаг никуда не отходить. Нож и топорик у тебя с собой, ты уже видела, с чем нам придётся столкнуться. Возьмём шахтёрские фонари на случай спуска в пещеру. Обвяжемся длинными верёвками.

Говоря эти слова, шаманка приготавливала всё необходимое: воду в пластиковой канистре, термос, несколько бутербродов, патроны, спички, фонари.

— Откуда вы знаете всё, что нам рассказали? — спросила Алиса, натягивая на ноги сапоги. Нашлись и комбинезоны для обеих девушек. — Откуда такие познания в истории Земли, откуда вообще известно вам об этой инородной субстанции, вырвавшейся изнутри?

— Таковы наши древние и глубокие поверья, дошедшие до наших народностей через несколько десятков поколений, — пожала старуха плечами. — В этих поверьях нам передавалось, что однажды эта инородная сущность вновь распространится по острову. — Она кратко вздохнула, засыпая табак в специальную коробочку. — И вот это, собственно, произошло.

Окинув прощальным взглядом своё жилище, словно зная наперёд, что видит его последний раз, бабка-чукотка вместе с девушками вышли наружу.

...И как позднее выяснится, они вышли навстречу самому страшному дню в своей жизни.

Глава 3. Вертикальный колодец
Полярный заповедник острова Врангеля.
1998-й год.
Карьер изыскателей.

Кропоткин с Минаевым продвигались вдоль насыпи карьера, следуя указаниям майора Ремеза, который держал короткий автомат наготове. За ними, рассыпавшись по периметру воронки, следовали остальные. Все были облачены в непромокаемые комбинезоны, на лицах респираторные маски с фронтальными стёклами для обзора, в рюкзаках помимо препаратов обеззараживания воздуха и ранцев со специальным химическим аэрозолем находились сублимированные и витаминизированные продукты. После утери связи в небо непрестанно пускали ракеты, чтобы оставшиеся у машин пилоты могли предполагать о ходе продвижения. Что-то неуловимое изменилось в карьере. Насыпь ковшами экскаватора стала выше на несколько метров. Запустили в небо разведывательный зонд, способный с математической точностью определять состав заражённого воздуха. Внизу, метрах в шести, широким провалом чернел зев образовавшегося раструба.

— Внимание! — послышался через микрофон голос Ремеза. — Мы на месте. Всем соблюдать крайнюю осторожность. Мы не знаем, что именно здесь произошло. В провал спускаются Чижов, Сорузян и Павликов. Остальным рассредоточиться по краям воронки.

— Вижу следы, — ответил кто-то через мембрану наушников. — Будто тело протащило по земле, проволокло куда-то внутрь и скинуло вниз. Пресвятая дева Мария! Да они повсюду! Не знаю, кто тут был, но их много. Смотрите, сколько всякого хлама нанесло из разных уголков карьера. Даже самосвалы с экскаватором завалены мусором, мхом, глиной и лишайником. Словно ураган промчался.

— Или смерч. Стрела крана выгнута до основания! Это ж какая сила могла так сплющить металлическую конструкцию?

— Отставить разговоры! — пресёк Ремез. — Наша задача выявить степень заражения. И без вас вижу, что здесь пронёсся какой-то небывалой силы вихрь. Вижу следы людей и множества зверей.

— Да, командир. Их словно перекатывало по земле, швыряло в разные стороны, разносило на куски. Есть даже остатки кровавых пятен на земле.

Один из группы склонился над зловещими пятнами, подцепил портативным пробником образец глины и внимательно осмотрел.

— Это не людская кровь. Видны клочки шерсти, очевидно, волка или росوماхи.

Восемь специалистов по химзачистке приблизились вплотную к зеву чёрного провала, сгруппировались и, вынув фонари, пустили лучи рассеянного света внутрь воронки. Сзади уже подросли Кропоткин с Минаевым.

— Она бездонна! — швырнув внутрь неоновый светящийся стержень, заключил Ремез. Пока тот падал в чрево подземного конуса, все отсчитывали секунды. Свет так и исчез в темноте, не добравшись дна.

— Ваш выход, — обернулся он к научным сотрудникам. — С чем мы имеем дело? Учёные из вашего Географического Общества предполагали на основе проведённых анализов, что нам придётся столкнуться с какой-то неведомой материей, прибывшей из космоса сотни миллионов лет назад. Силовский дал нам указание определить состав этой материи, провести пробы окружающего воздуха и если понадобится, спуститься в провал.

Трое участников команды уже разматывали верёвки, цепляли карабины, включали головные фонари, готовясь спуститься внутрь. Кропоткин навёл луч фонаря на стены воронки, переместил его в раскрывшийся зев раструба и невольно издал возглас удивления.

— Стенки конуса идеально ровные!

— Что? — не понял Ремез, осматривая снаряжение спускающихся.
— Объясните.

— Они круглые. Будто отшлифованы до блеска.

— Бурили?

— Нет. Здесь не находилось бурильных агрегатов. Только экскаватор, кран, местный бульдозер и несколько самосвалов для вывоза отработанного грунта. Бурильной установки на острове нет.

— Тогда что?

— Это... — запнувшись, пришёл на помощь Кропоткину Минаев, — это... ТРУБА.

Неуверенность в голосе Минаева и крайняя степень изумления были налицо. Наступила краткая пауза.

— Искусственный вертикальный колодец, шахта, уходящая поперечным сечением строго в глубину недр земли, — закончил за него Кропоткин.

— Ясно. Вертикальный искусственный колодец, который не мог быть пробуренным исчезнувшими геологами.

— На острове Врангеля никогда, повторюсь, ни-ког-да не производились буровые работы. Здесь нет полезных ископаемых или прочих

залежей. Вечная мерзлота лежит прямо под поверхностью лишайника и мха, поэтому сюда с материка был доставлен только экскаватор.

— Вот он-то своим ковшом, очевидно, и захватил часть геологического пласта, обнажив на поверхность вход в этот колодец, верно? — хмуро переспросил Ремез.

— Да... — неуверенно пробормотал Минаев. — Но, позвольте...

Ему на выручку пришёл Кропоткин:

— Мы имеем в виду, что этот колодец не... *земного* происхождения.

Ремез уставился на обоих жавшихся друг к другу сотрудников, вероятно, впервые попавших в столь непонятную науке ситуацию.

— Не понял! Инеродный разум, что ли? Фантастические байки о пришельцах?

Минаев неуверенно протянул:

— Ну-у... не совсем так категорично. Однако наличие неземной, чужеродной силы мы видим, что называется, налицо. Даже самые мощные агрегаты бурения, будь они на острове, не способны с такой математической точностью отшлифовать внутренность колодца почти до зеркального состояния. Остались бы в наличие следы зубьев и горизонтальных борозд от прохождения бурильных насадок. А здесь всё идеально ровно, словно прошлись мелкой шлифованной наждачкой.

— Что вы предлагаете? — едва не обозлился Ремез. — Моим людям не стоит туда спускаться?

— Мы не знаем степени заражения самого канала и территории вокруг него, — сквозь микрофоны масок ответили учёные. — Видите валяющийся фотоаппарат? У группы Терентьева такого не было. Посылая их сюда на остров, мы оснастили их совершенно иным оборудованием, в том числе и камерами. Это не их фотоаппарат.

— Тогда чей?

— Очевидно, кого-то из геологов самого посёлка. Нужно будет по возвращению на материк проявить все кадры. Им наверняка фотографировали. Вероятнее всего кто-то из команды изыскателей пришёл сюда после того, как пропала связь с группой Терентьева. Очевидно, они собрали там в посёлке своеобразную команду спасения, выдвинулись сюда, прихватив фотоаппараты на случай каких-либо непонятных явлений, чтобы успеть заснять сенсационные кадры...

— Что было потом? — с интересом спросил Ремез. — Это пока только ваши предположения.

— Так точно. Но они обусловлены всем тем, что мы здесь наблюдаем. Итак... — Минаев бросил взгляд на Кропоткина, и тот поддержал:

— Мы имеем дело с какими-то неведомыми нам технологиями иноземного происхождения. Называйте это как хотите: чужеродным разумом, пришельцами, гуманоидами — сути это не меняет. Этот колодец *не земной* технологии. Не нашей. Не человеческой.

— Уже объяснили. Что, по-вашему, произошло с полярной вахтой посёлка?

— Думаем, а точнее, предполагаем, что команда спасателей выдвинулась сюда на поиски внезапно пропавшей группы Терентьева. Здесь их и застал тот небывалый для этих широт смерч, поглотивший в себя вначале геологов Терентьева, затем группу спасателей из посёлка, а с ними и всю органическую жизнь в радиусе нескольких километров, в зависимости от мощности притяжения самой воронки. Открывшийся после раскопок иноземный колодец просто всосал в себя всю органическую жизнь, включая волков, песцов, росомх, и даже крупных моржей с побережья.

— Медведей тоже?

— Да, — откликнулся кто-то из команды Ремеза. — Я обнаружил куски их шерсти, словно высосанные пылесосом. Гигантским пылесосом, — уточнил он.

— Ясно, — кивнул Ремез, предпочитавший краткость в объяснениях. Оглядел своих людей. Трое по-прежнему нависали над краем колодца, готовые спуститься внутрь, один стоял на возвышении насыпи, осматривая по периметру всю прилегающую к карьеру местность. Остальные занимались сбором и сортировкой различных предметов, разметававшихся от урагана по всему карьеру, пробами воздуха, грунта и наличия оставленных следов.

— У вас всё?

Учёные пожали плечами. Ремез на миг задумался, затем решительно отрезал:

— Тогда нам тем более необходимо спуститься внутрь! Там могут остаться живые люди. Датчики обнаружения их не видят, но колодец, как вы говорите, глубокий, следовательно, мы найдём там хотя бы следы исчезнувших геологов.

Он отдал команду на спуск.

Чижев, Сорузян и Павликов уже начали спускаться друг за другом, обвязанные верёвками, как вдруг...

События приняли совершенно неожиданный оборот.

Внезапно лицо стоящего на насыпи спецназовца приобрело какое-то странное выражение. Обводя биноклем территорию побережья и подножия горы, он на миг замер, подкрутил увеличение, всмотрелся по направлению к едва маячившим на горизонте домикам посёлка, выдохнув в сгустившийся воздух:

— Вижу движущиеся точки! Расстояние не позволяет увеличить ракурс, но точки, несомненно, приближаются!

— Отставить спуск! — скомандовал Ремез и бросился к насыпи, прихватив двоих людей. Всё произошло так неожиданно, что трое спускавшихся застыли, уже нависая над чернотой зева, а Кропоткин с Минаевым не успели осознать крика наблюдателя.

— Что там?

— Точки приближаются! — повторил стоящий наверху. — Это... — он напряженно всматривался в бинокль. — Это фигурки движущихся... *людей!* — последнее слово он выдал почти по слогам. — Люди! Вижу отчётливо!

Ремез подскочил, навёл свой более мощный бинокль, секунду разглядывал, затем крикнул:

— Вы трое! — указал поочерёдно на спецназовцев. — Ко мне!

Те кинулись к насыпи, присоединившись к командиру.

— По равнине идут три женщины. Уже видны их очертания. Это, видимо, обитатели посёлка, Силовский говорил, что там две женщины и старая шаманка. Очевидно, это они. Немедленно к ним навстречу! Помочь, привести, напоить, проверить наличие ран или увечий. Индивидуальные аптечки с собой. Вперёд!

Затем крикнул сверху Чижову:

— Спуск отменяется. Послушаем, что нам расскажут женщины.

Никто из присутствующих, разумеется, и не предполагал, какая глобальная катастрофа пронеслась в пределах полярной вахты.

Теперь предстояло встретить женщин, усадить в стоящий пустой вездеход, если понадобится — оказать помощь, расспросив все детали, которых группа Ремеза по-прежнему не знала.

...Так и поступили.

Они едва не потеряли сознание от радости, что теперь не одни. Бросившись на шею спасателям, девушки разрыдались. Теперь они закончили свой рассказ, а Сафоновна подвела итог:

— Как я уже рассказывала девочкам, в наших древних поверьях присутствует некая космическая злая сила, однажды уже погубившая мамонтов и население острова. Тогда это были, как вы их называете, неандертальцы. Кладбища перемешанных между собой костей различных животных позволяют сделать выводы, что под вечной мерзлотой и находится эта неведомая нам сила, способная в один миг разрушить все животные рефлексы, подчинив их своей воле.

Старуха рассказывала, а мужчины, обступившие её, удивлённо переглядывались, совершенно не предполагая, что какая-то бабка-шаманка будет обладать такими всесторонними и глубокими познаниями в различных областях наук. Даже Кропоткин с Минаевым, поначалу скептически относясь к каким-то поверьям чукотских народностей, в конце рассказа дивились столь глубокому измышлению старой женщины.

— Мой муж был учёным человеком, не раз ходившим с Терентьевым в различные экспедиции, — пояснила она. — К тому же я оканчивала институт истории с факультетом антропологии ещё при правлении Хрущёва. — И старая бабка-чукотка печально улыбнулась.

Дальше разговор перешёл на более насущную тему. Девушки уже успокоились, им плеснули в кофе несколько ложек коньяку, и их состояние нормализовалось.

У вездехода тяжело и протяжно вздохнула Сафоновна. Бабка-чукотка привлекла к себе девушек, обняла их и, казалось, приготовилась к чему-то неизвестному.

И в этот момент ЭТО произошло.

Произошло ровно в 00:00 полуночи, но часы не показывали время. Они стояли.

...А в небе над заповедным островом по-прежнему светило незаходящее полярное солнце.

Сафоновна будто предчувствовала нарастающую беду, заранее прижав к себе девушек. Она успела ещё что-то крикнуть майору Ремезу, но голос её потонул в громоподобном треске, раздавшемся у всех в ушах. Казалось, столкнулись целые материки, отчего у присутствующих людей едва не разорвало барабанные перепонки. Первыми вскрикнули от ужаса девушки, но их спасла кабина вездехода, куда их разместил командир группы. Зажав уши руками, на землю повалились все члены спасательной команды, включая и обоих сотрудников Географического Общества. Следом за всепоглощающим треском прошла гигантская ударная волна, забив своей акустикой всё прилегающее к карьеру про-

странство. Люди начали корчиться от нестерпимой боли, катаясь в лешайнике от взрыва, посетившего их сознания. Мозги словно разорвало на части, выплёскивая наружу все их внутренности. Висящие на тросах были тотчас поглощены вырвавшейся наружу чужеродной энергией. В считанные секунды от них не осталось ничего: тросы оборвались, увлекая за собой в пустоту чёрного провала. Зев вертикального туннеля во-брал их в себя со скоростью межконтинентального экспресса. Следом за ними в воронку смерча начало всасывать и остальных. Двоих протащило по земле в нелепых позах, швырнуло о край насыпи, размозило головы, закрутило в вихре и унесло прочь внутрь подземелья. Оставшиеся трое спецназовцев ещё имели возможность цепляться руками за выступы развороченной земли, но и их влекла к себе какая-то потусторонняя сила, управляемая чьей-то необъяснимой волей. Раздирая до крови руки, вырывая ногти и ломая пальцы, Ремез с помощником протаскился по земле, заорал, схватил товарища за локоть, но тут же был вырван с ним какой-то чудовищной силой гравитации. Половина окровавленного сустава так и осталась в его руке, в то время, как самого помощника раздавило огромным давлением буквально всмятку. Ремез ещё что-то кричал оставшемуся у вездехода охраннику, как вдруг стремительно накатившая лавина чудовищного импульса подбросила его вверх, перевернула, разметала на куски и сбросила в воронку тоннеля. Оставшийся охранник бросился к дверям вездехода, попытался ухватиться за выступающую скобу, что-то прокричал в грохоте гула, но тотчас был отброшен назад. Последнее, что он увидел в своей жизни, было искажённое ужасом лицо Алисы, прильнувшее к иллюминатору вездехода. Вскоре и оно исчезло в бешеной спирали воронки. Его тело крутануло, расчленило пополам, разбрызгало внутренностями, сжало в некое подобие морского узла, всосало как пылесосом и растворило в закрытом пространстве колодца. На всё про всё ушло не более минуты.

Этого хватило, чтобы команда спасателей майора Ремеза перестала существовать в данном измерении. Останки и ошмётки их тел понеслись против часовой стрелки куда-то вниз, к расплавленной магме, к неведомой материи, к центру ядра Земли.

Всё было кончено.

Остаточный сегмент вихря покружил над размётанным по карьеру хламом и, словно не найдя ничего интересного для себя, с сожалением свернулся в точку сингулярности, вспыхнул в пространстве и пропал.

Навалилась тяжёлая и звенящая тишина. Ни Кропоткин с Минаевым, укрывшиеся в брезентовом навесе вездехода, ни девушки с баб-

кой-шаманкой совершенно ничего не слышали. Их слуховой аппарат пришёл в полную негодность. Из ушей сочилась кровь, стекая струйками на воротники комбинезонов. Все четверо уцелевших бросились оглушённые друг к другу, крича, но ничего не слыша. Одна Сафоновна, казалось, была на редкость невозмутимой. Она знала. Она предчувствовала. Она предполагала нечто подобное. Выбравшись из под брезента и рванув дверь вездехода на себя, Минаев прежде всего выволок оттуда Алису. Кропоткин помог Катерине. Последней спустилась шаманка. В глазах девушек читался самый настоящий ужас. Оба учёных развали как рыбы рты, но криков никто из них не слышал.

И в этот миг в расположение карьера нахлынула третья акустическая волна.

...Она же была и последней.

Алиса очнулась в какой-то давящей черноте. Ни звуков, ни движения, ни колебаний воздуха. Сплошной вакуум и звенящая тишина. Страшная тишина. Жуткая. Проникающая в сознание, словно инородный паразит, присосавшийся внутри. Пошевелила рукой, ногой, вскрикнула от режущей боли в области поясницы, разлепила непослушные веки, провела языком по распухшим губам.

— О-ох...

Что произошло? Отчего такая чернота? Где Катерина, где оба учёных, где Сафоновна? Попробовала крикнуть, но из выжженной давлением гортани раздался лишь едва уловимый хрип. От этой попытки она едва не лишилась сознания от боли в рудной клетке. Диафрагма, казалось, взорвалась внутри, отчего у девушки из воспалённых глаз брызнули слёзы. Едва встав на колени, она попыталась ползти, добравшись на ощупь к какой-то идеально круглой стене, словно отшлифованной до зеркального состояния. Очевидно, это был фрагмент того вертикального искусственного колодца, о котором упоминал Ремез и его люди. И тут она вспомнила.

— Господи!

Перед мысленным взором пронесли последние секунды жизни майора с его командой. Их расшвыряло, разметало, разорвало на куски чудовищным давлением, словно гигантским прессом. Всосало внутрь, низвергнуло вниз, поглотило и растворило в себе. Та же необъяснимая сила, очевидно, подхватила и её, когда она уже потеряла сознание. Но отчего так жутко тихо?

— Ка-теч-ка... — едва слышно простонала она, выдавив из выжженной давлением гортани лишь слабые звуки хрипа. — Где ты? Са-фонов-на... помо-ги-те. Лё-ша-а! Люби-мый...

Она кричала. Кричала хрипло и надрывно, задыхаясь в собственной сожжённой гортани.

То, что предстало перед ней, заставило её сознание взорваться от ужаса. Подползая к краю глубокого подземного котлована и вглядываясь в неоновое свечение у себя под ногами, девушка... закричала. За-кричала протяжно и безысходно. Из груди вырывался только сдавленный хрип, но в этом протяжном хрипе была весь тот ужас, что она увидела.

А именно...

...По всему периметру огромного, идеальной формы круглого амфитеатра, похожего на легендарные стены Колизея, в несколько десятков этажей, уходящих сплошными ярусами вниз светящейся бездны, сотнями и тысячами висели жуткие образования, похожие на коконы. Своими немыслимыми с математической точностью ячейками, напоминавшими пчелиные соты, они располагались внутри колоссального пространства, внезапно развернувшегося перед ней. В бреду памяти, рыдая и беззвучно крича в болезненном хрипе, девушка обводила безумным от ужаса взглядом эту жуткую исполинскую картину. Здесь были сотни, тысячи, десятки тысяч этих прозрачных коконов, похожих на огромные гроздья винограда! Конусообразными формированиями по несколько сотен сразу, состоящие из ячеек, коконы свешивались вниз, пропадая где-то в бездонной пустоте неоновой свечености. От этого света у Алисы слезились глаза, и без того полные слёз. Тут был весь животный биом острова, обитавший на нём в различные эпохи своего расцвета. Свисавшие огромные коконы мамонтов, шерстистых носорогов, мастодонтов, пещерных медведей, саблезубых леопардов и птиц времён неолита, напоминали целые коллекции реликтовых останков, словно их собирали целенаправленно, методично, год за годом, век за веком, тысячелетие за тысячелетием. Для каких-то неведомых, необъяснимых целей. Нижние ярусы были заполнены мумифицированными останками неандертальцев в шкурах. Следом за ними сплошными рядами располагались ячейки более поздних народностей, населявших остров и побережье материка после ледникового периода.

Это был настоящий *инкубатор* сохранившейся в коконах жизни. Это был СКЛАД!

Склад законсервированного для каких-то целей животного и генетического биома всех эпох Земли как планеты. Хранилище образцов ДНК. Гигантский АРХИВ уникально собранных за все времена генетических кодов зверей, птиц и первобытных людей. Своеобразная исполинская морозильная камера, не издающая холода, поскольку находилась под вечной мерзлотой. Неизвестно кем созданная, собранная в коллекцию и сохранённая на все времена.

И что самое страшное, отчего Алису едва не вывернуло наружу от всепоглощающего кошмара, прямо перед ней, когда она обвела потухающим взглядом всю площадь амфитеатра, прямо перед её глазами, в несколько рядов ячеек висели коконы...

Коли Рыбакова, он же рубаха-парень.

Кряжа, он же могучий сибиряк сорока лет.

Валентина Сергеевича Терентьева, начальника изыскательной группы раскопок.

Виктора Проняева, помощника Терентьева.

Дмитрия Олеговича Семехина, начальника посёлка и супруга Катерины.

Машиниста экскаватора.

Водителей самосвалов.

Геологов и товарищей её посёлка.

В соседнем ярусе сухими прозрачными коконами покоились совершенно целые и не повреждённые тела группы спасения. Вот их список:

Майор Ремез, командир.

Чижов, Сорузян, Павликов, его помощники.

Тела остальных спецназовцев.

Останки научных сотрудников Географического Общества Кропоткина и Минаева.

Все ячейки и соты были расположены среди бесчисленных коконов современного животного мира острова: песцов, медведей, птиц, росомах, моржей, лисиц, леммингов и прочих представителей биологических видов полярных широт. И замыкали этот жуткий ряд коконы...

Сафоновны, бабки-чукотки, она же старая шаманка.

Катерины, милой девушки, она же старшая подруга Алисы.

И, наконец...

Её Алексея.

— Лё-ша... — выдавила хрипом девушка. — Лю-би-мый... как же так...

И лишал чувств.

...Теперь уже навсегда.

Бесцветная, колыхающаяся и перекатывающаяся масса какой-то вязкой субстанции, ворочаясь, начала приближаться к ней, обволакивая своей расплывчатой структурой её тело, словно пелёнками. Процесс превращения Алисы в кокон занял не более минуты. Инеродная масса ещё немного поколыхалась, вздулась неким подобием пузыря, будто вздохнула и... опала, превратившись в бесформенный сгусток.

ХЛОП!

Раздался хлопок.

Отныне законсервированное тело девушки, превратившееся в кокон, должно было занять свободное место среди бесчисленных рядов и этажей подземного *инкубатора*.

Эпилог

А между тем, где-то в недрах карстовых пещер, почти у самых слоёв расплавленной магмы, вздыхая и опадая, вздымаясь и оседая, колыхался гигантский *цельный* ОРГАНИЗМ с единым в своём роде уникальным РАЗУМОМ. Этот инородный, прибывший куда-то из космоса ОРГАНИЗМ состоял из всего живого генетического материала Земли, накопленного им за несколько сотен миллионов лет. Накопленного последовательно, методично и целенаправленно.

...Полярная вахта острова Врангель прекратила свое существование на планете Земля.

Андрей Мансуров

Ташкент

КОНАН И ТЫСЯЧА КАМЕННЫХ ВОИНОВ

(Продолжение повести «Конан и сокровища пиратов» из сборника «Конан: новые приключения»)

О том, что деньги из пещеры Астига Безухого очень быстро закончились, перейдя из карманов команды «Вестрела» в заgreбушие лапы трактирщиков, и кошельки девиц лёгкого поведения города-порта Манзеи, можно даже не упоминать.

Но именно то, что они закончились, и сподвигло Конана и его хитроумного помощника Велтрана попытаться наконец найти кого-нибудь,

кто расшифровал бы им таинственную карту и записку на ней. Конечно, в недрах старого города в Кордаве они знали бы, к кому обратиться. Но команда так бурно предвкушала долгожданный «отдых», что корабль Конана не доплыл даже до столицы, остановившись в порту Манзеи. Как вначале наивно считал киммериец — временно.

Однако ничто не бывает настолько постоянным, как что-то «временное». И вот уже от денег почти ничего не осталось, а они с Велтраном — на базаре в старом городе. Свои «подпольные короли» и главы преступных «синдикатов», разумеется, имелись и здесь. И варвар отлично знал их всех — ещё бы, спустя годы «сотрудничества», а особенно — стольких дней «отдыха»!

Но в лавке менялы-Юркисса Конана ждало разочарование: сам Юркис лежал на огромной кровати в тёмной задней комнате, и, судя по всему, его земное существование подходило к концу: обжигающее дыхание горящего и сотрясающегося в лихорадке тела ощущалось даже на расстоянии двух шагов, а покрасневшее лицо даже словно светилось в полумраке каморки! Велтран поцокал зубом. Конан прокашлялся.

Сухопарый старец, дряблую кожу лица которого покрывали коричневые, почти чёрные, пятна, а сама кожа теперь не обтягивала кости черепа, а, казалось, существовала как бы отдельно, проваливаясь или выпирая в самых неожиданных местах, разлепил опухшие глаза, поморгал, и с полминуты шурился, всматриваясь в посетителей. Сказал:

— Малика, оставь нас.

Крупная пожилая женщина, главная жена Юркиса, скривила рот на бок, но возразить своему господину не посмела. Уходя, зыркнула на Конана пронзительным чёрным глазом. Еле слышным шёпотом сказала:

— Прошу тебя, капитан Конан! Вы же видите!.. Не дольше десяти минут! Да и то — только в память о твоих давних услугах! — после чего скрылась за парчовой занавесью, отделявшей заднюю часть опочивальни больного. Но Конан мог бы поспорить, что никуда женщина, разумеется, не уйдёт, а так и останется где-нибудь в тёмном уголке, прильнув чутким ухом к занавеске: подслушивать!

Ну, собственно, на то и жёны. И женщины.

— Подойдите ближе, Конан, Велтран. Моё почтение. Давненько вы не посещали моё заведение. Похоже, дела у вас пошли в гору.

— Спасибо на добром слове, Юркис. — зингарец, более тактичный и дипломатичный, чем всегда прямолинейный и конкретный, как удар топора, варвар, сразу взял инициативу в свои руки, — Да, в последнее время дела идут, хвала Мирте Пресветлому, неплохо. А что же приклю-

чилось с тобой? Мы так привыкли видеть тебя деловым и шустрым, что сейчас смотреть на тебя — настоящее мученье для наших чувствительных сердец!

Старик покудахтал. Очевидно, это должно было изображать смех. Конан и Велтран переглянулись, но промолчали. Старик пояснил:

— Люблю я тебя, Велтран. Ты — настоящий дипломат. Тебе бы в Диване каком заседать, да Фармоны-указы всякие сочинять да подписывать... А вот если вспомнить получше, в нашу предпоследнюю встречу именно ты сказал, что скорее прирежешь меня, чем согласишься на сорок процентов... Ну, ладно-ладно, — заметив вскинувшееся покрасневшее лицо киммерийца, собирающегося встать на защиту верного помощника, Юркисс поторопился уйти от скользкой темы, — Я так думаю, вы пришли два года спустя не для того, чтоб ворошить старые обиды.

Выкладывайте.

— Вот это — мужской разговор. — теперь Конан перехватил инициативу, подумав, что прожженный плут правильно делает, что сразу переходит к сути — может, ему и осталось-то... Несколько дней! Или даже — часов. И дорога каждая минута! — Как насчёт того, чтоб подзаработать?

— С моим большим удовольствием! — старик снова покудахтал, — Однако, разумеется, на долю, меньше, чем в двадцать процентов я не соглашусь!

Конан опешил:

— Какие двадцать процентов?! Ты — о чём? Я же ещё не начал...

— И не надо тебе начинать, Конан-киммериец. — по виду менялы теперь никто не сказал бы, что он только что был при смерти. Вот что делает с настоящим дельцом возможность срубить деньжат! — Думаешь, я не догадался в чём дело, как только Сухроб, — рука старца указала куда-то в угол, и Конан действительно заметил зоркий мальчишеский глаз, смотрящий на них с Велтраном из-за свёрнутого в углу ковра, — доложил, что вы входите в лавку? Кхе-кхе-кхе... Короче: у нас в Манзее только совсем уж глухой и тупой не знает, что твои ребята прогуливают сокровища Астига-безухого, которые вы нашли на его острове, острове Потерянных Душ. И что это, судя по-всему — только малая их часть. А остальная спрятана в надёжном месте. А где расположено это место — указывает манускрипт на карте... Написанный на древнестигийском.

Вот и давай её сюда. Ты же знаешь: в древнестигийском я — мастер.

— Мастер-то ты, конечно, мастер. Однако — двадцать процентов! Не-ет, это уж слишком. И не забывай: не один ты знаешь языки. Древние наречия знает и Хассан-кривошей. И Шухрат-одноногий. И Муртазбек. И...

— Ладно, хватит перечислять. Пусть будет пятнадцать!

Конан возмущённо (делано!) фыркнул:

— Юркисс! Пойми ты одну простую вещь! Мы ещё даже не знаем, что там хранится — ну, в том месте, которое указывает проклятая карта! А вдруг там — вовсе не сокровища?

— Сокровища там, или не сокровища — а я хочу пятнадцать процентов от того, что вы там найдёте! И не надо мне втюхивать про Хассана. Он меньше тридцати не возьмёт!

Конан, прикидывая, что примерно так и обстоят дела, тем не менее повозмущался, что это — чистый грабёж, и что сидя дома старик-меняла фактически ничем не рискует, а всю работёнку, вероятно, грязную и опасную, придётся делать киммерийцу и его команде, и при этом рисковать жизнью и прочее такое...

Как раз вот это — традиционный восточный торг! — и продолжалось минут десять.

Сошлись на десяти. И ещё Конан умудрился выторговать в счёт будущей добычи и три бочки солонины — но уже под двадцать процентов!

— Ладно. К делу. Где карта-то?

Конан достал из-под куртки тщательно оберегаемый, и завернутый в водонепроницаемый пергамент, свиток.

— Свет! — замечание относилось к мальчишке.

Словно по волшебству, спустя буквально пару секунд, за затылком менялы возникла площадка-коптилка с маслом, дающая, впрочем, вполне приличное освещение.

Старый плут долго и придирчиво изучал свиток. Щурился, морщил нос. Даже поколупал в паре мест кривым и грязным ногтем. Затем с видимым разочарованием откинулся глубже на подушки. Проворчал:

— Ничего не выйдет из нашей договорённости, Конан. Да и вообще — ничего не выйдет. Разве что ты найдёшь того, кто действительно знает этот язык.

— Погоди-ка, Юркис... Разве это — не древнестигийский?!

— Нет. Тут всё несколько хитрее. Древне-стигийский — только алфавит, — заметив недоуменные переглядывания Конана с Велтраном, меняла пояснил, — Ну, буквы, проще говоря. А само послание написано по пунисски. Этого языка не существует уж лет двести. Так же как и

самого государства. И народа. Вырезали их всех под корень кочевники из Вендии. Какая-то там у них была война на религиозной почве. То ли кому-то уж слишком противному и кровожадному поклонялись эти самые пунииссы, требуя от вендийцев людей для жертв, то ли ещё чего — никто точно не помнит. Но и народа и языка давно уж нет. И я даже не знаю, какой умник смог написать на нём целое послание.

— Ну, какой умник смог написать — мы знаем. Но от этого не легче. Потому что он тоже — того. Словом, там же, где и твои, Мардук их задержали, пунииссы.

Ты лучше скажи, что нам теперь делать-то?

— Хм-м... — старик пошкрёб в тощенькой козлиной бородке. — Что делать, я и сам пока не знаю. Одно могу сказать — если и есть где человек, владеющий пуниисским — так это — точно не в Манзее! Может, имеет смысл попробовать поискать там, где она раньше располагалась? Ну, пуниисская империя?

— А где это?

— Конан! Как не стыдно! Уж ты-то — путешествовал! Должен знать, где находятся Чёрные Королевства! Или уж — догадаться. Потому что Вендия — как раз через пустыню от них! «Любимые» соседи, словом.

— Ага, понятно. Что ж. Спасибо и на этом, Юркисс.

— Честно говоря — не за что, Конан. И знай: это — первый раз, когда я что-то рассказал тебе, или кому бы то ни было, фактически задаром. В счёт, так сказать, наших хороших и доверительных отношений! Или я такой добренький, потому что болею...

Конан насчит «хороших и доверительных» отношений не заблуждался.

Поэтому не удивился, когда их, уже стоящих на пороге, окликнул дребезжащий, но исполненный хитрецы и стали, голос:

— Конан! Если найдёшь переводчика, помни: солонину в долг дам даже под пятнадцать процентов!

Проходя мимо невольничьего помоста, где как раз огромный и голый до пояса распорядитель нахваливал очередную партию живого товара, обливаясь потом под нещадно палящим полуденным солнцем, и зло шипя на «мерзавцев», не желающих стоять так, чтоб видно было, какие они «здоровые и крепкие», Конан и Велтран препирались.

— ... а я сразу сказал, что ничего из этой затеи не выйдет! Эта гнусная сволочь наверняка неспроста зашифровала всё именно на пуниисском! Значит, это — или очередная его ловушка, или...

— Или памятка себе самому, любимому, чтоб не забыть чего. Особенно, если он к тому моменту, как её составить, просидел там, на острове, лет десять. Он же не мог не понимать, что шансы на то, что там его подберёт какой-нибудь случайный корабль — мизерные! Вот, наверное, и боялся забыть все... э-э... Тонкости.

— Вот именно Конан, вот именно! Потому что — что бы там не было, (Но вряд ли что-то такое, чего нельзя было бы продать — иначе эта старая лиса Юркисс и не заикнулся бы про проценты!) оно наверняка хитро спрятано. И — охраняется!

— Сам так думаю, помощник. — Конан положил могучую длань на плечо коротышки, преувеличенно тяжко вздохнув, — Поэтому у нас два варианта: продать эту карту какому-нибудь достаточно наивному простаку, — Велтран возмущённо фыркнул! — или найти-таки того, кто владеет пунисским.

На этот раз Велтран покачал головой, так выразительно глянув исподлобья, что Конан не мог удержаться от смеха.

Смех, однако, оказался прерван тоненьким и дрожащим голоском, доносьшимся с помоста, мимо которого они как раз протискивались:

— Если милостивому господину будет угодно, я владею пунисским!

Конан резко обернулся, остановившись. Да и Велтран, даже приоткрывший от удивления рот, поторопился глянуть: кто это тут такой «знающий»?!

«Знающим» оказался тощий и загоревший буквально до черноты, подросток — почти мальчик! — молящими глазами глядящий на них с невольничьего помоста, сложив перед грудью тощенькие ручки. Собственно, кроме этих самых глаз — весьма больших и выразительных, надо признать! — ничем выдающимся подросток похвастаться не мог: сквозь пергаментную кожу торчали рёбра, ноги выглядели столь тонкими, что вообще непонятно было, как их обладатель стоит на них, а впалый живот, казалось, прирос к позвоночному столбу: похоже, хозяин живого товара не слишком-то баловал своих «неперспективных» подопечных приличной, да и просто — кормёжкой.

— Ты владеешь пунисским? Это правда? Или ты просто пытаешься нас заинтересовать, чтоб мы выкупили тебя из лап злого хозяина?! — Конан, не скрывая скепсиса в тоне, сощурился, и смотрел на мальчишку так, как смотрел обычно на врага в бою: он действительно хотел напугать невольника, — Смотри у меня! Если я заберу тебя, и выяснится, что ты соврал — жизнь в застенках этого торгаша, — варвар махнул рукой в сторону как раз с очередным клиентом обсуждавшим достоинства зубов более-менее крепкой и здоровой на вид женщины, крепыша,

— покажется тебе раем! Потому что ни я, ни моя команда не любим лжецов!

Мальчишка затрясся: он явно не предполагал, что варвар может не поверить ему. Но когда рот снова открылся, сомнений или колебаний в тоне заметно не было:

— Это совершенно точно, если моему господину будет угодно: я владею пуниским!

— И кто же научил тебя ему? — Конан всё ещё сомневался.

— С позволения моего господина, моя мать, да примет Мирта пресветлый её безвременно упокоившуюся душу!

— Может, ты ещё и читать умеешь? — это влез скептически скривившийся Велтран.

— Умею, если милостивому господину будет угодно, и даже на восьми языках.

— И кем же эта, столь мудрая и многознающая женщина, была?!

— С позволения милостивого господина, женой Первого толмача падишаха Бахромбека второго!

Конан и Велтран переглянулись. Действительно, Бахром-бек второй торговал со всем Средиземьем. И толмач-переводчик при нём был известен, как отличный мастер своего дела. Без работы не сидел. Пока самого падишаха не убили в результате дворцового заговора. А его слуги и подданные не разбежались...

Конан решительно двинулся к лестнице на помост, откуда, ведя за верёвку на шее «покупку», как раз спускался давешний покупатель.

Забравшись наверх, Конан сразу подошёл к мальчишке, и мечом отрубил верёвку, которой тот был привязан к общему кольцу. Повернулся к продавцу:

— Я забираю этого!

— Э-э... Минуту, господин! Что значит — забираю?! Он стоит пять теньге!

— Наглая брехня. Я сам только что слышал, как упитанную и работоспособную женщину купили за два. Так что такой заморыш не может стоить больше одного теньге!

— Э-э... Ну хорошо, мой господин. Только ради вас! Три!

— Нет. Одно — и точка.

— Но милостивый господин, — смотреть, как крупные капли пота покрыли лоснящееся от жира лицо немаленького, в общем-то мужчины, который однако рядом с огромным киммерийцем и сам смотрелся словно подросток, и как идёт белыми пятнами кожа складчатого от жирка живота, возможно, было бы интересно. Но и Велтран и Конан

сотни раз видели в бою, как выглядит реакция труса. — Это же... Грабёж среди бела дня! Мой бизнес под покровительством самого наместника! И если я прикажу его страже...

— Давай-давай, прикажи. А я — свистну своим молодцам. Они как раз невероятно злы, потому что наверняка трезвы, а в долг им больше не наливают. И мы с удовольствием всей командой разнесём весь этот крохотный базарчик, да и полгорода заодно! Не говоря уж о том, чтоб шутя перебить всю ту банду недоумков, которую ты гордо называешь стражей наместника! Да и пора уж нам убираться из Манзеи. И как же обойтись без запоминающейся «прощальной вечеринки»?! А то этот ваш захолустный городишко достал меня — скука смертная. Здесь нет даже приличных шлюх! Вот и порезвемся на прощанье!..

Свистнуть?

По лицу торговца теперь лились совсем уж реки пота — да оно и верно: про Конана-киммерийца, его команду отчаянных головорезов, и их нравы и обычаи здесь, в Манзее, не знал только совсем уж тупой. Или глухой. Так что торговец пролепетал:

— Как моему господину будет угодно... Одно теньге.

Конан подумал было, что, собственно, деморализованному и втоптанному на глазах у всей площади скоту можно было бы — в воспитательных целях! — не давать и этого теньге... Но — он сам назначил эту цену.

А слово Конана — закон!

— Велтран. Отдай ему его мзду! — презрения в голосе варвара не заметил бы только верблюд, как раз привязанный к коновязи возле одного из столбов помоста.

Велтран извлёк монету из кошелька, который в свою очередь извлёк из-за пазухи. Монету попробовал вначале на зуб. И только после этого всунул в трясущуюся руку.

Конан на это уже не глядел. Осторожно, но крепко придерживая мальчишку за тощее предплечье, он уводил его с базара в направлении порта.

Поднявшись на борт, киммериец свистнул.

С полдюжины оставленных на всякий случай на корабле головорезов выскочили из кубрика мгновенно — вот что значит дисциплина и выучка!

— Парэс. Отведи этого... Как тебя зовут, кстати?

— Аннис, мой господин.

— Этого Анниси на камбуз. Пусть Занусс его накормит. Рувим, Вахид, Лейбен и Фатхулло. Бегом в город. Найти всех наших, и — немедленно на корабль! Отходим через час! Джапар. Сходи тоже на камбуз, выясни у Занусса, всё ли у нас запасено, и если не всё — вот тебе кошелек с двадцатью тенге — докупи. У тебя час.

— Слушаем, капитан! Слушаю, капитан! — его приказания всегда отличались конкретностью, и Конан знал, что недопонятым не останется.

А ещё он думал, что они с Велтраном разработали очень грамотную тактику: по приходе в любой порт с любой добычей на борту, вначале доукомплектовать продовольственные, водные, винные, и прочие запасы, а уж только потом — прогуливать остальное добытое! И пусть покупать из еды приходилось в-основном лишь такое, что не портится как можно дольше — типа той же солонины, сухарей, сухофруктов и тому подобного: пусть оно и не столь вкусно, зато — позволяет избежать болезней, и... Достаточно долго плавать автономно. Что для джентльменов удачи — важнейшее условие жизни! И работы.

Когда все разошлись — или, вернее сказать, разбежались, потому что попробовал бы кто исполнять приказы киммерийца с ленцой! — Конан задрал голову кверху. Так. Воронье гнездо придётся, конечно, переделывать. Потому что сейчас оно может выдержать вес только совсем уж лёгкого и сухопарого вперёдсмотрящего, типа Рнего или Шервана, а Конан и сам хотел бы иногда... Взглянуть. На что бы там ни было. Но это — позже. А сейчас нужно начинать готовиться к отходу. Поэтому неплохо для начала осмотреть не расчехляемые уже с месяц паруса. Осмотреть снаружи корпус. А то вдруг — оброс...

— Велтран! Посмотри-ка, кто там остался в кубрике. Пусть лезут на мачты, и... — на верного помощника полился поток ценных указаний. На которые толстячок и не подумал ворчать или кривиться: Конан и сам отлично знал, что тому больше нравится «свободный поиск», а не «прогуливание» уже добытого...

Потому что одно дело — истовая вера и надежда на Куш.

А другое — когда этот куш уже в кармане.

И он сразу кажется и маленьким, и... Банально скучным.

Только спустя три часа, когда осмотр всего, и особенно запасов в трюме, полностью удовлетворил киммерийца, команда в полном составе оказалась на борту, и паруса были подняты все, и «Вестрел» острым форштевнем рассекал море в паре миль от волнолома порта Манзеи, Конан зашёл наконец на камбуз.

— Занусс. Как тут наш новенький?

— Неплохо, капитан. Я даже не думал, что в столь маленькое тело может поместиться столь много... еды! — плотный загорелый кок хлопал мгновенно вскочившего с табурета мальчишку, всё ещё что-то жующего, по округлившемуся животу.

— Нет. Плохо. Плохо, что ты позволил ему есть столько, сколько он захочет. Потому что после «разгрузочной» диеты, на которой его содержал хозяин, эта хорошая пища может просто... — Конан не договорил, но Занусс хитро ухмыльнулся:

— Капитан! Ты же знаешь: я не вчера родился! Понимаю: что и как... Поэтому давал ему понемногу. И — только такое, где нет мяса. Варёный рис. Овощи. Кашу. Сухофрукты.

— Молодец. Хвалю. А теперь — давай-ка его сюда. Пора кое-что выяснить. Для начала — в какую сторону нам плыть!

Велтран уже ждал их в капитанской каюте, озаботившись разлить в огромные кубки вина из свежесобранной (ну как — «свежесобранной»: всё тот же месяц назад!) закупленной партии.

— За удачу! — они чокнулись и выпили. До дна. Конан кивнул мальчишке:

— Садись вон на тот табурет. Велтран. Расчисти место. — помощник поспешил удалить со столешницы перед Аннисом разный мусор, типа огрызков, остатков снаряжения, крошек, чертежей, и прочего, неизменно каким-то странным образом горой нараставшего на капитанском столе, добра, просто: смахнул рукавом всё это дело прямо на палубу!

Конан открыл дверь каюты и гаркнул:

— Вахтенный! Сюда! Со шваброй!

Спустя не более полуминуты палуба в каюте капитана сверкала чистотой. Конан закрыл дверь за Селимом, успевшим хитро глянуть исподлобья на странного подростка. Ещё бы! Нечасто чести сидеть за одним столом с Конаном в его каюте удостоивался даже кто-либо из команды! Разве что совсем уж отличившийся в очередной вылазке...

— Отлично. Вот он, документ, который тебе нужно перевести. — Конан вынул из-за пазухи свёрток с манускриптом, и бережно развернул тот. Но...

— Где карта, Неграл её раздери?! Или это — проделки нашего друга Юркисса?! Клянусь селезёнкой Хуршида, я прикажу развернуть «Вестрел», и ему не поздоровится!!! — рёв Конана, наверное, было бы слышно в Манзее, если б не попутный ветер, относивший всё, в том числе и звуки — вперёд, в открытое море!

— Расслабься, Конан. Карта здесь. — Велтран поторопился извлечь манускрипт, свёрнутый трубочкой, из широких шаровар.

— Но... Как она попала к тебе?!

— Очень просто. Там, у помоста, какой-то неприметный нищий, тащившийся как бы невзначай за нами от берлоги Юркисса, очень, надо признать, ловко, вытянул её у тебя из-за пазухи. Ну а я, спустя каких-то пару мгновений не менее ловко (Пришлось вспомнить кое-какие старые навыки!) вытащил её уже у него!

— Хм-м... Отлично, конечно, что у тебя навыки... Сохранились. Но... Как же я не почувствовал?!

— Когда работает профессионал, Конан, так и бывает. Мы же — тоже профессионалы. Только, — помощник подмигнул, — в другом деле!

— Н-да уж... А почему ты сразу не сказал?! Может, нам стоило бы остаться, да укоротить кое-кого там, в Манзее, на голову-другую?! Или хотя бы ручонки загребушие поотрубить?

— Вот именно поэтому и не сказал. Во-первых, потому, что не было никаких гарантий того, что нищий работает на Юркисса. А не «вольный стрелок»: шустрый и ловкий малый, не без оснований считающий, что уж у такого молодца, как капитан «Вестрела», всегда можно чем-нибудь стоящим разжиться. А во-вторых...

— Да?

— А во-вторых, это просто сильно задержало бы нас. Да и чего съестись-то, если карта — у нас? И «шустрый малый» так и так остался с носом? Представь, какую «плату» он получит от хозяина за работу? Если, конечно, работал по «заказу».

Конан усмехнулся:

— Н-да, пожалуй, ты, как всегда, прав. Выбрав самый простой и неожиданный способ. Улаживания проблемы. Уважаю. Помощник Велтран! Официально заявляю: ты получишь дополнительный пай. От всего, чего бы мы не нашли. Ладно, — Конан обернулся теперь к подростку, всё это время вертевшего так и сяк манускрипт, щурясь и что-то шепча про себя, ещё и покручивая в воздухе пальцами, словно что-то ввинчивая, и рывкнул:

— Ну? Что там?! Ты читать-то — точно умеешь?! Что ж ты крутишь-то пальцы да этот пергамент туда-сюда, словно это — лаваш какой?!

— Простите, милостивый господин! Потому и кручу, что — умею! В том числе и на древне-стигийском! Вот: видите? Здесь написано не так, как привычно нам: буквы-то те, стигийские, а вот само послание... Оно действительно на пуниском. Но идёт вот так: по периметру, по кромке: словно сходясь спиралью к центру!

— Что?! — Конану и правда было непонятно, — Как так — по периметру? Мы же ясно видим: вот они — строчки!

— Э-э, нет — тут штука похитрее! Начинается манускрипт традиционным: «Во имя Сета, всесильного и всезнающего! Я, Пантир, сын Гоолмена, прозываемый стигийцем, оставляю это послание себе самому, на тот случай, если забуду всё, что должен помнить!» Так. А вот дальше продолжается вот тут, — мальчишка перевернул документ вверх ногами, и продолжил читать:

— Человеческая память несовершенна, и я должен оставить мысль о том, что буду помнить обо всём и через пятьдесят лет. Да пребудет со мной милость покровителя моего, — Аннис повернул манускрипт снова вверх ногами, и продолжил, сощурившись, — Сэта несравненно! Если бы не тот факт, что все мои... э-э... нет, не товарищи, а скорее, подельники. Да — так правильней — подельники, оказались убиты воинами Барадеза четвёртого, корабль затоплен, а предводитель захвачен в плен, мне бы и не понадобилось писать этот, — снова поворот, — документ. Но я уверен, что даже попади он в чужие руки, никто не проникнет в тайну настоящего места хранения основной части награбленного Астигом Безухим, капитаном «Акулы», с помощью Пожирателя, потому что пишу его, — снова поворот, — на мертвом языке и буквами другого древнего языка. — мальчишка тяжело вздохнул, прокашлялся, и облизал губы, косясь на кувшин. Конан намёк понял, и налил полбокала. Мальчишка благодарно схватил предложенный кубок, и чуть ли не залпом выпил всё налитое, даже не поморщившись:

— Благодарю, милостивый господин! Поесть-то я поел, а теперь в горле... Словно в Сахаре!

— Хорошо. Но продолжай!

— Да, милостивый господин! — мальчишка вытер рот тыльной стороной кисти, и продолжил с того места, где остановился, — А для гарантии того, что его не сможет прочесть никто, кроме меня, — ещё поворот, повороты стали чаще, и Конан с Велтраном уже не обращали на них внимания, поглощенные содержанием документа. — я располагаю само послание по Релдизьердовой спирали, в тайну которой не может проникнуть простой смертный.

Так вот, главное: от реки, прозываемой зингарцами Понт Вендийский, если смотреть на устье со стороны моря, нужно плыть к востоку. В дне пути на корабле из пустыни вытекает река Танисс. По этой реке нужно подняться на пятьдесят три мили вверх, выйти на левый берег, у огромного белого камня-зуба, и двинуться перпендикулярно берегу, прямо вглубь пустыни, в направлении двойной вершины. Пройдя при-

мерно пять миль после чёрного утёса, нужно повернуть направо — вдоль русла давно пересохшего ручья. Ошибиться невозможно: это русло вымощено каменной мостовой. По этой мостовой нужно дойти до капища... богини Хаммуранж. Её храм стоит на острове посреди высохшего озера. И окружён каменными воинами...

Мальчик сощурился ещё сильнее, и приблизил документ совсем уж близко к лицу:

— Эти воины... они... непонятно — неразборчиво написано! Но вот тут дальше — понятно: «всё сложено прямо под её статуей, под алтарным камнем!»

Мальчишка ещё пощурился. Хмыкнул, и буркнул несколько разочарованно:

— Это — всё. Тут больше ничего нет, милостивый господин!

— Стало быть, Астиг и его команда спрятали награбленные сокровища — чертовски далеко, да ещё в заброшенных проклятых землях. — Велтран явно оказался не в восторге от услышанного.

Конан и сам почесал в затылке:

— Кашшагет их раздери. Вот уж молодцы. Неплохо придумано. Добровольно в пустыни между Вендией и Чёрными Королевствами мало кто решится сунуться. Хоть в одиночку, хоть — отрядом. Пусть и за сокровищами. Мёртвые места. Ни воды, ни растительности. Даже дожди не идут. Только иссохшие русла бывших рек и ручьёв, да буро-серая пустыня. Ну, ещё перекасти-поле да саксаул. Послание... Скажем так: не порадовало.

— И что, Конан, — Велтран выжидающе глянул на капитана, — Будем пытаться?

— А то! Разве мы — не самая отчаянная и сплочённая команда берегового братства?! Нам и древнего Пожирателя убить было — раз плюнуть! Что нам какие-то там якобы «проклятые земли»?! Зачем — «пытаться»? Просто пойдём и заберём!

Команда, которую Конан собрал на палубе, выслушала перевод стигийского документа внимательно. Но вот реакция...

Порывистый Рнего предложил бросить эту затею сразу, послав и её и проклятый документ к Негралу, и обратившись снова к традиционным способам заработка: «обработке» купеческих кораблей короля Вездигдета. Эльдорн, старейший член команды, уверовав в звезду и организаторский талант их командира, наоборот — предлагал начать как можно скорее:

— Уж можете поверить мне на слово: такой запасливый и злобный сволочь, как Астиг — уж точно отложил себе на чёрный день кусочек пожирнее! А то, что расположил подальше, и — в проклятых землях — нам только на руку! Значит, уж точно никто ещё эти сокровища не нашёл и не забрал!

— Не забрал-то — ладно... Лишь бы мы сами, попытавшись это сделать, не остались там... Охранять их напару с каменными воинами! — Лизандро, переглядывавшийся как обычно с Ксаро, не скрывал скепсиса.

— Что за бред! С нами — Конан! Вы что — забыли, что мы убили даже самого Пожирателя! И если Конан смог придумать план, как разделаться с самой кровожадной волшебной тварью пучин Лирваны, то уж в заброшенных-то землях нам с ним бояться нечего! Я — с Конаном до конца!

Все загудели и заспорили, но видно было, что речь Эльдорна, раньше не слишком-то уверенного в том самом «плане» киммерийца, а сейчас, похоже, заделавшегося рьяным его поклонником и фанатом, воодушевила всех:

— Даёшь сокровища! Всё правильно: с нами Конан! Он что-нибудь придумает! Кто не хочет — пусть сидит на «Вестреле», пока мы будем ходить за деньгами! А их долю — нам! Наверняка там горы золота!..

— Так, тихо, — после окрика киммерийца мгновенно наступила тишина, словно прозвучали трубы Последнего Суда, — Мы — вольное Братство. Решим как всегда. Кто согласен идти со мной до конца — перейдите сюда — он показал себе за спину, — Кто не согласен, имеет на это право. Пусть остаётся на корабле, но... Доли этой добычи он тогда лишается! Давайте, переходите.

Конану было приятно, что стоять перед ним не осталось никого. Команда, дружно и быстро перешедшая за его спину, после выкрика Велтрана: «Да здравствует капитан Конан!», принялась орать, свистеть и улюлюкать. Конан улыбнулся. Поднял руку, призывая к тишине. Крики стихли. Варвар обернулся к помощнику:

— Сегодня к ужину — три бурдюка — в кубрик!

Ответом были новые крики и довольное ржание.

Конан не стал тормозить энтузиазм, однако сам вовсе почему-то не чуял такового.

Внутренний голос говорил ему, что основные проблемы у них...

Ещё впереди.

Ну и что?

Встретив очередную, они обязательно что-нибудь — да придумают!

Плавание, как ни странно, проходило без особых волнений и приключений. Разве что два раза попали в штиль — на три, и на один день.

Конан из разговоров команды краем уха слышал, что новенький, которого его головорезы с традиционными шуточками и прибаутками разместили в самом тёмном углу кубрика, повесив его гамак возле самой носовой переборки, прижился неплохо: во-всяком случае, ржал над побасенками Эльдорна вместе со всеми, и от работы не отлынивал. А поскольку новых синяков и ссадин на его теле не появилось, Конан решил, что с уживчивостью и юмором у нового юнга всё в порядке.

Генеральную уборку проводили только один раз — как раз на второй день первого штиля. Аннис по этому поводу высказался в том смысле, что даже в особняке предыдущего хозяина он так старательно медные детали такелажа не надраивал. На что Рувим проворчал, что, дескать, пусть скажет спасибо, что его не заставляют надраивать якорь. Конан удивился: ухмыльнувшийся во весь рот Аннис, оказывается, знал про этот традиционный прикол для салаг:

— Уж чего-чего, а бесполезной работёнки я за свою жизнь навиделся. Прикажет капитан Конан — надраю и якорь!

Рувим хлопнул паренька могучей дланью по спине:

— А ты молодец. Соображаешь! Похоже, вольёшься к нам в команду!

На третью неделю показалось побережье: Конан сам осмотрел его из заново отстроенного корабельным плотником Ксаро вороньего гнезда: теперь в нём можно было смело располагаться хоть втроём.

— Внимание, команда! Высаживаться будем по очереди. Здесь, на «Вестреле», останутся десять человек. — чтоб унять ропот возмущённых голосов, Конан продолжил, — Они получают точно такой же пай, как и остальные, те, кто пойдёт. А вот кто пойдёт — пусть определит жребий. Так всё будет справедливо!

Жребий определил. Конан, расположившийся на носу шлюпки с партией тех, кто должен был разбить на берегу временный лагерь, с интересом наблюдал, как приближается полоса прибоя: белые бурунчики волн неторопливо набегали на пологую отмель из ослепительно сияющего под полуденным солнцем песка. Он первым прыгнул и на отмель, в который шлюпка ткнулась носом. Полоса джунглей, виднеющаяся за ста шагами пляжа, казалась безопасной, но он всё равно проверил, легко ли меч вынимается из ножен. Двадцать ржущих и подка-

лывающих друг друга молодцов поспешили закрепить шлюпку за очень даже подходящую корягу на берегу, у самой кромки воды.

— Лизандро, Халед. Возьмите мальчика, да проверьте — что там, в джунглях. Не расслабляться! Быть внимательными! То, что никого не видно — ничего не значит!

Когда трое разведчиков скрылись за полосой прибрежных кустов, Конан приказал:

— Ну-ка! Быстро грузим всё что привезли — назад в шлюпку! Отдать швартовы! Отплываем от берега на пятьдесят шагов!

Если кто из пиратов и был удивлён странным приказанием, никто не посмел возразить или что-то спросить: все отлично знали: капитан Конан просто так ничего не делает!

Действительно, не прошло и пяти минут, как из леса, с двух его сторон, появились Лизандро и Халед. Они что есть сил бежали к шлюпке и, бросившись в воду, за каких-то пару десятков гребков преодолели те двадцать шагов, на которые она успела удалиться. Как только им помогли взобраться на борт, из подлеска появился и Аннис: изо всех сил он тоже бежал к лодке, истошно вопя:

— Конан! Капитан Конан! Господин! Почему вы бросаете меня?! Ведь здесь никого опасного нет?!

Конан, приосанясь, встал на корму, которой шлюпка уже оказалась развёрнута к берегу, и от которого её отделяло теперь действительно не менее пятидесяти шагов:

— Вот именно, почтенный Аннис, вот именно! На острове Потерянных Душ, действительно, кроме тебя — сейчас живых нет! Поэтому располагайся со всеми возможными удобствами: хочешь — поживи пока в пещере Астига Безухого, хочешь — построй себе шалаш на побережье. И — молись. Молись, чтоб наша экспедиция завершилась удачно, и мы смогли на обратном пути забрать тебя. Потому что если этого не сделаем мы — не сделает никто! Сюда ни один нормальный капитан не заплывёт добровольно!

И кстати — можешь убрать личину. И принять свой обычный вид.

На глазах удивлённой команды маленький и безобидный на вид мальчик медленно превратился — как бы перетёк! — в весьма тощего и высокого мужчину. Явно средних лет, но абсолютно седого. С огромной окладистой бородой, сильными пальцами, и жилистыми загоревшими до черноты руками. Очень злобно глядящего на уплывающих:

— Мардук тебя задери, Конан! Когда ты догадался?

— Да ещё на помосте для невольников! Все твои рубцы от якобы бича казались такими... Натуральными! Пока я не потрогал один из них

рукой — ну, помнишь, когда я тебя уводил с помоста? — и не выяснилось, что он просто нарисован! Ну, или не нарисован — а просто выглядывает рубцом. А на самом деле там, под ним — гладкая и упругая кожа! (Кстати: кожа у мальчишки, которого плохо кормят и хлещут кнутом, просто не может быть столь гладкой и холёной!) Да и потом ты облажался: прочёл и расшифровал всё слишком быстро для мальчишки без опыта. Да и не может никакая мать научить этому — как ты тогда сказал? — Спирали Релдизьерда! Я уж не упоминаю про то, что ты слишком спокойно и легко для мальчика — даже не покривившись! — выпил коринфского! И ни на вот столько, — Конан показал кончик пальца, — не захмелел! Так что твои поспешность и любопытство снова сказали мне, кто ты на самом деле. А уж подсыпать тебе сонного порошка в вино было совсем не трудно! Вот, пока ты спал, мы с Велтраном всё и обсудили.

Что нам с тобой, хитро...опым стигийским колдуном, делать!

— Во первых, не стигийским! — колдун вроде как даже оскорбился, — а немедийским! А во-вторых... Конан, ты же не можешь меня вот так, здесь, действительно — бросить?! Это... Это же — чистое убийство! Здесь же наверняка водятся змеи, крокодилы, многоножки, твари всякие! Ядовитые!

— Ядовитая тварь сейчас на острове только одна! — Конан заржал, его спутники подхватили, — и это — ты, Аннис, или как там тебя на самом деле! А насчёт своей жизни — не бойся. Стигиец Пантир, который оставил нам свой манускрипт, выживал здесь не меньше тридцати лет. Я надеюсь, что наша экспедиция за сокровищами столь долго не продлится!

— Но Конан... Вы ведь и правда — можете погибнуть! Или что-нибудь помешает вам вернуться за мной! Ну, там, ураган, шторм, кораблекрушение — да мало ли! Да и манускрипт... Там ведь наверняка не всё написано! Какие-нибудь ловушки или колдовские секреты есть! А я мог бы вам помочь! Прямо там, на месте! Может, передумаешь, и возьмёшь меня? Обещаю: ни вредить, ни обманывать больше не буду!

На этот раз уже вся команда шлюпки ржала так, что из джунглей, возмущённо вереща, и хлопая крыльями, вылетела огромная стая разноцветных, словно радуга, попугаев, и стремительно улетела куда-то вглубь острова. Колдун возмущённо топнул ногой:

— Вы мне не верите?! А зря! Я точно уверен — ловушки есть!

— Почему — не верим? Верим. Более того: если мы в чём-то и уверены — так это — как раз в этом! Мы уже сталкивались с гнусным нравом и грязными приёмчиками того, кто оставил нам этот манускрипт! И

точно знаем: просто так до сокровищ Астига Безухого ни нам, ни кому бы то ни было, не добраться! Но так что с того?! Мы и в первый раз отлично справились со всеми его подлыми придумками!

Так что располагайся тут с удобствами, как тебе будет угодно. И моли Мирту Пресветлого, или кого-нибудь из своих Богов, чтоб наш поход завершился благополучно.

И как можно быстрее!

Когда остров Потерянных Душ давно скрылся за кормой, а к концу подходил уже второй бурдюк из запасов давешнего коринфского, Велтран, уже двигавший только глазами, да и то — еле-еле, проворчал:

— Может, всё-таки что-то было... разумное... в его предложении? Может, надо было захватить его с собой? А то — мало ли... А вдруг он и правда... Просто не всё перевёл!

— Удивляюсь я тебе, помощник. Уж больно ты доверчивый. Неужели опыт общения с другими магами, и колдунами-почитателями Сэта Тёмного, ничему тебя не научил?

— Научил.

— И чему же? — Конану пришлось сесть, потому что Велтран явно уже не мог задрать кверху голову, чтоб взглянуть ему в глаза.

— Тому, что без помощи любого мага лучше обойтись. Во-всяком случае, до тех пор, пока с нами — ты, Конан!

Конан не без удовлетворения отметил, что храп его помощника, огласивший каюту сразу после высказывания этой сложной и явно оказавшейся почти непосильной для ускользающего сознания, мысли, вполне здоровый и бодрый.

Значит, Велтран явно не лукавил, а сказал то, что думал.

И что, собственно, думала и вся команда. Иначе с чего бы они столь сплочённо и охотно поддерживали своего капитана во всех его, даже самых невероятных, начинаниях?! Например такого, как охота на давешнего Пожирателя: древнего не то — монстра, не то — Полубога.

Но ведь убили же они чудовище?!

Хотя раньше никто из простых смертных наверняка никогда такого не делал...

Конан подумал, что груз ответственности велик. Подлостей и ловушек ждать наверняка надо.

Нужно подумать, какими они могут быть — на диком-то и проклятом побережье.

А ещё надо придумать, как справиться с ними. Причём так, чтоб все его товарищи — уцелели!

Иначе что он будет за капитан?!

Побережье поражало странным ощущением заброшенности.

— Чего удивляться, что здесь ни одна собака не хочет высаживать-ся! Я бы ни за какие коврижки добровольно сюда не сунулся! — Рнего как всегда говорил то, что чувствовал и думал. А сейчас даже сплюнул в сердцах за борт.

— Брешешь ты, Рнего, как сивый мерин, — Нэш усмехнулся, — Вот: лезешь же!

— Ну так!.. Не за коврижки, а за этикие красивые золотые кругляшки! Их ещё называют деньгами! Но побережье... Бр-р, мягко говоря! — Рнего передёрнуло.

— Да, пожалуй, нескоро кабатчики из Кордавы захотят открыть здесь новые заведения. — Эльдорн держал большие пальцы засунутыми за широкий пояс, на котором красовалось два кинжала и сабля из аквилонской стали, — Так что, боюсь, всё питьё нам придётся тащить с собой.

Конан подумал, что ветеран зрит, как всегда, в корень: пустынный вид побережья в обе стороны от русла Понта Вендийского оставлял гнетущее впечатление: ни джунглей, ни кустов, ни даже травы. Зелёной. Потому что сухой травы, да ещё голых ветвей саксаула на дюнах, окружавших русло шириной в добрую милю, имелось достаточно.

— Странно это, Конан, — это в разговор влез подошедший незаметно сзади Велтран, — река — огромная, и вода пресная... Но почему здесь не растёт ничего? Помнишь ведь: везде, где есть река, по берегам и деревья, и кусты... Обычно чуть ли не на мили!

— Не знаю, Велтран, почему здесь — так. Разве что дело в том, что этот Понт размывает какие-нибудь — или ядовитые, или неплодородные — породы, и откладывает наносы из них на своих берегах: вон, видишь? И берега и цвет воды самой реки какой-то...

Нездоровый!

То, что цвет воды, мягко говоря, нездоровый, видели все. Да и верно: когда это цвет воды в реке бывал ярко-оранжевым?! Явно тут не всё в порядке! Иначе и люди бы селились по берегам: как же не использовать столь удобную транспортную магистраль для проникновения вглубь побережья?! Да и город возник бы непременно: где же ещё базироваться купцам и ремесленникам, обслуживающих всегда тех, кто открывает и осваивает новые плодородные, или богатые какими-нибудь другими достоинствами, вроде жемчуга, железных руд, или алмазов, земли?

— Так, ладно. Собственно, нам плевать, как выглядит само это устье. Пусть даже и разбитое островами и мелями на десятки рукавов. Главное, что сомнений в том, что это — тот самый Понт Вендийский — никаких нет! А нам нужна река Танисс. И до неё при попутном ветре — день плавания. На восток. Вот и поплыли. Помощник! Поднять снова все паруса! — Конан бодро улыбался, хотя если признаться честно хотя бы самому себе, местные «красоты природы» и на него произвели гнетущее впечатление. Уж больно...

Безжизненно тут всё.

Не видно даже обычных животных, или птиц.

Как пить дать, тут что-то... Колдовское!

Не даром же побережье носит название Проклятого...

Река Танисс, к счастью, оказалась вполне обычной рекой. И даже вода в ней оказалась чистой, (почти) и холодной. Конан, пошкребя многострадальный затылок, подумал, что это — вероятней всего от того, что питают эту реку наверняка снега и льды, таящие там, в горах, острые вершины которых отлично просматривались за пустынным, как и сутки назад, побережьем. Но деревья и даже кусты вдоль русла речушки не более чем ста шагов в ширину, тоже почему-то не росли.

Это не помешало Конану и команде завести «Вестрел» прямо в русло, и, пока дул приличный попутный утренний бриз, продвинуться вверх на добрых пять миль. Тут ветер «коварно и подло» по словам Лейбена, стих. Конан сердито хмыкнул: команде явно придётся или поработать, или оставить корабль здесь, на пока ещё глубоком фарватере, а дальше двигаться на шлюпках. Или пешком.

Его не устраивали ни такой ни такой вариант: ведь тогда придётся делать ещё временный лагерь в том месте, где нужно будет удалиться от реки, и, следовательно, оставлять часть людей и на корабле, и в этом лагере. Но всё его естество, и навыки, полученные в сотнях битв, противились такому неоправданному разделению сил.

Поэтому ровно половина команды оказалась после обеда перевезена на берег.

Там достойным представителям берегового братства пришлось засучить рукава, взяться за толстенный канат, и тянуть на буксире за собой немаленький «Вестрел» вверх по течению. Вначале, разумеется, пираты ворчали и препирались друг с другом за место, и за то, чтоб никто не отлынивал: «Тяни, гад такой, а не кряхти тут для вида!». Конан, высадившийся с береговой партией, но помогать тянуть не спешивший, ворчание и склоки быстро пресёк. Но шёл рядом со своими

людьми, всё время внимательно оглядываясь по сторонам, до самого заката. Закат здесь показался варвару чересчур уж кровавым...

Хотя киммериец ничего подозрительного пока не заметил, «Вестрел» на всякий случай поставили на якорь посреди русла, неторопливо несущего свои воды по равнине, а ужинать — и весьма плотно! — решили тоже на корабле: мало ли!..

Переночевали на борту. Утром, ещё до восхода, плотно позавтракали. И пока было более-менее прохладно, вторая половина экипажа повлекла корабль дальше. Конан снова шёл рядом с вынужденными бурлаками, но даже его сверхобострённые инстинкты и слух со зрением не обнаружили ничего. Но там, глубоко внутри, он чуял: что-то или кто-то ждёт их впереди...

После обеда береговая партия снова поменялась с «бортовой». Конан продолжил поход, теперь уйдя чуть не на полмили вперёд: иссохшая трава и каменистые россыпи, встречающиеся в песчаных дюнах всё чаще, делали поход гораздо удобней. Но те пираты, что теперь почти не утопали, как первые мили, по колено в песок, и тянули канат против усилившегося течения, от такого «облегчения» меньше ворчать вовсе не стали.

На следующее утро всё повторилось, только теперь песка под ногами почти не было, и дюны окончательно сменились каменистыми холмами и небольшими плато, на которых имелаась даже земля, покрытая корочкой съевшихся струпьев — такыры. День прошёл как обычно, и ворчания теперь слышалось куда меньше: все поняли, что разговоры только мешают тянуть.

Ночевали снова на «Вестреле», и посты на ночь Конан удвоить не забыл. Но ночь снова прошла спокойно — он даже поудивлялся вслух, на что верный помощник скептически буркнул:

— И хвала Мирте Пресветлому, что пока «приключениями» и ловушками не пахнет! Но помяни моё слово, капитан: они где-то там, — толстячок кивнул обросшей и начавшей сесть головой вглубь суши, — имеются!

Конан не ответил, поскольку и сам так считал. Хотя он отлично понимал и то, что раньше времени волноваться смысла нет: препятствия и ловушки от их «нервов» никуда не исчезнут! А они только зря взбудоражат команду, если начнут своим поведением и разговорами показывать, что волнуются.

К обеду добрались.

— А что, очень даже миленький камешек! Только вот не пойму, кто его здесь установил. — Велтран, похлопывая по белейшей, сверкаю-

щей словно полированный мрамор самых драгоценных сортов, поверхности, поглядывал то на Конана, то на макушку десятисаженного камня, словно клык торчавшего из окружающего щебня. Ни следа других камней, или скал, от которых такой «зуб» мог бы отколоться, вокруг не наблюдалось: пустыня и пустыня! Вот только вместо песка — гравий и галька!

— Насчёт того, кто «установил» — не знаю. — Конан тоже поглядывал, но больше — на бесплодную равнину, простиравшуюся за зубом насколько хватало глаз, и единственным «украшением» которой являлся пологий невысокий холм в паре миль от берега реки, — Но камни и скалы здесь определённо были: вон, смотри, сколько щебня! И гравия. Значит, камни точно имелись. Только разрушились. Думаю, что от времени. И погоды.

— А что — погода, Конан?! Не думаю, что здесь выпадает больше пары капель дождя за целые годы! Да и суровых зим со снегами и льдом здесь, в сердце Чёрного континента, не бывает. Ветер? Так его нет с тех самых пор, как мы вошли в устье Танисса, и ребятам поэтому и пришлось тащить корабль на буксире! И непохоже, что хотя бы дохленький ветерок появится, — действительно, и пираты и сам киммериец в непривычном безветрии и гнетущей, почти осязаемой, тишине, буквально обливались потом, и вынуждены были постоянно прикладываться к флягам — благо, набрать питьевой воды в реке было недолго.

Конан похмурил густые брови, и сердито кивнул на окружающий ландшафт:

— Твоя правда, помощник. Значит, будем считать, что скалы разрушены временем. И никакие чародеи со своими зловещими ритуалами к этому руку не приложили.

Велтран пытливо посмотрел на киммерийца. Судя по-всему ничего утешительного или бодрящего в облике капитана не увидел. Проворчал:

— Вот умеешь же ты, Конан, вселить в своих подчинённых и друзей уверенность в будущем и бодрость духа!

Конан не выдержал, убрал с чела напускную серьёзность и весело заржал, качая лохматой головой:

— Да ладно тебе, Велтран! Могу я хоть изредка пошутить?! А то на вас всех и смотреть-то страшно: Лейбен каждую минуту озирается, как будто за ним охотится стая полярных волков, Нэш — целует ладанку, которую носит на груди, а Шерван так вообще: всё время что-то бормочет: не иначе — молится!

— А даже если и так, Конан, что с того?! Ребята боятся. И боятся, как мне кажется, правильно: не зря же эти места считают проклятыми, и никто здесь испокон веков не селится! Может, конечно, слухи о битвах, происходивших здесь между древними богами — и неправда... И скал тут просто не было... Но где же тогда — хотя бы растительность?!

— Плевать нам на растительность. Которой нет. Но ведь когда-то же была?! Вон: сухих палок от саксаула будет вполне достаточно для костра, чтоб приготовить ужин, и поддерживать на ночь огонь. Так что сегодня разбиваем лагерь прямо у подножия этого «зуба», и ночуем, наконец, на твёрдой земле!

Половину ночи, действительно, провели спокойно и умиротворённо. Только часовые добросовестно «бдили» во все стороны от площадки, где расположились пираты, и даже стрёкот цикад, или пищание летучих мышей не отвлекали их от охраны. Потому что не было тут ни обычных в любой, даже пустынной, местности, цикад, ни летучих мышей.

Поэтому когда вскоре после полуночи откуда-то из середины лагеря раздались истошные крики, сразу заставившие всех мужчин вскочить, и начать размахивать выхваченным оружием, даже вскочивший на ноги в долю секунды Конан удивился. Но осмотрелся вокруг мгновенно. И отреагировал на ситуацию быстро:

— Заткнуться всем! Убрать оружие, пока не покрошили друг друга в салат! — тишина (ну, относительная!) наступила как по мановению волшебной палочки. Сам варвар, первым подал пример, сунув тяжёлый хайбарский меч в ножны. Спросил:

— Кто орал?

— Это я, капитан! Я орал! — Арристарх, глаза которого, блесквшие необычным светом в зареве костра, расширились, казалось, на поллица, вышел вперёд, поддерживая бессильно висящую левую руку — правой, — Меня... Ранили!

— Да-а?! И как же это, интересно, произошло, если часовые на месте, и они никого не заметили? А ты спал почти в середине нашего лагеря?

— Не... Не знаю, Конан! Но вот — рука! Она не движется! И ничего не чувствует — словно онемела. А вот здесь — болит!

— И как же это получилось? — Конан, подойдя, внимательно осмотрел место, где «болело». Нахмурился. Кровь и опухоль имелись несомненно...

— Ну... Я спал. И вдруг проснулся — от боли! В руку словно бы вонзили кинжал! О-о!.. Да ты же и сам видишь, Конан! Вот: есть и след от кинжала!

Конан подвёл пострадавшего поближе к огню, и снова развернул руку раненным местом к свету костра, куда Велтран уже поторопился подбросить хворосту из тоненьких, но неплохо горящих иссушенных веточек саксаула.

Хм-м... Рана на предплечьи бедолаги кровоточила. Правда, казалась неглубокой. И — словно двойной. Конан прищурился. Снял со лба Арристарха платок, повязанный вокруг лба, и плюнул на него. Потёр рану и кожу вокруг неё. Надо же — на удар оружия не похоже. Но где-то он уже подобные раны...

— Всем — встать! — пираты, попробовавшие было снова расположиться дальше на отдых, поторопились вскочить, — Осмотреть себя, осмотреть друг друга! Мы ищем огромных насекомых! Вроде муравьёв... Или каких-нибудь сколопендр, или фаланг!

Все загалдели. Но вскоре порядок восстановился: пираты осматривали друг друга со всех сторон, и ругались уже потихоньку. Правда, к счастью, никого ни на ком не нашли. Что Конана не слишком удивило: если это — муравьи, они всегда вначале высылают не поиски пищи разведчиков. А уж потом атакуют всей армией. Но где же тогда эта...

Ворчание и гул голосов, как и мысли Конана перекрыл крик Руви-ма, одного из дозорных, назначенных для присмотра за западной частью равнины:

— Конан! Скорее сюда! Думаю, тебе нужно на это посмотреть!

Конан не стал мешкать: ведь укусил же кто-то Арристарха! Значит, врагов может быть много! Врагов не разумных, а повинующихся инстинкту. И от этого — ещё более грозных! Потому что будут нападать, если почуют добычу — неумолимо, и не считаясь с потерями!

И точно. Самые худшие опасения подтвердились!

Из глубины чёрной пустыни к лагерю пиратов катился словно бы ещё более чёрный вал: из мельтешающих крошечных телец, тихо шелестящих по камням и щебню миллионами лапок! Этот невысокий, но казавшийся весьма плотным, вал, покрывал огромное пространство: не меньше сотни шагов по фронту, и нескольких сотен — в глубину!

Конан, любивший трезво оценивать ситуацию, заорал:

— Забрать всё, что сможете нести на себе! В первую очередь — оружие! И — бегом к берегу. Грузиться в шлюпки! И — на корабль!

Уже на корабле, проконтролировав, что все живы и даже относительно целы, (десяток синяков, полученных в небольшой давке и от-

давленные в спешке ноги — не в счёт!) киммериец убедился, что их поспешное бегство явилось мудрым решением: растянувшийся теперь вдоль реки фронт атакующих достигал нескольких сотен шагов в ширину. Да и в глубину, казалось, превышал ширину самой, довольно широкой здесь, реки.

— Проклятье! Неграл их задери! Что же нам теперь делать-то, Конан? Мы ведь даже на берег высадиться не сможем?! — растерянность в тоне Зенло не укрылась от варвара.

Понимая, что и остальные партнёры по добыванию древнегоклада ждут от именно него, как своего капитана, какого-нибудь объяснения или решения, как быть дальше, Конан сказал:

— Что делать — решим завтра. Не думаю, что эти твари будут держать нас в осаде. Да и не может армия насекомых торчать здесь, на пустынном и жарком берегу, без пищи и тени, вечно. Они тогда просто попереходят: под лучами солнца и с голоду.

— Хм-м... Это было бы уж слишком хорошо, Конан, — Велтран хохотнул, — Хвала Мирте Пресветлому, что мы ещё не удалились от реки, и лагерь был недалеко от «Вестрела». Так что то, что мы живы, и даже не покусаны — ну, почти! — заслуга целиком твоя. Это ты настоял на таком решении.

Толпа пиратов одобрительно загудела:

— Да! Хвала Мирте Пресветлому! Какой молодец наш капитан! Спасибо, Конан! Если б не река!.. Вот сволочи какие! Охотятся ночью!

— Нет, не думаю, что они охотятся. — Конан хмурился, так как пока не придумал, как покончить с тварями, оккупировавшими берег, — Муравьи — не охотники, как, скажем, осы или пауки. Они — собиратели. То есть — едят всё, что найдут съедобного: растения или падаль. Ну, если найдут добычу, которая не сможет от них убежать, или улететь — нападают, конечно... А обычно просто высылают из муравейника во все стороны собирателей-разведчиков. — Конан уже имел кое-какой опыт общения с муравьями*, и говорил достаточно уверенно, — И тот, который укусил Арристарха — и был как раз одним из таких разведчиков.

(*См. роман «Конан и волшебник с севера».)

И вот ещё что я думаю. Нам нужен хотя бы один такой муравей. Чтоб мы хотя бы знали, с кем и как нам предстоит бороться.

— Без проблем, Конан. Хочешь, я быстренько сплываю, и добуду одного? — энтузиазм Рнего так и искрился, и остальные пираты даже стали подтрунивать, и посмеиваться, но Конан отнёсся к делу серьёзно:

— Нет. Никаких «быстренько». Сейчас ты и шестеро гребцов сядут в маленькую шлюпку, и подплывут к берегу. Но вначале возьмишь на камбузе у Занусса большую кастрюлю с хорошей крышкой, — Занусс возмущённо фыркнул, но Конан реакцию кока проигнорировал, — и зачерпнёшь ею хотя бы парочку этих тварей. Не рискуй зря. Мало ли какую гадость они кусали своими жвалами! Можно и подцепить какую-нибудь заразу!

— Конан! А как же тогда — моя рука?! — глаза Арристарха, всё ещё бережно придерживающего укушенную руку казались теперь ещё больше, — Она же... распухла?! И теперь — словно горит!

— Э-э, не бери в голову! Это просто их, ну, муравьиная, кислота! Она едкая, но — не смертельная. Это не яд. Но всё равно: пойдёшь в мою каюту, достанешь из ларя под койкой большую суму. Там, в кармашке, есть склянка с бальзамом. Зелёная такая. Намажь укус, и через пару дней всё пройдёт!

— С-спасибо, Конан! — Арристарх двинулся, чуть покачиваясь, к каюте. Рнего, не без основательных препирательств типа, «из этой вы все едите суп», «а эта — для компота!», как посмеиваясь про себя, слышал Конан, добыл наконец у кока кастрюлю. И с шестёркой гребцов слез по верёвочному трапу снова в шлюпку. Занусс ободрил:

— Если кастрюлю утопишь, или испортишь, я вычту из твоей доли. А тебя буду кормить только солониной! Без первого, и без десерта!

— Ладно тебе, Занусс! — Рнего заржал, — Не думаю, что эти твари способны прогрызть медь! Кстати: я что-то не припомню, чтоб ты когда-нибудь кормил нас десертом!

— Ну вот теперь — точно его и не увидишь!

Вал из чёрных телец у кромки воды между тем явственно шевелился: твари упорно пытались добраться до вожделенной добычи, бегая вдоль берега. Но — безуспешно: течение уносило отчаянных смельчаков, пытавшихся доплыть до темнеющей в ночи громады корабля, где скрылись восхитительно пахнущие тела крупных двуногих!

Однако отсюда, с безопасного борта, сами тельца тварюшек не выглядели уж слишком большими или грозными.

Конан, повидавший и куда более опасных представителей мира членистоногих и насекомых, подумал, что не удивился бы, даже если бы странные твари, обитающие в пустынной проклятой стране, могли и правда — прокусить чёртову кастрюлю.

Ничего: если что — запаять медный сосуд будет нетрудно!

Спустя буквально пять минут экспедиция за мурашиками, как окрестил её Эльдорн, благополучно завершилась. Рнего, радостно улыбающийся, торжественно сообщил:

— Никаких проблем, капитан! Даже обидно! Мы, понимаешь, приготовились к битве не на жизнь, а на смерть, а они... Просто позволили себя зачерпнуть!

— Ладно, высыпай сюда! — Конан показал на огромную стеклянную бутыл с приготовленной воронкой. Бутыл нашли тоже на камбузе, и из неё пришлось предварительно пересыпать в другую тару какую-то очень пахучую приправу, особо ценимую Зануссом. Правда, на приказание уже самого Конана освободить бутыл кок не ворчал, а лишь сердито сопел. Рнего, придерживая крышку, чтоб вначале на палубу стекла вода, вместе с которой он «зачерпнул» из передовых отрядов своим «боевым сосудом», поторопился пересыпать добытых «пленных».

Теперь в свете факелов и фонарей мокрых насекомых было видно отлично.

Пираты даже на какое-то время притихли, стараясь получше рассмотреть своих неожиданных врагов.

Восемь здоровенных, с добрый палец, чёрных тварюшек, упорно скреблись в толстое стекло стенок, щёлкая немаленькими жвалами на гигантской, непропорционально большой, словно бульдожьей, голове, и отблёскивая во все стороны полированными чёрными боками. Иногда замирали, словно в недоумении. А иногда останавливались, как бы общаясь друг с другом: тёрли друг о друга антеннами-сяжками.

Шесть лапок. На конце брюшка — жало. Но сильнее всего поражали именно передние жвала — главное оружие насекомых. Они казались очень прочными и сильными!

— Знаешь, Конан, это ведь — не муравьи.

Конан удивлённо обернулся на замечание Эльдорна. Но не потому, что хотел возразить: он и сам уже понял, что твари действительно несколько отличаются от обычных муравьёв: хотя бы часто сегментированным основным тельцем, намного более узким, чем массивная голова:

— А кто же это по-твоему, Эльдорн?

— Думаю, это — термиты.

— Это ещё что за ...аная хрень такая, разрази её Хуршид?! — Бомаго выразил общее недоумение весьма просто, в привычных словах.

— Это, Бомаго, твари навроде муравьёв, но живущие несколько по другим законам. Во-первых, они строят свои дома — термитники! — из

своей слюны и глины, а не из соломы и всего, чего попало, как делают муравьи. Во-вторых, наружу из такого дома выбираются только воины. Вот — эти самые. А те, что остаются внутри — куда мельче, не так основательно вооружены, и работают только для блага колонии: ну, там, кормят детей, чистят внутреннее пространство, даже ухаживают за плантациями.

— Чего?! Какими плантациями?! Эльдорн, что за ерунда?! — удивлённые возгласы слышались отовсюду. Эльдорн подождал, пока они стихнут, и неторопливо, явно осознавая своё превосходство в области знания жизни термитов, продолжил:

— Это — не ерунда. Термиты от муравьёв и отличаются в основном тем, что способны обеспечить себя всей необходимой пищей сами. Без собирательства.

— Как это?!

— А очень просто. Они всё, что растёт — ну, там, растения: листья, трава, древесина! — пережёвывают в мелкую кашу. И потом вниз, в пещерах под землёй — кормят этой кашей... Грибы!

— Что?! Как?! Какие ещё грибы?! Что за бред?

Хмыкнул даже Конан:

— Эльдорн! Откуда ты всё это знаешь?

— От дяди. Он одно время работал первым помощником придворного лекаря Лармозии. А тамошнему принцу как раз прописали пить вытяжку из этих чёртовых термитов. А их, сами знаете, в окрестностях столицы Брундизии — шишь найдёшь! Вот и пришлось мне и дяде плыть за тридевять земель в Коринфию, выкапывать там один такой термитник со всеми потрохами и обитателями с трёхметровой глубины, засовывать в гигантский деревянный ящик, да везти в Лармозию целый месяц. Это мой дядя нашёл, — в голосе ветерана прорезалась неподдельная гордость, — чем и как кормить этих букашек: иначе попередохли бы они за милую душу, пока мы их везли...

— Ну и что? Помогла вытяжка из термитов наследнику?

— Ага, два раза... Этот идиот к тому времени успел поучаствовать во дворцовом перевороте. Заговорщики успеха не достигли, папочка умудрился попросту сбежать. Через запасной потайной ход — первый-то, о котором все знали, заговорщики перекрыли... А когда вернулся назад, с войском, «больного» придурка просто приказал вздёрнуть на перекладине над главными воротами крепости. В назидание, так сказать, остальным отпрыскам... Так что термиты ему уже негодились. И мы с дядей приготовили из них какое-то зелье... Не помню какое.

Только зря. Дяде оно не помогло. Нет — не вылечиться, а отмазаться от участия в заговоре!

— Но Эльдорн. Сколько тебя помню — ты — член берегового братства. Когда ж ты успел побыть учеником лекаря и поучаствовать в походе за... Термитами? — Велтран задал вопрос, интересовавший и Конана, и явно большую часть остальной команды.

— А всё просто. — по тону Эльдорна нельзя было сказать, что старые воспоминания доставляют ему радость. Или хотя бы — ностальгию, — Мне тогда было всего шесть лет. Помнить-то я всё помню... А вот сделать что-либо, когда король в ярости велел казнить дядю, а заодно и всех моих родных и близких, не получилось. Да я и выжил-то... Только благодаря тому, что прибил к какому-то каравану, шедшему в Аквилонию. Потом, когда попробовал себя там — то на «работе» нищего, то в роли вора — вернулся назад, на побережье. В четырнадцать вступил в свой первый экипаж — ну, тот, на «Жемчужине Массантии».

Многие пираты закивали: этот корабль, как и его капитана, отважного, но уж очень любившего вино и порошок жёлтого лотоса, Фатхулло, многие помнили — хотя бы по рассказам выживших членов экипажа, или других пиратов. Везло им, конечно, не так, как команде Астига Безухого. Но свою долю от жирного пирога торговли Средиземноморья они тоже урвали. Пока не встретили в море две галеры всё того же короля Вездигдета. С сильно превосходящими силами противника: двумя когортами опытных и тренированных воинов.

Выжили с «Жемчужины Массантии» лишь те, кто смог спастись вплавь, и потом умудрился долго прятаться на лесистых и безлюдных островах: дело произошло возле архипелага Пауиттос.

— Да-а, похоже, не перестанешь ты удивлять нас, Эльдорн, — Конан подумал, что, сколько бы, действительно, он не жил, буквально сроднившись, с экипажем, а всегда найдётся в биографии его людей такое... О чём они никогда не расскажут. Потому что сами хотели бы позабыть... — Но как же — термиты? Как бы нам справиться с ними? Где у них слабые места?

— Слабые места у них, капитан, как и у всех насекомых: они боятся воды — вон, мы же видим! — и огня! А, ну ещё — дыма! В густом дыму, если пробудут в нём долго, они задыхаются и гибнут. А если окурить их чуть-чуть — становятся вялыми и безопасными: мы с дядей, чуть что — окуривали ящик с термитником из такой, знаешь, копильни!

— Понятно. Но здесь-то нам не нужно, чтоб эти гады оставались живы! Нам бы лучше всё-таки поубивать их. С гарантией! Потому что нам ведь нужно будет основательно отдалиться от берега. И иметь в

тылу армию, пусть мелких, но многочисленных и кусачих врагов, совсем не хотелось бы!

— Хм-м... Думаю, если найти их основное жилище — с этим problem не будет. Затопим его водой, или сожжём с помощью саксаула!

— Ну, хорошо бы, если б так. — Конан однако покачал в сомнениях головой, — Правда, насчёт утопить — я сомневаюсь. Река, наверное, всё-таки будет далековато от их гнезда. Они ж не дураки — строить там, где их какой-нибудь паводок может залить!

— Но Конан! Мы же ещё даже не видали этого гнезда! (Да и не бывает здесь паводков, поскольку нет дождей.) С другой стороны, если твари собираются сидеть здесь, держа нас в осаде — рискуем ещё долго и не увидеть этого самого гнезда...

— Не волнуйся, Велтран. Думаю, эти термиты вылезают «за добычей» только ночью. Не видали же мы их вечером. Так что надеюсь, когда солнышко припечёт их как следует — они уберутся восвояси! И будут отсыпаться целый день!

Велтран дёрнул плечами, показывая, что не убеждён оптимизмом своего капитана, но промолчал. Конан, подняв банку с тварями повыше, посмотрел на тварюшек снизу. Поцокал языком: большая часть термитов уже перестала скрестись и пытаться прогрызть стекло, а просто лежала на дне, словно в отчаянии чуть поводя лапками.

— Вот посмотришь, помощник — я окажусь прав! Такие ночные твари вряд ли способны действовать днём! Тут-то мы их и!..

Утром, стоило взойти солнышку, действительно оказалось, что термиты, напившись из реки, быстро убегают вглубь пустоши. И ещё обнаружилось, что их вовсе не так много, как казалось вначале: в глубину фронт растянувшихся вдоль берега колонн не превышал, оказывается, пары шагов: это ночью, в предательской темноте, подбегающие на подмогу и мелькавшие вдали от берега, создавая ложную «глубину фронта» запоздавшие отряды, пираты посчитали за «несметные полчища».

Конан немедленно после завтрака приказал снарядить партию разведчиков. И сам её возглавил. Собственно, идти пришлось в том же направлении, что и к лагерю. Вот только от лагеря ничего не осталось: даже палки, приготовленные для костра, исчезли! Не говоря уж о том, что все котомки и сумки с остатками продуктов словно корова языком слизнула.

— На кой шут этим придуркам сухой саксаул?

— Не знаю, Конан. Но скорее всего они подобрали щепки потому, что те пахли.

— Чем же это они пахли?!

— Нами. Ну, вернее — потом от наших ладоней. Тварюшки наверняка понимают, что мы — съедобны!

На этот раз плечами пожал Конан:

— Мало ли чего они там понимают! Кто только не пробовал нас сожрать! Но на то мы и пираты: так просто не дадимся!

Идти уже от лагеря по следам насекомых оказалось нетрудно: то здесь, то там находились отставшие, очевидно, выдохшиеся от непривычной ночной погони-охоты, солдаты. Имелись и те, кто лежал неподвижно, распластавшись, подобно дохлому, раскинувшему щупальца во все стороны, осьминогу. Тех, кто застыл навсегда, не трогали. Тех же, кто ещё как-то шевелился — давили толстыми подошвами сапог. Ох и крепкими же оказались тельца!..

— Что скажешь, Эльдорн? Что с ними? Дохнут от усталости?

— Некоторые, возможно — да. А другие... Думаю, просто настал их срок. Воины-термиты, да и остальные члены их семьи: няньки, уборщики и слуги — долго не живут: не больше пары месяцев! Иначе какого... рена мы с дядей искали бы способ доставки живой колонии... С маткой!

— Что за... Матка?

— Ну, такая же, как у муравьёв. Всю жизнь только и делающая, что кладущая яйца — буквально тысячи и десятки тысяч! — и жрущая то, что для неё пережёвывают рабы-слуги.

— А если убить её, термиты — подохнут?

— Ну, подохнут — вряд ли. Если гибнет главная самка, они просто выращивают себе новую, насколько я знаю.

Конан чертыхнулся: план ворваться в термитник, пробиться к главной самке, и прикончить её, оказался, мягко говоря, несостоятелен.

— Смотри-ка, Конан: здесь след кончается! — они как раз подошли к узкому тёмному лазу в груде щебня, наклонно ведущему вниз. Размером и формой он напоминал самую обычную лисью нору. Присмотревшись, можно было заметить последних насекомых, исчезающих где-то в непроглядной тьме на глубине нескольких саженей.

Конан чуть отодвинул пялящегося внутрь Шервана, встал на колени, и сам вглядывался в лаз довольно долго. Ничего утешительного, правда, он не нашёл:

— Клянусь задницей Дзукки, в этот лаз даже Рнего не пролезет. Да и опасно было бы туда лезть: мало ли! Вдруг у тварей там — охрана!

— Нам не нужно никуда лезть, Конан! — Велтран махнул рукой, — Вон же оно! Логово термитов!

Конан и сам уже поглядывал на странное сооружение, превратившееся из казавшегося монолитным холма, которым он выглядел от лагеря — в тысячи и тысячи странных столбов, словно стволы мёртвых деревьев усыпавших равнину на площади побольше акра. Те, что стояли у кромки «холма», в высоту не превышали фута-двух, те, что располагались ближе к центру — достигали роста слона. И стояли настолько часто, что и пройти-то между ними вряд ли было возможно.

— Да, прилично они тут понастроили... Видать, давно обосновались. Но как же команда Астига-то прошла здесь?!

— Думаю, Лизандро, об этом позаботился Пантир-стигиец. Или они просто шли днём. А на день наши любимые крошки прячутся в спасительную тень! Потому что солнце, как мы почуяли на собственных ...адниках, накаляет каменную пустыню так, что можно жарить яичницу!

— Пожалуй. — Конан сплюнул: слюна, конечно, не закипела на камнях, но облачко пара над ней подниматься начало. А ведь было лишь утро! — Ладно. Как я погляжу, между «входом» в гнездовье и самим гнездовьем — добрых полмили. Значит, нужно тут всё обследовать, чтоб найти другие входы-выходы. А то мало ли: нападут сзади, а мы и ожидать не будем! Команда! Разбиться на двойки. Прочесать равнину. К термитнику ближе чем на пятьдесят шагов не подходить!

— Есть, капитан! Слушаемся, Конан! — двадцать человек, прибывших с варваром, разбились на двойки быстро, и с энтузиазмом, поскольку убедились, что начавшее припекать солнце надёжно оберегает их от нападения тварей, двинулись на поиски.

Сам Конан кивнул Велтрану и Эльдорну:

— Вы двое — со мной!

Когда до границы термитника осталось не больше ста футов, киммериец замедлил шаг и усилил бдительность. Но не остановился, пока не дошёл до крайнего в почти правильном кольце, возвышения. Оно достигало его колена, а в толщину было как самое обычное ведро.

— Что скажешь, Эльдорн?

— Ну... Там, где мы вырыли наш термитник, была нормальная почва. А тут до неё — ты же сам видел в глубине «норы» — футов пять. И они, их колонны, — Эльдорн попинал ближайшее «ведро», — в кучу собраны не были. А торчали на расстоянии примерно ста шагов друг от друга. Думаю, что здесь просто — одна большая семья. И самка у них тоже — одна. Иначе самки-отпрыски расселились бы подальше от ро-

дительского, так сказать, крова. Чтоб не мешать друг другу, и не сражаться за кормовую базу.

— Какую, на ... , «кормовую базу»?! Где ты здесь видишь эту самую «кормовую базу»?! — Конан обвёл рукой всё такое же пустое и голое пространство, — Не представляю, где они тут собирают то самое, что, как ты говоришь, они должны «пережёвывать в кашницу» для своих ...раных грибов и главной самки!

— Ну как же, Конан! Посмотри внимательней! Все камни покрыты — этим самым!

— Чем это?!

— Лишайником. Не сомневаюсь, что он здесь такой маленький потому, что все крупные отростки уже состригли, собрали, унесли и пережевали!

— Лишайник?! — Конан подумал, что неправильно услышал, — Но разве лишайник, — он подобрал маленький обломок щебня, и перевернул его, рассматривая крохотные как бы столбики-наросты, тускло посверкивающие оранжевым и зелёным, — Можно есть?!

— Наверное можно, Конан. Ведь смотри, как получается: влага здесь в воздухе есть: в утреннем бризе мы явственно её ощущали, — Конан кивнул: верно, ощущали! — Значит, лишайники могут жить! Они выделяют корнями что-то такое, что разъедает эти самые камни, на которых они сидят. А влага воздуха питает водоросли и мох, которые живут внутри этих самых лишайников, и жрут то, что они растворили своими корнями! И этого хватает, чтоб с помощью солнца эти странные растения выживали! Ну а наши друзья термиты приспособились есть сами лишайники!

Вернее, то, во что их превращают ...раные, как ты сказал, грибы!

— Бэл их раздери! Получается, что термиты едят грибы, которые кормят пережёванными лишайниками, и которые сами едят только воду, камни, да солнечный свет?!

— Ну да, Конан! Так что такого понятия, как «бесплодная равнина» не бывает. Во-всяком случае, здесь.

— Ну и задачку ты мне задал, старый морской волк! Если б я не знал теперь, что твой дядя — лекарь, ни за что бы не поверил в такую странную... Систему!

— Да, Конан, это — система. Благодаря сотням и тысячам таких «систем» и существует жизнь здесь, на поверхности. Смотри сам: разве не странной представляется другая система: жук-навозник, то есть — скарабей, собирает навоз, откладывает туда личинку, закапывает в землю. Земля таким образом удобряется, становится плодородной, а не

голой глиной или песком. На ней вырастает пшеница. Пшеницу перемалывают в муку, и пекут хлеб. Хлеб ест человек. Который снова... выделяют навоз. Который собирает жук-навозник, и...

— Довольно, Эльдорн! — Конана передёрнуло, — Хватит! А то я и есть-то не смогу! Потому что выяснится, что в какой-то момент это было самым обычным д...мом!

— Но Конан! Ведь так оно и...

— Замолчи, я сказал! — Конан свирепо фыркнул, — Не порти мне аппетит перед обедом! Лучше скажи: эти твари действительно боятся огня и воды?

— Конечно.

— Вот! Давайте займёмся делом. Посмотрим, нет ли здесь поблизости зарослей деревьев, которые могли бы нам помочь набрать достаточно дров. Или какого-нибудь водоёма, откуда мы прорыли бы канал! Разделимся. Ты, Велтран — направо. А ты, Эльдорн — налево! Я — попробую прямо. Встретимся вот здесь, через, скажем... час. Задача ясна?

— Да, капитан! Всё ясно, Конан!

Спустя час, уставший как собака и ободравший кожу на руках и груди в попытках протиснуться между торчащими «стволами» и забраться на их необычайно твёрдые верхушки, киммериец слушал отчёты своих разведчиков. Ни Эльдорн ни Велтран ни озера ни зарослей не нашли. Зато те, кто обследовал равнину, доложили, что нашли ещё три выхода: в полумиле к западу, к востоку, и к северу от основного холматермитника.

Конан прикинул: стало быть, подземные галереи проложены давно. И служат действительно — ходами для передвижения в прохладной темноте. Значит, солнца термиты точно — не любят.

Ну, хоть что-то... Хотя пока непонятно, как это может их команде помочь.

— Возвращаемся на «Вестрел». Пора обедать.

Это приказание встретили без обычного энтузиазма, из чего варвар сделал вывод, что пираты подавлены и расстроены: пока что отыскать радикальное средство, позволившее бы отделаться раз и навсегда от злобных и кусачих непрошенных охранников побережья не удаётся. Да и где ж его взять в такой пустынной и неприветливой дыре?!

— Как насчёт — обойти? — это спросил Велтран, словно читающий его мысли.

— Это — вряд ли. — Селим сплюнул между сандалий, — Вон там, — кивок головой, — и вон там, — кивок в другую сторону, — Ещё два тер-

митника. Примерно в трёх милях каждый. Так что даже если будем пытаться пройти между ними, по вроде как «ничейной» территории, есть риск нарваться на атаку сразу из двух гнёзд! Остаётся только — двигаться днём. Но тогда никто не гарантирует, что на нас не нападут с тыла!

— Согласен, — Конан неторопливо шагал, поглядывая вокруг, и прислушиваясь к тому, что говорили между собой его люди, — лучше бы нам придумать, как обезвредить хотя бы этот, ближайший. Тогда мы могли бы смело пройти туда, куда нам надо. И не опасаться поминутно за свои тылы! Вот чуёт моя ...адница, упоминание в манускрипте тысячи каменных воинов сделано неспроста. Вероятней всего, заполучив сокровища, нам придётся... Отступать со всей возможной скоростью.

И быть отрезанными от «Вестрела» нашими милыми крошками не хотелось бы!

Велтран хмыкнул:

— Умеешь же ты красиво выражаться, Конан! Сказал бы проще: драпать со всех ног! Потому что никаких возможностей сражаться с каменными воинами, которые, как мы все предполагаем, как раз и поставлены это самое сокровище охранять — нету! И твою невысказанную, но подразумеваемую мысль, что каменным-то воинам термиты — явно не помеха, мы тоже заценили!

— Ну, я рад, что вы всё это заценили. — Конан действительно сердился на дурацкие обстоятельства. Ну как же! Какие-то паршивые насекомые создали им хлопот больше, чем иные колдуны-маги! — Но деваться от проблемы — некуда!

Ладно, пообедаем, и подумаем!

Как её решить.

На обед Занусс приготовил действительно — и первое и второе. Был даже компот из сухофруктов «на третье». Но Конан, едва взойдя на борт, сердито рыкнул:

— Кто забыл этих тварей здесь?! — кивком указав на крышку люка в трюм.

— О-о! Простите, капитан, это я! — Халед поспешил схватить банку, и передвинуть её в тень, — Вот клянусь глазом Шианнет, забыл про них буквально на минутку!..

— Не-ет, уже не ставь туда, дай-ка мне. — Конан протянул лапищу, и внимательно взгляделся в то, что произошло внутри банки. А произошло там только то, что все термиты лежали, застыв, словно из них высосали все жизненные соки: абсолютно неподвижно.

Конан не придумал ничего лучше как радостно хлопнуть Халеда по спине, да так, что хлопок слышно, наверное, было даже у термитника:

— Молодец! То, что ты подсказал нам способ, как убить тварей — отлично! Дополнительный пай! — Халед расцвёл, словно сады Массантии весной, — А вот то, что ты не позаботился о наших драгоценных пленных, и они подошли — плохо! Минус пай!

Улыбочка на лице Халеда завяла так же быстро, как и расцвела.

— А теперь — серьёзно. Велтран! Эльдорн! Все! Смотрите сюда: твари высохли на солнце меньше, чем за буквально пару часов! Значит — что нам нужно?

— Э-э... Нам нужно, Конан, сделать так, чтоб армия, охотившаяся за нами этой ночью, провела каким-нибудь образом на солнце хотя бы два часа!

— В самую точку, помощник! И как нам это сделать?

— Думаю, ты уж и сам всё придумал, капитан! Нужно снова высадиться на берег, наследить там побольше, и выманить их за собой! Хотя бы каким-нибудь куском солонины. И пусть гоняются за нами хоть по всему берегу! А главное — чтоб отбежали как можно дальше от ближайшего входа в свои подземные галереи!

— Точно! И я бы ещё предложил вот что: чтобы вторая партия людей, высадившихся после того, как основную армию уведут подальше, закопала все четыре обнаруженные нами подземные запасные ходы-галереи! Тогда твари не смогут попасть в спасительную прохладу и темноту, даже если останутся живы, пока добегут до них!

— Отличная идея, Конан! Браво, капитан! Хо-хо! Теперь тварям точно не поздоровится! Хвала Мирте Пресветлому, что с нами Конан и Велтран! И Эльдорн!

— Отлично. Но не забудьте и про Халеда! Если бы он столь «удачно» не забыл банку с тварюшками на солнцепёке, мы бы и не знали, как их прикончить быстро и...

Безопасно!

— Точно! Молодец, Халед! Может, всё-таки дать ему дополнительный пай?

— За разгильдяйство? Или за то, что такой удачливый балбес? — Конан поухмылялся, — Ладно уж. Меня легко уговорить. Всё-таки — не люди. Хоть и пленные.

Пай так пай!

Действовать всё равно стало возможно только с наступлением темноты. Потому что раньше двух часов после заката первые «дозорные»

из ближайшего подземного выхода-тоннеля не появились. Конан, лично трясший перед «мордами» шустрых паршивцев куском копчённого размоченного мяса, убедился, что запах термиты чувствуют отлично! Тогда он рассыпал перед малышами заранее приготовленные мелко накрошенные кусочки: нате-ка, отведайте!

Термиты, быстро похватавшие вожака добычу, так и припустили вглубь тоннеля: очевидно, чтоб позвать своих на подмогу!

Конан с большим куском мяса начал планомерный отход по заранее намеченному маршруту, стараясь только держаться так, чтоб не быть покусанным, но в то же время чтоб запах не терялся передовыми разведчиками. Иногда подбрасывал в середину колонны пару кусочков помельче: за такие начинались настоящие сражения, кончавшиеся, впрочем, быстро: несколько объединивших усилия насекомых тащили добычу назад — к тоннелю!

Когда немаленький первый отряд наконец полностью выполз из его тоннеля, Нэш, Рувим и Бомаго, стоявшие с приманкой у трёх других выходов, громко заорали: Конан понял, что поисковые отряды выдвинулись и из остальных тоннелей! Он как можно громче, поскольку не опасался, что термиты его поймут, заорал в ответ:

— Действуем по плану! Я повёл своих!

Окрики дали понять, что и остальные пираты с приманками приступили к работе. Однако Селим, оставшийся караулить у самого первого отверстия, вскоре крикнул, что появился второй отряд! Конан выругался.

Но они такой случай предусматривали: второй отряд повёл за собой, стараясь, чтобы курс не пересекался с Конановским, сам Селим. Приманивающий тварей уже с помощью солонины. Которая пахла, конечно, послабее, и не столь аппетитно. Из остальных тоннелей резервов насекомыхской армии не появилось. А молодцы! Помнят, значит, про вчерашний удачный набег!

Водить за собой весьма шустрых термитов оказалось несложно. Быстрее походного Конановского шага двигаться они, как ни старались, не могли. Конан ещё раз подумал, что как бы там ни было, если и правда придётся (Храни Кром!) уносить ноги, и дело случится ночью, если напороться на такой отряд — его команде точно не поздоровится! Особенно, если они будут утомлены, ранены, или — дай-то Мирта! — нагружены.

Поэтому киммериец провёл чёрную, отблескивающую в свете луны таинственными отсветами, толпу, по намеченному маршруту без проблем. Маршруты для всех «ведущих» продумали и составили ещё вече-

ром, на корабле. И даже начертили эти пути отдельно на куске бумаги, пометив: «Конан, Нэш, Рувим...». Все они вели насекомых вглубь пустыни: в планы пиратов вовсе не входило дать преследователям возможность напиться из реки! Однако и на территории соседних термитников маршруты не заходили: мало ли!..

Когда от термитника уведённые отряды отделяло не меньше полутора миль, Конан увидел, как те, кого они оставляли у выходных отверстий, размахивают зажжёнными факелами: значит, все выходы надёжно зарыты и засыпаны!

Но они с напарниками договаривались так, что всё равно будут уводить армии преследователей как можно дальше — чтоб все воины погибли с гарантией!

Первые лучи рассвета заставили сильно поредевшую (Не все могли поддерживать быстрый темп!) толпу насекомых приостановиться, и начать что-то вроде совещания: крупные насекомые, очевидно, командиры, бежавшие впереди, начали собираться в кучки, и тереться друг о друга усиками-сяжками. Конан, у которого закончились мелкие кусочки, решил, что отрезать новые смысла нет: интерес к пище сменился жадной жизнью!

А это — всегда важнее всего остального для всех живых существ!

Киммериец буркнул:

— Ну-ну. Посовещайтесь, посовещайтесь, бедолаги! У вас-то — нет Велтрана! Да и в планировании вы, как посмотрю, не сильны!

На то, чтоб развернуться и быстрым маршем двинуться в прямо противоположном направлении по своим же следам, у отряда ушло минут пять: Конан с интересом проследил, как происходит передача приказов с помощью движений усиков. Непривычно, конечно, но вполне эффективно. И вот уже весь отряд, в длину растянувшийся на добрых сто шагов, а в ширину не превышающий теперь двух-трёх — движется к спасительному, как наивные малыши надеются, отверстию!

Конану на миг стало жаль несчастных, которых более умные и сообразительные противники обрекли на мучительную смерть. Но он утешил себя тем, что услышал вчера от Эльдорна, ответившего на сетования пиратов, тоже жалеющих обречённых на смерть маленьких воинов:

— Не переживайте за тварюшек. Слуги-кормильцы и рабочие вырастят новую армию из личинок буквально за пару недель. Надеюсь, за пару-то недель мы обернёмся?!

На это Конан сказал тогда, что, судя по записке, хватит и трёх-четырёх дней.

Эльдорн на это хмыкнул:

— Ага, два раза. Что я, стигийцев не знаю?! Буду спорить на свой пай, нам приготовлен ещё не один сюрприз-проблема. Как раз на недельку-другую. Ну, с кем зарубимся?

Желающих почему-то не нашлось. Конан тогда ещё подумал, что остров Потерянных Душ многому научил команду: распушив хвост, с песнями и бодрыми победными криками бежать вперёд никто теперь не торопится.

Да и отлично.

Беспечный пират — мёртвый пират.

До «спасительного» входа добрались, разумеется, не все насекомые. И — только спустя часа три после рассвета. Команде Конана повезло: стояла самая середина июля, и припекало — будь здоров! Сами пираты регулярно попивали из фляг, привешенных на поясах, и многие двигались тоже замедленно, как и термиты, поминутно утирая пот со лба и шеи. Конан подумал, что будь у термитов такая же система, позволяющая противостоять капризам окружающей среды, вряд ли план Велтрана сработал бы. Но вот чего у тварюшек точно нет — так это потовых желез. И фляжек.

И мозгов.

Иначе они не позволили бы провести себя так, погнавшись за запахом!

У ближайшего входа, к которому вернулся Конан, груды щебня достигала почти его пояса. Там уже ждали Арристарх и Велтран. Эльдорна Велтран уже послал осмотреть остальные баррикады-насыпи.

— Ну, как тут?

— Тычутся, капитан. Пытаются растащить, конечно. Да куда им! Думаю, через час попередохнут все! — Велтран обвёл рукой жалкое зрелище, открывшееся глазам варвара. Горы трупиков и его самого явно не радовали, — Если и смогут разрыться — так не раньше, чем как раз через пару недель!

— Отлично. — Конан бодрым тоном пытался скрыть своё плохое настроение. А плохим оно было оттого, что ему, чтоб обеспечить безопасность своих людей, пришлось обречь на мучительную смерть мириады беззащитных насекомых. Виноватых только в том, что они стояли на пути пиратов к сокровищам. Чужим деньгам, награбленным в кровавых походах и преступлениях. Отобранным у законных владельцев, которых для этого просто поубивали головорезы Астига Безухого.

Так что теперь на этом золоте ещё и кровь маленьких термитов.

Почему-то Конану уже не слишком хотелось поскорее заполучить его...

Но — его люди ждут. Что он поведёт их дальше! Значит...

Выступили после обеда, даже ближе к вечеру. Новый лагерь разбили уже милях в десяти от всё ещё видневшегося в середине реки, и с такого расстояния больше похожего на щепочку на полоске ткани, «Вестрела». Ночной дозор Конан назначил удвоенный.

Но ночь прошла спокойно: термиты с соседних термитников не забегали на чужую, и явно хорошо охраняемую, территорию: явно таких мародёров тут быстро превращали в «пищу»! Конана этот факт порадовал: хоть здесь их расчёты оправдались.

Варвар поднял своих людей ещё до рассвета, чтоб побыстрее позавтракали. Выступили сразу после еды. Идти по прохладному щебню оказалось не слишком удобно, но по вчерашнему, нагретому свирепым полуденным солнцем, двигаться было куда тяжелей. Особенно не в лёгких сандалиях, а в тяжёлых толстых сапогах, которые Конан приказал всем на всякий случай одеть.

На обед остановились примерно за час до полудня, у подножия старой, давно иссохшей акации. Толстые колючки в добрую ладонь до сих пор усеивали мёртвый ствол. Конан приказал привязать к этому стволу и захваченным шестам предусмотрительно захваченный парус-тент: так, чтоб в тень помещались все пираты, пошедшие с ним. А таких набралось сорок два человека: три четверти команды. Определил «счастливых» жребий — чтоб никому не было обидно.

После обеда всухомятку сделали привал. Лежали на чуть остывшем в тени щебне ещё часа два: Конан приказал дожидаться, когда самый пик полуденной жары спадёт.

Когда остановились на вторую ночёвку, корабль и река уже скрылись из глаз: за пятым, или уже шестым положим холмом-увалом, пересекавших путь людей под углом. С вершины каждого Конан пристально вглядывался вперёд: пока всё верно — они движутся в направлении двойной вершины. Она такая тут одна. Но...

Где же, Мардук её задери, «чёрная скала»?!

Ужинали непривычно тихо. Никто не шутил, старыми случаями не делился, и даже не мечтал вслух, как потратит деньги Астига Безухого... То ли пустынность и тишина этого места угнетала всех, то ли люди просто устали и выдохлись: пиратам, действительно, непривычно идти пешком. Да ещё неся на себе бурдюки с запасами воды. Которая, как вынужден был признать Конан, очень быстро исчезала в желудках лю-

дей. Чтоб почти тут же выйти в виде пота, который пираты вынуждены были буквально поминутно утирать: он разъедал глаза, подмышки, шею, и покрывал тело тонкой и отвратительно шершавой корочкой соли, когда высыхал на ветерке. Как сообщил Велтран, ведущий строгий учёт жидкости:

— Воды осталось на четыре дня, Конан. Найдём ли мы чёртовы сокроища, добудем ли мы их — не знаю. Но точно знаю, что если через два дня не повернём назад, или не найдём какого-нибудь ручья или колодца — все попередохнем, как термиты. От жажды!

— Я... понял. — Конан даже не стал уточнять, что думал по этому поводу: знал, что помощник и так это понимает, — Не понял я только одного. Где сами-то термиты там, в своих гнёздах, берут воду...

— Вот уж это — не проблема, Конан. — Эльдорн ковырял тоненькой щепкой в зубах, устало вздыхая, — они делают колодцы: всегда докапываются до грунтовых вод. Те должны быть неглубоко: река же рядом со всеми термитниками!

Конан не нашёлся, что ответить, и только сплюнул на расклеенный щепень.

Сегодняшнюю ночёвку охраняли всего двое часовых. Конан, убедившийся, что ничего живого и опасного в каменной пустыне не живёт, решил дать людям отдохнуть и выспаться. Сам же спал как всегда: вполуха!

Но ночёвка прошла снова спокойно.

Утром, поднявшись на гребень первого же увала, обнаружили наконец вождедлённую «чёрную скалу»!

До неё оказалось совсем близко: дошли за какой-нибудь час!

Вблизи скала производила весьма странное впечатление: словно сделана она не из камня, а из... Деревя! Огромного, могучего, древнего исполина — прародителя всех деревьев на земле! Только почему-то окаменевшего.

— Чтоб мне провалиться! До чего же похоже на самый обычный баобаба! — Зенло хлопнул загорелой ладонью по шершавой поверхности, до странности напоминавшей кору именно этого дерева. — Только окаменевший! Что за колдуны тут чудили?!

— Да, может, как раз те самые, что и воинов превратили в камень! — Шерван глядел прямо вверх, внимательно приглядываясь к мешанине полуобломанных ветвей, — Это и правда — баобаба! И если я что-нибудь понимаю, здесь раньше были настоящие джунгли вокруг! И земля, наверное, была плодородна и щедрa!

Не нравится мне всё это. Непроста это дерево оставили тут.

— Что за ерунда, Шерван. — Ксаро коротко и ненатурально хохотнул, — Почему оставили — неспроста?

— Да вот так уж. Это дерево, которое стигиец в своём манускрипте называет чёрной скалой — заколдовано. И оставлено специально. Думаю, для того, чтоб как раз и служить отличным ориентиром. Тем, кто как мы, ломанётся искать чего-то там. Только не думаю, что это — сокровища Астига. Нет, это дерево поставили тут очень давно...

На память о чём-то куда более древнем!

И — ценном!

— Возможно, конечно, что ты и прав, Шерван. — Конан и сам задрал голову вверх, пытаясь разглядеть хоть что-то, кроме полуобломанных каменных палок, в которые превратились когда-то мощные и горделивые ветви монументального лесного исполина, — Ведь стигиец сам признаёт, что они просто спрятали награбленное под уже существующим, и построенным кем-то, древним алтарём! Так что очень возможно, что сам тайник хранил и хранит нечто куда более древнее и ценное, чем золото пиратов!

Однако мы уже слишком хорошо знаем, чем может обернуться владение таким артефактом. Пусть и волшебным. И бесценным.

Поэтому думаю, мудрить и выделяться не будем. Дай Мирта нам найти золото... А больше мы ничего брать не будем. Всем ясно?! — Конан повысил тон, и обвёл грозным взором своё воинство, как-то попри тихшее в последние несколько дней, и убедился, что желающих возразить не нашлось.

— Ну вот и отлично! Пошли-ка дальше, а то это место наводит на меня тоску!

Пять миль преодолели за два часа: идти по уже нагретому и скользкому щебню, теперь состоявшему, как пояснил Велтран, из гранита, оказалось не столь удобно, как по щебню из обычного камня. Что здесь делает гранит, и как столь прочная порода оказалась превращена в щебень, Конан предпочитал не задумываться.

— Ну, вот оно: русло пересохшего ручья. И действительно, дно как бы выложено мостовой... Как будто это — настоящая дорога!

— Похоже, помощник, это и была дорога. Вот только кто её построил... И когда? С другой стороны, похоже, и вода здесь текла: вон сколько по берегам скелетов от иссохшего саксаула! Ладно, нам до этого нет дела: до озера должно быть недалеко!

Действительно: через час из-за гребней берегов показалось озеро. Для того, чтоб его увидеть, пришлось три раза повернуть, следуя на-

правлению «ручья», по дну которого шли пираты, переговариваясь вполголоса, и удивляясь, как это самое русло не занесло песком и глиной. На что Эльдорн справедливо указал, что нету здесь ни песка, ни глины. Конан, слушая, как его команда разговаривает за его спиной, предпочитал не вмешиваться, а в оба смотреть вперёд. Поэтому увидел и почуял новую опасность первым. А началось всё со странных ударов почвы, отдающихся через подошвы сапог — в ноги. Но вот появилось и то, что производило эти удары: со скоростью локомотива существо выскочило из-за поворота русла! Конан заорал:

— Внимание! Впереди какой-то огромный зверь! Несётся прямо на нас!

Зверь и правда был гигантского, как и всё здесь, размера, и киммериец со своим поистине орлиным зрением заметил его так поздно лишь потому, что появился монстр из-за очередного поворота, и за ним не неслись, как обычно бывает при движении столь большого тела, клубы пыли! Зато вот дрожь в земле — вернее, в брусчатке! — от топота слоноподобных ног, теперь все люди чувствовали отлично!

— Что делать-то будем, Конан?! — Велтран уже достал саблю, и свистнул, приказывая и остальным последовать его примеру!

— Что делать? — Конан и так и так прикидывал, что же им действительно делать, но ничего такого, что помешало бы чудовищу размером с доброго слона, только в два раза более низкорослому, просто растоптать его гвардию ножищами, не находил! Шкура, серыми складками свисавшая по бокам твари, явно указывала на то, что толщиной не уступит доброму щиту. И по крепости наверняка — тоже! Огромный костяной гребень закрывал шею, и наверняка не позволил бы булавочным уколам даже закалённой стали пробиться спереди к жизненно важным органам! А бивень-таран, торчащий вперёд, наверняка был страшней любых зубов и когтей! Словом — настоящая крепость! Только живая. И очень сердитая.

Киммериец обернулся.

— Вот так! — он провёл рукой примерно посередине ошестинившегося копьями и саблями воинству позади себя, — Все, кто с этой стороны — кинитесь вверх по откосам: сюда! — он кивнул лохматой головой, — а вы — сюда! Но! Только — по команде! Ясно?!

— Да, Конан! Понятно! Ясно! Только... Разве мы не будем с ним сражаться? — это влез тоненький и чуть подрагивающий — ясно, что от банальной жажды, а не со страху, голос всё того же Рнего.

— Нет! — голос варвара звучал категорично, — Сражаться с ним в лоб — значит бессмысленно рисковать. Да он же нас просто растопчет,

пока мы будем махать своими зубочистками! Тут нужно что-то посолидней! Эльдорн! Возьмите с Бомаго все наши шесты для палатки! Бегом — туда, наверх! И — заточите поострей их концы!

Эльдорн и Бомаго, как раз и несшие на плечах этот столь необходимый для тента инвентарь, опрометью кинулись исполнять приказ капитана. Остальные, переминаясь с ноги на ногу, и сопя в спину киммерийца, остались смотреть, как локомотивное чудовище несётся, нагнув рогатую голову, фыркая, и сверкая красными глазищами, прямо на них!

Ждать пришлось буквально несколько секунд. Конан заорал:

— Сейчас! Разделяйтесь! — после чего сам что было мочи ринулся навстречу монстру! Верный меч он держал перед собой обеими руками, нацелив монстру в глаз!

Чудище, явно удивлённое столь быстро произошедшей перед его мордой переменой, обнаружив, что плотная группа врагов вдруг кинулась врассыпную, несколько застопорило свой бег! Этим и воспользовался варвар. С победным киммерийским кличем он могучим ударом вонзил кончик любимого меча в глаз размером с доброе блюдце, после чего изо всех сил оттолкнулся от прочной брусчатки русла, и...

Перелетел через монстра, выпустив из рук ушедший в глазницу на добрую половину, меч!

Что тут началось!..

Пиратам показалось, что они попали прямо в подземелья самого Мардука, где демоны калёным железом пытаются грешников: более страшного и громкого вопля не слышал ещё ни один человек! Чудовище то каталось по каменному ложу, сокрушая его русло так, что брусчатка, которой он был выложен, разлеталась во все стороны, то вскакивало на ноги, и топало — то передними лапами, то задними: удары отдавались в теле так, словно это — землетрясение! Головой чудище трясло и вертело во все стороны!

Но — напрасно. Меч, вонзённый уверенной рукой, вошёл глубоко и держался прочно!

Конан, успевший забежать на тот берег, где Эльдорн и Бомаго остругивали шесты, заорал:

— Бомаго! Давай!

Пират кинул варвару полуготовый десятифутовый шест. Конан по толстому хвосту забежал прямо на спину как раз поднявшегося на ноги монстра, и попробовал повторить удар — со вторым глазом.

Ничего не вышло! Тварь, почуявшая человека на своей холке, так махнула головой, что киммериец, отброшенный костистым гребнем, отлетел на другой берег, врезавшись в иссохший до белизны куст саксау-

ла, и разнеся его в щепы! Зато упругие веточки смягчили падение, и варвар остался цел. Почти.

— Конан! Ты — как?! — заорали с противоположного берега Велтран и несколько других пиратов.

— Нормально. Пострадало только моё самолюбие, — усмехнулся варвар, отряхивая штаны и волосы от застрявших веток и щепок, — Однако наш друг разошёлся не на шутку!

Действительно, монстр, несколько оправившийся от болевого шока первых мгновений, уже посматривал на людей другим, уцелевшим, глазом. И даже начал вылезать на более пологий откос ручья, воспользовавшись тем, что копыта-когти, которыми заканчивались его мощные лапы-колонны, неплохо держались на неровностях брусчатки. А уж как злобно он при этом ревел и плотоядно облизывался!..

— Конан! Можно теперь мне попробовать?! — это Арристарх, уже давно наложивший стрелу, и ждавший лишь команды киммерийца, решил внести свою лепту в сражение.

— Стреляй! — Конан знал, что Арристарх отличный стрелок, и уж с десяти-то шагов попадёт непременно!

Злобное зудение стрелы утонуло в новом отчаянном рёве! Потому что грозный снаряд, войдя точно в центр глаза, наверняка доставил монстру не меньшие страдания, чем меч Конана, всё ещё торчащий из другой глазницы!

— Отличный выстрел! — проорал Конан, когда рёв несколько поух, — Дополнительный пай!

— Да ладно, Конан, — Арристарх нервно дёрнул плечом, наложив новую стрелу, — Как нам его добить-то?! Потому что нашими, как ты сказал, зубочистками — только превратить его в подушечку для булавок! А нужно бы ударить — в сердце!

— Согласен. Мысль правильная. — Конан говорил в паузах между взрыкиваниями и утробным воем чудища, теперь беспомощно топтавшегося на месте, и мотавшего головой, — Но как и чем бы нам это сделать?

— Вот этим, Конан, — Эльдорн, подошедший к порученной работе спокойно и методично, несмотря на обстоятельства, подал капитану отлично заточенный десятифутовый кол, — Думаю, если тварь перевернётся на бок, достать до сердца, ударив в брюхо — будет нетрудно! Потому что спереди или сбоку проткнуть бронированную кожу и гребень явно невозможно!

Конан думал так и сам. Но...

— Но как же нам заставить его шмякнуться на бок?!

— Думаю, с этим проблем не будет. Ребята, разматывайте канаты!

Когда канаты размотали, оказалось, что закинуть несколько петель на гребень твари, и сильно дёрнуть вовсе не так просто, как пираты понадеялись. Первая попытка завалить чудище кончилась тем, что у троих на ладонях оказались ожоги, а те, кто не выпустил резко дёрнувшиеся верёвки, просто перелетели через туловище твари, когда она мотнула головой!

— Клянусь грудью Шианнет! Мы так не договаривались! — Ксаро, которому ветки расцарапали весь голый торс, еле поднялся на колени, а затем и встал, — Конан! Может, нам стоит просто отогнать его подалее?! Или обойти?

— Ну уж нет! Иметь в тылу такого врага — ещё страшней, чем термитов! А вдруг у него есть напарник, или жена? И они захотят отомстить?! Нет, нужно прикончить монстра! Ну-ка, накидывайте петли ему на ноги — с этой стороны!

Это оказалось, разумеется, посложней, чем поймать в тенета роговидные выросты на гребне, но вскоре обе левые ноги монстра оказались захвачены.

— Быстро! Перекидываем верёвки через спину, и бежим туда, вокруг чудища! Тянем только по моей команде!

Как ни странно, но этот план сработал!

Явно не ожидавший чего-то такого монстр, которого почти покатили — как обычную бочку! — опрокинулся на спину!

Конан, ожидавший с колом в руках, с разбегу вонзил его остриё прямо в середину живота между передними лапами! Он вложил в удар всю силу и тяжесть немаленького тела, но всё равно: кол вошёл не больше, чем на три-четыре фута!

Однако этого, к счастью, оказалось достаточно.

Новые страшные вопли и рёв пережидали, просто заткнув ладонями и пальцами уши — и то, ещё добрых десять минут после того, как они наконец затихли, у Конана звенело в ушах, а половина команды трясла головами, и разевала рот в попытках вернуть слух... Монстр за это время утихомирился, и застыл на дне канала неподвижной грудой.

— Ну хорошо. Вот у нас появился огромный запас мяса. Мы его будем коптить, или просто — вялить?

— Нравится мне практичность твоего подхода, Велтран. А зачем нам — ещё запас мяса? Всё необходимое для еды у нас есть. Проблема, как ты знаешь, только с водой. Так что не вижу смысла возиться с разделкой туши, и таскать в котомках ещё дополнительную тяжесть про запас!

— Таскать, Конан, ничего не придётся. Я предлагаю отрубить обе задние ноги — они помясистей! — нарезать полосами, и поразвесить прямо здесь же — на кустах саксаула. Солнце тут — превосходное. И сожрать мясо некому: нет даже птиц. А мы просто подберём готовое, отлично проявленное мясо, на обратном пути. Заодно будет чем потом похвастаться: не каждому пирату выпадает полакомиться окорочком древнего чудовища!

— Хм-м... Возможно, что ты прав, помощник. Да и запас мяса никогда, конечно, не бывает лишним... Ладно, начнём с левой — вон той, что лежит на земле!

На отрубание отличных мясистых окороков и нарезку их тонкими длинными полосами ушло не так много времени, как варвар опасался: не больше часа.

Зато смотреть, как вялятся на солнце, буквально на глазах темнея, их новые запасы консервов, было приятно: консервов было много. Конан довольно потянулся могучим телом, наблюдая, как споро и быстро работают его люди: вот уж поистине, пираты — мастера на все руки! Сколько раз они сами готовили себе все нужные продукты. И орудия...

— Выступаем через минуту! Почистить оружие! Проверить воду!

До озера, контуры которого Конан увидал ещё до встречи с монстром, дошли за полчаса. Долго стояли на берегу, ничего не говоря.

Картина, открывшаяся их глазам, действительно поражала.

Собственно, от самого озера давно ничего не осталось, кроме толстого слоя соли, покрывавшего все берега и плоское дно ярко блестящей коркой. Сейчас несколько пожелтевшей, но всё равно пускающей в глаза мириады отсветов-зайчиков. А посередине озера лежал огромный остров, тоже плоский как блин. В середине «блина» возвышалась, словно памятник древним неизвестным цивилизациям и культурам, приземистая пирамида из чёрного камня. Ярусы-уступы, которыми она шла кверху, имели, казалось, не одну сажень в высоту каждый. И всего таких ярусов насчитывалось десять.

Но не к пирамиде было приковано внимание пиратов. Нет: всё оно оказалось устремлено на странные концентрические кольца вокруг пирамиды.

Это стояли, обратив взоры невидящих глаз наружу, к тем врагам, кто захотел бы подойти к охраняемой ими пирамиде-храму, немислимо ровными кругами, каменные воины. Их строй напоминал парадный — настолько чёткой была выправка и горделивая осанка. И они производили впечатление слаженной и мощной машины даже издалека.

Кольцо из воинов тоже насчитывалось десять — как бы по кольцу на уступ.

— Ох, не нравится мне всё это. — в тоне Эльдорна оптимизма не наблюдалось, — Вот чувствует моя многострадальная задница, что стигийское волшебство оживит этих стражей, если мы попробуем что-то оттуда, — он махнул рукой в сторону храма, — забрать!

Конан и сам думал примерно так же. Да и случались уже с ним и командой почти такие казусы: вспомнить хотя бы семиглазого монстра с алтарного камня в храме Сэта...

— Возможно, что ты прав, Эльдорн. Но не оставаться же нам с пустыми руками, зайдя так далеко!

— Разумеется. — это влез Велтран, уже успевший, конечно, обо всём этом, и многом другом, подумать, — Поэтому предлагаю сегодня спокойно разбить лагерь, отдохнуть после битвы и разделки, а завтра, с утра, на свежую голову да по холодку, и подумать: как нам безопасно забрать то, что по-идее должно нас там ждать...

— Думаешь, помощник, что стигиец мог и солгать, и там — ничего нет?

— Ну почему же — нет? Просто... Это может быть и не обязательно золото. Ведь в манускрипте нигде не указано, что прятали именно его.

— Но что же тогда? Ведь там было чётко сказано: добытые сокровища!

— А, может, это будут драгоценные камни. Может, какие-то волшебные предметы. Или, может, древние книги — которые всегда можно продать знающим людям. Причём — за очень приличные деньги! Разумеется, Пантир-стигиец всё это понимал, и уж Астигу-то объяснить не забыл. А Астиг, при всей своей жестокости и взрывном характере, отнюдь не был дураком. И понимал, что куда удобней нести с собой сюда, и прятать, вовсе не полтонны металла, пусть и жёлтого, а, например, небольшую сумочку-котомочку. Но — с чем-то очень ценным.

С другой стороны, кто может поручиться, что другой наш друг, оставшийся сейчас на острове Потерянных Душ — перевёл правильно? Может, там и не говорилось ничего про «добычу». А как раз — про нечто... Ценное. Волшебное. Нужное ему!

Храм-то — богини Хаммуранж! А про неё чего только... Сам знаешь!

Конан слышал, конечно, тёмные легенды о культе кровожадной богини, и артефактах и жертвах, которыми он был обставлен.

— Хм-м... Вот уж задал ты нам задачку, помощник... Ладно: Лейбен, Шерван и Лизандро. Натянуть тент. Вон там. Остальные — на расчистку этой площадки от саксаула и мусора. Располагаемся на ночёвку.

Ужин прошёл почти так же как и предыдущий: пираты, такие быстрые и беззаботные обычно, теперь переговаривались больше вполголоса, или даже шёпотом. И — нечасто. Конан понимал, конечно, что непривычная пустыньность окружающий мест, как и их статус проклятых, накладывают свой отпечаток на людей, и не способствуют бодрости духа. И это не могло его не напрягать: мало ли у кого из команды какие суеверия и традиции! Вдруг в решающий момент кто-то откажется выполнять его команды, если посчитает, что они могут «нанести оскорбление» какому-нибудь древнему Божеству, находящемуся в ступенчатом храме помимо основной «хозяйки»?!

Хотя сегодня, вроде, сражаться с монстром никто не отказался. Но...

То — монстр, а то — Боги!..

Поэтому, так же, как и многие, Конан, перед тем как лечь на жесткое ложе из щебня, долго вглядывался в десять колец, серебристыми силуэтами безмолвных стражей обозначенными в свете полной луны там — вдали. И думал, думал...

Утром встали ещё до рассвета. Ночь прошла не то, чтобы спокойно: пару раз все вскакивали, и выхватывали оружие, разбуженные дикими воплями и рыданиями: это Рувиму, а ближе к утру и Ксаро, приснились кошмары. Конана это не удивило: в моменты сильного душевного напряжения чего только не случается с людьми! Ведь это — сны! И никто себе не может приказать видеть только приятное!.. Или — не видеть вообще.

Завтракали припасами из котомок, и захваченными полосками ещё не вполне проявленного мяса вчерашней добычи. Конану оно понравилось: не жилистое и не жёсткое, словно подошва: потому что именно — полуготовое. Лагерь — вернее, тент! — свернули быстро. И двинулись вперёд, прямо к видневшимся в двух-трёх милях фигурам.

Конан посчитал, что выполнять разные сложные и обходные манёвры бессмысленно: если воины и заколдованы, в движение они придут наверняка лишь после того, как кто-нибудь возьмёт в руки и попытается унести что-то из того, что они приставлены охранять. Но — не раньше! Потому что начав двигаться, так сказать, «вхолостую», фигуры рискуют разрушиться раньше времени. Каменные же!

И какой тогда смысл в таких полуразвалившихся стражах?!

— Внимание, любители золотых кругляшек! Напоминаю: руками ничего не трогать! В храм входить осторожно и медленно — чтоб привык-

ли к полумраку глаза. Внутри тоже без команды ни к чему не прикасаться! Если что полезное и ценное и увидим — брать будем только после того, как придумаем, как нейтрализовать каменных охранников!

Согласный гул голосов и кивания головами сказали ему, что и без нового напоминания его люди и так всё отлично понимают. И бессмысленно рисковать своей, и жизнями друзей, вовсе не намерены!

— Отлично. Тогда — вперёд!

Фигуры воинов вблизи поистине поражали! Всё, до мельчайших деталей тела, даже бородавки и шрамы — было как на настоящих, живых, людях! Можно было бы подумать, что здесь поработал талантливейший скульптор-каменотёс. Или несколько сотен таких художников. Если бы только киммериец и его команда не были твёрдо уверены, что все эти люди — настоящие. И когда-то были живыми. И только злое чёрное волшебство отняло у них жизнь и разум, превратив в чьих-то послушных рабов. Марионеток. Псов, охраняющих, и готовых охранять вечно, чужое добро.

Одно только было непонятно Конану:

— Велтран. Как ты думаешь, почему все они одеты только в набедренные повязки?

— Ну, есть у меня, конечно, мысль по этому поводу. Наверное, так сделано для того, чтоб одежда, превратившаяся тоже в камень, не сдерживала и не ограничивала их движений, когда они очнутся. Но должен признаться, что они и так выглядят достаточно...

Грозно.

— Согласен, помощник. — это влез Эльдорн, — Им и не нужны доспехи. Ведь камню наши «зубочистки» точно не повредят! А вот их мечи... Грозная сила! Хотя вообще-то сейчас никто таким оружием не пользуется: вот, — ветеран указал рукой, но не дотронулся до странного, словно составленного из двух частей, оружия, — Это же — акилак! Его века три назад признали слишком тяжёлым и неудобным. Пока таким замахнёшься, глядь — а руку-то с занесённым акилаком и отрубил! Лёгкой саблей.

— А интересно: если попробовать отрубить такую руку прямо сейчас — что будет?

— Знаешь, Арристарх, проверять твою идею мы не будем. Мы просто проведём разведку, рассмотрим внимательно всё, что там, внутри, имеется, и уйдём. И будем думать, как то ценное, что нам там, внутри, понравится, добыть бе-зо-пас-но. Повторяю для особо непонятливых: безопасно!

— Да понял я, Конан! Извини, что спросил. Но мне и правда — интересно.

— Всем нам интересно, Арристарх. А сейчас пошли-ка внутрь. И старайтесь протискиваться, не касаясь фигур.

Протискиваться действительно пришлось, потому что ближе к portalу храма, видневшемуся прямо перед пиратами, расстояние между каменными охранниками сильно уменьшалось: они словно старались теснее сплотиться по мере приближения возможного врага к тому, что им было поручено охранять, и промежутки между каменными телами в последнем кольце обороны только-только позволяли пройти человеку. Причём — довольно худому!

Хуже всех пришлось Шервану — он едва протиснул своё пузико, даже присев для того, чтоб не коснуться каменных воинов, на карачки, и Конану: киммериец просто с разбегу проехал на спине и прилегающих к ней местах мимо ног стражей, благо, тонкий песок, устилавший поверхность острова, позволял это сделать. Остальные пираты протиснулись кто как смог.

Портал храма не поражал воображение: ни грозных барельефов, ни искусной резьбы умелых мастеров на простых плоских гранях входной арки не имелось. Да и сам вход оказался невысок: только-только пройти, не нагибаясь. Варвар так и сделал, первым вдвинувшись в тёмное гулкое пространство. Однако тёмным оно оставалось недолго:

— Халед! Факелы!

Факел, несколько штук которых вчера кое-как насобирали и связали из саксаула, и обмотали кое-какими тряпками, захваченными для перевязки ран, мгновенно оказался зажжён и передан киммерийцу. Тот высоко поднял его над головой. Внимательно осмотрел пол у порога и дальше. Потопал ногой. Нет, до блеска отполированные огромные чёрные плиты лежали солидно и монументально: не похоже, что ловушки сделаны в полу.

А где?

Конан, будучи реалистом, не верил, что храм или сокровищница остались под «охраной» лишь каменных стражей. Собственно, в это не верили и остальные пираты. Которые сейчас, тихо, словно рой потревоженных ос, гудя, и даже повынимав оружие из ножен, толпились за спиной киммерийца. Однако даже когда глаза привыкли к виду, открывшемуся перед его глазами, Конан не увидел ничего.

Не то, что опасного, а и вообще — ничего!

Чернота пустого пространства удивила. Но отступить...

— Велтран! Бери первое отделение, и обойдите тут всё по периметру, начиная справа. Ощупывайте стены, осматривайте пол — словом, всё, что вызывает подозрение! Ищите тайные проходы, люки в подземелье, тайники. Эльдорн. Ты — бери второе отделение, и начните то же — слева. Смотреть в оба! Простукивать. Встречаемся у дальней стены.

Пока пираты медленно и осторожно ступая, и похлопывая по стенам, и потопывая в пол, удалялись в обе стороны от входа, сам Конан, не торопясь, и уже не пытаясь ступать тихо и аккуратно, двинулся вперёд прямо по центру. Он каким-то шестым чувством ощущал, что в полу нет ни ям-ловушек, ни плит, наступив на которые он привёл бы в действие какие-то защитные механизмы здания. Да и за долгие годы, что храм пустует, любые такие механизмы, если б они и имелись, давно должны были сгнить, рассыпаться трухой и ржавчиной, и прийти в негодность!

Храм не поразил воображение размером: не прошло и пяти минут как к киммерийцу, пытающемуся прощупать и простучать противоположную от входа стену, подошли слева и справа оба отряда. Конан уже знал ответ на свой вопрос:

— Ничего?

— Ничего, Конан. Вообще — ничего! Камень и камень. Сплошной!

— И что мы теперь будем делать? Ведь чёртов Аннис явно говорил про «алтарный камень»! И статую богини!

— Ну... Есть два варианта, Конан. И оба они тебе не понравятся.

— И тем не менее — выкладывай!

— Во-первых, может, всё-таки этот паршивец неверно перевёл. А во-вторых, чёртов алтарный камень может быть просто... заколдован. И поэтому — невиден для неподготовленного глаза!

— Ты прав. Оба варианта мне не нравятся. Да и никому не нравятся, — Конан обвёл рукой переминающихся с ноги на ногу и сердито кривящихся пиратов. — Поэтому предложи что-то более... Приятное! Например, как нам свои глаза... Подготовить!

— Думаю, тут смог бы помочь тот самый Аннис, которого мы... — видя, как грозно нахмурились брови капитана, Велтран поторопился поправиться, — И сами, думаю, неплохо можем обойтись! Пусть-ка ребята вытянутся в цепь, скажем, с расстоянием между ними в два шага, и идут. Вначале — вон туда. А затем, если там ничего не найдётся — сюда. И — сюда. — помощник указал несколько направлений, расходящихся от той точки, где они стояли.

Конан хмыкнул. Но поскольку сам пока ничего более разумного предложить не мог, решил попробовать: а вдруг!

— Так, команда. Вы слышали, что сказал помощник. Построиться в шеренгу! Нет, ближе: на расстоянии вытянутой руки! Нам торопиться некуда, а пропустить невидимый алтарь не хотелось бы. Готовы? Вперёд!

Невидимый алтарь обнаружился быстро: двумя «Ой!», одним «Да чтоб тебя!», и одним «Вот проклятушая хреновина!». На невидимую плиту, растянувшись всем немаленьким телом, грохнулся, споткнувшись, Шерван. Остальные трое, уперевшись или ударившись о невидимую преграду, остались на ногах, но ушибы потирали, морщась и шипя.

Глядеть, как упитанная фигура словно висит в воздухе, оставаясь на высоте примерно бедра, оказалось весьма... Непривычно. Остальные пираты, поспешившие подойти, и начать ощупывать действительно — до безобразия невидимый камень, выразили своё отношение к происходящему традиционно: почёсыванием затылков и проклятиями. В адрес и строителей такого «свинства», и обеих стигийцев — что Пантира, что Анниса.

— Хватит ворчать! Приказываю: ощупать и очертить контуры того, что мы тут нашли!

— Ну, ощупать-то — без проблем... Но как нам их «очертить», Конан?

— Как? Да хотя бы — песком! Ну-ка, вы пятеро! Взять сумки, выгрузить их содержимое вон в тот угол, а в сумки нагрузить песка! И — обсыпать чёртову «хреновину» со всех сторон! Да пощедрее!

Чтоб обсыпать «хреновину» со всех сторон, пришлось сделать даже три ходки за песком. Потому что алтарная плита, сильно смещённая в сторону, очевидно для того, чтоб вводить в заблуждение тех, кто привык видеть такое сооружение по центру храма, оказалась весьма велика. И тоже имела конструкцию, напоминавшую сам храм: ступенями.

Когда все три плоских плиты, из которых состоял алтарь, оказались чётко обозначены, Конан не мог не почесать и свой затылок:

— Бэл раздери этих стигийцев. Здоровенная штукавина!

— Да уж, Конан. Пожалуй, главный зал в караван-сарая почтенного Дерхам-оглу поменьше будет.

— Согласен, Велтран. А ты молодец. Ты же знал, что так и будет?

— Нет, Конан. Я не знал. Я только внимательно наблюдал за выражением лица Анниса, когда он нам переводил про храм.

— Ну ты даёшь, помощник! Я тоже наблюдал именно за его лицом. Но ничего такого и предположить не мог!

— А я — заметил. Еле уловимое колебание, когда он думал: говорить ли слова про алтарную плиту! Но оказалось, что я всё же не всё уловил. Плит здесь целых три. (А статуи нет вообще.) И под которой из них нам теперь искать?!

— Ну — как: под какой! Под самой большой, конечно! Нижней! Эй, Грайфель! У тебя, я знаю, есть банка с дёгтем! Простучи и прощупай всю боковую поверхность нижней плиты. Найдёшь люк, или дыру — обозначь смолой! Рувим. Помоги ему прощупывать: двигайся в ту сторону.

Вскоре усилия Грайфеля увенчались успехом: он заорал:

— Нашёл! — после чего начал усиленно хлопать по пустому пространству перед собой. Однако почти в ту же секунду заорал и Рувим:

— Есть дыра!

Конан покачал лохматой головой. Крикнул:

— Рувим! Сиди там у дыры и жди. Сейчас Грайфель обмахнет здесь, и придёт к тебе. Так. Халед и Лейбен. Вперёд. Начинайте ощупывать от Рувима — туда, и от того места, где сидит Грайфель — вон туда.

Обмазка, собственно, много времени не заняла, и вскоре Конан и остальные «любовались» на её результаты: чёрное пустое пространство, отделённое от чёрного пустого пространства остального постамента чёрной же, но поблескивающей маслянистыми в свете факелов, отсветами, но такой же чёрной смолой!

Между тем и Халед и Лейбен тоже нашли по отверстию: середина каждой стороны плиты оказалась с дырой-проходом. И все они вели в темноту. Грайфель добросовестно обмазал все входы. Но зрелище от этого не перестало быть диким. И непривычным.

— Ладно. Я первым пойду, — Конан, краем глаза отметивший, что среди команды не наблюдается почему-то желающих поскорее ломануться в темноту, чтоб увидеть наконец вожака, взял из рук Ксаро чуть лучше сохранившийся факел, и засунул руку с ним в первое найденное отверстие. Почти тут же копать от факела обозначила нижнюю часть плиты, расплывшись по ней жирным пятном. Пятно тоже было чёрным, но это была привычная, «своя», чернота. Конан поводил факелом ещё: темнота внизу и по бокам не рассеялась. Тогда он сел на край отверстия, и попытался нащупать дно.

Дна не нашлось, но нащупалось нечто, напоминающее ступеньку лестницы.

— Ну-ка, друзья-песконосы! Ещё пять сумок песка!

Когда песок рассыпали в отверстия, выяснилось, что все четыре спуска под пирамиду алтаря сходятся в одной, небольшой, центральной

ной камере. Сами спуски состояли из, естественно, каменных ступеней, и были высечены в скале: интересно, откуда она здесь взялась, подумал Конан. Но вдруг, словно отвечая на его мысли, влез Эльдорн:

— А молодцы строители храма. Похоже, они строили его на скальном основании, и храм простоит ещё столько же, сколько простоял, не страшась ни землетрясений, ни природных испытаний. Типа смены времён года, или дождей.

— Ну, положим, дождей здесь не бывает. — Конан хмыкнул.

— Это — сейчас. Но мы же не знаем, как тут было в давние времена. Помнишь, Конан: сохранился же баобаб-скала от давно исчезнувших джунглей? Да и озеро...

— Верно, — Конан досадливо дёрнул плечом, потому что какая-то тихо жужжащая муха попыталась сесть туда. Однако почти в ту же секунду муха попыталась сесть снова.

Вдруг киммериец оказался почти сбит с ног сильнейшим ударом в спину! Он мгновенно развернулся, приняв боевую стойку, но это оказался лишь Велтран, дувший себе на кулак.

— Какого чёрта, помощник?! — Конан действительно рассердился.

— А вот какого, — Велтран указал себе под ноги.

— Ну и что там?!

Конан потёр глаза, потому что под ногами помощника ничего не было.

— Селим, дай-ка немного песка.

Велтран посыпал себе под ноги щедро. Пираты загалдели, подавшись даже назад: такого ещё никто никогда не видел!

Под ногами помощника, обозначенное песком, лежало человеческое тело. Обнажённое, тощее, и то, что видно было лишь обсыпанную песком верхнюю часть, делало картину ещё страшней и непривычней!

Конан, уже узнавший знакомые контуры даже по части тела, приказал:

— Перевернуть! Посыпать на лицо! Ага, точно. Давненько не видались! Может, кто соскучился, желает поздороваться? — однако таковых не нашлось.

Почти тут же Аннис, оказавшийся у ног Велтрана, начал отплёвываться и моргать, приходя в сознание.

— Конан! Я предлагаю сразу убить его, чтоб не дать ему возможности придумать ещё какую-нибудь гадость! Или просто — сбежать!

— Нет, Эльдорн. Мы пока не будем его убивать. Мы просто свяжем как следует ему руки, — Конан кивнул, и Арристарх и Лизандро поспешили поставить на ноги распростёртое тело, и быстро — быстрее, чем

Конан успел два раза моргнуть! — скрутили чародею руки за спиной. Скрутили на совесть, потому что Аннис завопил:

— Эй-эй, у меня руки так отнимутся! А они ещё понадобятся! Нельзя ли полегче!..

— Нельзя, — Конан подошёл поближе, и покоптил на невидимое лицо своим почти прогоревшим факелом. Лицо, приобретшее чёрный цвет, оказалось теперь отлично различимо. Хоть и смотрелось дико: висящая в пространстве на уровне плеча киммерийца словно бы маска: как у шаманов из чёрных королевств! А ещё можно было прямо сквозь тело различить сзади верёвку, которой пираты связали руки мага, — Потому что мы хотим пожить подольше.

И обращаясь уже к Велтрану, варвар спросил:

— Как ты догадался?

— Я и не догадался. А просто увидел. Я увидел, как ты дёрнул плечом. А потом ещё раз дёрнул. А летающих насекомых мы здесь никогда!.. Вот именно. Ну а кроме того этот гад допустил ошибку: влез спереди меня, и я почувствовал его движение. Словно ветерок — от движения. А ветров здесь... Поэтому я опустил факел пониже, подул, и позволил копоти, — помощник показал свой факел, — обозначить его силуэт! Ну, а уж ударил я от души: чтоб, как любишь говорить ты, «с гарантией»!

— Молодец, Велтран! Думаю, ребята согласятся, если мы дадим тебе дополнительный пай! Потому что неизвестно, каких дел этот невидимый мерзавец мог бы натворить. — Конан повернулся к пиратам, — Внимание, команда! План изменился! Сейчас мы ведём нашего друга прямо в сокровищницу, и он помогает нам то, что там есть, забрать!

— Ты ничего не забыл, Конан? — ехидства в тоне Анниса не заметили бы только всё ещё невидимые стены, — Например, спросить меня, соглашусь ли я?

— А чего нам спрашивать тебя? — Конан приблизил сверкающие волчьей злобой глаза к глазам, которые зияли пустотой, обозначенные только хлопающими чёрными от копоти веками. — Вариантов у тебя только два! Или ты идёшь с нами, и объясняешь, как нам это сокровище добыть безопасно, и мы уходим отсюда все вместе, или...

Или ты молчишь, и остаёшься здесь в виде медленно остывающего трупа! А мы добываем сокровище сами.

— Ах, вот как?! Аннис-немедиец не боится смерти! Не веришь?! Выставь меч!

Конан, презрительно хмыкнув, так и сделал.

Но то, что сделал Аннис, действительно поразило всех: немедиец со всего маху вдруг кинулся на остриё! Да так, что окровавленный кончик меча выскочил на добрую ладонь из тощей спины!

— Мардук его раздери! — Конан, при всей своей невероятной скорости не успевший среагировать, рывком вынул меч из щуплого тела, — Уважаю. Вот что значит — человек слова! Действительно, доказал. Что смерти не боится. Впрочем...

Велтран! Отруби-ка ему голову. «Для гарантии»!

— Нет, нет! Не надо! — слова доносились из-под ног киммерийца, и тон был явно напуганный, поскольку помощник уже подошёл, замахнувшись, — Я... Честно признаюсь, что жить всё-таки хочу... И согласен помочь забрать сокровища!

Конан рывкнул:

— Ну то-то! А для начала прими-ка ты обычный, видимый, облик!

Времени на это ушло немного: буквально за несколько мгновений перед ними возникло тощее и жилистое тело. Морщин на лице, действительно, не наблюдалось. Конан не примянул подколоть:

— Аннис! Морщины сделать забыл.

— А-а, ерунда, — маг, которому теперь на вид было не больше тридцати, небрежно махнул рукой, — Они были нужны там, на острове. Чтоб разжалобить вас.

— Разжалобить? Раз-жа-ло-бить?! Пиратов?!!!

Как ни необычна была ситуация, ответом чародею был дружный гогот: некоторые пираты даже сгибались в три погибели!

Отсмеявшись, и смахнув выступившую влагу с краёв век, Конан буркнул:

— Бомаго! Завяжи ему на пояс какую-нибудь тряпку! А то — свинство!

Все, разумеется, понимали, что Конана беспокоят не столько приличия, сколько желание подстраховаться: накинутую на пояс набедренную повязку, если магу придёт в голову снова исчезнуть, будет отлично видно!

— Кстати: хотел спросить. Как ты с острова-то сбежал?

— Да очень просто, Конан. Превратился в огромную птицу из дыма, да перелетел. Прямо сюда.

— А почему тогда не забрал сокровище, да не слинял? Ты же знал, куда лететь?

— Знал, конечно. Читал же ваш пресловутый манускрипт... Но для выполнения ритуала превращения в птицу требуется время. И кое-какие магические причиндалы. А вы забрали с собой мою сумку! И вот я,

преодолевая немыслимые трудности и преграды, только-только успел к главному. К моменту вскрытия Двери. — слово «дверь» пленник сказал с таким выражением, что сразу становилось понятно: эта Дверь — особенная!

— И где же эта... Дверь?

— Идёмте, Конан. Нужно спуститься вон в тот проход. — маг махнул головой, и в одной из стен действительно обнаружился узкий коридор, до этого не замеченный пиратами. Ступени, ставшие тоже видимыми, хоть и словно полупрозрачными, вели вниз.

— Слушай, это, случайно, не ты сделал тут весь этот чёртов Алтарь — невидимым?

— Нет, Конан, не я. Хотя ритуалы и заклинания, которые тут применяли, известны мне отлично.

— Ну, это-то мы видели... А за каким ...реном тебе понадобилось меня трогать?

— Это получилось, Конан, потому, что я пытался намазать тебя особой мазью. Вон: невидимая склянка у твоих ног. Потому что если б я тебя уколол, ты бы заорал. Или как-нибудь ещё дал знать остальным.

— И что бы было, если б ты меня... намазал?

— Да ничего такого. Ты бы просто уснул. Через пару минут.

— Понятно.

Понятно было Конану и то, что чародей наверняка солгал. И что «сон» киммерийца наверняка продолжался бы вечно. А маг в это время постарался бы навязать оставшимся без командира пиратам свои «условия». Не вызывало сомнения и то, что чародей обосновался в храме давно, но почему-то не спешил вскрывать «Дверь». Может, для этого ему нужны жертвы? Или за дверью скрыто нечто, чего сам маг смертельно боится? Или — не может дотронуться? Потому что умрёт. Да мало ли!..

— Ну, двинулись. Ксаро! Ещё факел!

Подняв над головой оба факела, Конан начал боком протискиваться по узкому каменному проходу, мысленно и вслух ругаясь, за Конаном двигалось на всякий случай ещё трое, и только за ними пираты пустились вперёд Анниса. Конвоировать мага взялся Эльдорн. За Эльдорном стали спускаться и остальные.

Спуск много времени не занял: через три минуты они оказались в новой камерке, где в дальней стене действительно имелась дверь. Конан хмыкнул: обычная, деревянная.

Чего же тогда чародей так боялся?!

— Аннис. Чего там не так с этой... Дверью?

— «Не так» с ней, Конан, многое. Вам не видно, но моё зрение и магическая защита позволяют видеть, что и над ней держится магическая защита. Как бы туманная дымка. И если неподготовленный человек попытается дотронуться до такой двери, то просто...

Умрёт.

— Это отчего же он умрёт?! — Конан, разумеется, отметил себе упоминание о «магической защите». И особом «зрении».

— От боли, Конан, от боли. Его рука почувствует как бы ожог. И затем этот жар, этот огонь распространится по всему телу, и человек в страшных муках сгорит заживо. А те спутники, что будут с ним, увидят, как его тело, как бы ни с того ни с сего, превратится в обугленную съжившуюся головешку!

Некоторое время все молчали, замороженные страшной картиной, которую нарисовал маг. Потом Конан спросил:

— И — что? Этого не было в манускрипте?

— Этого — не было, Конан, если ты имеешь в виду, что я кое-что утаил при переводе. Про эту ловушку и незачем писать. Магу она видна и не страшна, а обычному человеку... Этот манускрипт и не предназначался для «обычного человека». А только — для самого Пантира-стигийца. Ну, или — другого мага!

— Ладно, уважаемый «другой маг». Говори, как открыть дверь.

— Никак. Её можно только сжечь. Но...

— Да?

— Но тогда то зло, тот волшебный страж, что поставлен там, внутри, охранять сокровище, окажется на свободе!

— И как же нам его убить? — Конан начал раздражаться.

Маг не мог этого не почувствовать:

— Мечами, Конан, и саблями. И копьями. Этот Страж — из плоти. И на него не действуют магические приёмы, зелья, и заклинания. Так что это хорошо, что вас много. И вы — профессионалы. А выглядит этот Страж, как обычный носорог. Видали когда-нибудь?

— Видали. Справимся. — Конан оглядел своё несколько взбодрившееся при упоминании о конкретном живом чудовище, воинство. Одновременно он уяснил себе ту настоящую причину, по которой маг в действительности ожидал их. Конан был уверен, что и Велтран, и переглянувшийся с помощником Эльдорн тоже её уяснили.

И, соответственно, ещё больше повысили бдительность!

— Селим! Неси сюда наши любимые шесты. Лизандро, Эстебан. Заготовьте за время, пока Селим принесёт то, что надо, ещё факелов.

Ксаро и Шерван. Несите все запасённые для костра дрова. Должна же быть польза от чёртова саксаула!

Пока часть команды выполняла поручения, Конан решил немного порасспрашивать мага:

— Ты знаешь, сколько лет этому месту?

— Нет, Конан, точно не знаю. Когда до меня дошли слухи, что какой-то пиратский экипаж нашёл карту, составленную Пантиром-стигийцем, что был при Астиге Безухом, я, бросив всё, прибыл в Манзею. Мне повезло: если б я опоздал хоть на день, тебя с командой скорее всего уже не было бы там — вы же собирались поискать переводчика в Кордаве? Вот именно.

А само это место — до того, как ты показал манускрипт! — даже мне казалось просто древней Легендой. Про то, что на равнине, через которую вы прошли, бились Боги с Богами, слышали многие. Как и про то, что местность эта — проклята. Но вот о том, что от древнего Храма Насска (а никакой не Хаммуранж!) хоть что-то сохранилось, я не догадывался. Но не сам Храм ценен и важен. Важно то подлинное сокровище, что хранится тут. Вот за этой Дверью...

— И что же это?

— Эликсир, Конан, эликсир!

— Бессмертия, что ли?! — иронии в голосе киммерийца не заметил бы только слон. Или носорог. Но Аннис-немедиец ответил быстро. И в его голосе иронии не было:

— Нет, Конан. Кому нужно это бессмертие само по себе? Да и что такое — бессмертие? Чисто человеческое понятие. Означающее только очень, очень долгую жизнь. Богам это не нужно. Они и так бессмертны!

Нет, это — эликсир Творения!

— Чего?

— Творения, Конан, творения. Как бы тебе это попроще... В людском сознании даже понятия такого нет. И быть не может. Только Бог может в полной мере оценить этот...

Дар.

Словом, выпив этот эликсир, маг становится Богом и сам. И приобретает бессмертие, так сказать, автоматически. Но главное — обретает способности и возможность творить собственные Миры.

Большие, малые. С океанами или горами. Полями и равнинами. Солнцем, небом.

Более того: такие Миры можно населять. Животными, птицами, рыбами. Людьями. Которых можно делать такими, какими хочешь их ви-

деть. Четыре руки? Пожалуйста! Две головы? Да без проблем! Рабская покорность и невероятная ловкость? Раз плюнуть!

— Погоди-ка, Аннис... Так ты хочешь стать Богом?

— Разумеется, Конан! КТО ЖЕ ЭТОГО НЕ ХОЧЕТ?!

— Понятно. — пафос в ставшем почти громоподобном голосе дал Конану понять, что хотя бы в этой части своих высказываний маг не врёт. Но беспокоили киммерийца не амбиции очередного «Создателя и Властелина Вселенных». А имеющееся в ситуации противоречие, — Тогда вот ещё что: если эта сокровищница, где хранится волшебный эликсир, столь хорошо запечатана, и до сих пор охраняется изнутри, как же сами пираты Астига проникли сюда, и спрятали награбленное?!

— А они сюда и не проникали, Конан. А где на самом деле спрятано награбленное, ты узнаешь, когда вы поможете мне добыть эликсир. Команда у вас слаженная, и даже гигантских монстров убивает весьма... Впечатляюще! Как тебе такая сделка? По-моему — всё будет по честному. Мне — эликсир, вам — золото!

— Так это была проверка? Там, в русле ручья, с гигантским ящером?

— Ну да, Конан! Если б выяснилось, что вы испугались и убежали, или, скажем, так: не победили — это одно. А сейчас, когда вы доказали, чего стоите — дело другое! Иначе я и не предложил бы вам такого! Ну, как тебе мои условия, Конан?

— Условия понятны. — Конан не торопясь подошёл к магу, вынимая на ходу меч. — Повернись-ка, — после чего в одно движение разрубил верёвки, стягивающие запястья чародея. Тот снова повернулся к киммерийцу лицом, покручивая кистями и массируя их, словно восстанавливая кровообращение:

— Ага. Вот это — правильно. Потому что так мне будет гораздо сподручней...

Что именно будет магу «гораздо сподручней» пираты так и не узнали, потому что именно в этот момент Конан мгновенным, еле уловимым глазу движением, отсёк лживую голову.

Брызгая по полу кровью, она откатилась в угол, к двери, действительно вспыхнув — словно её сжигало изнутри невидимое пламя! Глаза возмущенно выпучились, рот раскрылся в безобразной гримасе, словно собираясь что-то сказать, но слова так и не вышли наружу! Конан нагнулся, поднял с пола и могучим броском кинул к двери и всё ещё содрогающееся в конвульсиях тело.

Пираты, потрясённые неожиданностью поступка капитана, молча смотрели, как и оно превращается прямо на глазах в полыхающее,

словно костёр, зарево, а затем — и в чёрные и отвратительно воняющие горелым мясом и волосами, угольки.

И только когда всё это превратилось в золу и пепел, Конан сказал:

— Поднимите руки те, кто хотел бы быть бессловесным и покорным рабом!

Желающих почему-то не нашлось.

Конан продолжил:

— А кто хотел бы жить в Мирах, которым правил бы вот такой, — варвар кивнул головой, — хитро...опыт и подлый мерзавец?

Снова никого.

— Тогда, может, кому-то неймётся схватиться в битве не на жизнь, а на смерть с запертым там монстром?

Снова тишина в ответ.

— Ладно. Будем считать, что я поступил не совсем честно. Но, думаю, моя совесть не сильно пострадает от того, что я отрубил голову безоружного врага. Хотя, конечно, маги и не воюют оружием. Но надо ли мне объяснять, почему я так поступил?

— Нет, Конан, не надо. — в тоне Велтрана сквозила лишь глубокая печаль, — Потому что ты спас сейчас не только нас. (Я уверен, что поддонок наверняка прикончил бы после того, как получил свой ...раный эликсир всех, как ненужных свидетелей!) И не только сотни поколений тех, кто придёт после нас.

Но и те страшные Миры-тюрьмы, которых мог бы понасоздавать такой... Мелкий и мстительный трус с манией величия!

— Вот именно, помощник. Ты всегда понимаешь меня лучше, чем я сам...

Ну что, господа охотники за Удачей? Заберём сокровища — и на «Вестрел»?

— Но Конан! Как мы теперь заберём сокровища?! Мы же даже не знаем, где они на самом деле хранятся?!

— Остынь, Лейбен. — Конан весело ухмыльнулся, — Вычислить, где разудалая команда вроде нашей может спрятать золото, на самом деле не так уж трудно. Я, например, сразу понял: раз нет там, за дверью, — Конан кивнул в её сторону лохматой головой, — то наверняка сокровища спрятаны в каморке под второй, или третьей ступенями алтаря!

С кем поспорим на мой пай?!

Желающих почему-то снова не нашлось. Зато восторженные крики и возгласы наполнили подземелье таким рёвом, что Конану пришлось зажать уши ладонями!

— Конан! Всё верно! Вот они, мешки! — тощий Рнего всем туловищем нависал над обсыпанным песком полом, распластавшись в тесном и низком пространстве, и опираясь грудью на нечто, лежащее под ним большой кучей, — И их тут — много!

Мешки пришлось, разумеется, тоже вначале обсыпать песком: иначе их просто видно не было. Но вскоре десять огромных и почти не сгнивших ёмкостей оказались свалены прямо у входного портала храма. Конан собственноручно вскрыл один, и приятный звон высыпавшегося, хоть и невидимого, на каменную плиту, потока, наполнил уши пиратов. Все невольно заулыбались, и начали азартно хлопать друг друга по мускулистым спинам, отчего Конану показалось, что он попал на речку, где тысяча прачек стирает бельё — и восторгаться прозорливостью своего капитана.

— Послушай, Конан! Но как же мы будем расплачиваться таким золотом?! — Ксаро как раз пробовал какую-то монету на зуб. А поскольку собственно монеты видно не было, выглядело это зрелище довольно глупо, — Его же ни один кабатчик, не говоря уж о шлюхах, не признает настоящим?!

— Думаю, Ксаро, с этим проблем не будет. Достаточно будет просто вытащить это золото наружу из чёртова Храма Насска, и оно потеряет свою невидимость! Мне кажется, что только вот это пространство, — Конан обвёл мощной дланью внутренность храма, — и придаёт алтарю, и тому, что рядом, невидимость. Но видно там его, или нет — золото чертовски, если мне позволят так выразиться, тяжело.

Поэтому сделаем так. Нас — сорок два человека. Прямо сейчас разделим золото так, чтобы каждый мог спокойно, не сильно напрягаясь, унести одну сорок вторую часть клада. А на корабле уже разделим так, как делим всегда! Справедливо?

— Да Конан. Все разумно и справедливо. Уж такая-то ноша — точно не отяготит! — Велтран хитро подмигнул киммерийцу, и плотоядно ухмыльнулся. Остальные заржали:

— Точно! Верно, помощник! Верно, Конан! Уж золото-то, пусть пока и невидимое, каждый донесёт до «Вестрела» во что бы то ни стало!

— Хорошо. Тогда поступим так: выкиньте из своих сумок всё, кроме продуктов на ближайшие два дня. На дно насыплем золото, продукты положим сверху. Вода у нас в бурдюках, их потащим на закорках. Ну, подходите, чья сумка подготовлена!

Первым «под загрузку» удалось встать шустрому Рнего.

Разделить добычу абсолютно поровну, конечно, не удалось. Поэтому решили все сумки нести, сменяясь. Чтоб никому не было слишком тяжело или обидно. Разумеется, самый тяжёлый тук взял себе Конан.

Сквозь строй воинов протискивались теперь не столь аккуратно и тихо: шуточки и приколы неслись со всех сторон. Однако Конан приказал всем заткнуться, и двигаться, как при входе: медленно и ни в коем случае не прикасаясь к телам. Они, конечно, Дверь не вскрывали, и эликсир не забирали, но — мало ли!..

Пираты пытели, стонали, но никто не возразил: разумность мер предосторожности понимали все.

— А всё-таки хорошо, что мы добыли его! — они, наконец, выбрались на отлогий берег озера, и Арристарх, поставивший суму у своих ног, открыл её и заглянул внутрь, — Конан! Хвала Мирте Пресветлому! Всё — вот оно! Действительно стало видимым!!!

Конан и сам с интересом и удовольствием подошёл к уже открытой суме. Действительно — золото! И его действительно видно!

Он почувствовал огромное облегчение. Несмотря на уверенный тон, которым он заверял, что стоит золото вынести из храма, как оно станет таким же, как всегда, он вовсе не был на самом деле в этом уверен...

И — вот оно! Свершилось!

— Слава Конану! Слава нашему капитану! — это первым заорал Эльдорн, и пираты дружно подхватили его крик — да так, что слышно, наверное, было даже в соседней Вендии!

Конан запустил пятерню в горловину, и вытащил несколько монет. Рассмотрел.

— Надо же. Отлично. Монеты полновесные — как раз такие, как изготавливали в странах Средиземья во времена Астига. Такие приятно будет потратить.

— Потратить-то, конечно, оно будет приятно... В этом-то я не сомневаюсь. — что-то в тоне Велтрана, смотревшего назад, в направлении храма, заставило Конана быстро высыпать монеты обратно в суму, и развернуться, — Но нам бы ещё их туда довести. А то вон: погоня началась!

Действительно, бесшумные на расстоянии мили, на которую пираты успели удалиться, движения каменных стражей не позволяли усомниться в том, что они преследуют похитителей! Правда, были эти движения преувеличенно плавными, и замедленными: словно воины движутся не по поверхности земли, а сквозь воду!

— Бэл их раздери! С чего бы это они ожили?! Мы же, вроде, никого не касались?!

— Думаю, Конан, всё дело в том, что монеты всё-таки были вынесены из храма. А раз на них тоже распространялось какое-то время Заклятье невидимости, значит, стражи-воины считают их тоже — частью наследия древних Богов! Имущество, так сказать, положенное к охране!

— Возможно, конечно, что ты прав, помощник! Но что же нам теперь делать?!

— Думаю, мы легко сможем уйти от них. Вон: какие у них замедленные движения!

— Замедленные-то они, конечно, замедленные, — сомнения в тоне киммерийца были заметны всем, и наверняка отражали и те чувства, что сейчас испытывали и все «носители» древнего «наследия», — Но они же — каменные! То есть — могут двигаться, не уставая, и не отступая от своих целей — вечно!

— И что — что — вечно? Не перейдут же они по дну море Вилайет, преследуя нас?

— Хм-м... Возможно, что и не перейдут. Но вдруг — обойдут по берегу?!

— Конан, ты так говоришь, словно они — ищейки, способные по нюху найти нас в тысячах миль от этого побережья!

— Ищейки там они, или нет, но мне бы не хотелось однажды проснуться зарезанным каменной рукой! Вы стойте здесь, а я кое-что попробую! — киммериец скинул наземь свою тяжкую ношу, и решительно двинулся к методично и неторопливо двигавшемуся строю.

Остальные пираты однако не послушались, а поступили так же, на ходу вытаскивая мечи, сабли, палицы и прочее оружие.

Конан, оглянувшись, скривился, но на вопиющее нарушение приказа не возразил.

— Стойте, или мы уничтожим вас!

На это заявление Конана строй воинов не отреагировал попросту никак, продолжая неторопливое, но неумолимое движение со скоростью спокойно идущего человека.

Варвар, примерившись, буркнул:

— Ну, я вас честно предупредил! — после чего со всей силы ударил мечом прямо по шее идущего чуть впереди воина — похоже, одного из командиров.

Меч с оглушительным звоном отскочил!

На шее каменной фигуры не осталось ни царапины!

— Отставить — рубить их! А то просто попереломаем оружие о чертовы булыжники!

— Согласен, Велтран. Мне повезло, что мой меч — из хайбарской стали. Такой не ломается! А вот ваши сабельки... Мардук их задери, — теперь Конан и пираты медленно отступали перед сомкнутым строем неумолимо продвигавшихся вперёд фигур, — Но...

Как с ними справиться-то, помощник?!

— Боюсь, Конан, что — никак. Как ты теперь посмотришь на моё первое предложение? Просто — уплыть?

— Теперь скажу, что это всё же — не самое глупое предложение.

А что нам ещё остаётся?!

Отступать перед неумолимым полчищем, пусть и движущимся медленно, зато — неумолимо, оказалось куда страшней, чем биться с любым другим врагом. Нет, команда Конана, конечно, просто так не сдавалась, и ещё пробовала остановить каменных воинов и с помощью огня, и кидая в них камнями, и пробуя уронить наземь с помощью верёвок...

Ни к чему хорошему это не привело. Только время и силы зря потратили, как высказал общую невесёлую мысль ветеран Эльдорн.

Поэтому спустя двое суток, останавливаясь лишь на краткие привалы, чтоб перекусить и запить еду скуными каплями драгоценной воды, уставшие до предела, обливающиеся потом, грязные и злые пираты прибыли к «Вестрелу». С усилием передвигая словно налитые свинцом ноги, Конан порадовался, что они «позаботились» о термитах: к берегу подошли на рассвете, и если б армия насекомых снова ожидала уставших пиратов на берегу, это была бы катастрофа!

Команда, оставленная для охраны корабля добросовестно «бдила», и издали заметила возвращающийся отряд. И их радостно встречали, высадившись на берег.

— Так. Ситуацию мы вам потом объясним. — Конан с облегчением скинул, наконец, тяжкую ношу, про которую уже подумывал, что не в золоте смысл жизни. — А пока хватайте-ка наши сумки, да живо переправляйте их на корабль!

— Конан! Вы золото-то добыли?!

— Добыли, Якоб, добыли. Однако с золотом мы добыли и кое-что ещё.

— Что же, Конан?

— Самых неподкупных и суровых мстителей, какие только встречаются в Ойкумене! Тысячу каменных воинов! И они движутся сюда!

Переправа золота и пиратов на корабль заняла не более часа. За это время вдали показался тёмный вал: строй методично и неторопливо наступавших стражей сокровища. Команда, которая теперь вся была в курсе, толпилась на палубе, настороженно поглядывая в сторону приближавшегося воинства, и напряжённо переговариваясь.

Конан переспросил у Фатхулло:

— Значит, говоришь, в этом месте — фарватер?

— Да, капитан. Самое глубокое место. Под килем — целых три сажени. То есть, чтоб добраться даже до дна, им придётся становиться друг на друга! Но течение... Сильное!

— Это радует. Значит, если мы будем плыть со скоростью большей, чем идут они, нас точно не догонят?

— Думаю, что не догонят, капитан.

— Ладно. Посмотрим, как они... — Конан не договорил, но Велтран и остальные знали и так, что Конан имеет в виду: «будут действовать в воде!»

Смотреть оказалось странно.

И — страшно!

Первая шеренга, медленно войдя в воду примерно по колено, вдруг остановилась.

Но тела продолжали опускаться, словно их хозяева на самом деле заходят в воду всё глубже и глубже! Вот и макушки обнажённых тел скрылись под водой — у самого берега! Где, как отлично помнил Конан, и воробью по колено!..

А вот на месте скрывшихся под водой воинов забурлила вода...

И из неё начали вылетать, словно волшебные шары, или шаровые молнии, странные сферы: сияющие, словно маленькие солнца!

Конан, от неожиданности прикрывшийся от ослепительного света рукой, спросил:

— Что это?!

— Думаю, капитан, это их неприкаянные, а сейчас — освобождённые водой от проклятых чёрных заклинаний, души. — Эльдорн сделал знак рукой, — Да упокоит их с миром Мирта Пресветлый!

Все зашевелились, заохали, кое-кто поспешил присоединить свои жесты к жестам Эльдорна. В то, что это — освобождённые Души, как-то сразу поверили все! И подсознательно и сам Конан думал, что это объяснение — единственно правильное!

Между тем у берега истаял второй, а затем и третий ряд суровых воинов.

Их души тоже вознеслись в небеса невесомыми, сияющими, и словно колеблемыми неизвестно откуда набежавшим ветерком, шарами.

Вскоре на берегу никого не осталось, и только скопление медленно воспарявших в небо переливчато-сверкающих шаров указывало, что здесь сейчас произошло нечто небывалое!..

Пираты, навздохавшиеся, и помолвившиеся, уже молча, провожали взглядами улетающих в Небесные Чертоги странников.

Конан тоже вздохнул:

— Надеюсь, после всего, что выпало на долю этих бедолаг, они все в небесных чертогах! Кто — у Мирты, а кто — ещё у каких добрых Богов...

— Уж не сомневайся, Конан! Не зря же нам дали посмотреть, как они возносятся! Иначе они канули бы в землю — к пещерам Мардука!

— Согласен, Эльдорн. Но получается, что это — именно мы их... Освободили!

— Ну да. Да ещё как просто! Позволили войти в воду, и они и...

— Вот именно, Эльдорн, вот именно! — это влез вездесущий Велтран, — А если бы мы не догадались с Конаном, что только вода может остановить это воинство, так и не привели бы их сюда! И они вечно охранили бы своё «священное место»!

— Ну, догадаться, что заклятье на эти места наложено именно для того, чтоб здесь никогда не выпадало ни капли даже дождя, было нетрудно. Но всё же не приписывай, Велтран, мне — свою прозорливость! Это именно ты первым предложил довести их до реки. А я... Не предполагал, что мы сможем тут же от них и отделаться! С гарантией.

Но я рад, что мы одновременно и помогли: если не телам, то хотя бы Душам этих несчастных обрести долгожданную свободу. И покой!

Поэтому предлагаю: помощнику, как первым придумавшему и предложившему этот замечательный план, выделить дополнительный пай!

Одобрительный гул голосов и крики сказали Конану, что команда согласна!

И Конан отлично понимал, почему: ощущать за спиной постоянно нависшую угрозу, находясь даже в другой стране, за далёким морем — такое наверняка напрягало и давило на нервы каждого, даже самого безоглядно храброго в битве, пирата! Одно дело — когда ты знаешь, что можешь убить врага, стоя с ним лицом к лицу, а совсем другое — ощущать, что оружие против твоего пожизненного, куда б ты не сбегал, преследователя — бесполезно!..

Такое осознание не может не угнетать. Особенно, когда начинаешь действительно об этом задумываться...

— Смотри, Конан! Кажется, над проклятыми землями собирается гроза! — зрению остроглазого Рнего можно было только позавидовать. Но Конан, осознавший, что снятие проклятья может означать не только долгожданный живительный дождь для иссохших и истомлённых жаждой земель, а и ещё кое-что, отреагировал быстро:

— Поднять якорь! Все — на мачты, поднять паруса! ВСЕ паруса! Шевелитесь, отродья Неграла! Потому что если вас не отделает ураган, это сделаю я!!!

Никогда ещё «Вестрел» не улепётывал столь быстро по незнакомому фарватеру, рискуя ежеминутно наскочить на предательскую мель, или корягу, но штурман Фатхулла вёл «Вестрел» сам, уверенной рукой, и корабль словно тоже подгоняла стремительно надвигающаяся из пустыни иссиня-чёрная туча, прорезаемая вспышками-сполохами ветвистых молний, и с каждым часом все ближе и громче грохочущими раскатами грома!

Но корабль был сработан на совесть: они успели выскочить из узкого русла Таннис до того, как настоящий тропический ураган разразился!

Ощущать, как могучий форштевень уверенно разрезает гигантские валы, и содрогается толстый киль и скрипит прочный корпус под напором волн, было приятно: давненько они не попадали в настоящий шторм!

— Спустить все паруса, кроме фор-марселя! Лейбен, Лизандро! К штурвалу! Держать на Корейн! — Конан знал, разумеется, что вечернюю звезду сейчас, когда небо закрыто огромной тучей, не видно, но полностью доверял чутью и инстинктам Лизандро: рождённый и выросший на корабле моряк ещё ни разу не ошибался в направлении!

Сам киммериец, убедившись, что накормленная заботливым Занусом команда скрылась в безопасном полумраке кубрика, хлопнул Велтрана по плечу:

— Ну что, помощник? Обсудим, где бы нам разжиться ещё какой картой, или таинственным манускриптом?!

Поражённый Велтран какое-то время просто раскрывал рот, словно выброшенная на берег рыба! Потом, заметив хитринку в уголке Конановского глаза, сам хитро подмигнул, ухмыляясь:

— А знаешь, Конан, ты на секунду купил-таки меня!

— Почему — купил? Ты что думаешь — я шутил?!

Улыбочка на губах помощника завяла, превратившись в панику:

— Конан! Неужели мы снова сами полезем к чёрту в...

— Да ладно тебе, помощник! Шутить — так уж шутить от души! — Конан снова хлопнул широкой ладонью по кругленькой спине много-страдального Велтрана, — Расслабься: это я действительно — только шутил. Я и сам предпочитаю добрую драку — коварным ловушкам, подлым чародеям, и заколдованным сокровищам! А сейчас пошли-ка ко мне в каюту, и выпьем! Надо же почтить память почивших с миром отважных стражей!

Да заодно и подумать: в каком из городов Средиземья нам прокучивать эту долю сокровищ Астига!..

ТЕАТР

Станислав Федотов

г.Реутов Московской обл.

ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ...

1.

На сцене темно. И в целом тихо, только где-то далеко звучит песня. Дикция певца чёткая, чистая, слова хорошо различаются.

Сорок с лишним лет, как мы расстались,
Ничего друг другу не сказав.
Под окном уже бормочет старость,
Позабыв, кто был из нас не прав.
И внезапно, словно луч из тучи,
От тебя пришедшее письмо...
Без него мне, может, было лучше,
Но прекрасно, что пришло оно.

Опять прощально машут руки,
Но скорбно брови не суровь:
Всё возвращается на круги...
Всё! Даже первая любовь.

На фоне песни раздаётся щелчок замка, открывается ярко освещённый проём двери, в котором появляются две тёмные фигуры — мужчины и женщины, в плащах. ОН с сумкой, ОНА — с букетом. Они входят, дверь захлопывается, и снова — полная темнота. В темноте что-то происходит: что-то падает на пол, слышны шорохи, шёпот, скрип...

Щёлкает выключатель, и внезапный, хоть и приглушённый, свет в прихожей открывает застывшую в объятии и поцелуе пару, а вместе с тем — для нас — место действия. Мы видим, что это — двухместный номер в гостинице старого типа: две кровати с отдельными тумбочками, на которых стоят ночнички, у окна небольшой письменный стол и два стула; небольшой телевизор на тумбе, холодильничек, телефон; на столе — стеклянный кувшин с водой, два стакана...

Вспышка света пугает вошедших, объятия разрываются мгновенно, они словно отталкиваются друг от друга и несколько секунд стоят в нерешительности. Мы видим, что они не первой молодости, одеты скромно, но не старомодно.

Мужчина снимает плащ, вешает на плечики в шкаф-купе, помогает женщине. Освободившись от плаща, ОНА проходит в комнату, осматривается, ставит букет в кувшин, потом подходит к окну и смотрит на тёмную улицу, подсвеченную уличными фонарями.

Свет в комнате не включают. Она освещена только потолочной лампой из прихожей.

ОН подходит, смотрит в окно через плечо женщины. Песня вдалеке затихает.

ОНА. Наша улица... Отсюда она выглядит совсем не так...

ОН. Да нет. То есть, да, конечно, не так, но не отсюда. Просто она сильно изменилась, пока нас не было.

ОНА. Мы сейчас так быстро её прошли, а раньше часами гуляли...

ОН (хмыкает). По Дерибасовской гуляют постепенно.

ОНА оглядывается на него, явно удивлённая.

ОН (спохватывается). Весь город тут прогуливался. (Обнимает её одной рукой).

ОНА. Ты помнишь, какая была мостовая? (ОН пожимает плечами.) Ну неужели не помнишь?! (Чуть ли не торжествуя.) Торцовая! Лиственничная!

ОН. А-а, ну да... Тогда говорили, что ей двести лет, и ещё столько же прослужит.

ОНА. Теперь — асфальт. Вон как празднично под дождём блестит.

ОН. Это — лужи.

ОНА. А тогда луж не было. Вода уходила между торцами в песок... Мы не боялись промочить ноги.

ОН. Ты, наверно, голодна? Спустимся в ресторан, поужинаем?

ОНА. У меня еды — полная сумка. Я же сказала, что еду в командировку... на три дня...

Сумка осталась в прихожей. ОНА вернулась за ней, выгружает на столик пакеты. ОН всё ещё у окна.

ОН (*задумчиво*). На три дня... А я тут уже два. Обошёл всё, где мы тогда бывали.

ОНА (*показывает плоскую бутылку коньяка*). Ты коньяк пьёшь? Я у мужа стащила, у него полный бар.

ОН (*забирает у неё бутылку, открывает, нюхает, делает глоток*). Он кто у тебя? Бармен?

ОНА. Заммэра по экономике. (*Режет колбасу, сыр, хлеб, овощи.*) Посмотри в тумбочке приборы.

ОН включает верхний свет, смотрит в тумбе под телевизором, достаёт тарелки, вилки, расставляет на столе. Разливает коньяк по стаканам.

ОНА. Выключи свет.

ОН выключает. ОНА Раскладывает еду, жестом приглашает к столу.

ОН (*поднимает стакан с коньяком, смотрит на свет*). Твой муж любит благородные напитки?

ОНА. Он любит водку. А ещё сало, холодец, малосольные огурцы и борщ.

ОН. Ясно: он — сын трудового народа! Из тех, кто паровозы оставлял, идя на баррикады.

ОНА (*с иронией*). Насколько я помню, ты тоже не из дворян.

ОН. Как сказать! У нас был двор под названием Фубра. Ни за что не угадаешь, что оно означает, ни в одном языке нет такого слова. Это аббревиатура: Фабричное Управление Благоустройства Рабочих — ФУБР, и мы жили в посёлке ФУБРа. От него начиналась улица Ленина, на которой жила ты. Давай выпьем за наши дворы, за встречу. Сорок лет — это дата!

Они чокаются стаканами, немного отпивают, закусывают.

Колбаска тоже неплохая. С мясом. Мужнина заначка?

ОНА. Из «Вкусвилла». Дался тебе мой муж!

ОН. Прости, увлёкся. Просто мне вспомнился тот зимний день, когда мы с тобой бродили по Свердловску, а он сидел в общежитии с вашим ребёнком. Это, знаешь ли, характеризует.

ОНА (*тихо*). Я тогда была готова на всё...

ОН. Ну, так уж — на всё? Я потом ждал тебя в Москве. Как договорились...

ОНА. Помню... Прости, что не приехала.

ОН. А ведь я был уже начальником лаборатории! Наверно, дорос бы и до зама мэра. А ты испугалась!

ОНА. Ннет... У меня ребёнок, у тебя ребёнок... А мы сами, как дети: захотелось — и сразу подай!

ОН. Испугалась, испугалась. Ничего не объяснила. Перестала писать, звонить...

ОНА. Ты же умный — должен был понять.

Пауза.

ОН. Вчера я был на исетских лугах... где мы прыгали с обрыва в реку на великах.

ОНА. Ага, помню! Ты на самом краю за что-то зацепился и полетел кувырком. Как только шею не сломал!

ОН. Я зацепился за тебя. *(Пауза.)* Шутка. Просто пытался сделать сальто. Как в цирке. Я видел однажды.

ОНА. Я как раз подошла. Дружки твои ржут, за животы хватаются, по траве катаются, а я вижу, что ты в велике застрял и булькаешь... Еле успела.

ОН. Пацаны потом говорили, что ты сама сделала сальто-мортале.

ОНА. Я же гимнастикой занималась. Хороша была наша первая встреча. *(Прыскает.)* Ты чуть плавки не потерял. Вытаскиваю тебя вместе с великом на тот берег, а ты *(смеётся)* весь на виду. И даже не застеснялся.

ОН. Я так нахлебался, не до стеснения было. Зато потом...

ОНА *(перебивает)*. А потом я тебя учила плести венок. *(Улыбается воспоминанию.)* Даже не ожидала, что ты любишь собирать букеты из луговых цветов.

ОН. А ещё мы тогда первый раз поцеловались.

ОНА. Мы не поцеловались. Это ты меня поцеловал. А я просто ждала.

ОН *(смеётся)*. Просто ждала?! Да ты просто впилась! У меня такого поцелуя ни до, ни после не было!

ОНА *(негодуя)*. Неправда! Ничего я не впилась! *(Тихо.)* Я же в тебя влюблена была... с седьмого класса...

ОН *(удивлён)*. Как с седьмого? Мы же до того не разу не пересекались!

ОНА. Пересекались. На танцах, дома у Нинки Метёлкиной. Ты не обратил внимания. Хотя танцевал со мной краковяк.

ОН. Не-е, я бы запомнил. Краковяк я танцевал с такой нескладной девчушкой в свитере и с толстой косой. Все ноги ей оттоптал!

ОНА смеётся.

Это была ты?! (*Крутит головой, удивляясь, потом поднимает стакан*). Давай за первый танец и первый поцелуй!

Чокаются, отпивают. ОН целует её руку, потом осторожно прикасается губами к губам. ОНА порывисто обнимает его и на какое-то время они замирают в объятии.

ОНА (*размыкает объятия, поправляет смятую блузку*). Ты закусывай, а то опьянеешь.

ОН. Ты когда-нибудь видела меня пьяным?

ОНА. А забыл, как на зимние каникулы приезжал и завис с одноклассниками у моего брата? Я за тобой зашла, а ты вытащил меня в сенцы, облапил и давай замуж звать...

ОН. Облапил! Скажешь тоже! Приласкать хотел... А ты отказала!

ОНА. Да я ещё школу не закончила! А ты был пьян! И вообще... вёл себя... странно!

ОН (*с нажимом*). Я не был пьян, и я тебя не лапал. (*Пауза.*) Хотел обладать тобой...

ОНА. Слово какое-то противное — обладать!

Они долго смотрят друг на друга. ОНА отводит глаза.

ОН. Почему после школы ты не приехала ко мне в Томск? Ты же обещала! С золотой медалью могла в любой вуз поступить.

ОНА. Родные затюкали. Мол, выскочишь замуж, родишь, бросишь учиться...

ОН. И ты на своём не настояла?! Ты же всегда была упрямая. Я помню, как мы ссорились...

ОНА. Да, из-за одной ссоры тебя чуть из школы не выгнали.

ОН смотрит удивлённо.

Ты что, не знал? Ну, помнишь новогодний вечер? Мы с тобой поругались, я ушла в класс, а там твои друзья сидели. Марат, Лёнька Кайгородов, Владик Белоусов... Они, дураки, свет выключили и кучу-малу устроили. А дежурный — историк тогда был, Николай Сергеич — услышал возню и заглянул.

ОН. Ты всё так хорошо помнишь... Я видел, как ты убежала вся в слезах.

ОНА. Ещё бы не помнить! Он обвинил меня... в лёгком поведении. Мол, парни меня делили. Только что проституткой не назвал.

ОН. Мне назвал.

ОНА. Вот как! И что было потом? Ты не хотел говорить...

ОН (*неохотно*). Ну, я потребовал, чтобы он извинился... перед тобой.

ОНА. Так и потребовал? А он?

ОН. Он ничего не сказал. Меня на другой день вызвали к директору. Историк заявил, что я пообещал с ним встретиться на узкой дорожке.

ОНА. А ты обещал?!

ОН. Не помню. Я в такой ярости был... В общем, Анатолий Иванович приказал мне извиниться, а я сказал: сначала пусть историк извинится перед тобой.

ОНА. И не боялся?!

ОН (*с усмешкой*). Ещё как боялся, внутри всё дрожало... Но отступить не мог.

ОНА. Да-а, ты, оказывается, мой герой! Но твоё отчисление обсуждали на педсовете. Спустили на тормозах. Ты же на золотую медаль шёл!

ОН. Я знаю, кто заступался. Физичка Тамара Александровна, алгебраичка Валентина Андреевна, классная Евгения Семёновна...

ОНА. Ты их всех помнишь?!

ОН. Я как-то заезжал в Шадринск, заходил в школу. Тамара Александровна ещё была жива. Увидела меня, даже заплакала, говорит: «Что же вы с Диной не поженились? Мы так на вас надеялись!» Я говорю: «Надежды юношей питают, отраду старым подают». В общем, ляпнул банальность, почти нагрубил. Она вздохнула и ушла, а я готов был сквозь землю провалиться. (*Смотрит ей в глаза, ОНА не отворачивается.*)

ОНА. За нашей дружбой вся школа следила. Мы же внаглую в стенах школы встречались. (*Смущённо.*) Ну, не в том смысле, как сейчас встречаются.

ОН. А где нам было встречаться? Мы же в разные смены учились. Ждать воскресенья, когда и день без встречи — как наказание!

ОНА (*тихо, потом громче и громче*). А сорок лет? Сорок лет — не наказание?! Почему ты не приехал, не забрал меня? Ну, ладно, по молодости совершили глупость... я совершила, я! А после — почему?!

ОН. Я приезжал.

ОНА. Когда?!

ОН. Двадцать пять лет назад. Летом. Но соседи сказали, что вы переехали, а куда — неизвестно.

ОНА. А через адресное бюро?

ОН (*грустно усмехается*). Я был проездом... командировка. Искать адресное бюро не было времени. К тому же, я тогда не знал твоей новой фамилии. Понимаю: это всё отговорки, любил бы по-настоящему, задержался бы, выяснил... Но... я не был уверен, что ты будешь рада. Однажды ворвался в твою жизнь, хотел всё изменить, а тебе стало известно.

ОНА (*порывисто обнимает его, прижимает голову к груди, гладит, целует*). Мой милый... мой замечательный! Я же сейчас тут, с тобой. Приехала по первому зову. (*Спыхватывается.*) А что у тебя дома? Ты сказал, куда и зачем поехал?

ОН *встаёт, отходит к окну, смотрит на улицу их детства. Она тревожно следит за ним.*

ОН. Ты не поверишь, но именно жена послала меня сюда. Несколько лет назад я рассказал ей историю нашей школьной любви. Она возмутилась, что я столько времени ничего не сделал, чтобы тебя найти. Вот тогда я и начал писать во все инстанции, пока не нашёл. Послал тебе письмо, а когда ты откликнулась, жена радовалась вместе со мной.

ОНА. Как странно. Она тебя не любит?

ОН. Почему ты так считаешь? По-моему, наоборот: только настоящая любовь может подвигнуть женщину на такой поступок. Всё для любимого!

ОНА. Шутишь?! (*После паузы.*) А ты? Ты её любишь?

ОН. Она — моя богиня!

ОНА. Опять шутишь!

ОН. Seriously! Дважды оттащить от края бездны такого бугая под силу только богине.

ОНА. Алкоголь?

ОН. Сердце. Инфаркт на ровном месте.

ОНА. Знакомо.

ОН. У мужа?

ОНА. У старшего сына. У мужа — бабы на ровном месте.

ОН. Гуляет налево?

ОНА. И налево, и направо. Я в командировке — ему раздолье!

ОН. Давно?

ОНА. Мне кажется — всегда.

ОН. Терпишь?

ОНА. Работа спасает.

ОН. Терпение и труд всё перетрут.

ОНА (*машет рукой*). Да ну тебя! Нисколько не изменился. Всё ёрничаешь. Не надоело?

ОН подходит к столу, обнимает её за плечи, прижимается лицом к волосам. ОНА затихает, счастливая.

ОН. Одиннадцатый час.

ОНА. Придёт дежурная — выгонять?

ОН. Слава Богу, теперь не ходят. Один из плюсов капитализма. (*Запрокидывает её голову и целует в губы долгим поцелуем. Оба почти задохнулись, еле оторвались. ОН вдруг поёт.*) «Не довольно ли нам пререкаться, не пора ли предаться любви?»

ОНА. Мой любимый романс.

ОН, продолжая мурлыкать мелодию романса, обходит кровати, придиричиво осматривая, пробует мягкость. ОНА напряжённо следит за ним.

ОН (*по пути*). А ты помнишь, какую пластинку мы проигрывали на радиоле? Нынешняя молодёжь, наверное, и слова такого не знает — радиола. У нас была радиола «Днепр». Неплохая, между прочим.

ОНА. А меня ты здесь как записал?

ОН. Что? А-а... Сказал, что жена приедет. Гражданская.

ОНА. Жена?! У нас же фамилии разные!

ОН. Как ни странно, и штампы разные. И дети. Господи, да кого это сейчас интересует?! Особенно, если плата двойная. Тебе карту гостя выписали? Выписали. Танцуй, Дина Валентиновна!

ОН поднимает Дину со стула и начинает с ней танцевать, напевая: «В запылённой связке старых писем мне случайно встретилось одно...»

ОНА (*танцует*). Да, была пластинка со «Старыми письмами», и ещё были «Руки», на второй стороне. Кто пел — не помню.

ОН (*напевает, танцует*). «Что же мы тогда не поделили, разорвав любви живую нить, и зачем листкам под слоем пыли счастье наше отдали хранить?»

ОНА останавливается, отстраняется и подходит к окну. ОН делает несколько па в молчании и одиночестве, затем подходит к ней. ОНА как будто плачет — плечи вздрагивают. ОН дотрагивается, ОНА резко поворачивается к нему.

ОНА. Зачем, зачем ты это вспомнил?!

ОН (*помолчав*). Ты на первом курсе института написала мне, что опасно заболела, не хочешь быть обузой и нам лучше прекратить отношения.

ОНА. Я не помню.

ОН. А когда я, бросив всё, примчался к тебе, призналась, что на зимних каникулах увлеклась Маратом.

ОНА. Я не Маратом увлеклась, а новой жизнью студенческой. Закружило, понесло, прошлое показалось детским...

ОН. А ты знаешь, я тогда плакал... Наверное, от бессилия что-то изменить. Любовь уходила, как вода в песок.

ОНА. Дура я была малолетняя!

ОН. Это я был простодырый. Валенок сибирский!

ОНА смотрит с удивлением.

Был же звонок предупредительный, а я не услышал.

ОНА по-прежнему не понимает.

Помнишь, когда на первом курсе перед занятиями вы были в колхозе, а я поехал тебя искать?

ОНА. А-а... Припоминаю... Ты объявился в чёрных сатиновых шароварах, сандалиях на босу ногу, в каком-то старом плаще... Калика переходный! Я чуть со стыда не сгорела перед однокурсниками. Да, ещё была брезентовая полевая сумка через плечо.

ОН. А в сумке — кружка для воды и твоя фотография. Я её во всех колхозах студентам показывал: вы же по именам-фамилиям друг друга ещё не знали.

ОНА. Что значит: во всех колхозах? Ты искал где-то ещё?

ОН. Я пешком обошёл пять колхозов. Тебя в шестом нашёл.

ОНА. Как — пешком?! Почему пять?!

ОН. В твоём деканате называли район, куда послали ваш курс. В райисполкоме называли шесть колхозов. Я и пошёл. Попуток не было, получилось пешком. А колхозы разбросаны по району — топай не горюй!

ОНА. Сколько же дней ты ходил?

ОН. Три. Или — четыре.

ОНА. И ничего мне не сказал!

ОН. Ты же меня сразу огорошила: чего, мол, припёрся?! И выпроводила! Ушёл как оплётанный. То-то, наверно, твои однокурсники посмеялись: где, мол, ты бича нашла?

ОНА. Бича?!

ОН. Бич — бывший интеллигентный человек. У вас так не говорили?

ОНА *(расстроено)*. Не помню...

ОН *(уверенно)*. Конечно, помнишь. С этого, наверно, твоя опасная болезнь и началась... *(Пауза.)* Ладно, проехали. Давай выпьем за нас, за то, что мы всё-таки встретились.

ОН обнимает её за плечи, усаживает к столу, садится сам, доливает коньяк, поднимает стакан. Чокается, отпивает. ОНА не пьёт. ОН внимательно смотрит.

ОНА. У меня внутри всё, как на ниточках, трепыхается. Какая же я бессердечная!

ОН. Брось! Мы же не для этого встретились через столько лет. *(Обнимает и целует её.)*

ОНА *(приникая к нему)*. А для чего мы встретились?

ОН снова целует, ОНА отвечает. Поцелуи становятся всё горячее.

На поцелуях начинает звучать музыка песни «Всё возвращается на круги». Она звучит громче и громче и... обрывается на припеве.

Они отрываются друг от друга, молча смотрят в глаза.

ОН. Чтобы сказать недосказанное, сделать недоделанное. Долюбить, в конце концов...

ОНА. Долюбить?! Это — конец любви! А что — потом?!

ОН. «Ты спрашивала шёпотом: А что потом? А что потом?»

ОНА. Ради Бога, прекрати! Пошлость тебе не к лицу.

ОН. Ты написала в последнем письме, что надо было идти до конца. Почему «надо было»? Просто — надо! Мы столько раз останавливались на краю... по разным причинам... Так, может быть, стоит хоть раз в жизни ступить за край?

ОНА. И упасть в пропасть?

ОН. А может, наоборот, — взлететь? *(Поёт.)* «А бабочка крылышками бяк-бяк-бяк...»

ОНА. А что ты скажешь твоей богине? Прощай или здравствуй? Долюбил и вернулся!

ОН. А что ты скажешь мужу?

ОНА *(спокойно)*. Скажу, как тогда в Свердловске: была с тобой.

ОН. вот и я скажу, что был с тобой. *(Оглядывается на кровати)*. Пожалуйста, пора ложиться. Я предлагаю сдвинуть кровати.

ОНА. Зачем?!

ОН. Будет одна. Общая. Мы же никогда не спали вместе.

ОНА. Спали.

ОН. Когда?!

ОНА. Помнишь, ездили в лес за смородиной? На «Победе» моего отчима. Когда ты поступил в Томский университет и вернулся.

ОН. Чтобы весь август побыть с тобой. Мама очень сердилась, что потратил деньги... Вспомнил! Мы легли на разложенные сиденья «Победы». Твой отчим ушёл в шалаш, а нас оставил в машине. Как мы то-

гда целовались! Как я хотел...*(запнулся, но закончил)* как я желал тебя! Боже мой, с ума сойти!

ОНА *(тихо)*. Почему же остановился, не дошёл до конца?

ОН молчит.

Побоялся ступить за край?

ОН *(напористо)*. Грудь твою хотел потрогать. Обнажённую. Но ты выскочила и убежала к костру.

ОНА. Я опасалась, что отчим увидит. Но он спал, и я вернулась. А ты уже остыл.

ОН. Думал: ты обиделась. Мы же с тобой часто ссорились по пустякам.

ОНА. Разве это — пустяки?

ОН *(помолчав)*. У нынешних молодых — пустяки. Физиология.

ОНА. Но мы-то не нынешние. Даже сейчас.

ОН *(улыбается)*. Мы и сейчас — тогдашние. Потому и говорю: недолюбили. Судьба даёт ещё один шанс, не надо его терять. *(Встаёт.)* Ну, что, сдвигаем?

ОНА *(машет рукой)*. А, ладно, сдвигаем! *(Допивает свой коньяк и встаёт.)*

Они вместе сдвигают кровати, переставляют прикроватные тумбочки, включают на тумбочках ночники и убирают свет в прихожей номера.

Закончив, останавливаются лицом к лицу. ОН тянется обнять, но ОНА отстраняется.

ОНА. Я сейчас. *(Достаёт что-то из сумки и скрывается в ванной.)*

ОН допивает коньяк, смотрит, сколько в бутылке осталось, наливает ещё, выпивает. Потом раздевается до трусов, осматривает — похоже, с удовольствием — свою неспортивную, но достаточно сохранившуюся фигуру и ложится под одеяло. Немного ворочается и затихает.

Опять наплывает мелодия «Всё возвращается на круги...», становится громче, когда появляется ОНА, в пижаме, с распущенными волосами, что делает её значительно моложе: женщина выглядит лет на 45. Весьма привлекательна, тем более в полумраке.

ОНА раскрывает одеяло и обнаруживает, что ОН спит, лёжа на боку. Мелодия обрывается. ОНА трогает его за плечо, явно думая, что ОН притворяется, но ОН и правда заснул.

Она ложится на свою половину, смотрит в потолок, потом поворачивается к нему спиной, потом садится, и в этот момент ОН залихватисто всхрапывает. ОНА испуганно вскакивает, а ОН выдаёт ещё одну руладу. ОНА начинает тихо смеяться, сдерживает себя, но через мгновение

уже беззвучно хохочет. Отсмеявшись, подходит к столу, смотрит, есть ли ещё коньяк, наливает в стакан, выпивает и возвращается на своё место на кровати. Ложится, подтыкает одеяло, некоторое время разглядывает потолок, по которому пробегают сполохи от фар проходящих по улице машин. Возникает мелодия песни, она приходит волнами — то громче, то тише.

ОНА выключает свой ночник.

Музыка замолкает на скрежещущей, как у диджея, ноте.

2.

Тихо. Темно, вернее, полумрак. Лишь окно слабо просвечено уличным фонарём.

Сколько прошло времени, неизвестно.

ОН и ОНА лежат под своими одеялами спиной друг к другу. Их еле-еле видно.

ОН (вдруг всхрапывает, резко поворачивается на спину, взмахивает руками, высвобождаясь из-под одеяла. Бодро). Спишь?

ОНА (оставаясь на боку, сонно). А ты?

ОН. Догадайся с трёх раз.

ОНА. Боже, ты напичкан банальностями! Сколько сейчас времени?

ОН. Телефон остался в плаще. Думаю, часа три. Может, три с половиной.

ОНА. Скоро начнёт светать. Ладно, я немного посплю.

ОН. Да ты что! Какой сон?! У нас же свидание! Первое за сорок лет! Я лично бодр и готов на подвиги любви!

ОНА (поворачивается к нему). Что?! Опять?!

ОН (удивлён). Что значит «опять»?

ОНА (вздыхает). Это значит — заспал.

ОН (обеспокоенно). Что — заспал?! Почему — заспал?!

ОНА. Ну, ты — Геракл! Всю ночь — подвиг за подвигом! Я за сорок лет столько поз не меняла. А ты чуток вздремнул и снова готов!

ОН (обалдело). Погоди, не гони... А почему я не помню?! (Заглядывает под одеяло.) А почему ты в пижаме?

ОНА. В чём я, по-твоему, должна быть?

ОН. Как можно заниматься любовью в пижаме?

ОНА. Если очень хочется, пижама не помеха. Тебе, наверно, очень хотелось.

ОН. Мне и сейчас хочется. Но я не люблю — в пижаме.

ОНА. Да, ты говорил. Заявил: «В пижаме женщина — мумия!» — и раздел.

ОН. А... это? *(Показывает на пижаму.)*

ОНА. После... когда ты вздремнул... я замёрзла и оделась.

ОН. Шутишь!

ОНА. Нет, правда я замёрзла.

ОН. Я — не о том. Геракл... позы... Фантастика!

ОНА. Не бери в голову. Всё было здорово! Необыкновенно! Я ничего подобного не испытывала!

ОН. А я боялся, что у нас ничего не получится.

ОНА. Успокойся, всё получилось, как ты хотел. Ты ведь этого хотел?

ОН *(после паузы)*. Да. Но не могу успокоиться.

ОНА. Ты уже говорил. Я хочу спать. Ты меня утомил.

ОН. А я как будто совсем не спал, мне почему-то холодно... *(Пауза.)*

Давай обнимемся, а? Хочу к тебе прижаться, всю тебя ощутить. Только без пижамы.

ОНА *(с иронией)*. А больше ничего не хочешь?

ОН *(в тон с ней)*. Хочу! *(Пауза. Серьёзно.)* Думаешь, будет перебор?

ОНА. Может, лучше поговорим?

ОН. О чём?

ОНА. Ну... о твоей жене, хотя бы. Ты о ней ничего не рассказал.

ОН. А что говорить? Хорошая жена! Но очень не любит, чтобы о ней говорили.

ОНА. Ты зачем пижаму расстёгиваешь? Оставь!

ОН. Ты меня разыграла? Да?

ОНА. О чём ты?!

ОН. Ну, это... Геракл... и прочее...

ОНА. Догадайся с трёх раз. *(Пауза.)* Ты — дурак? Зачем мне тебя разыгрывать? С чего ты взял? Сам же говорил, что хотел!

ОН. Хотеть не вредно. *(Пауза. Через силу.)* Просто у меня... не всегда получается.

ОНА. Вот те раз! А раньше не мог сказать?

ОН. Зачем?

ОНА. Я бы... иначе себя повела. Но, по-моему, ты себя недооцениваешь. И перестань меня раздевать! *(Сопротивляется.)* Не всегда у не-го получается! Просто ненасытный какой-то!

ОН *(воодушевлённо)*. Да, я сегодня ненасытный! Я хочу тебя любить! Снова и снова!

ОНА. Оставь... не надо... Я сказала: не надо! В нашем возрасте это — пошло.

ОН. Любовь, если настоящая, не бывает пошлой в любом возрасте.

ОНА. Перестань! Да перестань же! Я не хочу!

ОН. Неправда! Тогда тоже вроде не хотела, убежала, а теперь упрекнула: мол, остыл! А я не хочу остывать!

ОНА. Сашка, ты что, насилуешь меня?!

ОН. Я люблю тебя!.. Я хочу тебя!..

ОНА (*борется с его натиском*). Саша, милый, прошу тебя: хватит! Я очень устала... Ну, хорошо, давай сниму пижаму, и мы просто положим.

ОН (*останавливается, с неожиданной тоской*). Ага, положим... я остыну, успокоюсь... И мы заснём, как тогда, в машине, а утром встанем, как чужие, и разбежимся... уже навсегда! Ты этого хочешь?

ОНА молчит.

Ты зачем приехала?

ОНА. А ты — зачем? Чтобы переспать со мной? Наверстать упущенное? Ну, вот, переспал, наверстал... с избытком... Что — дальше?

ОН (*угрюмо*). Ничего не наверстал. Даже наоборот! (*Пауза.*) Я вдруг вспомнил: ты ни разу мне не сказала, что любишь. Ни тогда, ни сейчас.

ОНА. «Говорите о любви любимым...» Знаешь такие стихи, чьи они?

ОН. Знаю. Ильи Фонякова. Хороший был поэт.

ОНА. Про поэта не говорят «был». Тем более про хорошего. Он ушёл, а стихи остались.

ОН. Ладно, остались и остались. Кстати, это он мужчинам советовал. Чего ради ты их вспомнила?

ОНА. Я всегда думала, что надо не говорить, а совершать поступки. В словах толку мало.

ОН. Смотря какие слова и зачем они произносятся. Мне их всегда не хватало. Отца я не знал, мать в семь лет отдала меня своей бездетной сестре, и я встретился с ней снова, когда школу закончил. Любовь тут, сама понимаешь, если когда-то и была...

ОНА. А тётя тебя не любила?

ОН. Может, и любила. По-своему. Но ни разу даже по голове не погладила. (*Голос его срывается.*) О слове ласковом и говорить нечего!

ОНА (*вытирает ему глаза краем одеяла*). Успокойся, милый, успокойся. Я любила тебя. Может, даже всю жизнь. И сейчас люблю.

ОН. Ага! И слово у тебя было ласковое, как раз для меня: дурак. Сашка-дурак!

ОНА. Ты ж не обижался, смеялся.

ОН. А что мне оставалось делать? Дуться, ссориться? Стыдно сказать — боялся тебя потерять. На что-то надеялся!

ОНА. Прости.

ОН. За что?!

ОНА. Не оправдала твоих ожиданий.

ОН. Да ладно... Я лишь однажды себя почувствовал истинным дураком. Когда ты позвонила по межгороду и сказала, что всё кончено. Я вышел из кабинки... в темноту. Свет исчез! Так мне показалось.

ОНА. А полгода не прошло — женился.

ОН. Откуда ты знаешь?

ОНА. И сына родил!

ОН. Мой сын родился позже твоего. А твой мог бы быть моим... нашим...

Тихо возникает мелодия песни. Она идёт фоном разговора. И постепенно светает.

ОНА. Не мог. Я позвонила, когда узнала про беременность.

ОН. Это случилось... по любви?

ОНА. Нет. Папа тогда умер, я плакала... а он утешал...

ОН. Воспользовался, значит... Скотина!.. Что ж ты ко мне не обратилась? Я бы приехал... или ты — ко мне. Так даже лучше. Начали бы жизнь с нуля.

ОНА. Стыдно было. Тебе отказывала, а тут... такое... Чужой ребёнок... Ты бы не простил.

ОН. Чужих детей не бывает. Твой ребёнок, значит, и мой... Был бы мой!

ОНА. Что теперь об этом говорить! *(Всхлипывает.)*

ОН *(не обращая внимания)*. У тебя, наверно, уже и внуки есть?

ОНА. Внуку восемь, внучке шесть. Андрей рано женился. А у тебя?

ОН. Димка тоже рано женился. Две девочки-близняшки.

ОНА. Поздравляю!

ОН. Спасибо. Тебя — тоже.

ОНА. Спасибо!

Уже совсем светло. Мелодия песни стихает, зато становятся слышны звуки улицы.

ОН встаёт, видит пустую коньячную бутылку, берёт её в руки, приставляет к губам.

ОН. Кто ж тебя так, родимая?

ОНА *(тоже встаёт, серьёзно)*. Геракл, очевидно.

ОН. Да ладно! Почти полбутылки оставалось.

ОНА. Так ведь силы требовались немеряные.

ОН. Ты всё-таки меня разыгрываешь. *(Пауза.)* Единственный минус моей богине: она вечно была сексом недовольна. А у меня от её недо-

вольства вообще всякое желание пропадало. *(Хмыкает.)* Отрицательная обратная связь называется.

ОНА. Я жутко проголодалась. Чаю хочу.

ОН. Буфет ещё закрыт. Еда у нас есть, а кипяток из кулера пить опасно.

ОНА. Чайник имеется. *(Достает из сумки маленький электрочайник.)* На два стакана. И чай в пакетиках.

ОН *(под «чукчу»)*. Хозяйственная девушка, однако!

ОНА. Я же в командировку ехала. Пойду помою стаканы и воды наберу. А ты пока оденься и наведи порядок на столе. *(Забирает чайник и стаканы, уходит в ванную.)*

ОН *(вслед)*. Что, так кончается миф о Геракле? Маленькой Авгиевой конюшней?

Одевается, достает из холодильника бутылку шампанского и коробку конфет, располагает красиво.

ОНА *(появляется, замирает, удивлённая видом стола)*. Говорят, даже лошади с утра не пьют шампанское. *(Включает чайник.)*

ОН. А мы — не лошади, мы — пенсионеры.

ОНА. Поэтому будем пить чай с хлебом и колбасой. *(Заваривает чай.)* Садись, Геракл, восстанавливай силы.

ОН *(усаживаясь, с горьковатой иронией)*. Думаешь, они ещё понадобятся?

ОНА смеётся, словно удивляясь, качает головой. ОН неуверенно хмыкает.

Пьют чай.

ОНА. Неужели это так важно?

ОН. Что?

ОНА. Ну, вот эти... подвиги ваши... мужские...

ОН. Для меня — да, важно!

ОНА. А если я пошутила?

ОН. Что значит — пошутила?!

ОНА. Ты просто заснул и ничего не было. Коньяк, возраст...

ОН. Что?! *(Несколько секунд сидит, осознавая услышанное, потом с усилием приподнимается.)* Пошутила?! *(Пристально смотрит на неё.)* Меня ещё никто так... *(Буквально плюхается на стул, отталкивая стол, и сползает на пол,)*

ОНА вскрикивает и бросается к нему. Расстёгивает рубашку, что-то бессвязно бормоча, делает искусственное дыхание, брызгает водой на лицо и грудь, снова искусственное дыхание... Наконец, применяет «рот

в рот». Безрезультатно. ОНА сидит рядом с телом и плачет. Потом спохватывается, снова — искусственное, снова — «рот в рот»...

Гаснет свет и в полную силу звучит песня «Всё возвращается на круги...»

Опять прощально машут руки,
Но скорбно брови не суровь:
Всё возвращается на круги...
Всё! Даже первая любовь.

КОНЕЦ

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Игнатов

8К, ИЛИ КАМЕРНЫЙ КЛУБ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

3

Георгий Кулишкин

ЦЫПА-ЛЯЛЯ

24

Ерофим Сысоев

ПЕРЕХВАТ

27

Анатолий Сахоненко

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

38

Мира Кузнецова

МЕМУАРЫ ДУРЫ. ЕДИНСТВЕННЫЙ-НЕПОВТОРИМЫЙ

50

ИЛИ?..

57

НАШИ СЛЕДЫ ВСЁ ЕЩЁ ГДЕ-ТО ЕСТЬ

60

Артем Кастл

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

75

Александр Филичкин

БРЕВНО

86

ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ

88

Сергей Калабухин О КОШКАХ И СОБАКАХ	102
Сергей Бычков ПОДРУГИ	112
Иван Нечипорук СТИХИ	120
Мира Кузнецова СТИХИ	126
Андрей Линник СТИХИ	129
Бауржан Тойшибеков АФОРИЗМЫ	140
Александр Зубенко ЦИВИЛИЗАЦИЯ V-го ТИПА ПО ШКАЛЕ КАРДАШЁВА ПОЛЯРНАЯ ВАХТА	152 199
Андрей Мансуров КОНАН И ТЫСЯЧА КАМЕННЫХ ВОИНОВ	238
Станислав Федотов ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ...	307

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 39**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com
ISBN 978-3-911546-08-9

